

А. П. ОКЛАДНИКОВ

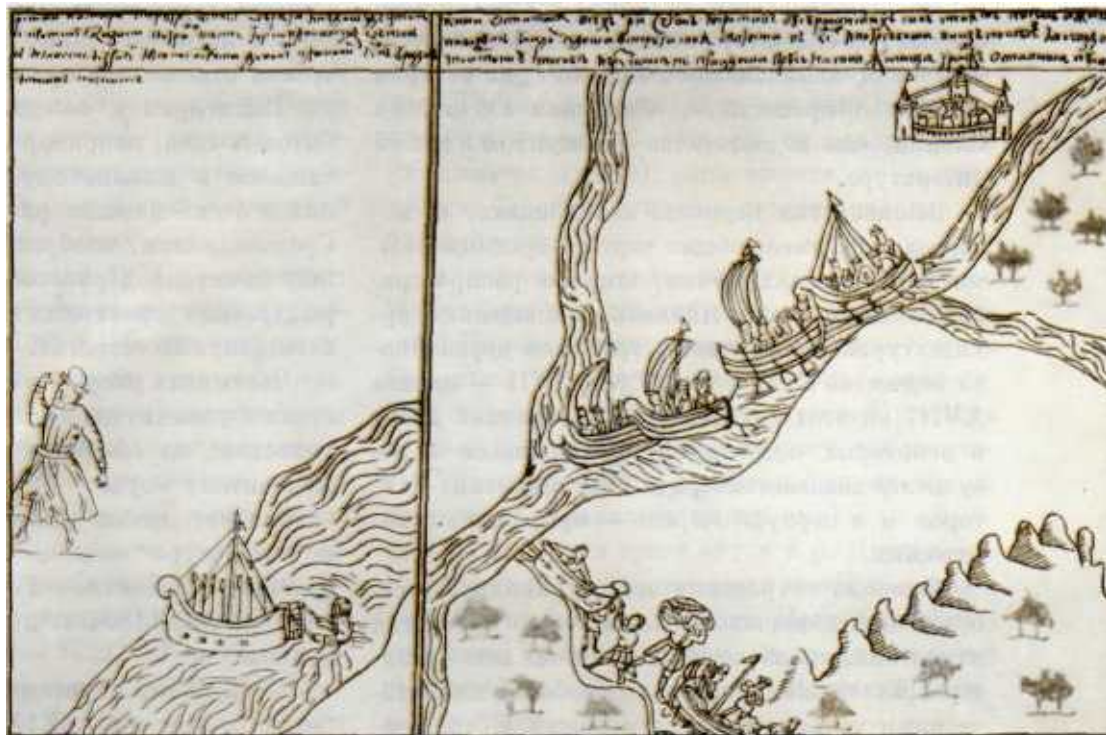
З.В.ГОГОЛЕВ, Е.А.АЩЕПКОВ

ДРЕВНИЙ ЗАШИВЕРСК

ДРЕВНЕРУССКИЙ
ЗАПОЛЯРНЫЙ ГОРОД

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая монография посвящена одной из интереснейших страниц истории освоения Сибири русскими землепроходцами, строившими на своем пути крепости, остроги, превратившиеся впоследствии в города, каким явился и Зашиверский острог—форпост освоения русскими бассейна р. Индигирки. В результате двух комплексных экспедиций, прове-

денных в 1969—1970 гг. Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР с участием археологов, историков, архитекторов, представилась возможность дополнить летопись о возникновении и развитии первых опорных пунктов, русских крепостей-острогов и городов на далекой заполярной окраине Восточной Сибири археологическим материалом, полученным

при раскопках почти полностью исчезнувшего города — Зашиверска — и единственно сохранившегося сооружения — Спасо-Зашиверской церкви — одного из наиболее значительных архитектурных памятников того времени.

Этот памятник позволяет судить о строительных и архитектурных приемах наших далеких предков, искусном мастерстве безымянных русских плотников¹.

Город на Индигирке исчез, но Спасо-Зашиверская церковь, построенная, по свидетельству архивных документов, в 1700 г. русскими плотниками, дошла до нас в своем первоначальном виде, что очень важно для изучения истории деревянной архитектуры вообще и практики реставрации древнерусского деревянного зодчества. До 1969 г. этот замечательный уникальный памятник русского деревянного зодчества не был изучен.

И вот впервые экспедиция Академии наук СССР детально обследовала церковь и терри-

торию Зашиверского острога, вскрыв погребенные под слоем торфа следы бывшей крепости, что имеет немаловажное значение для истории вопроса о крепостном, оборонном зодчестве в Сибири, еще недостаточно освещенном в нашей литературе.

Зашиверская церковь, как показало ее исследование, имеет общие черты с традиционными шатровыми храмами, широко распространенными на Руси. Являясь воплощением архитектурно-строительных традиций деревянного зодчества Московской Руси XVII — начала XVIII в., этот архитектурный памятник имеет и некоторые особенности, появившиеся в результате воздействия ряда специфических факторов и в первую очередь — природно-климатических.

Причина сохранения этого уникального сооружения в первоначальном виде (не считая изменений, произошедших в течение веков в интерьерах церкви) наряду с особыми климатическими условиями отчасти лежит в трагической судьбе города.

Известно было, что Зашиверская Спасская церковь, опустошенная и заброшенная более чем полтора столетия, с 1853 г., уцелела, хотя сам город — старый Зашиверск — трагически погиб.

Основанный в 1639 г. Зашиверск исчез с лица земли более ста лет тому назад, потому что черная оспа уничтожила население города. Его обходили стороной, и вскоре он был забыт. Только случайные охотники посещали те далекие труднодоступные места, пробраться в которые и в наше время не так-то легко и можно лишь по воздуху — вертолетом или вниз по Индигирке и вверх — из Чокурдаха — по большой воде.

Зашиверску «не повезло» в исторической литературе по Сибири.

В дореволюционное время о нем имелись лишь отдельные попутные, хотя и ценные, упоминания. Таковы сведения о Зашиверске, имеющиеся в описаниях путешествий конца XVIII в. Гавриила Сарычева, Ф. П. Врангеля, когда Зашиверск в 1820 г. при Матюшкине еще был «живым», а в конце XVIII столетия, при Сарычеве, даже и процветающим заполярным городом^{1а}.

Особый интерес представляют уникальные рисунки тех времен, изображающие Зашиверск и в том числе Спасскую церковь Луки Воронина (1787) и Ф. Ф. Матюшкина (20 ноября

1820 г.). В рисунках Луки Воронина представлены и не менее ценные в историко-этнографическом отношении зарисовки аборигенов долины Индигирки и соседних районов, а также бытовых сцен, например танцев; сюжеты, относящиеся к шаманскому ритуалу. Есть среди них и очень важные рисунки таких мест, как Среднеколымск, изображения давно исчезнувших памятников русской народной архитектуры, древних деревянных церквей, находившихся в заполярных острогах.

Часть этих рисунков опубликована впоследствии в упомянутой книге Ф. П. Врангеля «Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю».

Следует также отметить самое детальное в литературе описание города Зашиверска, изданное в известном Географическом словаре А. Щекатова 1804 г.², о котором будет речь дальше.

С упадком, а затем и окончательной гибелью Зашиверска в XIX в. связано и дальнейшее, почти полное забвение его в литературе.

Можно, впрочем, указать на справку о Спасской церкви в Зашиверске, к тому времени еще не упраздненной, в описании путешествия Иркутского архиепископа Нила по Лене в Якутск в 40-х годах XIX в. Как видно из книги Нила³, о Спасской церкви Зашиверска он писал не по личным впечатлениям, а по сведениям, полученным в Якутске или из дел Иркутской епархиальной консистории. Главное же в его книге — ясное указание на год постройки церкви — 1700 г.

Всего важнее единственная специальная статья о Зашиверске, принадлежащая автору, обозначенному только инициалами «В.Г.». Статья эта называется «Город Зашиверск» и опубликована уже в советское время — в 1922 г. в «Сборнике материалов к изучению Якутии», в выпуске первом, изданном Якутским наркомпросом.

Статья эта ценна тем, что является первым опытом систематического изложения истории Зашиверска по архивным материалам, находившимся в частном архиве краеведа Н. Н. Березкина и ныне, по-видимому, утраченным. Изданная малым тиражом и в те далекие трудные годы, она осталась недоступной не только обычному «рядовому» читателю, но даже и специалистам-историкам. Попутно следует отметить интересные сведения о посещении За-

шиверска и старинной церкви, сообщенные полярником Борисом Александровичем Левановым в письме А. П. Окладникову.

Письмо это замечательно тем, что является самым ранним свидетельством (дневник путешествия 1919 г.) о существовании здания церкви в 30-х годах, а также и живой зарисовкой впечатлений от посещения этих мест.

В письме от 26 января 1973 г. он пишет: «Я рад был увидеть в газете (имеется в виду номер «Правды» 254 за 1969 г.) фотоснимок церкви в Зашиверске. Он многое папомнил мне. Путешествуя в 1929 г. с целью установления возможности снабжения населения верховьев рек Колымы и Индигирки при помощи мелко-сидящих судов от устьев этих рек, я остановился в Зашиверске и был поражен архитектурой этой церкви и отсутствием в этой местности какого-либо признака проживания людей в настоящем. Это было 3 мая 1929 г.» К письму приложены отрывки из дневника Б. А. Леванова тех лет. В них говорится, что «...в среду 1 мая в 8 часов вечера участники экспедиции «выехали из Моме по направлению к Зашиверску. К 7 часам утра 3 мая пересекли р. Индигирку. Поднялись на обрывистый берег и очутились у поварни. Устали. Легли спать без чая. В 3 часа дня проводник будит меня. «Вставай! Вода!» На лице его испуг. Оказывается, на противоположном берегу, куда нам надо переехать, Индигирка вся покрыта водой. Долго ища броду, мы, наконец, по воде выше колен переехали Индигирку и заскочили в ущелье между крутыми берегами. Подались в горы. Вскоре вновь спустились на реку и опять столкнулись с водой вылившегося па лед Сурук-Итоха (левый приток Индигирки). С большим трудом и риском переправились по полыньям вброд и вновь въехали в ущелье. Олени никак не могли взобраться на гору. Пришлось делать дорогу, собирая снег со склонов ущелья. В 6 часов расположились чай пить в 20 верстах от старинного быв. г. Загаиверска. Ныне там не живет ни один человек.

Суббота 4 мая. В 9 часов утра снялись и в 11 спустились на ровную площадь. На ней стоят: церковь, колокольня, два амбара и две могилы. Вот и все, что осталось от Зашиверска! На одной могиле деревянная плита. На ней ножом вырезано, что похоронен священник, служивший при церкви 40 лет, Михаил Алексеевич Слепцов. Умер в 1823 г. Значит, он начал

там службу в 1783 г. В церкви развешаны старые, гниющие рыболовные сети. Пол и потолок хорошо сохранились. Сама церковь тоже крепкая. Только одно крыло ее сползло немного в землю и купола обнажились от покрывавших их дощечек (гонта), видневшихся во многих местах. Стоящая близко в стороне колокольня разваливается.

А церковь — какое-то чудо архитектуры. Может быть еще где-нибудь имеется такая красота? Но мне не приходилось встречать. Кто же был этим архитектором? Наверно какой-нибудь простой плотник. Нет, простой плотник не смог бы создать такую красоту, так рассчитывать пропорции. Это вероятно был мастер из мастеров. Сохранилось ли его имя?...

Около церкви сразу спуск в р. Индигирку. На спуске по берегу валяется много тел диких оленей. Тороплюсь к отъезду. Некогда рассмотреть тела: не то это падеж, не то это продукт чьей-то охоты. Каюр торопит. Двигаюсь на север, к Абыю.

Дорога по Индигирке хорошая. Авось удастся сегодня оставить позади 60—80 верст. 4 мая. Суббота».

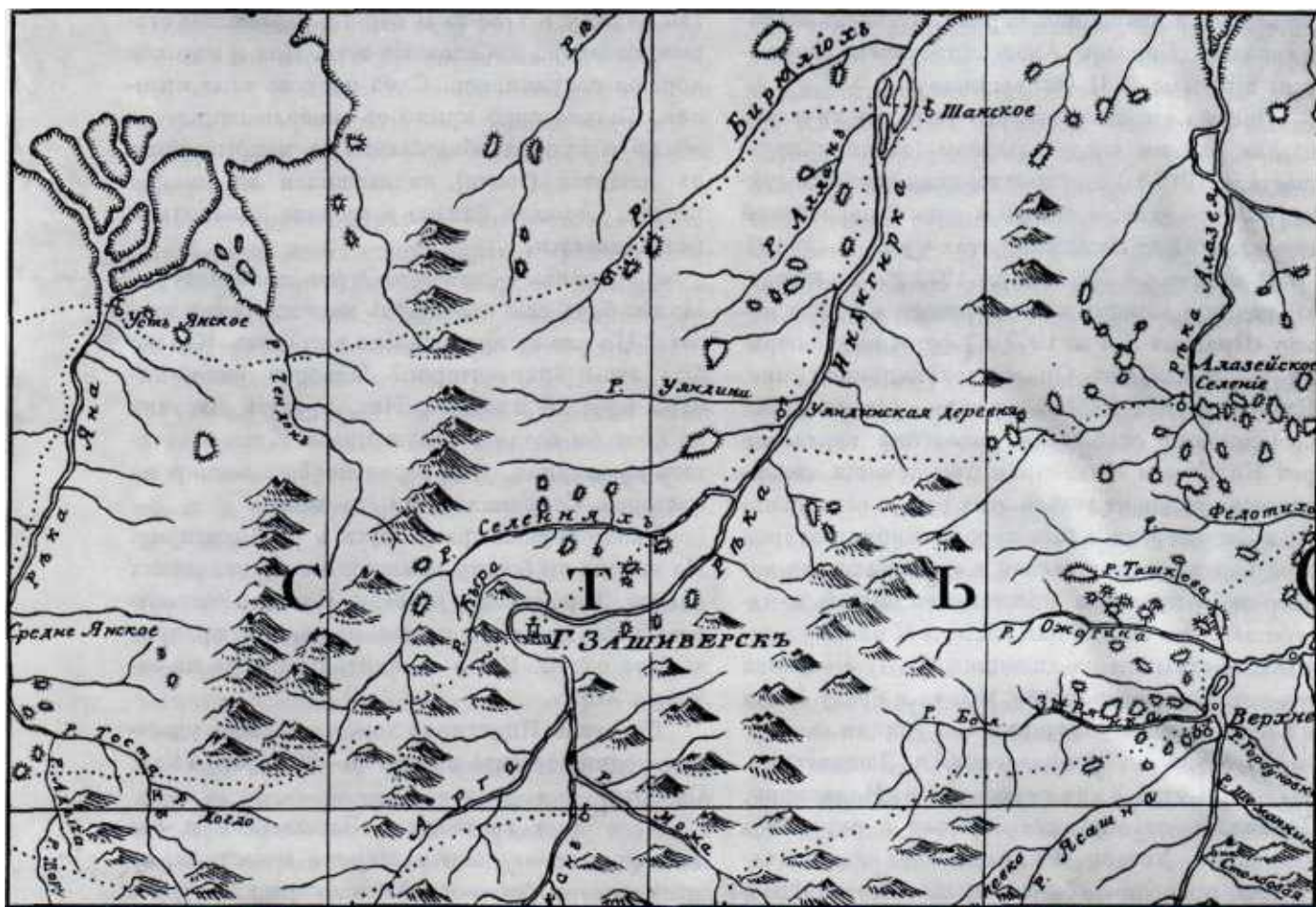
Некоторые сведения о Зашиверске и его основании приведены в широко известном, но тоже теперь библиографически редком труде В. И. Огородникова «Из истории покорения Сибири. Покорение юкагирской земли» (Чита, 1922), а также у С. В. Бахрушина в его известной книге «Открытие Якутии русскими в XVII веке и присоединение ее к России» (см. сборник «Якутия в XVII веке». Якутск, 1957, с. 10—67).

О том, что на месте исчезнувшего древнего города все еще находится древняя церковь, в XX в. впервые сообщалось в отчете Индигирской гидрографической экспедиции, работавшей в 1931 г. в составе И. И. Агафонова, Б. В. Зонова, М. А. Кротова, П. Е. Утепко, изданном в Иркутске в 1933 г.

Экспедиция, производившая поиски водных и сухопутных трасс в Индигирском районе, одном из наиболее удаленных и трудных для освоения в Якутии, наткнулась па этот архитектурный памятник далекого прошлого и кратко отметила факт его существования:

«Бывший когда-то административный центр северо-востока Якутии — город Зашиверск в данное время не имеет населения и только полуразрушенная деревянная церковь указывает место бывшего его расположения».

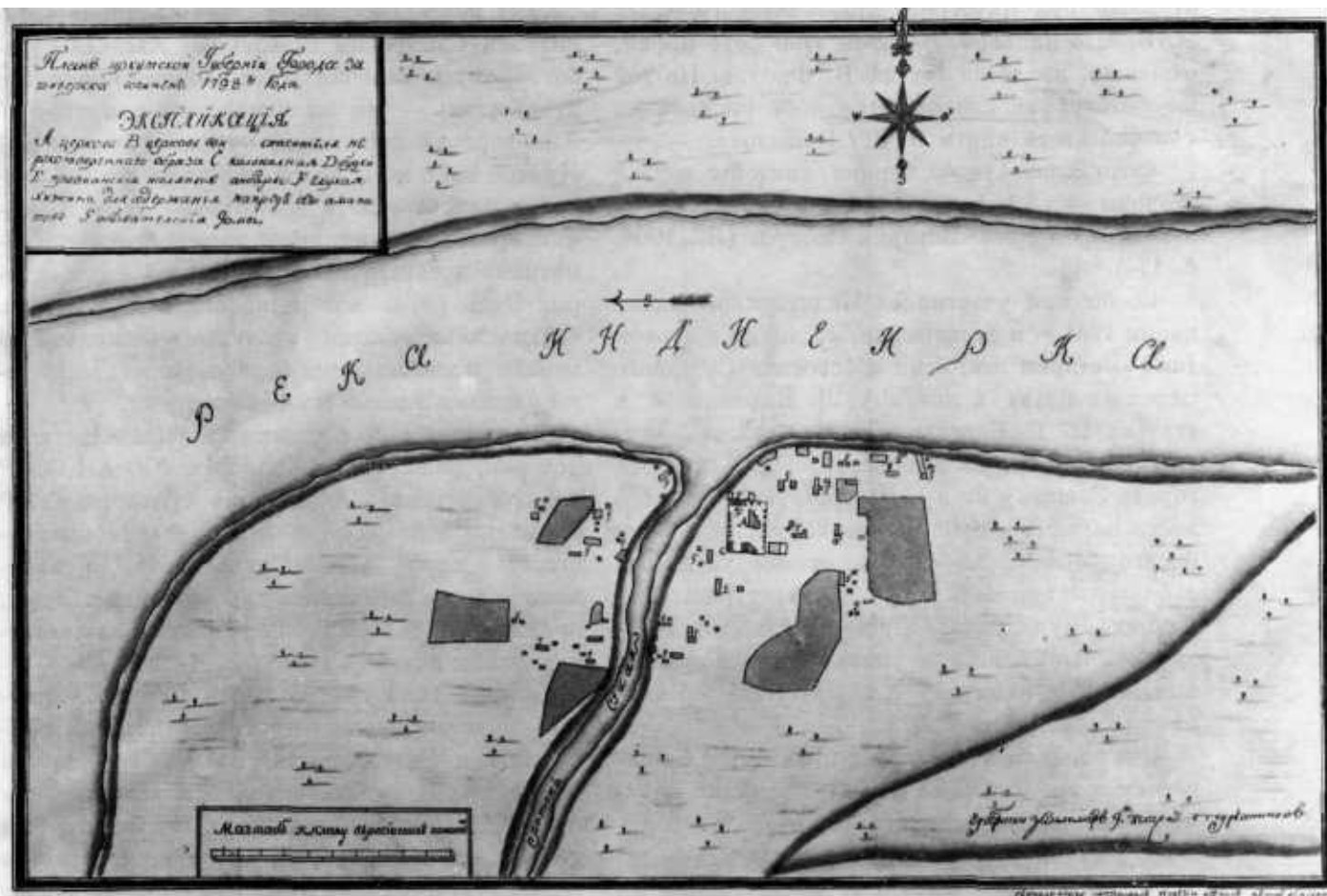
Схема расположения Зашиверска, На карте отражено расселение русских в Индигирском крае в XVII—XVIII вв.

В работе «История открытия и освоения Северного морского пути» (т. I. М., 1956) впервые опубликована фотография «Старинная деревянная казачья церковь в Зашиверске». Эта фотография, как свидетельствует подпись под ней, принадлежит Н. Михелю и относится к 1929 г. Судя по ней, тогда была еще цела, хотя и накренившаяся на бок, колокольня.

Следующее упоминание о Спасо-Зашиверской церкви имеется в статье якутского краеведа И. Г. Березкина, опубликованной в 1960 г. в Якутске в редком, малодоступном местном издании, в сборнике статей, подготовленном к печати Якутским краеведческим музеем. О ней сказано всего в одном абзаце: «Ныне в Зашиверске осталось только одно ветхое здание церкви, охраняемое государством как ценный исторический памятник старинного деревянного зодчества». Краткость текста компенсирова-

на была приложенной к статье Березкина фотографией Зашиверской церкви, той же самой, что была выполнена Михелем в 1929 г.

В дальнейшем на Индигирке в 1931 г. побывал А. Л. Биркенгоф, опубликовавший в «Ученых записках Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена» (т. X, вып. 3, с. 44—67) статью «Потомки землепроходцев» (М., 1972), а затем и книгу под тем же названием (М., 1972). В книге А. Л. Биркенгофа издана фотография Зашиверской Спасской церкви с колокольней, такая же, как и фотография Михеля 1929 г., снятая с той же стороны. Надпись при ней гласит: «Зашиверский храм с колокольней-башней острога. 1930 г.». Вторая фотография, в нижней части той же таблицы, изображает «деталь кровли храма». Здесь засняты бочка над алтарем и главка над ней. Кроме того, на соседней таблице дан текст: «Зашиверск

План города Зашиверска, сочиненный в 1798 г. губернским землемером 9-го класса Турчаниновым, Фрагмент плана

в XVIII веке (из французского издания описания путешествия Биллингса. Париж, 1802)». Этот последний рисунок близко напоминает зарисовку Зашиверска с церковью и колокольней, принадлежащую Ф. Ф. Матюшкину, но он детальнее и дает более широкий вид на город и соседние с ним горы левого скалистого берега р. Индигирки. Рисунок выполнен в графической манере конца XVIII — начала XIX в.

А. Л. Биркенгофа, как и каждого образованного человека, проезжавшего мимо места, где стоял когда-то Зашиверск, не могла не привлечь Спасская церковь, так необычно выделяющаяся на фоне окружающего ее дикого ландшафта, и этот наблюдатель уделил ей прочувствованные поэтические строки⁴.

Новым известием о Зашиверске и церкви в нем явилась краткая статья В. Фролова «Ос-

тавшийся в живых», опубликованная в журнале «Вокруг света» в 1965 г.⁵ Статья 15. Фролова сопровождалась хорошо отпечатанной фотографией церкви, которая давала представление о том, как она выглядела, очевидно, в 40—50-х годах. Здесь не видно колокольни, от которой уцелело, должно быть, лишь основание.

На фотографии В. Фролова, изданной без комментариев, относящихся к собственно церкви, в шатре видна широкая щель, образованная оторванной доской. Снимок сделан с южной стороны. Следующая фотография Зашиверской церкви была опубликована Л. Л. Биркенгофом в отмеченной выше книге 1972 г.

Фото Зашиверской церкви вновь было издано Л. Н. Копыловым в книге «Культура русского населения Сибири в XVII — XVIII вв.» (Новосибирск, 1968, с. 36). Как сообщил нам А. Н. Копылов, он получил **изданное** им фото

от директора Якутского краеведческого музея М. В. Местниковой. Автором этой фотографии, очевидно, является тот же В. Фролов. По той же фотографии сделан штриховой рисунок на суперобложке книги А. Н. Копылова.

Фото Зашиверской церкви, снятой с другой стороны — южной, было напечатано в 1968 г. и во втором томе «Истории Сибири» (Л., 1968, с. 174).

Сообщения участников Индигирской экспедиции 1931 г. и фотографии, изданные в первом томе «Истории открытия и освоения Северного морского пути», в книге А. Л. Биркенгофа, в статьях И. Г. Березкина и В. Фролова, свидетельствовали, таким образом, о том, что хотя города Зашиверска и не существует, но на его месте находится древняя церковь. Достаточно одного взгляда на снимки, чтобы убедиться в большой ценности этого архитектурного памятника, чудом уцелевшего в безлюдной лесотундре. Это поистине уникальный, подлинно выдающийся памятник древнерусской деревянной архитектуры.

Эти сигналы не могли не привлечь к Зашиверску и его Спасской церкви внимания научной общественности, в первую очередь сибирской.

Медлить далее было уже нельзя: мало ли что могло случиться с деревянным зданием, одиноко простоявшим в арктической пустыне, как об этом писал арх. Нил, первый, кто указал в литературе на год сооружения церкви более двухсот пятидесяти лет назад!

Ранее, до организации в Новосибирском научном центре первого гуманитарного подразделения, ныне Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР, для этого не было реальной возможности. Теперь же такое подразделение — Институт истории, филологии и философии СО АН СССР — возникло по инициативе академика М. А. Лаврентьева, председателя Президиума СО АН СССР в Новосибирском научном центре. И, естественно, что одним из научных направлений, которое оно должно было развивать, стали изучение и охрана исторических памятников Сибири, включая архитектурные памятники.

В институте были организованы сектор памятников истории и культуры Сибири и Музей истории и культуры Сибири под открытым небом.

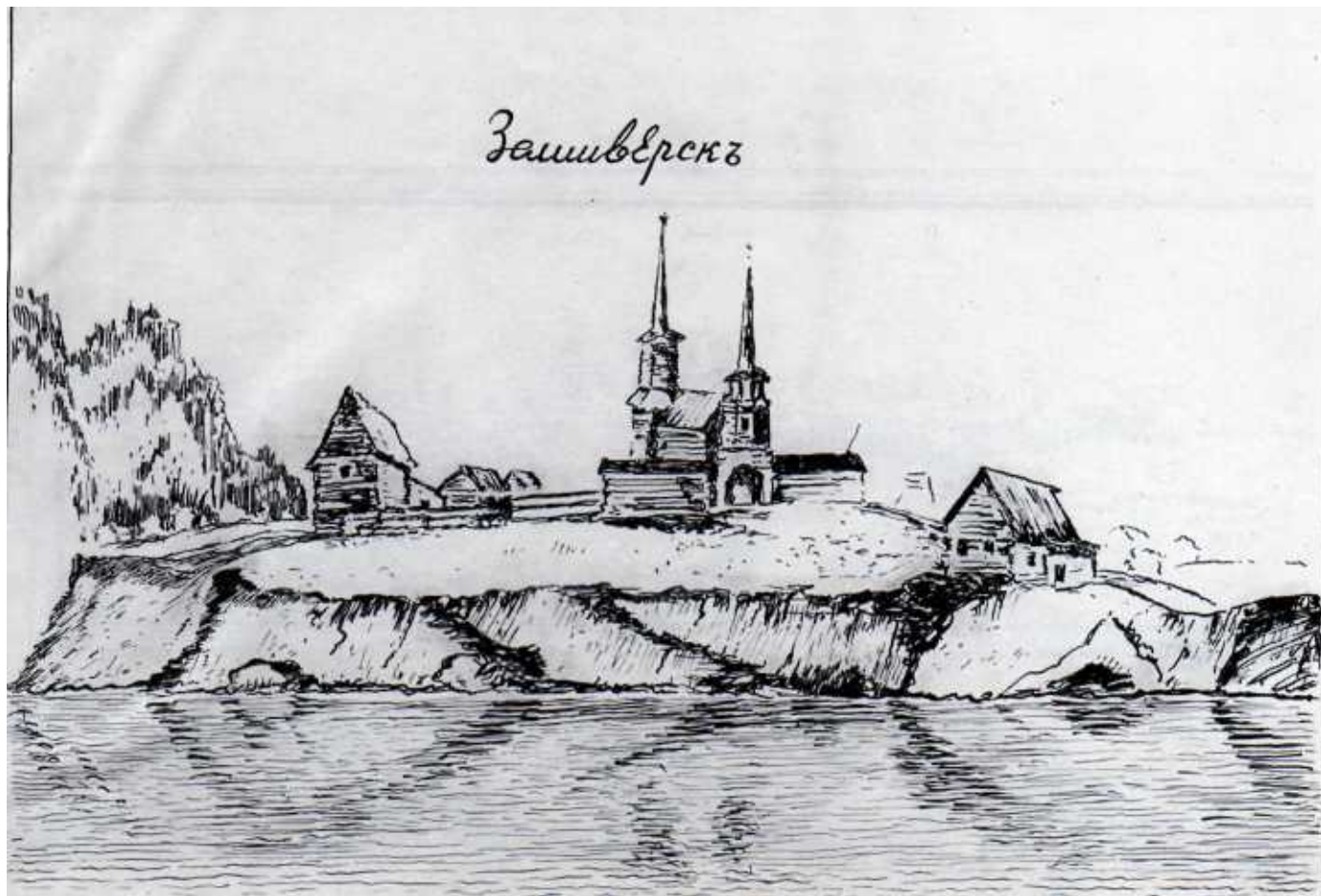
Так непосредственно встал проблема организации Сибирским отделением АН СССР работ, которые позволили бы впервые конкретно представить — что же такое этот памятник — Зашиверская церковь и, конечно, цел ли он? Нужно было по крайней мере как можно скорее и полнее успеть всесторонне изучить, зафиксировать облик этого интереснейшего памятника древнерусской деревянной архитектуры. Ведь ранее мы располагали всего лишь только отмеченными краткими справками о церкви и несколькими фотографиями, заснятыми разными лицами и в разное время.

В соответствии с такими задачами Институт истории, филологии и философии СО АН СССР при содействии Министерства культуры СССР в лице инспектора по охране памятников министерства проф. И. В. Маковецкого, крупнейшего знатока деревянной русской архитектуры, организовал в 1969 г. специальную Зашиверскую экспедицию.

Весной 1969 г. небольшая историко-архитектурная экспедиция Института истории, филологии и философии СО АН СССР вылетела в Якутию. В составе ее находились академик А. П. Окладников, кандидат (позже доктор) исторических наук З. В. Гоголев, профессора И. В. Маковецкий, Е. А. Ащепков, кандидат искусствоведения С. Н. Баландин, ассистент Н. П. Журин, а также кинооператор О. Г. Максимов, фотографы В. М. Семенов, Л. А. Греб, младший научный сотрудник М. И. Угрин, лаборант П. А. Иванов.

История этой необычной, первой в своем роде для Якутии и вообще северо-востока Сибири экспедиции такова. Сначала экспедиция прибыла самолетом в Якутск⁶. Как отмечал в отчете экспедиции З. В. Гоголев: «Столица Якутской АССР с момента ее основания (середина XVII в.) имеет большую историю. Когда-то она была административным, торговым и культурным центром всего северо-востока Сибири, перекрестком торговых путей. До недавнего времени в Якутске насчитывалось большое количество архитектурных памятников XVII, XVIII и XIX вв. Но в настоящее время из них сохранились немногие. Якутск быстро перестраивается, вместо старых домов строятся новые. Из древних зданий уцелела одна из башен Якутского острога, построенного в XVII в. Ее по разным причинам два-три раза переносили с места на место.

Город Зашиверск. Рисунок Ф.Ф. Матюшкина от 29 ноября 1820 г., сделанный им во время посещения города

Сотрудники экспедиционного отряда произвели обмеры, сделали зарисовки и провели детальные обследования этого широко известного древнерусского архитектурного и исторического памятника.

Другим интересным историческим памятником является Якутская воеводская канцелярия, построенная в конце XVII — начале XVIII в. Она находится во дворе Якутского музыкально-драматического театра. Сотрудники экспедиционного отряда нашли ее в очень запущенном состоянии.

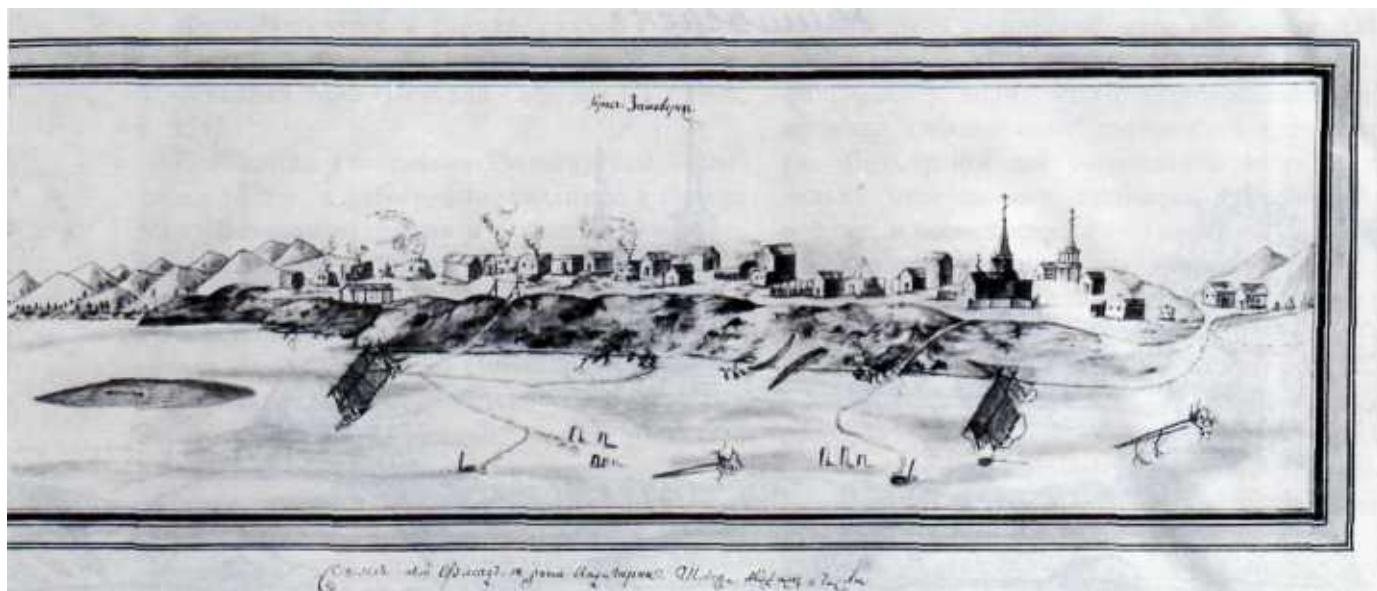
Местными органами культуры не принято мер по ее охране. По мнению специалистов, воеводская канцелярия — единственное во всей Сибири значительное каменное гражданское сооружение эпохи Петра I. Дело в том, что в связи со строительством Петербурга Петр I запретил по всей России возводить каменные дома,

все силы и материалы сосредоточив на строительстве новой столицы.

Однако, учитывая невозможность непосредственного участия Якутии в строительстве Петербурга, он разрешил построить в Якутске каменный дом — канцелярию. Она сохранила все характерные черты архитектурных принципов и технику строительства подобных зданий XVII в.

Сохранившиеся купеческие дома и здания, служившие раньше магазинами и торговыми заведениями, свидетельствуют о том, что Якутск был одним из крупных торговых центров Сибири. Еще до недавнего времени в самом центре города стоял огромный каменный **гостиный** двор с многочисленными магазинами. На территории бывшего базара с давних времен находился и другой гостиный двор, занимавший почти целый квартал. Из большого комплекса тор-

Панорама Зашиверска. Рисунок Луки Воронина 1787 г., сделанный им во время посещения города

говых строениях осталось только одно-единственное здание.

Историки и архитекторы считают, что подобное деревянное сооружение нигде не сохранилось.

В этом отношении большое деревянное здание гостиного двора (Кружало) с огромными массивными колоннами, торговыми рядами и специальными помещениями для хранения пушнины и сельскохозяйственных продуктов имеет значительный интерес.

Специалисты обратили внимание и на жилые деревянные постройки Якутска, оригинальные по своим планировочным решениям, технике приемов строительства и декору.

Внимательное изучение исторических и архитектурных памятников Якутска досоветского времени обнаруживает высокий хозяйственный и культурный уровень развития того вре-

мени, мастерство рядовых тружеников-строителей, подлинных создателей этих замечательных сооружений.

На громадной территории северо-востока Сибири Якутск был известен также своими деревянными и каменными церквями. Из церковных зданий сохранилась бывшая Никольская церковь»⁷.

Из Якутска через заснеженные вершины высоких хребтов северо-восточной Якутии экспедиция прилетела в поселок Зырянку на Колыме.

Будучи в этой местности, часть сотрудников побывала в юкагирском поселке Нелемное. Другие же осмотрели Верхнеколымск, где находится домик известного исследователя Якутии И. Д. Черского. Из Зырянки экспедиция вертолетом направилась по Индигирке — в Зашиверск. В ходе работы экспедиции в Зашивер-

*Панорама г. Зашиверска. Рисунок Луки Воронина.
Город изображен с южной стороны*

ске здание Спасской церкви было тщательно обмерено и зафиксировано в чертежах.

Е. А. Ащепковым выполнены были также на месте акварельные красочные зарисовки памятника на фоне окружающего живописного ландшафта правобережной Индигирской лесотундры и окрестных гор левого берега реки. Не ограничиваясь описанием и фиксацией церкви, участники экспедиции произвели попутно частичные раскопки на территории бывшего острога. В результате были прослежены основания стен острога, башен, а также собран вещественный археологический материал, позволивший восстановить некоторые бытовые черты жизни Зашиверска в первой половине XVIII в., в том числе костерезное дело. Найдены были, например, шахматная фигурка, стеклянные бусы — «одекуй», монеты, каменные юкагирские скребки для обработки кожи и меха.

Эти работы экспедиции шли в трудных специфических условиях Севера, как позднее писал в своем отчете З. В. Гоголев: «Природа этих мест сурова. Чтобы отвоевать необходимое для жизни, человек здесь должен проявить много труда и энергии, привычки и умения. Всю неделю работы экспедиционного отряда дул холодный северный ветер и шел дождь, временами вершины высоких гор покрывались белой пеленой снега. При небольшом повышении температуры нас мучили тучи комаров. Попытки пополнить запасы продовольствия за счет рыбной ловли и охоты не увенчались успехом. Не зная места охоты и рыбной ловли, не имея снарядов и навыков, мы были беспомощны в районе непуганых зверей и птиц»⁸.

Закончив работы в Зашиверске, экспедиция направилась вниз по Индигирке, которую в XVII в. русские называли Собачьей рекой, затем

в Дружину и Чокурдах. Оттуда — в дельту Индигирки, где обследовала хорошо сохранившееся деревянное здание церкви-часовни на месте старого, ныне заброшенного поселения в местности Станчик. Были произведены также небольшие по масштабу исследования в районе такого же заброшенного поселения Бурулгино. Там находились остатки неолитического поселения, обнаруженного в 1959 г. З. В. Гоголевым. Им были собраны при низкой воде на песке кости животных и изделия из халцедона и кремня.

В 1969 г. вода была высокой, а мерзлая почва не позволила произвести сколько-нибудь широкие раскопки.

Тем не менее удалось собрать интересные предметы, в том числе украшения из перламутра и антропоморфное изображение из рога оленя или лося.

Расставаясь с Индигиркой и Якутском, участники экспедиции с благодарностью вспоминали оказанную им помощь Якутским обкомом КПСС, Якутским филиалом СО АН СССР (чл.-корр. АН СССР Н. В. Черским), руководством Якутского, Абыйского и Аллаиховского райкомов КПСС и райисполкомов, работниками речного транспорта Индигирки и Колымского авиаподразделения Гражданского воздушного флота. Это они, пилоты Колымы, предложили в 1971 г. оригинальную, первую в истории архитектуры идею — снять главку с шатра церкви на высоте 18 м с помощью вертолета. Предложили и мастерски выполнили свой план. Легко, можно сказать, деликатно, нежно приподняли, выдернули главку из верхушки шатра, а затем также легко опустили ее на землю. И поразительно, но факт: летящая в небе обшитая лемехом главка папомнила нам... космический спутник!

С особо теплыми чувствами вспоминали мы встречи на Индигирке с рыбаками — тружениками Севера, колхозниками на празднике рыболовов, их традиционные якутские песни и танцы, национальную борьбу. С помощью и при сочувствии всех наших друзей, благодаря уважению к науке, к Академии со стороны местного населения, потомков аборигенов якугиров, якутов и «русскоустыинцев», «досельных

русских», удалось выполнить напряженную программу работ в максимально короткие сроки.

Для полноты изучения истории Зашиверской церкви следует добавить, что после экспедиции Института истории, филологии и философии СО АН СССР в Зашиверске побывал, можно сказать, по нашим «горячим следам», А. В. Ополовников, имея поручение Московского научно-исследовательского института теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры (НИИТИ).

Он проводил, как сказано в его статье, «свое исследование в соответствии со спецификой и научной направленностью этого учреждения».

Поводом к поездке послужило то, что «недавно стало известно, что в глухом углу северо-восточной Якутии, за Полярным кругом, на далекой реке Индигирке, каким-то чудом уцелело прекрасное произведение древнерусского деревянного зодчества — шатровая церковь XVII в.» 9.

А. В. Ополовников пишет, что он был на Индигирке, в Зашиверске, «уже после возвращения экспедиции новосибирского института», но не указывает точно время, когда это было. По его словам, его работа, предпринятая НИИТИ, «не дублирует работу, сделанную новосибирским институтом», так как для НИИТИ главная задача состояла «в выявлении архитектурных особенностей этого уникального памятника, свойственных всему древнерусскому деревянному зодчеству, и в установлении исходя из них некоторых общих закономерностей развития всей русской архитектурно-строительной культуры».

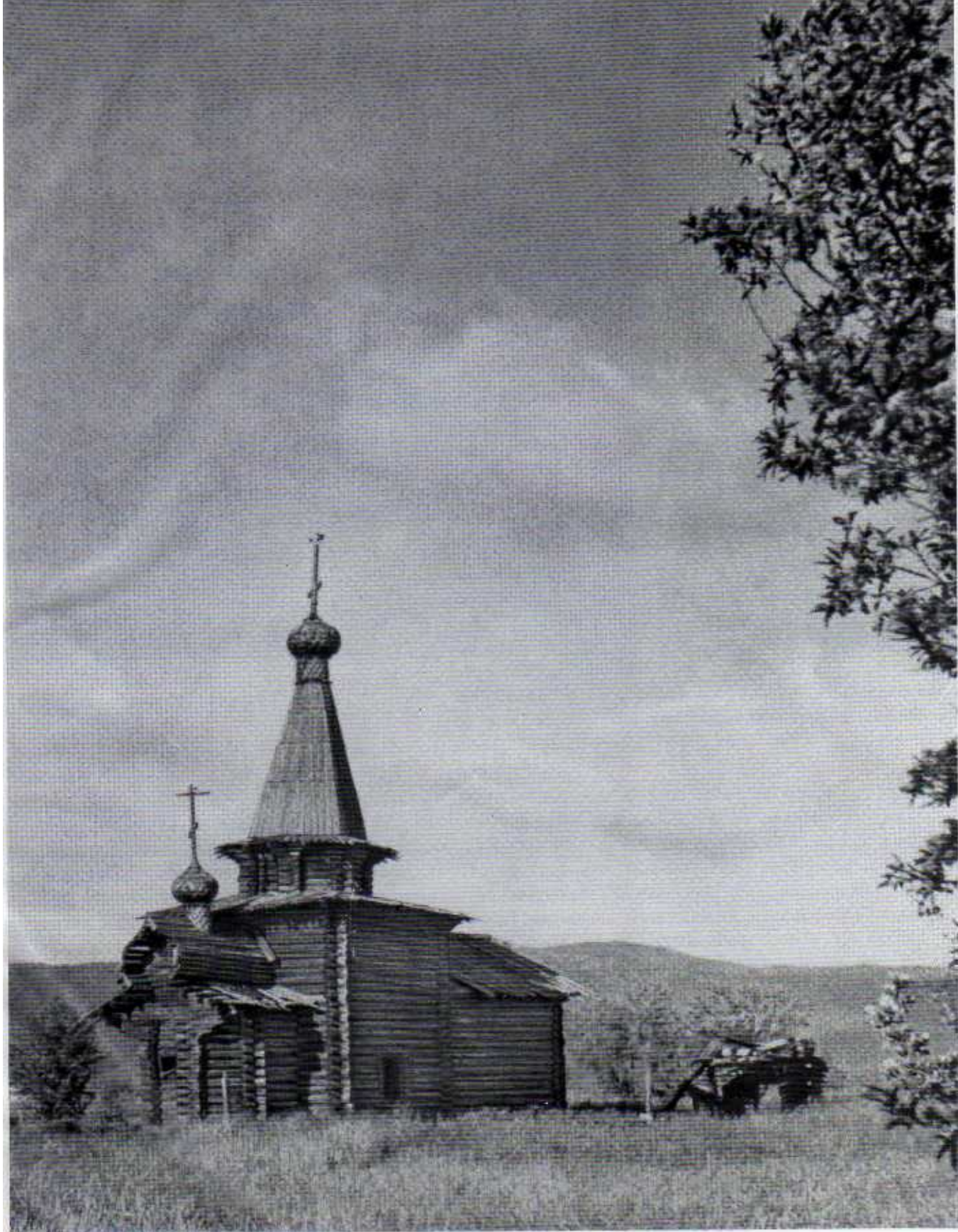
Результатом поездки А. В. Ополовникова явились статьи «На краю света» (журнал «История СССР», 1970, № 3) и «Еще один неизвестный памятник русского деревянного зодчества» (Архитектурное наследство, т. 20. М., 1972, с. 100-108).

Вторая статья в «Архитектурном наследстве» повторяет в расширенном виде положения и материалы первой статьи. К статьям были приложены и выполненные им фотографии церкви и во второй статье — сделанные им чертежи, в том числе реконструкция вида церкви и галереи с южной стороны храма.

А. В. Ополовников также использовал материалы Зашиверска в своей капитальной монографии по проблемам реставрации памятников древнерусского зодчества. Так, он в этой книге

*Спасо-Зашиверская церковь с колокольней.
Фото экспедиции Института истории, 1969 г.*

Спасо-Зашиверская церковь с колокольней. Фото 2930-х годов. Из коллекции Г. В. Ксенофонтова

1974 г. пишет о принципах реставрации последних со ссылкой на фото Зашиверской церкви: «Подлинная архитектура неискаженных памятников — это единственный маяк, на который ориентируется реставрация всех произведений народного деревянного зодчества (церковь в г. Зашиверске Якутской АССР)»¹⁰. Автор монографии отмечает и особая ценность пик по тесовой крыше Зашиверского храма «как наиболее ранняя форма, обнаруженная на памятниках XVII—XVIII вв.— церкви в Зашиверске». Перед участниками экспедиции СО АН СССР встала ответственная и сложная задача по сохранению этого уникального памятника для будущих поколений, для оте-

чественной истории. Как планировалось все это осуществить и как было осуществлено, сообщалось на симпозиуме, посвященном обсуждению работы экспедиции. Выступая на симпозиуме, один из ее участников И. Б. Маковецкий рассказал, что участникам экспедиции приходилось использовать «все виды передвижения и современные транспортные средства: в поисках города более тысячи километров они пролетели только на вертолетах над тайгой и безлюдной полосой Заполярной лесотундры прежде, чем смогли высадиться в районе города и приступить к археологическим и архитектурным исследованиям. Скучные исторические данные позволили установить лишь некоторые этапы рождения, жизни и трагической гибели этого города. Основанный мангазейскими, енисейскими и якутскими казаками на перекрестке водных и сухопутных путей в первой

Спасо-Зашиверская церковь. Вид с южной стороны. Слева на фоне горы сруб поварни

половине XVII в. позднее город бурно развивался и просуществовал около 250 лет.

Страшная эпидемия черной оспы полностью уничтожила все население города в конце XIX в. С тех пор о городе, его сооружениях, быте жителей, кроме случайных и отрывочных упоминаний, не имелось сведений.

Экспедиции удалось определить общую планировочную структуру города, характер его застройки, археологическими раскопками вскрыть стены и башни острога (крепости), ряд жилых и служебных помещений, установить периоды наводнений и пожаров в городе, получить ценный историко-бытовой материал. Но самое главное, если в Мангазее, втором древнерусском городе, расположенном в Северо-Западной Сибири, где сейчас ведутся археологические раскопки, сохранились памятники только под землей, то в Зашиверске основная их часть осталась на поверхности. Экспедиция смогла тщательно исследовать и всесторонне зафиксировать (обмеры, зарисовки, фото-и кино-съемки) сохранившиеся уникальные памятники деревянного зодчества — шатровую церковь и крепостную надвратную башню.

Впервые изученные экспедицией, эти архитектурные произведения оказались подлинными шедеврами древнерусского искусства, памятниками высокой строительной и художественной культуры Сибири. Плотники артистически использовали конструктивные приемы и декоративные элементы, сложившиеся на Европейском Севере, создали удивительно стройное, изысканное по своим пропорциям и силуэту сооружение.

Определение ценности этих сооружений потребовало решения вопроса об их охране, восстановлении и использовании.

Город стоял на берегу бурной и капризной реки, уровень воды в которой постоянно менялся и не раз затоплял все постройки города.

Спасо-Зашиверская церковь. Вид с востока. На переднем плане алтарная часть

<—

Общий вид на окрестности Зашиверска. Вдали Спасо-Зашиверская церковь

Спасо-Зашиверская церковь. Вид с юго-запада. Видны хорошо сохранившиеся дверные и оконные проемы

На юге поднимались неприступные горные хребты (Горский, Момский), покрытые снегом; с севера находились многочисленные озера и топкие болота. Город стоял в стороне от дорог (до ближайшего небольшого селения было более 300 км). Памятники теряли свою прочность и подвергались разрушительному воздействию атмосферных осадков.

Совершенно очевидно, что оставлять их беспризорными, вне всякой практической возможности организовать охрану, я уже не говорю об отсутствии перспектив их музейного показа, больше нельзя.

При этом мы считали и придерживаемся такой точки зрения и сейчас, что пребывание памятников там, где они возникли, где они составляют неотъемлемую часть пейзажа, архитектурного ансамбля, где они отражают конкретные общественные события, историю края, местную строительную школу, наиболее желательно, и надо сделать все для того, чтобы они оставались на месте, на месте восстанавливались и охранялись.

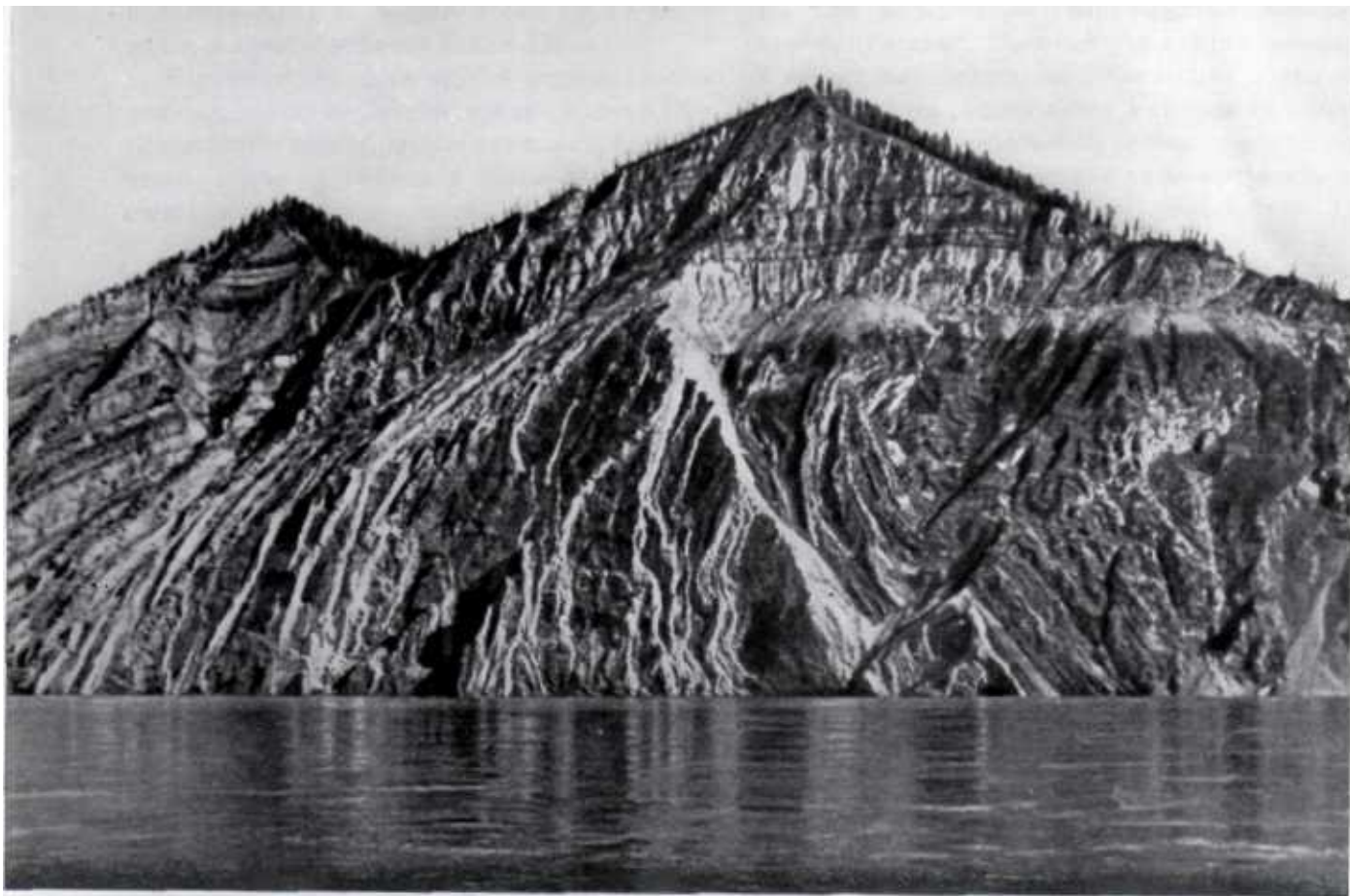
И тем не менее, участники экспедиции пришли к глубокому убеждению о необходимости вывоза памятников из Заполярья, каких бы трудов это ни стоило, по северному морскому пути или по воздуху.

Мы полагаем, что дефиниции международных документов должны предполагать приоритет национальных компетентных служб не только в области определения понятия «памятник», его качественной оценки, но и в выработке мер, обеспечивающих его сохранность»¹².

Но вернемся к экспедиции 1969 г., результаты которой обобщены в настоящей книге. Что же касается работ архитекторов, участников экспедиции Института истории, филологии и философии СО АН во главе с И. В. Маковецким, Е. А. Ащепковым и С. Н. Баландиным, то можно было их понять, когда они говорили, что если даже теперь Зашиверская церковь и погибнет от несчастного случая или развалится, то по изготовленным в поле точным чертежам и фотографиям можно будет восстановить ее полностью, целиком срубить заново, даже в лучшем виде, чем тот, в котором мы ее наблюдали весной 1969 г.

И все же, разумеется, экспедиция не ограничилась обмерами Зашиверской церкви, раскопками на территории бывшего города Зашиверска и обследованием дельты Индигирки.

Вид на скалистый левый берег Индигирки. В XVIII в. здесь находили «горные хрустали»

С большой остротой встал вопрос о дальнейшей судьбе Зашиверской Спасской церкви. О том, чтобы она не стала жертвой случайности и невежества, как это произошло с такими прекрасными памятниками нашего народного зодчества в Сибири, каким был многоглавый деревянный собор 1718 г. в б. Верховенском остроге, как с прославленной в «Истории русского искусства» И. Грабарем шатровой Знаменской церковью 1731 г. на р. Илге, надвратной церковью бывшего Киренского острога там же, на р. Лене, а также с знаменитым в истории русского оборонительного зодчества монументальным по масштабам Якутским острогом, от которого уцелела единственная башня¹³.

Это факт, что Спасская церковь в Зашиверске на Индигирке сейчас последняя сохранившаяся шатровая деревянная церковь Сибири, единственный в своем роде памятник нашей

древней национальной архитектуры на всем пространстве от Урала до Тихого океана, от **Кижей** до Индигирки. Другого такого сокровища здесь нет.

Итак, нужно было подумать о том, какими способами следует сохранить драгоценный памятник для будущего, для потомков.

Эта цель была достигнута в результате дара правительства Якутской АССР, которое приняло решение передать Сибирскому отделению АН СССР Зангиверскую церковь для создаваемого в Академгородке-на-Оби, в Новосибирском научном центре, музея под открытым небом.

Еще в 1969 г., учитывая ценность остатков колокольни, служившей также и проезжей башней острога, а также угрозу полного их уничтожения случайными «гостями» на дрова, первая экспедиция Института истории, филологии и философии СО АН приняла решение перепра-

Силуэт Спасо-Зашиверской церкви. Вид с севера в летний период. Фото экспедиции 1969 г.

вить эти остатки в более безопасное место. Однако баржа, на которую были погружены бревна колокольни, на крутом повороте реки неожиданно села на мель, а фактически на остров посреди Индигирки и осталась там на зимовку. Лишь **весной** удалось доставить башню-колокольню в Чокурдах. Из Чокурдах летчики доставили по воздуху то, что сохранилось от колокольни, в Новосибирский порт Толмачеве. Теперь предстояло перенести туда же и самую церковь.

В 1971 г. в Зашиверск была направлена Институт истории, филологии и философии СО АН СССР вторая экспедиция в составе зам. директора института доктора исторических наук А. Деревянко (пачальник экспедиции), Н. Оводова, В. Кубарева, М. Угрипа, А. Мазипа, Л. Казавчинского, С. Девкина, А. Зуевича, И. Шеметова, М. Переладова, В. Мурги. Ее

задачей было разобрать Спасскую церковь, а затем доставить на новое место в Академгородке на-Оби, что и было выполнено. Участники экспедиции 1971 г. разобрали здание церкви и произвели дополнительные археологические раскопки на территории острога.

В ходе работ 1969 и 1971 гг., помимо фотографирования изучаемых объектов — церкви, остатков колокольни и археологических раскопок, была произведена киносъемка, материалы которой послужили основой для черно-белого и цветного фильмов, увековечивших таким образом старый Зашиверск средствами кино. Черно-белый фильм снят был в Зашиверске в 1969 г. талаптливым мастером-кинооператором Олегом Максимовым, цветной — в 1971 г. Л. Казавчинским. Оба они работали от Новосибирского телевидения. Текст к фильму был целиком составлен А. П. Окладниковым.

Участники экспедиции в Зашиверск, 1969 г. (слева направо): фотограф В. М. Семенов, младший научный сотрудник М. И. Угрин, фотограф Л. Л. Греб, кинооператор О. Г. Максимов, кандидат исторических наук З. В. Гоголев, младший научный сотрудник П. А. Иванов, академик А. П. Окладников, профессора И. В. Маковецкий, Е. А. Щенков, кандидат архитектуры С. Н. Баландин, архитектор Н. П. Журин

После разборки здания церкви ему предстоял длительный путь сначала на север вокруг всей Восточной Сибири и Индигирки и морем, а затем на юг, по р. Лене, и в завершение всего пути — железной дорогой на запад, к Новосибирску. Разобранное здание церкви и колокольни в сопровождении А. Г. Малявкина и М. И. Угрина в том же 1971 г. было доставлено водой вниз по Индигирке до Чокурдаха, оттуда на морском лихтере в Тикси и далее вверх по Лене до пристани Осетрово. Из Осетрово по железной дороге оно прибыло в Новосибирск.

Это была не менее, даже более ответственная и трудная задача, чем разборка церкви.

Речь шла не только о сотнях и тысячах километров водой — реками и морем, а также суши — по железной дороге, но и о сохранности самого древнего здания, представляющего исключительную историко-культурную ценность. Тем более что по пути могли быть разные неожиданности, не говоря уж о характере бурной и своенравной Индигирки с ее шиверами, ямами, с ее коварными мелями, о специфических условиях Заполярья с его коротким летом, суровой природой, редкими населенными пунктами. И как все, что связано с древним Зашиверском, это было ново и необычно.

В практике наших работ по охране культурно-исторических памятников еще не было подобных уже по одним только территориальным масштабам перемещения таких памятников мероприятий, начиная с фантастического перелета колокольни (того, что от нее уцелело) в са-

Участники экспедиции приземлились в июне 1969 г. с вертолетом на территории Зашиверска

молете из Чокурдаха в аэропорт Толмачево и кончая поистине «кругосветным» путешествием самой церкви из Зашиверска в Новосибирск.

С самого начала и до конца все шло на энтузиазме участников этого небывалого предприятия, на их готовности к жертвам, на добровольной помощи советской общественности. Что же касается эвакуации здания церкви в 1971 г., то в отчете А. Г. Малявкина об эвакуации Спасской церкви содержатся такие «живые» подробности, что он заслуживает быть приведенным здесь полностью.

«14 июля я по заданию дирекции вылетел в Якутск и далее в Зырянку и Дружину,— пишет А. Г. Малявкин.— Цель командировки — ускорить вывозку Зашиверской церкви в Новосибирск. 16 июля я был в Зырянке. Здесь находится управление Колымо-Индигирского пароходства, Визит к начальнику пароходства

был удачным, он обещал сделать все от него зависящее, чтобы ускорить вывозку церкви. Не задерживаясь в Зырянке, я в тот же день вылетел в Дружину, находящуюся уже на Индигирке. На следующий день в пароходстве мне сообщили, что только что дано указание поставить понтон для погрузки церкви, погрузка будет осуществлена 19 июля. Начальник пароходства в Дружине посадил меня на самоходку и отправил в Зашиверск, сказав, что до начала погрузки я буду там. Но до Зашиверска добраться мне не удалось. Прежде всего, в обычном месте нас не встретил буксир. Прождав его более суток, наша самоходка, оставив баржу с грузом, вернулась в Дружину. Попытка уехать с катером речного надзора также не увенчалась успехом. Капитан катера, узнав, что я в Зашиверск, сказал: «Нам, правда, до Зашиверска не надо, но лишние 40 км для нас пустяк».

Колокола Спасо-Зашиверской колокольни, обнаруженные в 1969 г. в с. Дружина: левый — XVIII в., правый — XVII в., малый колокол — XIX в.

К сожалению, через 10 км катер потерял винт и вынужден был пристать к берегу. Так закончилась моя попытка добраться до Зашиверска. Дело в том, что 21 июля появился буксир и капитан его сообщил, что понтон еще 19 июля вместе с буксиром сел на мель, 21 его сняли и спустили до Зашиверска, и мне уже не было смысла 22 июля выезжать в Зашиверск. 22 июля я вернулся в Дружину и занялся решением переправки церкви в Новосибирск.

Ознакомившись с обстановкой на месте, я решил предложить дирекции отказаться от дорогостоящей переброски церкви по воздуху, а отправить ее на морском лихтере до Усть-Кута. На мое предложение, изложенное в телеграмме на имя ученого секретаря, я получил положительный ответ и договорился с администрацией пароходства о срочной отправке церкви. 25 июля церковь прибыла в Дружину, ее

сопровождал М. И. Угрин. 28 июля церковь была перегружена в лихтер, и 1 августа буксир потащил лихтер к морю. Я и Угрин с комфортом устроились в одной из кают, а церковь лежала в трюме, закрытом наглухо. Вместе с лихтером я доехал до Чокурдаха. Из Чокурдаха вместе с Угриным я проехал на неолитическую стоянку около якутского поселка Оё-тунг, где мы произвели зачистку слоя и собрали очень интересные каменные и костяные изделия. Угрин отправился вместе с церковью морским путем на Лену, а я вылетел в Усть-Кут для организации перегрузки церкви в вагоны и отправки ее в Новосибирск.

14 августа я прибыл в Усть-Кут. Выяснилось, что для организации быстрой перегрузки церкви необходимо связаться с железнодорожным начальством в Иркутске. 20 августа я выехал в Новосибирск. Надо было получить офи-

циальное письмо для Иркутского железнодорожного начальства. Примерно 5 сентября я с письмом дирекции вылетел в Иркутск. Железнодорожное начальство отнеслось к просьбе института благосклонно и дало соответствующие указания в Усть-Кут. Из Иркутска я вылетел в Усть-Кут, где более недели ждал прибытия лихтера. За это время познакомился с начальником станции и выяснил, что указание из Иркутска он получил. Поэтому когда лихтер прибыл в порт, то была организована немедленная перегрузка церкви прямо с воды в вагоны. Точную дату перегрузки не помню. Вместе с вагоном в Новосибирск отправился М. И. Угрин».

Так закончилась «Одиссея» Зашиверской церкви. Она нашла свое новое местопребывание в центре Сибири, в Академгородке Новосибирского научного центра Сибирского отделения Академии наук СССР, где Президиум Сибирского отделения Академии наук СССР и общественность делают все возможное, чтобы ценнейший дар правительства Якутской республики стал важнейшей частью задуманного в городе ученых на Оби Музея под открытым небом. Первая забота была о сохранении самого материала древнего здания: дерево церкви было обработано химическими веществами, чтобы предотвратить его разрушение от действия бактерий, насекомых и вообще от влияния нового климатического и атмосферного режима, столь отличного от прежнего, заполярного.

В настоящее время здание готово к реставрации. В Новосибирск доставлены с Индигирки и колокола Зашиверской колокольни. Один колокол (изготовлен в XVII в.) был обнаружен в складе металлолома в Чокурдахе (к нему привели нас школьники). Второй колокол (середина XVIII в.) подарили нам водники в Дружине, где этот колокол служил для оповещения о начале рабочего дня.

В этой трудной работе (собирать уникальную деревянную конструкцию много сложнее, чем ставить дом из сборных панелей!) неоценимую моральную и финансовую помощь нашему институту оказывает президиум Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры РСФСР, а также отчасти Министерство культуры РСФСР.

Введение и заключение к данной книге написаны А. П. Окладниковым. В главе I «Город Зашиверск — форпост освоения инди-

гирской земли» А. П. Окладников при участии З. В. Гоголева рассказывает об истории Зашиверска. Историко-архитектурный анализ уникального памятника дан в главе II, «Спаская церковь Зашиверска — уникальный памятник древнерусского деревянного зодчества в Сибири». Этот раздел принадлежит Е. А. Ащепкову. Им использованы архитектурные обмеры, зарисовки и акварели, выполненные на месте участниками экспедиции Е. А. Ащепковым, И. В. Маковецким, С. Н. Баландиным, Ы. И. Угриным, а также фотографии, снятые В. М. Семеновым и Л. А. Гребом.

На материале экспедиции и архивных данных, в частности «Метрики» А. Бердникова о Зашиверской церкви и колокольне, Е. А. Ащепковым сделана в цвете реконструкция внешнего облика церкви с галереей с северной стороны, погибшей к настоящему времени, а также колокольни.

В главе III «История города Зашиверска в архивных документах», написанной А. П. Окладниковым при участии З. В. Гоголева, приведены материалы археологических раскопок и архивные документы, главным из которых является замечательная «Метрика», составленная 29—31 марта 1888 г. в исполнение поручения Академии художеств священником А. Бердниковым¹⁴. Среди архивных документов имеются тексты, изданные ранее в «Актах исторических» и в «Дополнениях к Актам историческим», а также ранее опубликованные из фондов Центрального государственного архива Якутской АССР (г. Якутск) и Государственного исторического архива Иркутской области (г. Иркутск).

Большой интерес представляют этнографические, фольклорные источники, относящиеся к истории заселения Зашиверской округи, к судьбе города Зашиверска. Они подготовлены к изданию и публикуются в главе IV настоящего издания «Зашиверск и его судьбы в заполярном фольклоре».

Эти материалы рисуют наглядно и выразительно историю, жизнь и культуру насельников Зашиверского края.

Большой фактический материал, собранный авторами настоящей монографии, позволяет осветить многие исторические вопросы, связанные с развитием Зашиверска, его значением как административно-торгового, культурного и стратегического центра всей огромной север-

ной территории, расположенной на восток от р. Яны. Археологические находки наряду с другими важными открытиями раскрывают некоторые страницы жизни и быта жителей Зашиверска, что представляет несомненный интерес для изучения истории культуры народов Сибири. Они служат своего рода культурно-исторической оправой для такого драгоценного памятника древней русской культуры

за Полярным кругом, каким является пережившая славу Зашиверска и самый этот город жемчужина русской народной архитектуры в Сибири — Спасская церковь.

Иллюстрирующие книгу фотографии, обмеры, зарисовки, акварели выполнены участниками экспедиции Е. А. Ащепковым, И. В. Маковецким, С. Н. Баландиным, М. И. Угриным, В. М. Семеновым и Н. П. Журиным.

¹ Отчет об экспедиции 1969 г. в Зашиверске см.: *Окладников А. Л.* Там, за далеким Шивером.— «Правда», 1969, 11 сентября; *Гоголев З. В.* Экспедиционная поездка в Якутскую АССР (предварительный краткий отчет).— «Известия СО АН СССР. Серия общественных наук», 1970, вып. 3, № 11, с. 115—119.

¹³ *Врангель Ф. П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. М., 1948; *Сарычев Г. А.* Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952; *Иванов В. Ф.* Историко-этнографическое изучение Якутии. XVII—XVIII вв. М., 1974.

² *Шекатов А. Ы.* Словарь географический Российского государства, т. 2. М., 1804, с. 589.

³ Н. А. (Нил — архиепископ Ярославский, ранее — Иркутский.—Л. О.), ч. I. Ярославль, 1874, с. 328.

⁴ *Биркенгоф А. Л.* Потомки землепроходцев. М., 1972, с. 20.

⁵ *Фролов В.* Оставшийся в живых.— «Вокруг света», 1965, № 9, с. 53—54.

⁶ Сообщения об экспедиции 1969 г. в Зашиверск см.: *Окладников А. П.* Там, за далеким Шивером.— «Правда», 1969, 11 сентября; *Гоголев З. В.* Экспедиционная поездка в Якутскую АССР..., с. 115—119. К статье З. В. Гоголева приложены фотографии части гостиного двора в Якутске начала XIX в., башни якутского тойона Пономарева (конец XVIII—XIX в.), группы участников экспедиции в Зашиверск 1969 г. на фоне колокольни и церкви, а также фото церкви в селе Станчик в дельте Индигирки, самой северной в Якутии.

⁷ *Гоголев З. В.* Экспедиционная поездка..., с. 115—119.

⁸ *Гоголев З. В.* Экспедиционная поездка..., с. 116. Добавим, что рыбной ловле мешала большая вода: Индигирка была мутной и поистине свирепой.

⁹ *Ополовников А. В.* Еще один неизвестный памятник русского деревянного зодчества.— В кн.: Архитектурное наследие, т. 20, М., 1972, с. 101.

¹⁰ *Ополовников А. В.* Реставрация памятников народного зодчества. М., 1974.

¹¹ *Ополовников А. В.* Реставрация памятников..., с. 320.

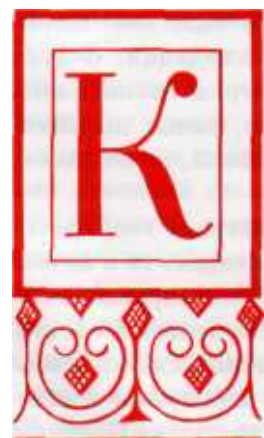
¹² *Маковецкий И. В.* К вопросу об определении понятия «памятник культуры». Международный совет по вопросам памятников и достопримечательных мест. Симпозиум «Памятники культуры и общество». Ленинград, СССР, 2—8.IX 1969.— ИКОМОС, Л., 1969, с. 26—29.

¹³ *Суслов В.* Деревянное зодчество в Сибири (см.: *Грбавь И.* История русского искусства, т. 1); Сибирская советская энциклопедия, т. 2, статья «Зодчество деревянное», с. 163—170; «Известия Императорской археологической комиссии», вып. 50. СПб., 1913 (описание памятников русской архитектуры по губерниям, т. 3, Иркутская губерния); *Серебренников И. И.* Памятники деревянного зодчества Иркутской губернии, 1915; он же. О старинных домах и церквях в Иркутской губернии.— «Сибирский архив», 1912, 4; *Султанов И. В.* Остатки Якутского острога и другие памятники.— «Известия Императорской археологической комиссии», вып. 24. СПб., 1907; *Одинцова М. К.* Из истории русского деревянного зодчества в Восточной Сибири (XVIII век). Иркутск, 1958.

¹⁴ «Метрика» хранится в архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в фонде б. Императорской археологической комиссии.

ГОРОД ЗАШИВЕРСК- ФОРПОСТ ОСВОЕНИЯ ИНДИГИРСКОЙ ЗЕМЛИЦЫ

то не слышал о Мангазее — древнем заполярном городе на краю света. И кто слышал о Зашиверске, о столь же старинном и тоже заполярном русском городе, затерянном еще дальше на востоке, в еще более удаленных просторах сибирской тайги и тундры, окруженном легендами и тайной? Сколько раз спрашивали нас, авторов настоящей главы, а также наших спутников, профессоров И. В. Маковецкого, Е. А. Ащепкова и других участников нашей экспедиции, где, на какой карте изображен этот город! Куда летит такое собрание архитекторов, археологов, историков, кинооператоров и фотографов?! Спрашивали в Новосибирске, Братске, Якутске, даже в Ханты-Мансийске. Наконец, в Зырянке — па самой Колыме.

Словом, спрашивали всюду, где останавливались самолеты, на которых наша экспедиционная группа летела к Зашиверску.

И даже в Дружине, на Индигирке, очень немногие из местных жителей могли сказать, что побывали в Зашиверске, видели его, вернее, то, что осталось на его месте, — древнюю церковь и два деревянных сруба «поварен».

По дороге из Дружины в низовьях Индигирки к Чоккурдаху мы услышали рассказ о том, как у стен казачьей крепости, — Зашиверска — устраивались когда-то многолюдные ярмарки, как на них с драгоценной пушниной собирались со всех концов люди тайги, лесотундры и тундры, как навстречу им из ворот крепости, увенчанных высокой башней-колокольней, выходили купцы в красочных одеждах, разукрашенных разноцветным ярким бисером, с железными изделиями и, конечно, с кувшинами в руках с «огненной водой» — «зеленым вином». А затем, как рассказывает одна из легенд,

священник и шаман, каждый по-своему, благоговели разложенные на снегу товары. После чего начиналась торговля.

И вот однажды во время ярмарки, увидев богато окованный сундук, шаман приказал немедленно вырубить во льду Индигирки прорубь, а затем бросить в прорубь сундук. Но священник сказал, что скорее бросит в воду шамана, чем этот сундук, полный сокровищ. Когда сундук был открыт, все бросились к нему и расхватали блестящие украшения, цветные ткани и различные драгоценности.

Назавтра в городе появилась страшная гостья — «черная оспа». Вымерли все жители, в том числе священник. Погибли или разбежались в ужасе, разнося смерть, участники ярмарки. "Уцелела только одна маленькая девочка Тарабукина, которая умерла в возрасте ста пяти лет в 1913 г... Таким был конец заполярного города Зашиверска согласно легенде.

Черная оспа — грозный бич того времени, когда еще не была открыта оспенная прививка, когда целые племена погибали от оспы в тайге и тундре. Эпидемия, вызванная черной оспой, не только на самом деле нанесла «смертельный удар» Зашиверску, но и отпугивала от него людей на протяжении последующих десятилетий. Редко кто осмеливался приблизиться к вымершему городу Заполярья, пройти по его «зачумленным» улицам.

...И этот же призрак, эта мрачная слава, должно быть, в немалой степени способствовали тому, что до наших дней здесь в удивительной сохранности уцелел единственный в своем роде на всей огромной территории между Архангельском и Магаданом драгоценный памятник истории освоения Сибири и русской культуры — Спасо-Зашиверская деревянная церковь.

Прошлое Зашиверска, его история напоминают во многом Мангазею, былую «златокопашую государеву вотчину», как называл ее А. Ф. Палицып, этот «русский интеллигент семнадцатого века». Но многое их и различает. Об отличии Мангазеи от Зашиверска, о принципиальном и крайне важном для нас различии этих двух старинных городов Руси па Крайнем Севере Азии следует сказать. Мангазея вся лежит под землей. От ее высоких стен и башен, от домов воеводского двора, от гостиного двора и церковей уцелели только заросшие лесом и покрытые толстым слоем земли нижние венцы

срубов и оклады. Все, что так гордо высилось когда-то над бескрайней лесотундрой, исчезло навеки. Историк остается только догадываться о том, как выглядела на земле заполярная столица Севера.

Исчезли и гражданские здания старого города Зашиверска, хотя он погиб не так быстро и внезапно, как Мангазея, а продолжал жить еще почти три столетия.

Но в отличие от Мангазеи в нем сохранилось драгоценное, самое важное для истории русской культуры на севере Азии архитектурное сооружение — древняя Спасо-Зашиверская церковь. И сохранилось, как засвидетельствовали участники новой экспедиции, выдающиеся знатоки древнерусского народного зодчества, в первоизданном своем виде, почти совсем не искаженном позднейшими перестройками и подновлениями.

Сойдя с вертолета, мы оказались как бы лицом к лицу с древним мастером, чей топор с удивительным мастерством вытесал и подогнал друг к другу мощные бревна срубов, искусно прорубил проемы для окон, которые некогда закрывались слюдяными оконницами, вздыбил высокие шатры, увенчанные грациозными главками. И над всем этим великолепием вознес легкие и строгие контуры крестов, соперничающих в своем стремительном взлете ввысь с окружающими горами и, кажется, даже самими облаками.

Именно этот памятник и был той целью, к которой летела паша экспедиция. С этим уникальным историко-культурным памятником связаны расцвет Зашиверска, самые насыщенные страницы его немногословной, но по-своему яркой летописи.

Если о запустении Зашиверска сообщается в тунгусских и якутских легендах, то о начале его возникновения есть сведения, правда, весьма скудные, в письменных документах XVII столетия, того далекого и в полном смысле слова героического века, когда с небывалым в истории размахом шло освоение русскими Крайнего Севера. Когда отряды вольных промышленников, служилых и крестьян шли с Русского Поморья и от Урала на восток, «навстречу солнцу», от Урала к Тихому океану. При полете над тундрой с особенным чувством реальности вспоминались пожелтевшие строки «описок» землепроходцев, прокладывавших путь из Европы в глубинную Азию.

Это было время первоначального, а затем все более широкого и глубокого освоения сибирских пространств русским народом.

Уже в конце XVI столетия перешагнувшие вслед за смелыми новгородскими ушкуйниками через «Каменный пояс» — Урал в страну «Человецех незнаемых», о которых ранее ходили фантастические слухи и легенды, казаки Ермака увидели не только племена лесных охотников и рыболовов, но и оленеводов, скотоводческие народы. Перед ними открылась панорама неведомых ранее народов, языков и культур.

Их поразила Сибирь, но и они удивили своими смелыми подвигами, удалью и чисто русским размахом не только потомков, но и коренных сибиряков. Об этом с потрясающей образностью рассказывает сибирская летопись замечательного ученого XVII в. Семена Ремезова. Это он, Ермак Тимофеевич, нанес сокрушительный удар последнему отсталому полуфеодальному татарскому ханству, которое несло с собой лишь бедствия и страдания зависимым племенам. После Казани и Астрахани пало царство Кучума, «презренного царя Сибири», как сказано о нем в знаменитой песне декабриста Рылеева.

Удивительная жизнь и подвиг Ермака сразу после его трагической гибели в желтых водах Иртыша под тяжестью царского панциря стали достоянием легенды. Смерть Ермака потрясла и его врагов. Татарская легенда, сохраненная Ремезовым, передает, что воины Маметкула и Кучума стреляли из луков в мертвое тело атамапа. Но кровь лилась из него, как из живого. Птицы не смели клевать труп и испуганно шарахались в сторону, а ночью над могилой сиял огненный столб. Похоронив тело Ермака «под кудрявой сосной» на своем древнем Бегишевском кладбище, татары насыпали над ним высокий курган. И чтобы успокоить грозный дух, устроили богатую поминальную тризну: на ней было съедено 30 быков и 10 баранов. Такими поминками издавна чтители житей степей память своих героев-богатырей.

И все же Ермак, чье имя навеки вошло в историю России, в первые сибирские летописи, в народные песни, в татарские и якутские легенды, сделал со своей дружиной только первый шаг в те бескрайние пространства, которые лежали к востоку от Каменного пояса, как назывались тогда Уральские горы, в страну солнечного восхода.

Чем дальше, тем больше расширялся диапазон этих открытий. Тем больше открывалось простора для деятельности тех, кто так смело шел в глубь неведомых ранее пространств Северной Азии.

Ермак вступил в Сибирь в 1581 г., при жизни царя Ивана Грозного. А меньше чем через полсотни лет, в 1639 г., Иван Москвитин из отряда Дмитрия Копылова уже смотрел в пенные воды Охотского моря. Еще через 9 лет, в 1648 г., смелый русский мореплаватель Семен Дежнев обогнул на своем неуклюжем деревянном судне — «коче» — Азиатский материк с северо-востока, пройдя между льдами Арктического океана от р. Колымы до р. Анадырь.

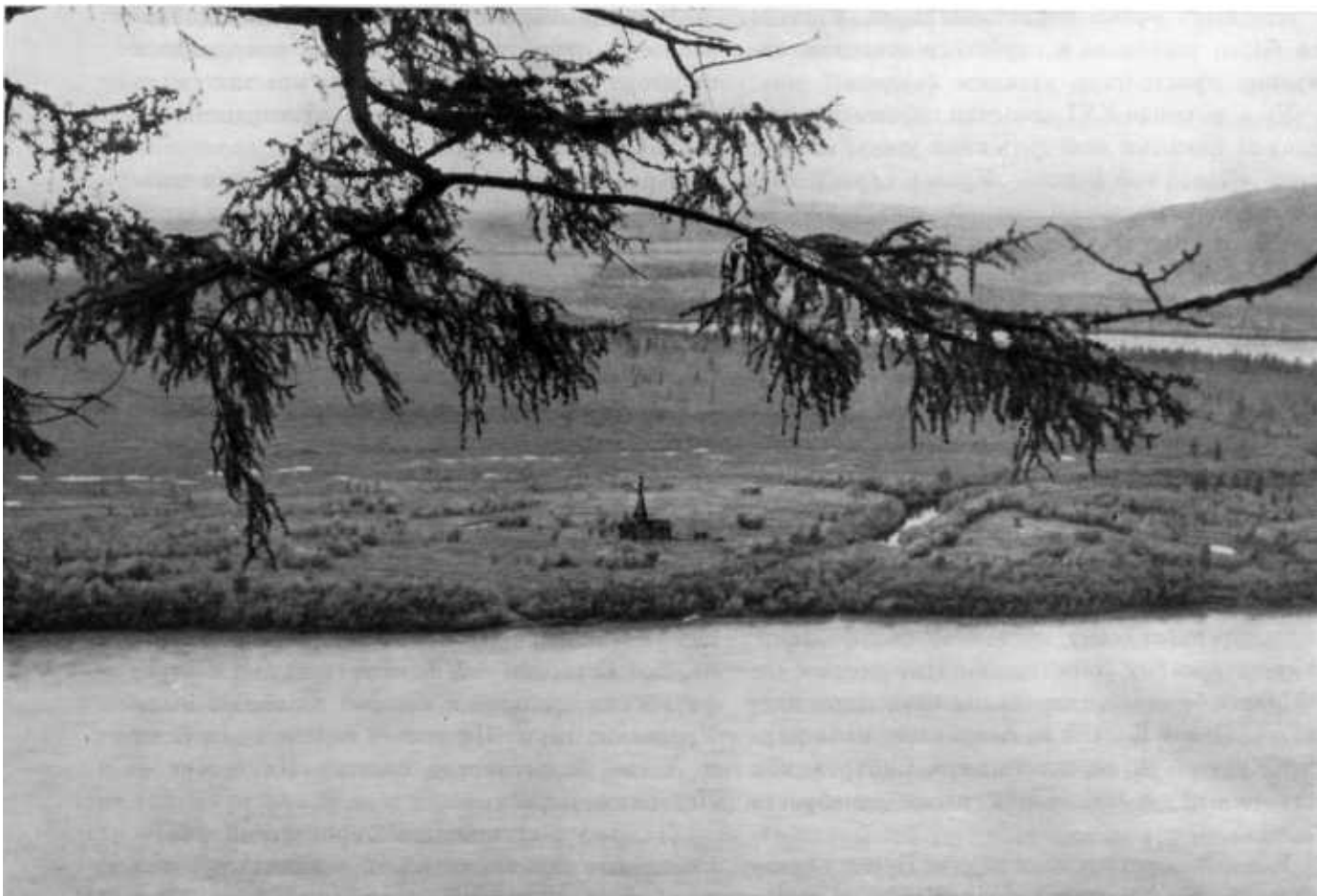
Потрясает воображение размах освоения в XVII в. этих неведомых миру до Ермака земель и стран Северной Азии.

Теперь перед глазами наших землепроходцев лежала вся огромная и разнообразная страна, вся Северная Азия, естественными географическими границами которой на западе были Уральские горы. На юге — горные цепи Саян и Алтая, монгольские степи. На севере — Ледовитое море.

Да, это был поистине героический век — небывалых приключений и великих русских географических открытий на севере Азии. Но в чем сущность и внутренняя закономерность этих грандиозных событий, в корне изменивших историю этой обширной страны и ее народов? Что двигало наших землепроходцев навстречу шиверам и порогам, голоду и арктическим льдам?

В дореволюционной русской дворянской по ее классовой ориентировке историографии главным деятелем такого небывалого по темпам и масштабам продвижения и освоения новых пространств на материке Азии считались царское правительство, его воеводы. Потом появились новые взгляды. На первый план перед историками вышли торговый капитал и купец. Теперь же мы знаем, что главным героем этого всемирно-исторического процесса был непосредственный производитель всех благ, русский крестьянин. Это он, крестьянин, пролагал пути сквозь тайгу и тундру, шел через волоки, по малым и великим северным рекам, двигался неутомимо и неудержимо навстречу солнцу, на восток и на север Сибири. Это он, крестьянин, мастер на все руки, строил гати на таежных болотах, рубил остроги и города. У этого

Правый берег Индигирки. Вдали виден шатер Спасской церкви, здания, сохранившегося до наших дней

всемирно-исторического по масштабам, прогрессивного по характеру, его влиянию на судьбы народов процесса были глубокие внутренние закономерности.

Эти закономерности, с гениальной прозорливостью опережая свой век, видел и чувствовал еще Александр Радищев, когда писал в Илимской ссылке свой замечательный исторический очерк о Сибири «Сокращенное повествование о приобретении Сибири». «Приобретение», а не «завоевание» — так выразил он главную свою мысль. Не завоевание силой царского оружия, а именно приобретение силой творческого труда, преобразованием экономики и культуры Сибири, под влиянием трудового опыта и культуры русского народа — таково существо этих событий мировой истории XVII — XVIII вв., это имел в виду Радищев, когда писал свой труд.

Но приобретение чье, в чьих интересах? И здесь в оценке всего многообразия исторических событий следует исходить из классового анализа, из учета характера и расстановки участвовавших в них конкретных деятелей, из гениального ленинского определения о двух культурах в истории России.

Один лагерь составляли представители эксплуататорских классов старой России, царь и его окружение, дворяне и купцы.

Другой, противоположный, лагерь представлял самый многочисленный класс — крестьянство.

Эксплуататорская верхушка России XVII — XVIII вв. стремилась увеличить свои богатство и могущество за счет овладения новыми территориями с их населением и богатствами, в первую очередь по понятиям того времени — валютным сырьем: соболиными шкурками, золотом и

Общий вид Спасо-Зашиверской церкви с юга. На севере видно ущелье «Царская дорога»*

серебром. Недаром же так волновали царскую администрацию того времени поиски золотых и серебряных руд не только в районе Нерчинска или Алтая, но и на Ангаре, куда увлек один тунгусский князец воеводу Якова Хрипунова фантастическими известиями о целой серебряной горе.

Но диалектика истории в том, что господствующему классу противостояли угнетенные низы. И для них приобретение Сибири имело совершенно другой смысл, иные, контрастно противоположные, классово иные цели, иную внутреннюю необходимость, главную для самой России, для Русского государства как такового.

Эта диалектическая сущность освоения земель Сибири состояла прежде всего в том, что продвижение русских землепроходцев за Урал являлось естественным и закономерным завер-

шением процесса складывания многонационального Русского государства. Это освоение отвечало жизненным интересам русского крестьянина, искавшего па востоке землю, свободную от помещика.

Крестьянин жаждал не только земли, где он мог бы полностью проявить свою богатырскую силу, но и воли, свободы от помещичьего гнета, от гнусного крепостного права, которое так ненавидел и проклинал Радищев, от произвола помещика.

Не случайно же именно в Сибири возникла мечта крестьянина о царстве свободы, о такой стране, где нет ни помещика, ни царя, ни воевод, — о мифическом «Беловодье». Исполосованные кнутом, с рваными ноздрями и резаными ушами крестьянские бунтари, сподвижники Разина и Пугачева, ссыльные московские стрельцы, участники медного бунта,

некогда хватавшие самого царя Алексея за золотые пуговицы, веками лелеяли эту исконно крестьянскую легенду. Отзвуки ее долетели и до крайних арктических берегов Сибири. Здесь сложилась идея о том, что где-то на неведомых островах в Ледовитом море, за недоступными торосами лежат счастливые острова, находится «Земля бородатых».

Люди не только мечтали о крестьянском рае, но и в меру сил боролись против своеволия воевод, лихоимства приказчиков, тяжести царского десятинного тягла и оброка, против подневольного тяжкого труда на казенных сереброплавильных заводах на Алтае, в Нерчинске, на Шилке.

Не раз восставшие крестьяне и служилые люди сибирских городов и острогов поднимались с оружием в руках, хватали своих насильников и обидчиков, осаждали их в ненавистных народу воеводских канцеляриях с пыточными комнатами и застенками. До сих пор можно видеть, например, в древней якутской воеводской канцелярии с ее низкими тяжелыми сводами и массивными, как у крепостной башни, стенами прочные железные, вбитые наглухо кольца в потолке. Такие же кольца, нужно думать, держали на себе орудия пыток, страшную дыбу, предназначенную вешать людей за ребро.

Как ни далека была Сибирь от Волги и Москвы, но и до ленской окраины долетело имя Степана Разина. В 1692 г. восставшие против царского управителя крестьяне Бирюльского села на верхней Лене звали своего вожака «Стенькой, что прозывается Разиным». Отряды Емельяна Пугачева достигали в XVIII в. Иртыша. Пламя великой крестьянской войны обжигало и крепкие стены сибирских острогов!

Не случайно в те времена популярным было выражение: «сажать в воду», иначе говоря, топить в прорубях ненавистных приказных-лихоимцев, на которых в первую очередь обрушивался классовый гнев социальных низов старой Сибири. И не где-нибудь, а на Ангаре, в знаменитом Балаганском Братском *остроге* прозвучали слова, направленные против царя, против царистской идеологии: «Как народ голкнет, так царь и умолкнет!»

Самое же главное заключается в том, что как ни тяжел был этот ненавистный гнет, как ни силен был местный произвол властителей

и сатрапов, участь сибирского крестьянина все же оставалась несравнимой с тем, что терпело крестьянство центральных областей страны, отданных под иго дворян-помещиков, в крепостную зависимость.

Сибирский крестьянин, как и черносочные государственные крестьяне поморского Севера, не знал власти помещика, уподоблявшей человека скоту, делавшей его чужой собственностью, рабом, объектом купли-продажи и безграничного, жестокого и гнусного насилия над телом и душой крепостного человека.

Слишком велики были просторы Сибири. Да и помещику нечего было делать там, где само государство могло обойтись без него, силами, инициативой вольного люда и собственного государственного аппарата. Могло обойтись и обходилось.

Тот факт, что основным деятелем освоения Сибири был крестьянин, человек труда, имел прежде всего своим последствием особые отношения сибирских аборигенов с пришельцами из-за Урала, принципиально иные, чем те, которые имели место в колониальной политике испанцев, англичан и других европейских народов.

Народы Сибири не были истреблены пришельцами, как это произошло с индейцами Америки или тасманийцами. Коренные жители Сибири сохранили свой бытовой уклад, свой язык. Несмотря на гнет царизма, многие сибирские племена за 400 лет не только не уменьшились количественно, но и выросли, как, например, якуты, в три раза!

Объективно этот процесс, вопреки колониальной политике эксплуататорских классов царской России, способствовал прогрессу народов, которые обитали в Сибири. В их жизнь вошло новое явление — сближение с трудовым русским народом и его культурой.

И не случайно в истории первых контактов сибирских народов с русскими записаны такие примеры, как добровольное согласие одного из самых сильных сибирских племен — бурят — дать «с себя ясак» и поддаться «под высокую руку» московского *царя*.

Удивление перед высокой русской культурой и желание войти в ее орбиту сквозят и в замечательной якутской легенде о первой встрече маленькой группы русских с легендарным, но реальным деятелем ранней истории якутов — Тыгыном.

Однажды в весеннюю лору половодья, когда Леиа широко разлилась, у нынешнего Якутска в привольной долине Сайсары появились необычайные по виду пришельцы. Это случилось у берестяных высоких шатров якутского вождя Тыгына, «якутского царя», как его величают предания. По одним рассказам, пришельцев было двое, по другим — семеро и в том числе будто бы Ермак. Они были одеты в необычную одежду, говорили на непонятном для якутов языке, и, что было самое непривычное, «левый глаз у них не мог видеть, что делает правый глаз»: такие высокие были у них, в отличие от якутских, носы, не говоря уже о густых бородах. Удивленный Тыгын сказал: «У них нос — сюда, а глаз — туда, должно быть, толковые, смысленные люди. Молодцы и по силе — мощи своей, и по работе, и по приветливому обхождению весьма отменны они!» Сказал — и сделал пришельцев своими работниками.

Летом подул сильный ветер с севера и пришельцы ушли на плоту под парусами вверх по реке туда, откуда они пришли. Так, согласно легендам, впервые познакомились якуты с русскими людьми.

Русские выступают здесь в противовес эксплуататору Тыгыну тружениками и носителями новой высокой культуры. Так оценила их фольклорная, демократическая по сути традиция, отражающая идеологию простого улусного народа Якутии.

Как и во многих других легендах, здесь имеется историческое ядро. В 30-х годах XVIII в. Академия наук организовала первую экспедицию для всестороннего изучения Сибири во главе с Берингом. В составе ее был известный путешественник, естествоиспытатель и этнограф Иоганн Георг Гмелин. В 1752 г. он опубликовал в Гёттингене изустные рассказы мангазейских казаков о беспримерном, поистине легендарном путешествии «гулящего», иначе говоря вольного, промышленника Пенды. Рассказы эти, передававшиеся, как говорит Гмелин, от отца к сыну, из поколения в поколение, поразили не только Гмелина, но и участника той же первой академической экспедиции в Якутию академика Г. Ф. Миллера, написавшего первую «Историю Сибири», а также второго историка Сибири — И. Э. Фишера.

И в самом деле, здесь было чему удивляться. Пенда где-то около 1620 г. начал свой путь от Туруханска. Поднялся затем по Нижней Тун-

гуске и дошел до самых ее верховьев. Потом перевалил посуху через волок и вышел на великую сибирскую реку Лену в том месте, где был со временем основан Чечуйский острожек. Оттуда сплыл вниз по Лене в центральную Якутию, где, должно быть, и на самом деле встретился с Тыгином. А потом пошел снова вверх по Лене в бурятские степи, откуда поплыл вниз по Ангаре и Енисею, пока не пришел обратно туда, откуда начал свое головокружительное путешествие, в опорный центр русского продвижения — в «златокипящую государеву вотчину» — заполярный город Мангазею.

Вместе со своими 40 спутниками он мужественно преодолел такие природные препятствия, как скалы и стремнины Нижней Тунгуски; первый прошел грозные ангарские пороги и первым из русских людей увидел якутов и бурят на Лене и Ангаре. Вернувшись обратно в Мангазею, он оставил письменное известие о своих открытиях, которое послужило поводом к дальнейшему исследованию и заселению новых областей Сибири. Замечательно при этом, что Пендой и его товарищами двигала не только и вовсе не погоня за соболем. Тот же И. Г. Гмелин писал, как по рассказам мангазейских казаков он, Пенда, так много слышал о подвигах своих предшественников, что захотел сделать свое имя столь же знаменитым и громким в памяти потомков. Пендой двигала жажда славы и великих дел!

Не сравнимое ни с чем по смелости и масштабам путешествие Пенды с товарищами служит еще одним свидетельством того, что у коренного населения Сибири, у его социальных низов, не было желания враждовать с русскими. Различные недоразумения вызывались своеволием и лихоимством местного начальства, эксцессами отдельных управителей вроде известного Ивана Похабова, заслужившего прозвище «Багаба-хан», или не менее колоритных таких фигур, как Яков Хрипунов во время его «серебряной экспедиции», как Христофор Кафтырев в Балаганском остроге или Павел Халецкий в Бирюльской слободе.

И, что всего важнее, в ряде случаев, когда вспыхивали восстания крестьян и городских низов против лихоимства управителей, приказных и воевод, русские и аборигены, буряты объединялись для общей борьбы за правое свое дело. Так было в Томске, Балаганске.

Таковы закономерности освоения Сибири, имевшие внутренний характер. Не менее важны, столь же глубоки и внешнеполитические причины этих событий, государственные, тоже всемирно-исторические по масштабам.

Из XVII в. в наше время тянутся незримые нити, связавшие судьбу народов Сибири с русским народом и другими народами пашей страны.

Разумеется, не следует рассматривать людей XVII в., их время и их подвиги с позиций нашего времени. В XVII в., три столетия тому назад, иными были их представления и их обычаи, психология и нравы. Нам яснее видны вся историческая перспектива и скрытый от людей того времени исторический смысл событий, участниками которых они были. Мы знаем теперь, что это было время глубокого исторического перелома, прежде всего для коренных жителей Сибири. В то далекое время население Севера не только впервые узнало, что за пределами их кочевий находится другой, огромный и неизведанный мир, что где-то далеко на запад от «Собачьей реки» — Индигирки — высится белокаменная златоглавая Москва, столица могущественного государства. Оно, тысячелетиями жившее в каменном веке, за какие-нибудь полсотни лет оказалось в соприкосновении с миром новой культуры и новых социальных отношений. И носителями этой культуры, главными деятелями, основной силой продвижения ее в глубь Азиатского материка были не столько служилые люди и купцы, сколько вольные люди — промышленники и крестьяне, стремящиеся уйти от крепостной неволи — помещичьего гнета, царского тягла в неизведанные новые земли.

Ватаги промышленных людей и отважные казацкие отряды на свой страх и риск пускались в «новые земли» Сибири, неудержимо двигались на восток. Их увлекали бесконечные просторы, открывавшиеся за Уралом, богатые соболями бескрайние леса, многочисленные торжки и ярмарки, на которые собирались пестрые толпы обитателей Сибири.

Одних влекла туда жажда богатства, погоня за валютным сырьем, за мягким золотом — пушниной, главным образом за соболем, а со временем за морскими бобрами, каланами, песцами. Это были люди, жадные на авантюры, мечтавшие найти там не только мягкую рухлядь, но и если ке золотые, то серебряные горы.

Такова была, папример, шумная и отчаянная ватага, собравшаяся вокруг Якова Хрипунова в 30-х годах XVII в. на Ангаре, чтобы искать там «серебряную гору», о которой дошли до них туманные слухи.

Других тянули в тайгу и тундру, наконец, в отважные морские плавания по студеным морям увлеченность путешествиями, любопытство и желание увидеть невиданные земли и народы. Более того, как прославленного Пенду, — слава открывателя новых стран, неизвестных племен.

И во всех случаях мощным внутренним стимулом для такого продвижения с запада на восток, в глубь сибирских пространств, являлись глубокие социальные и экономические закономерности, связанные с развитием Русского государства.

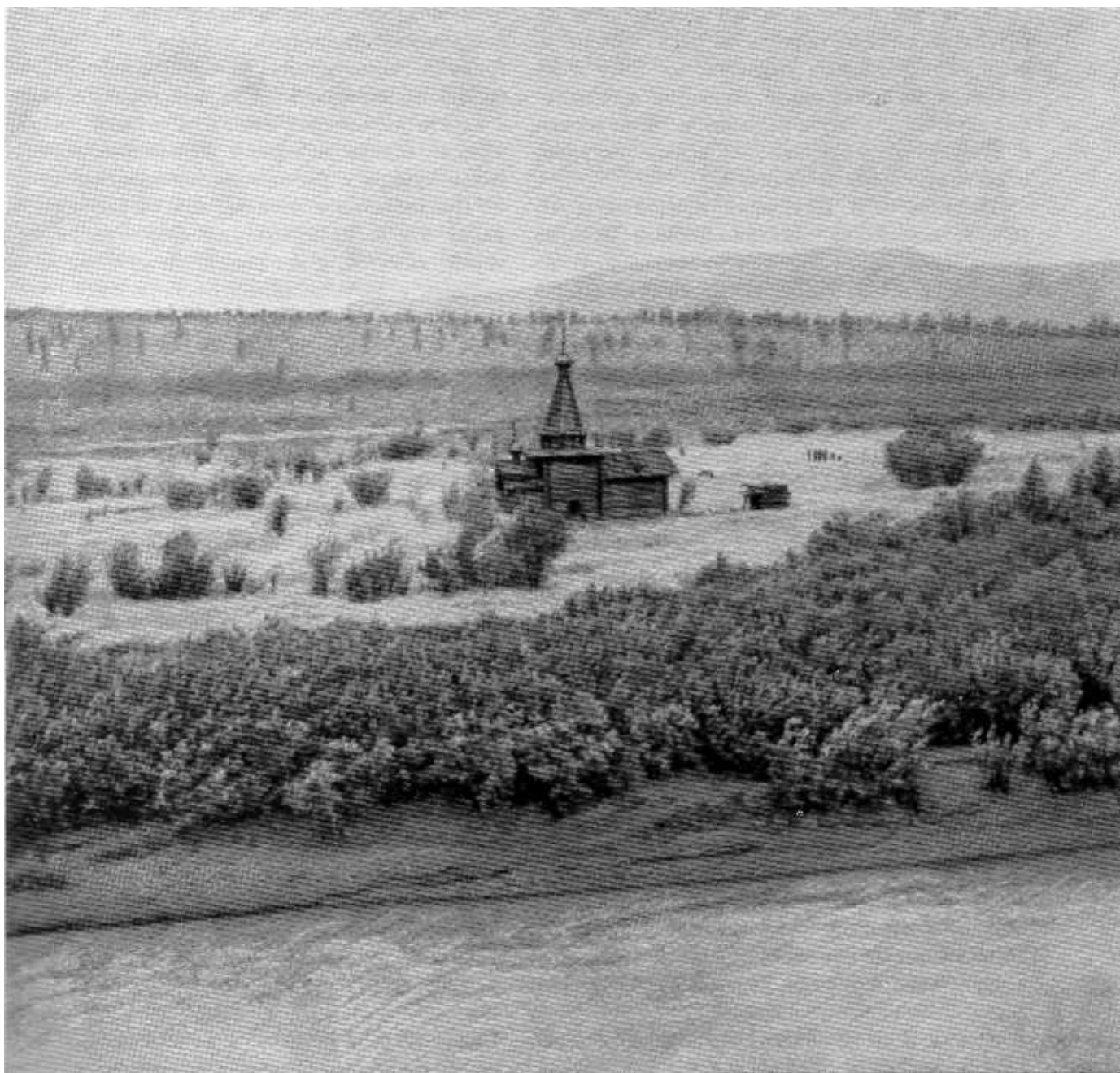
По мере формирования многонационального Российского государства усиливалась его экономическая мощь. Процесс концентрации «небольших рынков в один всероссийский рынок», расширение торговли Российского государства с Англией и Голландией, растущие экономические потребности высоко подняли значение ценной пушнины, мамонтовой кости и других богатств Сибири.

Основными причинами ухода большого числа крестьян в Сибирь явились усиление крепостнического гнета, обострение классовой борьбы и разорение народа от продолжительных войн России в XVI—XVII вв. со Швецией, Турцией и Польшей.

Освоение русскими необжитых территорий Сибири было поразительно быстрым. Уже в 30-е годы XVII в. они построили острожки на берегах Лены, Алдана и Вилюя. Так были открыты, как писал один из предводителей казаков, реки, «дальние, от века несслыханные земли»¹.

За Алданом на северо-восточном горизонте неба высился Верхоянский хребет. За хребтом открывалась неведомая страна — «Юкагирская земля», страна великих гор, могучих рек и суровых долин. Даже смелые землепроходцы смутились и не решились штурмовать непроходимые вершины. Они сначала спустились на кочах по Лене до Ледовитого океана и уже с его просторов проникали в долины северных рек.

О начале освоения Индигирки русскими С. В. Бахрушин писал: «В 1633 г. Илья Перфильев с товарищами и с «охочими промышлен-

Вид с горы левого берега на территорию, где был город Зашиверск. Высятся Спасо-Зашиверская церковь

ныли людьми» спустился вниз по Лене до устья и, свернув на восток, проехал «в новое место морем на Яну реку», а его товарищ, Иван Ребров, попавший на Лену из Мангазеи, продолжал плавание «по морю на новую стороннюю Индигирскую реку»². Так в документах является имя реки Индигирки, она же «Собачья река».

«Собачьей рекой» ее назвали, нужно думать, по той причине, что встреченные первыми русскими путешественниками обитатели низовьев Индигирки имели из домашних животных только собак. Домашних оленей у них, очевидно, не было. Это были, следовательно, не «оленные люди», а пешие, собаководы. Иван Ребров поднялся по реке, собрал ясак и вернул-

ся в Якутск после семи лет путешествия. О результатах своего похода он писал: «А прежменя на тех тяжелых службах, на Янге и на Собачьей, не бывал никто, проведаль я те дальние службы... нужу и бедность и холод терпел и душу свою осквернил, ел всякое скверно, и сосновую кору и траву»³.

И далее С. В. Бахрушин продолжает: «В 1636 г. енисейский десятник Елисей Буза из устья Лены морем проехал на запад до устья Оленека, а в 1637 г. одновременно тот же Буза морским же путем достиг устья Яны, а другой отряд служилых людей под начальством Посника Иванова сухим путем прошел к ее верховьям, а оттуда в 1639 г. на Индигирку»⁴.

«Сухой» путь, найденный П. Ивановым, использовался и позже. Другого пути не было. «Обычно,— пишет С. В. Бахрушин,— путь с Лены на «заморские реки» и на полярное «Поморье» совершался «коньими» через Верхоянский хребет, отделяющий бассейн Лены от рек, впадающих в океан к востоку от ее устья. Выйдя из Якутска, пересекали Алдан «у перевоза» и, преодолев «Камень», в 5 недель достигали верховьев Яны. С Яны же, на конях, шли дальше на восток, вдоль ее притока Толстока, и, перевалив хребет Тай-Хаянтах (Тас-Хаяхтаах, хребет «Каменного масла». — Л. О.), через 3—4 недели попадали на «Собачью реку» или Индигирку, а с Индигирки на нартах в такое же приблизительно время доходили до р. Алазеи. С Алазеи в 10 дней достигали верхнего течения Колымы. Колыма являлась исходным пунктом, откуда найдены были дороги к берегам Берингова пролива и северной части Охотского моря (называвшейся в прошлом Пенжинским морем)»⁵.

Отряд П. Иванова ниже знаменитых индигирских порогов (шивер) построил в 1639 г. зимовье, получившее впоследствии название Зашиверск⁶ (за каменными порогами — шиверами). К этому времени появились также Уяндинское и Олюбенское зимовья. По сравнению с последними место для Зашиверского зимовья было выбрано более удачно. Оно находилось в центре «Юкагирской землицы», П. Иванов, построивший зимовье, писал: «Юкагирская земляца людна, а Индигирская река рыбна; в Юкагирской землице соболей много; и в Индигиреку многие реки впади, а по всем по тем рекам живут многие пешие и оленные люди; да у юкагирских же людей серебро есть»⁷.

Зашиверск поставлен был казаками на среднем течении Индигирки, недалеко от северной границы лесотундры. Выше Зашиверска до Охотского моря лежит обширная горная страна, а па сто километров ниже его сплошь расстилается, вплоть до самого Ледовитого океана, голая тундра с бесчисленными пятнами озер.

Пролетая на вертолете, мы воочию видели внизу эту бескрайнюю, как море, тундру, которой, кажется, и нет конца. Летели над лесотундрой и бесчисленными озерами, куда с шумом и брызгами бросались сохатые. Там, в холодной глубине озерных вод, они спасаются от гнуса и ищут свой корм.

Триста лет тому назад вдоль бурных рек и через пескончаемые леса и болота русские люди шли, нередко «наги и голодны, голы и босы, питаюсь всякою скверною...» Они дошли до «самого края света», переплыли Берингов пролив, овладели Аляской, Калифорнией, освоили не только Алеутские и Командорские острова, не только Камчатку, но и далекие Курильские острова.

Археологами найдены при раскопках на Курилах русские кресты, монеты и другие вещественные подтверждения и письменные свидетельства о том, что здесь, в стране «мохнатых курильцев», раньше других были русские люди.

Это были и на самом деле, как справедливо писал Бахрушин, «головокружительные успехи»⁸.

О первых шагах русских землепроходцев по Индигирке, о начале ее освоения рассказывают и предания коренных жителей «Собачьей реки». Местный якутский фольклор связывает появление русских на Индигирке с деятельностью якута Ёрё-Чёрёгёра⁹. О нем жители Индигирки и Колымы рассказывают по-разному, и предания бытуют во многих вариантах. Основной сюжет этого исторического предания такой.

На Индигирке появляется с братом один удалой якут-богатырь по имени Ёрё-Чёрёгёр. После ряда стычек с местными жителями, коренными насельниками края, братья бегут к якутам па р. Яну. Во время преследования был убит брат Ёрё-Чёрёгёра. Сам Чёрёгёр перепрыгнул через р. Селенэх и с противоположного берега крикнул преследователям, что вернется через три года. Он явился в город Якутск. По просьбе Чёрёгёра воевода назначил его проводником отряда казаков. Отряд плыл

по Лене и Ледовитому океану, затем поднялся по Индигирке. Через три года после своего бегства Ёрё-Чёрёгёр с русским отрядом возвращается на Индигирку и побеждает юкагиров.

Несмотря на легендарность рассказа, по-видимому, предание имеет историческую основу. Из истории XVII в. известно много случаев, когда якуты или юкагиры и тунгусы выступали в качестве проводников русских землепроходцев. Возможно, Ёрё-Чёрёгёр указал место строительства зимовья и помогал строить город Зашиверск. Известно также, что туземные проводники-вожи провели отряд служилых людей на Индигирку не морем и далее вверх по реке, а через горы. И это были юкагиры.

Согласно письменным источникам, использованным Б. О. Долгих в его капитальном труде, об этом времени говорится, что в 1639 г., когда Постник Иванов и Иван Ерастов находились на Яне, Ерастов по просьбе якутов, проживавших на р. Яне и «под Каменем», разгромил юкагиров. Б. О. Долгих пишет далее, что восемь человек юкагиров были взяты в плен. Среди них один владел якутским языком. Эти пленные юкагиры провели отряд Ерастова через горы с Яны на Индигирку¹⁰.

Таковы сведения о ранней истории Зашиверска, сначала зимовья, затем острога, наконец, города, хотя и эфемерного, жившего недолго, но оставившего глубокий след в истории Заполярья. И, что всего важнее, оставившего такой уникальный памятник древнерусской культуры в Заполярье, каким является Зашиверская Спасская церковь.

И вот, наконец, внизу показалась цель, к которой мы стремились, наша мечта — сам XVII в., вещественный представитель времени Ивана Постника и Ивапа Реброва «со товарищи» — Зашиверск! С высоты, с борта вертолета сразу стало видно, как смело и вместе с тем рационально выбрали место для своего острога его строители. Они остановились на далеко выдвинувшемся в речное пространство широком мысе, похожем на коровий язык, отделенном от материка узким перешейком — своего рода естественной природной крепости, окруженной со всех сторон рекой. Не просто рекой, а бурной, поистине бешеной в своем полноводье Индигиркой. На противоположном берегу высятся еще более дикие скалы, среди них — гора, срезанная вертикально, как будто уда-

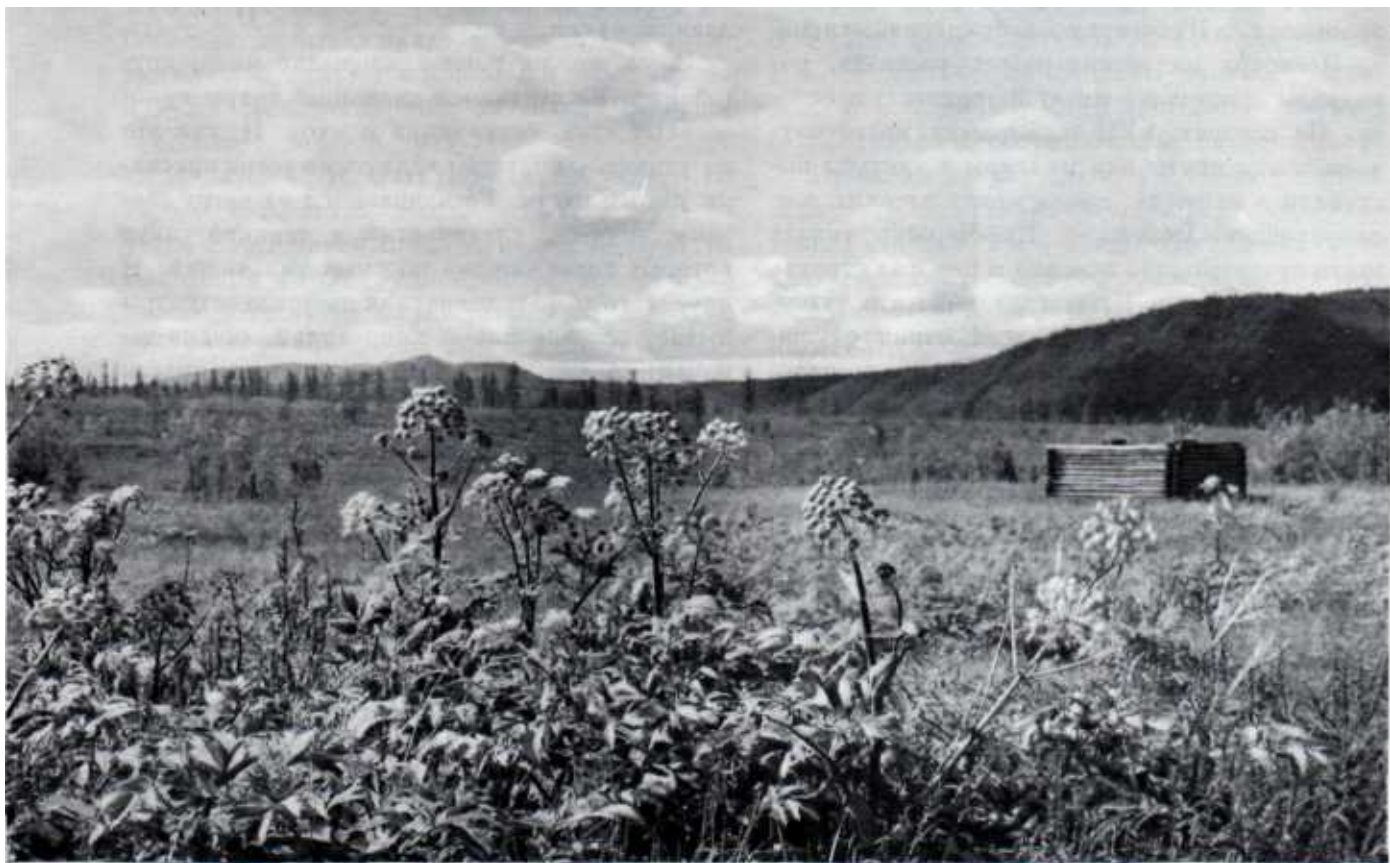
ром гигантской секиры. С нее время от времени скатываются и с грохотом обрушиваются в мутную пучину, в бурлящие водовороты огромные лавины камня.

Здесь же, на ровной площадке мыса, другой мир. Расстилаются сплошные ковры ярко-зеленых трав, багульника и мхов. И как это ни удивительно, горят едва ли не всеми красками радуги цветы. Раскачиваются на ветру зонтики «пучек», сладковатый и терпкий вкус которых знает каждый таежный мальчишка. И ярче всего этого великолепия цветов лесотундры пылает розовое пламя кипрейника, «ивана-дамари». А над всем этим великолепием красок высилось сказочно прекрасное здание, рубленое из потемневших от времени мощных листовичных бревен.

Такие деревья не растут в лесотундре у Зашиверска. Их сплавили, должно быть, изда-лека, с верховьев Индигирки.

Нужно сказать, что в свое время такое же приятное впечатление, как и на нас, местность, окружающая Зашиверск, произвела на Ф. П. Врангеля. «Зашиверск, — писал этот путешественник, — построен среди пространственной равнины, богатой прекрасными лугами и усеянной озерами, обильными рыбой» (*Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю*, с. 128). А на другого известного путешественника Г. А. Сарычева местность, где расположен Зашиверск, произвела, впрочем, неблагоприятное впечатление: «Болотистое и гористое кругом местоположение, — писал он, — неплодность земли и недостаток во всем нужном делают пребывание здесь скучным, а в рассуждении дороговизны — несносным» (*Саричев Г. А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану*. М., 1952, с. 89).

Как и положено, церковь состоит из трех взаимосвязанных частей: первая — собственно церковь, высокий и сравнительно узкий сруб, вторая — алтарная апсида, выдающаяся па восток. Третья — самое обширное помещение — трапезная. С северной стороны еще сохранились выступы-бревна, на коих покоилась когда-то галерея, из которой широкая дверь вела прямо внутрь церкви. На галерее соби-рался парод в дни больших церковных праздников. Это было по тем временам своего рода «фойе».

Окрестности, где был расположен Зашиверск. Вдали видны горы. На переднем плане цветы Заполярья

В трапезной тоже собирался народ, но эта часть здания имела свое, особое назначение, связанное с социальной структурой старого города, с общинным началом. Как и на Русском Севере, трапезная служила, говоря современным языком, своего рода клубом, где обсуждались мирские дела, касавшиеся всех жителей города. В трапезной в дни больших праздников устраивались не только сходки, но и по древним общинным обычаям распивалось пиво.

И не только распивалось пиво, но бывали в Сибири и такие случаи, когда собравшиеся в трапезной выступали против лихоимства воевод и приказных людей. Иногда получалось и так, что в одном храме собиралась оппозиция властям, а в другом — сторонники начальства.

Об этом пишет С. В. Бахрушин относительно Красноярска: «В половине XVII в. там были две церкви. Одна, старая, Преображенская

церковь слыла в качестве официального «государева богомоля», другая же, Покровская ...сделалась центром, объединявшим местное красноярское население. В моменты «смуты» в нее собирались служилые люди в «круги»; в церковной трапезе совещались они «миром», покровский староста являлся естественным представителем подобного собрания; наконец, колокол Покровской церкви заменял собой для Красноярска вечевой колокол, по набатному звону которого красноярцы собирались на сходку. Любопытно, что во время борьбы красноярского гарнизона с воеводой С. И. Дурново соборный протопоп Матвей поддерживал воеводу и подписал челобитную, имевшую целью показать его правоту; покровский же поп Савинов Петр, наоборот, сочувствовал восставшей пастве и допускал очень резкие выходки против воеводы»

Общий вид Зашиверской церкви на фоне скал левого берега Индигирки. Слева видны остатки колокольни

В трапезной, должно быть в специальных ларях — хранилищах, за крепкими обручами и замками лежали книги не только церковные, богослужебные. Здесь хранился церковный архив, а может быть, и архивы общественно-мирские. По крайней мере так было в других местах Русского Севера. Древний уклад жизни сельских общин этого края описан А. Я. Ефименко и другими исследователями.

Обращает на себя внимание в этой связи любопытный перечень книг Зашиверской церковной библиотеки, обнаруженный автором первой статьи по истории города Зашиверска — «В. Г.», изданной под этими инициалами в 1922 г. в Якутске. Автор статьи пишет: «Еще Петру пришлось обнаружить указ об уничтожении имевшихся при церквях книг с дониконовскими положениями. Такие же указы сочинялись и при ближайших его преемни-

ках, когда стали искать уже не только раскольничьи книги, но и другие, вообще почему-либо считавшиеся опасными. Должно быть, в оправдание того, что недозволенных книг не имеется при Зашиверской церкви, был составлен список, из которого мы узнаем, что в Зашиверске были и читались книги, необходимые при отважных путешествиях, предпринимавшихся казаками того времени. Среди этих книг имелись карта Варяжского моря на Александрийской бумаге, Куншт корабельный, пропорции о снастке английских кораблей с цифрными табелями, Устав Морской, Регламент шхипорской четырех маниров на разных языках, Поверение воинских правил, Синус или логарифмы, Устав военной на русском языке, геометрия, Инструкция о датских морских артикулях, Устав морской з галанских языков, Экзерциция военная, молитвенники морской

и сухопутный, Реестр о политических книгах, которые продаются в Гааге»¹³.

Б собственно церкви, принадлежавшей, по понятиям того времени, богу, давно уже нет прежнего иконостаса, как нет и царских врат. Все это было перенесено вместе с колоколами в другие церкви после того, как Спасо-Зашиверская церковь перестала быть приходом. Но и сейчас по огромному пятну копоти от жарко горевших когда-то восковых свечей можно представить, как в строгом, издревле установленном порядке стояли потемневшие от времени иконы, располагались над алтарем, над его срубом-восьмериком, который характерным образом расширялся кверху — повалом. Превосходно сохранившаяся над алтарем «бочка» стоит и теперь, увенчанная грациозной главкой с высоким крестом. И всего выше легко и свободно вздымается в небо высокий шатер церкви. Он стоит на таком же восьмерике с повалом, па нем снова поднимается главка и на ней крест, такой же строгий, так же устремленный ввысь.

К западу от церкви еще сохранились остатки колокольни, которая не так давно была также увенчана шатром. Осматривая ее сруб, вросший в землю и покосившийся, мы увидели в нем не только проемы ворот, но и бойницы. Значит, первоначально, в бурные годы прошлого, это была не только звонница, но вместе с тем и проезжая башня, часть оборонительного сооружения древнего острога. От всего остального, что когда-то изобразили на своих рисунках-акварелях Ф. Матюшкин и Л. Воронин, остались только всхолмления-бугры, густо поросшие травой. Над землей уцелели, впрочем, два сруба, вероятно относившиеся по времени постройки к середине XIX столетия. При одном из них еще уцелела одинокая коновязь — сэрге, оформленная в чисто якутском национальном стиле, но очень скупо — без стреловидных выступов для узды, без геометрического узора. К ней привязывали своих лошадей, должно быть, редкие гости — посетители этого места в те годы, когда город и его постройки уже отошли целиком в область легенд.

Около церкви уцелели и остатки надмогильного сооружения-навеса, а под ним — истертая временем песчаниковая плита, на которой еще можно было при известном напряжении заметить следующие строки эпитафии:

«Под камнем почие сим от трудов своих инородец отставной Харанов, покрещении Николаи Ефимов, преставившейся 29-го марта 1846 года на 62 году жизни, оставя семь сыновей и три тщи, служил в своем Эльгеском улусе князцом и старостою 34 и головою 15 лет — Помпию СЮ господи егда пршдешиъ воцарст-Вии твоём».

Итак, все, что из деревянных построек находилось еще над землей в древнем Зашиверске было у нас перед глазами. Разумеется, этого было мало для археологов, которых манила не только наземная, но и подземная часть мертвого города. И начинать эти поиски следовало с уцелевших остатков проезжей башни колокольни, явно вросшей в землю своим основанием. Следовало не только измерить и начертить башню, но и поискать остатки самого острога, его башен, если они когда-либо существовали, а также и стен. Какой же мог быть острог, если бы у него не было стен, если не в виде срубов, то по крайней мере тына!

В то время как архитекторы во главе (И. В. Маковецким и Е. А. Ащепковым лазал по стенам и крыше церкви, тщательно измеряя бревно за бревном, археологи начали поиски остатков острога, его башен и стен с обследования окрестностей башни-колокольни.

Раскопки в Арктике, как известно, специфическое и нелегкое дело. Главный враг археологов здесь не столько комары и мелкий гнус (полчища кровожадных насекомых только того и ждут, чтобы человек взял в руки лопату!), сколько мерзлота. Так было и па этот раз. На глубине 25—30 см под слоем мха и илестой земли уже находился лед, прочная, твердая, непроницаемая, как камень, мерзлая почва.

Но упорство археологов взяло свое. Сначала были обнаружены два параллельных бревна, за ними такие же другие, было найдено основание рубленой стены острога, который не существовал на поверхности уже в то время, когда Зашиверск рисовал Лука Воронин, т. е. в конце XVIII в. Нашли не только продолжение острожной стены до самой реки, но и проследили ее поворот па восток и даже обнаружили полы башен.

К нашей радости, это был, должно быть, тот самый острог, который изобразил когда-то в своей «Чертежной книге» Семен Ремезов, откуда слали свои отписки в Якутск дети боярские — Козьма Лошаков и Григорий Пушкин.

Как пишет В. И. Кочедамов, многие сибирские крепости при возникновении или вскоре после получили стены не из тына, а рубленые из «городней», или «тарас». Нередко новыми рублеными стенами окружалась старая крепость — острог.

Первоначальным типом рубленых стен были «городни» — венчатые срубы прямоугольной формы в плане, составляемые в прясло (стену). Наиболее совершенная конструкция прясла крепостных сооружений представляла собой две стены, соединенные поперечными стенами, причем наружная часть прясла имела непрерывные рубленые стены. Элементы такой ячеистой конструкции стены назывались «тарасами».

Простейшее сооружение подобного рода, по словам В. И. Кочедамова, находилось в Зашиверске. Город представлен на плане 1798 г. в виде прямоугольника размером примерно 34,0 на 45,0 м. Там показаны встроенные в стену амбары и темница для аманатов и в самой крепости дом управителя. Восточная, западная и часть южной стены состояли из городней размером около 3,2 X 2,8 м, отстоящих друг от друга примерно на 2 м. Стена была крыта тесом и не имела аблама. В 1700 г. северная стена была разобрана и на ее месте поставлена церковь, а промежутки между ней и соседними стенами заполнили тыном. Над крепостными воротами находилась колокольня.

Эта картина старого Зашиверска, острога и церкви в нем, описанная Кочедамовым, подтверждена была нашими раскопками.

Раскопки вскрыли и другие, неизвестные раньше страницы истории Зашиверска. Над бревнами старого острога лежал тонкий слой угля и пепла. Не от того ли времени, когда ламуты осаждали казаков? А еще выше — илистый нанос. Значит, был момент, когда Индигирка в своем разливе, может быть, подпертая льдами, затопила острог. Не была затоплена только самая высокая площадка, на которой стояла церковь. Позднее последовало время расцвета жизни в старом городе; в этот период уже не было оборонительных стен. В них теперь не было нужды. У самой стены оказались остатки или, вернее, отбросы мастерской костореза. Для этого традиционного мастерства Русского Севера здесь в изобилии было такого драгоценного материала, как бивни мамонта. Найденные в раскопах поперечные срезы нередко с гигантских бивней, гладко отшлифованные плашки-

заготовки и просто обломки бивней свидетельствовали о массовом в Зашиверске производстве изделий из мамонтовой кости.

Обнаружены были и заготовки различных изделий, в том числе загадочная антропоморфная фигурка — «юкагирский бог», как мы называли ее из-за сходства с деревянными и костяными идолами таежных племен. Может быть, эту фигуру и на самом деле резал из бивня мамонта, сидя в аманатской башне-темнице, рядом с жилищем православного бога — сурового Спаса — наивный почитатель этого русского загадочного бога и своих шаманских духов ламут или юкагир? А может быть, даже и сам плененный казаками аманат — заложник, шаман?

Поскольку речь зашла об аманатах, нельзя не вспомнить, что еще в первой половине XIX в. в старой казачьей крепости — Зашиверске — видели ветхую деревянную башню, где помещались когда-то аманаты, юкагиры и тунгусы. «Замечательна здесь, — говорится в статье И. Сельского, — деревянная башня в 1,5 квадр. сажени, служившая лет за сто перед сим жилищем аманатов, которые, по преданиям, брались в детском и отроческом возрасте от ламутов, юкагиров и тунгусов, обитавших и ныне обитающих в этой части Верхоянского округа»¹³.

В этой башне зоркий наблюдатель, информатор И. Сельского Виноградов, увидел замечательные образцы живого реалистического искусства несчастных сидельцев, жертв ясной политики и алчности «далеко пребывающего грозного царя — ырахтаагы», как его называли в старину якуты на своем образном и выразительном эпическом языке. Аманаты, пишет Сельский, «пользуясь некоторой свободой и томимые тоской по родине, вырезали снаружи и внутри на стенах башни изображения оленей и собак, неразлучных своих спутников и верных друзей, живо напоминавших им дикую, но всегда милую свободу, обширность тундр, необозримые леса, крутые горы и быстрые реки»¹⁴.

Особую радость археологам доставила украшенная тончайшей резьбой шахматная фигурка из того же благородного материала — родной собрат шахматных коллекций с острова Фаддея и залива Симса, из Мапгазеи. Аманатам, возможно, принадлежала та же заготовка «юкагирского бога» или, быть может, шаманской колоушки для бубна, найденная при раскопках

в Зашиверске. С «юкагирским богом», обнаруженным у бывшей острожной стены города, явственно «перекликались» типично ламутские и юкагирские каменные скребки для выделки шкур.

Наличие каменных скребков в культурном слое старого Зашиверска интересно и тем, что при осмотре галечных отмелей и кос на берегу Индигирки выше того места, где располагался город, нами были найдены многочисленные оббитые гальки. Гальки эти, несомненно, были обработаны человеческой рукой. И, быть может, той самой, которая изготовила каменные скребки. Нечто подобное нам встречалось и раньше, во время экспедиции 1946 г. по Колыме. Древние юкагиры, видимо, издревле собирали годный для обработки камень в виде галек на берегах Индигирки и Колымы, чтобы выделывать из таких галек свои каменные орудия. Последними образцами таких каменных орудий в этнографии нашего Севера являются каменные скребки типа куочай, которыми, по словам местных жителей, еще в 40-х годах нашего века было удобнее сдирать мездру с оленьих шкур, потому что каменное лезвие «не режет шкуру», как железное.

Были найдены и крупные стеклянные бусы, белые и голубые, тот самый «одекуй», о бойкой торговле которым с племенами тайги и тундры писали в своих отписках служилые люди. Тяжелые медные монеты показали, что мастерская действовала в момент расцвета города — в XVIII в.

Все это раскрывало черты своеобразной жизни древнего города Заполярья, а вместе с тем и того культурного синтеза, который возник в Сибири в результате взаимодействия старой северной культуры с новой, русской.

И, наконец, выше обнаруженного слоя снова лежал слой угля и растрескавшихся от сильного огня галек. Значит, снова пожар, второй по счету в истории города? Снова загадка!

Но вернемся к скудным, хотя по этой причине особенно ценным для нас с исторической точки зрения, показаниям письменных источников о прошлом Зашиверска.

Итак, история Зашиверска началась как история казачьей крепости, зимовья, а затем и острожка еще в первой половине XVII в. В середине XVII в. на Яне и Колыме появились новые подобные зимовья и острожки с постоянным населением. Зашиверск по своему геогра-

фическому положению занимал центральное место среди всех новых зимовий и острожек на севере Якутии.

Острог стоял на перекрестке жизненно важных путей сообщения. По Индигирке плавали до самого Студеного моря, а затем шли вдоль берега океана. Сухопутная же дорога от Якутска на Колыму пролегла также через Зашиверск. Не случайно до сих пор в местном фольклоре на Индигирке говорится о «царской дороге», т. е. о государственной дороге из Зашиверска на Якутск, идущей через тундру, горы. Это та самая дорога, по которой проходили в свое время друг Пушкина Ф. Ф. Матюшкан, исследователь Севера доктор Конрад Мерк, путешественники Ф. П. Врангель, Г. А. Сарычев и другие выдающиеся русские люди. Их имена вписаны в летопись освоения и изучения Севера Азиатского материка, а также арктической части Американского континента.

Зашиверский острог из года в год становился многолюднее и оживленнее. Здесь отряды казаков, служилые и «охочие люди» останавливались на отдых, получали снаряжение, пополняли запасы продовольствия и боеприпасов. Среди них были известные отважные землепроходцы: Семен Дежнев, Михаил Стадухин, Селиванко Харитонов и др. Отсюда они отправлялись в дальние путешествия, чтобы осваивать «новые земли». В Зашиверске строили новые и ремонтировали старые кочи. Вниз по Индигирке спускались до Студеного моря и по его берегу плыли до Колымы и Чукотки. По суше добирались до острогов на Колыме, Анадыре и дальше до берегов Охотского моря и до богатой соболями и рыбами Камчатки.

В Зашиверске появились продовольственные склады, провиантные магазины, постепенно оседали здесь промышленные, торговые и служилые люди, содержались аманаты. Здесь же жили «ясачные люди» в качестве прислуг и работников. В «наказной памяти» якутского воеводы Голенищева-Кутузова сыну боярскому Козьме Лошакову сказано: «В том острожке ясачное зимовье и служилых людей и аманатов налицо по росписи и ясачные сборные и приправочные книги и великих государей в казне всякие товары и суды и судовые снасти»¹⁵.

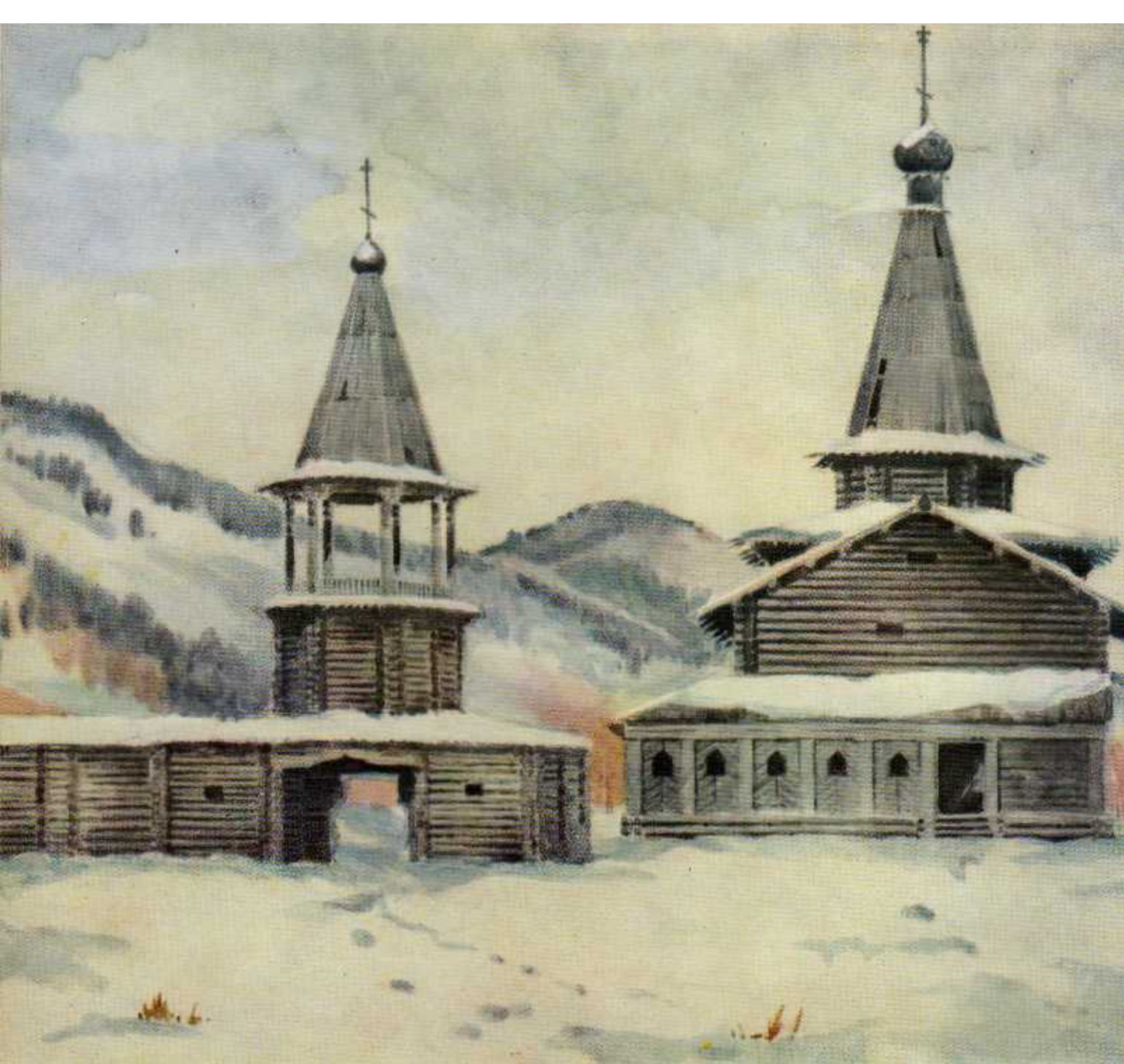
Для освоения новых земель якутское воеводство организовало местную администрацию. За казацкими отрядами шли приказчики, десятники, купцы, священники, сборщики ясака.

*Общий вид церкви и колокольни.
Акварель Е. А. Ащепкоеа*

*Общий вид церкви с юго-запада
Акварель Е. А. Ащепкоеа*

*Вид крепости с западной стороны.
Реконструкция.
Акварель Е. А. Ащепкова*

Одни из них собирали с местного населения ясак, другие торговали, третьи обращали иноверцев в христианскую веру.

Б XVII в., к приходу русских, вокруг Зашиверска и ниже по р. Индигирке кочевали юкагирские роды: янга, шоромба, олюбенцы и хромовские — всего 1135 человек¹⁶.

Согласно материалам Б. О. Долгих, расселение юкагиров на Индигирке было таким: олюбенцы занимали все низовье Индигирки, как указано выше. Шоромбой включали в свою территорию долину Индигирки от устья Момы до устья Селенныха, нижнее и среднее течение Момы, верховье бассейна р. Ожогинь, верховья рек Буор-урях и Бадарихи, впадающих в Индигирку с востока, и нижнее и среднее течение р. Сюрюктех, впадающей в Индигирку с востока. Янгинцы жили по Индигирке от устья р. Селенных до устья р. Ожогинь, в бассейнах рек Уяндинь и Селенных, на левобережье Индигирки и на правобережье в низовьях Бадарихи¹⁷.

Как полагает Б. О. Долгих, Зашиверск находился в той части долины р. Индигирки, где располагались юкагиры рода шоромба. Юкагиры встречались и по р. Яне. В верховьях Индигирки и Яны кочевали эвенки (тунгусы) и эвены (ламуты), по Колыме русские землепроходцы встречали юкагиров и чукчей.

Все эти народы занимались охотой, рыболовством и оленеводством.

Для характеристики материальной культуры юкагиров, янгинцев и шоромбоев, осаждавших в декабре 1642 г. Уяндинское зимовье, показателен рассказ служилого человека Прокония Краснояря. Краснояр сообщил, что у них были костяные латы — куяки и шишаки, а также луки со стрелами. Были у них и каменные топоры. Жили они родами. Во главе родов стояли старики, часто они были шаманами. Большим авторитетом в роде пользовались хорошие охотники и воины.

На среднем течении Яны жили якуты, которые имели рогатый скот и лошадей. Одновременно они занимались рыболовством и охотой. Во главе якутских родов стояли родоначальники (тойоны). В первое время в Зашиверске платили ясак юкагиры-шоромба и тунгусы¹⁸, кочующие в районе зимовья. Кроме того, ясак платили тунгусы верховья Индигирки; в Зашиверск приезжали с ясачной пушниной даже охотские тунгусы¹⁹.

В начале XVIII в. в числе плательщиков ясака появились якуты, переселившиеся на Индигирку.

В конце XVIII в. Зашиверск был известен как административный центр; ясак, собираемый с племен, живущих в бассейне Индигирки, поступал в этот центр.

Чиновники при сборе ясака часто нарушали установленный порядок, допускали произвол, заставляли местное население приносить им дорогую пушнину больше установленного размера ясака. Разоряли коренных жителей края разными налогами и сборами. В 1665 г. торговые и промышленные люди из Зашиверска писали челобитную на сына боярского Андрея Булыгина: «Он же Андрей всякими обидами их (юкагиров.— А. О., 3. Г.) обидит и приметываетца своими бездельными приметы и побрал у них юкагирей всякие последние животишка и олени и ясаку-де им промышлять не на чем и жить-де им стало не можно»

Юкагиры-шоромба, кочующие в районе Зашиверска, в 1659 г. говорили: «Как-де мы пришли ясаку платить, и ясак заплатили, и после ясаку нам корму взяти стало негде, и мы девок своих на корм продавали, и оленишка приели, и с тово стали нужны и ясаку промышлять не на чем»²¹. То же самое писали юкагиры-янгинцы.

Против царского колониального угнетения и произвола чиновников юкагиры и эвены не раз поднимались па борьбу. Они отказывались от уплаты ясака, откочевывали «в дальние места», даже поднимали открытые восстания и осаждали Зашиверск. Так, в 1642 г. юкагиры (янгинцы и шоромба) осадили Уяндинское зимовье²². В 1666 г. юкагиры и ламуты перебили небольшой отряд служилых людей и напали на Зашиверск²³.

В отписке от 1668 года упомянутого выше Козьмы Лошакова говорится: «И того жь 174 года, апреля въ 17 день, Зашиверскаго острожку ясачные люди Ламутки и Юкагири, Чанжа съ родом своим, великимъ государемъ изменили, пришли оплошнымъ деломъ въ острожекъ и хотели острожекъ взять, а служилыхъ людей всехъ побить, и аманатовъ взять и вывести из острожку вонъ; и убили двухъ человекъ промышленныхъ людей Стенку Щукина съ женою, старымъ индигирскимъ толмачемъ Бурчикомъ, да Федосейка Кюрю да промышленнаго человека Оверки Мартемьянова ясыря его

Зашиверская церковь с северной стороны. Видны хорошо сохранившиеся срубы трех частей церкви

сь дочерью, и служилых и промышленных людей многих переранили, и отошли прочь. Да во 175 году, сентября въ 5 день, те же Ламутские мужики, Юагири, Чанжа съ родом своимъ пришли къ острожку приступом и приступали накрепко; и мы Коземка съ товарищи, божиею милостию и государскимъ счастиемъ, во острожке отсиделись»²⁴.

В том же документе К. Лошаков пишет: «И в прошломъ же во 175 году, февраля въ 16 день, скопся те же ламутские мужики изменники, собравъ себе воровское великое собрание, приступали ночью къ острожку, и учили острожные стены, и ясачное зимовье, и острожные ворота рубить топорами, а иные люди представили лестницы къ стенамъ черезъ амбары: и мы Коземка съ служилыми и промышленными людьми бой съ ними поставили, и Божиею милостию, и великих государей счастиемъ, убили

у нихъ воров ламутскихъ мужиковъ лутчихъ людей трех человекъ»²⁵.

О другом таком случае известно из отписки сына боярского приказного Зашиверского острожка Льва Трифонова. В 1679 г. он писал якутскому воеводе Ф. Бибикову: «В нынешнем же, государь, во 187-м году Зашиверского острожку ясашные ламутские мужики и юагири на промысел ясаку промышлять не ходили, а иные многие мужики в Зашиверской острожек с ясашным платежом не приходили, а сказывают про тех ясашных ламутских мужиков и юагирей, что они ходят с ламскими мужиками с изменниками вместе; и мне, Левке, на тех на непослушных мужиков казаков послать не от ково, потому что малолюдство. И те, государь, ламутские мужики изменники прикочевали и живут около Зашиверского острожку и по русской дороге, и я, Левка, жи-

Общий вид на Зашиверскую церковь. На переднем плане сохранившийся сруб избы и столб-коновязь "сэрге"

ву в осаде с великим береженьем...»²⁶. Далее он пишет: «А в ламутцких мужиках шатость и измена по скаске зашиверских мужиков и ламутов и юкагирей, что многие **зашиверские** ламутцкие мужики в прошлом году были на Ламе, к острошку приступали с ламутскими мужиками с изменниками вместе»²⁷.

В том же году приказной человек Никита Тютин писал воеводе с «ясачной зборной соболойной казны и книг через Камень в якуцкий острог послать не посмел, потому что с Колымы реки и Индигирки реки не послали ж, потому что в ыноземцах, в ламутцких людех, смута великая»²⁸.

Осада Зашиверского крепостного острога нашла свое отражение в народных преданиях, в частности, об этом упоминается в фольклорных записях²⁹. Старики подкрепляли свои рассказы тем, что еще в 20-е годы XX в. со стен домов го-

рода Зашиверска собирали наконечники стрел³⁰. Время частой «шатости» юкагиров и ламутов (эвенов) было периодом опасности, угрожавшей Зашиверску. К этому времени, по-видимому, относится строительство деревянной крепостной стены, остатки которой обнаружены раскопками в 1969 г. Деревянная крепость защищала центральную часть города. Она была построена с соблюдением техники строительства деревянных крепостей XVII в. Городничий Зашиверска датировал построение и укрепление города 184 годом³¹, т. е. 1676 г. Внутри крепости, по-видимому, до строительства церкви была молельня.

Строительство крепости еще больше подняло значение Зашиверска как единственного укрепленного пункта на Индигирке.

В 60-е годы XVII в. Уяндино, Подшиверское и Олюбино в документах называются

просто зимовьями. Зимовья — небольшие укрепленные пункты, окруженные тыном, или заплотом, и несколькими небольшими башнями. Внутри укреплений строились амбары для хранения «ясачной казны» и избышки для обитателей зимовья. В отличие от них Зашиверск назывался острогом, крепостью, а затем городом. Ширина крепостной стены Зашиверска, по данным раскопок, доходила до 2 м. Над крепостными стенами возвышалось несколько башен, в том числе две проезжих. Здесь хранили пушнину и Мамонтову кость (бивни), собранные в бассейне Индигирки, а также в зимовьях, расположенных по Колыме.

В Зашиверске в XVII в. и позже находился отряд казаков в качестве постоянного гарнизона для защиты «великого государя казны». Острог постепенно становился центром обширных районов Индигирки, Яны, Алазеи и Колымы.

Автор статьи о Зашиверске (В. Г.) полагает, что в начале XVIII столетия: «Пути по океану были уже заброшены и сносились с Якутском по трактам, которые по преданию пролегали: первый — от Якутска через Ср. Вилуйск до Жиганска, оттуда через Орулганский хребет на Верхоянск по рекам Менкере, Ленского бассейна, и Саккыры, Янского бассейна, из Верхоянска, пересекая Адычу, Тостах, по речкам Догдо, Борулаху, через острог Тас-Хаятаского хребта на р. Чубукулах в Зашиверск; второй — пересекая Алдан, по Тукулану, Алданского бассейна, Нельгегэ, притоку Адычи, по притоку Тастаха — Догдо и с первым трактом по притоку Селепняха Бериялаху на речку Блудную в Зашиверск»³².

Для передвижения пользовались исключительно лошадьми, и наибольшее движение происходило летом. Тракт делился на три станции. Из Якутска в Зашиверск указы доходили обыкновенно за 3—4 месяца. Указы и рапорты посылались с казаками и вообще служилыми людьми.

На некоторых указах есть пометки: «Получен через сержанта Синицкого» или «получен через служилаго Моршинцова».

Каковы были эти пути, по которым проходили на выючных лошадях и верхом, в сжатых, но ярких выражениях сообщали еще первые путешественники, служилые люди, пролагавшие в XVII в. свою дорогу к Тихому океану. Как пишет С. В. Бахрушин: «Сухопутный путь па «заморские реки», шедший по безлюдным

и диким местам, населенным воинственными инородческими племенами ламутов, юкагиров, ходынцев, был сопряжен и с большими трудностями, и с крупными расходами. Ехать приходилось «о два кони», что составляло очень большой расход. В пути лошади нередко падали; «а иных коней мы сами с голоду съедаем», заявляли служилые люди, прибавляя, что в дороге голод великий терпят, едят «сосновую кору и траву, и корень, и всякую едь скверную»³³. Те же трудности пути испытал в середине XVII века и описал информатор Сельского Виноградов.

О дороге из Верхоянска в Зашиверск через Суровые горы Верхоянского хребта он пишет: «По справедливости это пространство должно называть гробом в 300 верст. Облака ходят ниже многих гор: туман и резкий ветер не прерываются. Был пример, что здесь 15 числа августа якут отморозил руки и ноги»³⁴. И не менее выразительно этим же путешественником описан также летний путь от Зашиверска к морю. Сначала речь идет о плавании вниз по Индигирке, трудность которого испытали и мы сами в 1969 г., когда сели с нашей баржей-самоходкой на галечную мель, оказавшуюся затем после внезапного спада воды... островом! Сели и «обсохли» на острове до следующей весны, до ледохода и нового паводка. По словам Виноградова: «Индигирка замечательна своими водоворотами; об одном из них в особенности много рассказывают местные инородцы. Он находится в 150 верстах от Зашиверска. Никакое живое существо не осмеливается переплыть это место. Представьте себе глубокую, невероятно быструю, в 250 сажен ширины реку, которая, вливаясь между двух скал, всею своею массою движется винтообразно. Огромные деревья, занесенные в этот водоворот, выказываются из-под воды почти через полчаса; другая же, более тяжелая тела, на века погружаются в нем. Очевидцы рассказывают, что без особенного страха и головокружения даже с берега нельзя смотреть на эту пучину, кипящую в тысяче кругах и наводящую невольный трепет страшно диким и глухим гулом kloкокающих волн»³⁵. «От Зашиверска, — продолжает в своих заметках Виноградов, — начинаются страшные топи, грязи пзыбуны, простирающиеся до тундр Северного океана. Отсюда горы исчезают, леса редуют и вся страна представляет одно необозримое безгоризонтное озеро или ближе ряд беспре-

*Апсида алтаря Зашиверской церкви. Вид с юго-востока.
На переднем плане алтарная бочка*

рывных тундр и болот, кой-где прерываемых одомами (небольшими лесистыми возвышенностями). Здесь кроме мха, неизменной корявой лиственницы, еще меньшего тальника и воды ничего нет. Земля протаивает на одну четверть аршина; деревья, толщиною в поперечнике около фута, может вырвать рукою самый бессильный человек, потому что корни их стелются,

не углубляясь в землю; оттого во многих местах, особенно несколько возвышенных, видны груды поваленных бурями деревьев. Проезд в летнее время по этим местам сопряжен с величайшим трудом: гнилой и сырой воздух, тьма комаров, топи и зыбуны, так сказать, приковывают человека к лошади. В несносные шары целый день надобно быть на седле —

пешком пройти нет никакой возможности; лошадь бредет бадараном (топкое и густо-грязное место) по брюхо, скользит и падает почти непрерывно или вязнет по уши в зыбуне.

Самый ночлег не успокаивает путников: палящее солнце с 10 мая по 20 июля, не скрываясь за горизонтом, расслабляет человека, а мученье от комаров, вращающихся над болотами в виде густого облака, непроницаемого для глаз, выше всякого мучения. Они с шумом и писком нападают на свою жертву. Ни куска хлеба, ни капли воды нельзя проглотить спокойно. Выбившись из сил, предпочитаешь другое зло и завертываешься в одеяло или ложишься в ровдушный полог, где обливаешься потом и задыхаешься от жара. Звери, не убегающие в летнее время на горы, каковы: волк, медведь, сохатый, укрываются в болотах, но и там нередко вместо спасения находят смерть. По рассказам очевидцев, в заеденном комарами звере не было ни капли крови; остались одни кости да источенная кожа. Олени или взбираются на высочайшие горы, где холод служит им защитой от комаров, или еще ранней весной, предчувствуя по инстинкту жаркое лето, выходят стадами на открытый со всех сторон тундры, где ветры, постоянно дующие с моря, истребляют их крылатых врагов»³⁶.

Не легче летнего был и зимний путь через Зашиверск: «...до Сысыкёля или Аринкинской станции считается,— писал он,— 280 верст и почти столько же придется переехать рек, ручьев и озер. Примечательнейшая из рек зимнего тракта Юрюм-Ирюя (Белая река, т. е. Юрюнг-юрйете), на десяти верстах ее надобно переезжать бродом 23 раза...»³⁷.

У нас есть документ о строительстве единственного здания, уцелевшего от древнего Зашиверска,— Спасо-Зашиверской церкви, которую видели и зарисовали посещавшие эти места путешественники. Этот документ — «Метрика для получения верных сведений о древне-православных храмах Божиих, зданий и художественных предметов» — представляет ценнейший источник по истории Зашиверска и его Спасской церкви³⁸. Она была составлена по запросу Академии художеств священником Алексеем Бердниковым, о чем в ней говорится

следующее: «Указом Якутской духовной консистории от 30 декабря 1884 года за № 3725 через благочинного поручено было описать храм приходу Индигирской церкви, отстоящей от описанной на 150 верст, но причт отозвался во 1) незнанием технических терминов, находящихся в метрике; 2) неимением подвод и в 3) необходимостью отправиться с парохию за 2000 верст. А потому ответы довелось дать Благочинному I Участка Верхоянских Церквей и Настоятелю Верхоянского Собора Священнику Алексею Бердникову, который 29 марта с. г. прибыл к Зашиверской церкви, проезжая к Момской николаевской церкви по ревизии». О себе А. Бердников, отвечая на пункт VI — 2 и 3 («где воспитывался отвечающий, с скольких лет и если священник, то сколько лет священствует»), сообщает: «Окончил курс в Иркутской духовной семинарии в 1882 году, 25 лет, в священстве 5 лет»³⁹.

«Метрика,— продолжает ее автор,— составлена была на месте 29, 30 и 31 марта и окончена в городе Верхоянске 25 мая 1888 года». «При сем прилагаю,— пишет в метрике А. Бердников,— посильный труд, а именно: вид описываемой церкви с южной стороны и приблизительный план храма». Чертежи сохранились при метрике.

Как свидетельствует «Метрика», замечательный памятник русской народной архитектуры— Спасо-Зашиверская церковь была сооружена в 1700 г., почти триста лет тому назад. Алексей Бердников назвал и создателя церкви, на рубеже XVII—XVIII вв. своим топором срубившего в лесотундре, на великой сибирской реке Индигирке, этот деревянный храм, ставший жемчужиной русской культуры. О нем в «Метрике» сказано: «Имени мастера нет в документах, но по преданию таковым был местный житель мещанин города Зашиверска Андрей Хабаров»⁴⁰.

Зашиверская Спасская церковь была с самого начала (1700 г.) центром распространения христианства на северо-востоке Сибири. Одним из первых священников этой церкви был Алексей Слепцов, сын сосланного в Якутск коменданта г. Москвы Ивана Слепцова⁴¹. В своей просьбе о назначении его священником представители посада города Зашиверска писали, чтобы новому священнику «...в другие места ни под каким видом не отлучатца и у той святой Спасской церкви жить до окончания живота своего»⁴². Этот наказ был выполнен молодым

*Шатер и алтарная главка Зашиверской церкви.
Вид с юго-востока*

священником. Алексей Слепцов служил здесь до конца жизни, он умер в 1783 г. в Запгаверске (на 74-м году жизни), после него священником стал его сын Михаил. Священниками в Зашиверской церкви служили и его потомки. В архиерейском указе сказано: «Тебе дана наша... грамота и повелевается тебе чинить в той волости нижеследующее: прибыв в тую волость объявить его императорского величества... указ о льготе иноземцам крещающимся в православную веру, с которую тебе точная копия и дается, и всяким тщением таковых крестить и во всякую верность приводить по оному»⁴³. По указу Петра I 1720 г. крестившиеся «иностранцы» освобождались от уплаты ясака на пять лет. При крещении в вознаграждение поведено было давать «по кресту тельному да по одной рубашке с порты и по сермяжному кафтану с шапкою и рукавицы, обуви чирки с лучками, а кто знатнее, тем давать кресты серебряные по 4 золотника, кафтан из сукна крашенный, какого цвета кто захочет»⁴⁴.

Ради освобождения от ясака, хотя бы и на пять лет, а также для получения небольшого вознаграждения местное население без сопротивления соглашалось на обращение в христианскую веру. Происходило даже массовое крещение якутов, юкагиров и эвенов. В начале XIX в. (1803 г.) в приходе Зашиверской церкви насчитывалось новокрещенных 2205 человек, а в 1818 г. — 2637 человек⁴⁵. Это фактически все население, жившее на территории, которую обслуживал причт церкви. (На Яне работала Верхоянская церковь, а на Колыме — Покровская (Троицкая) церковь.)

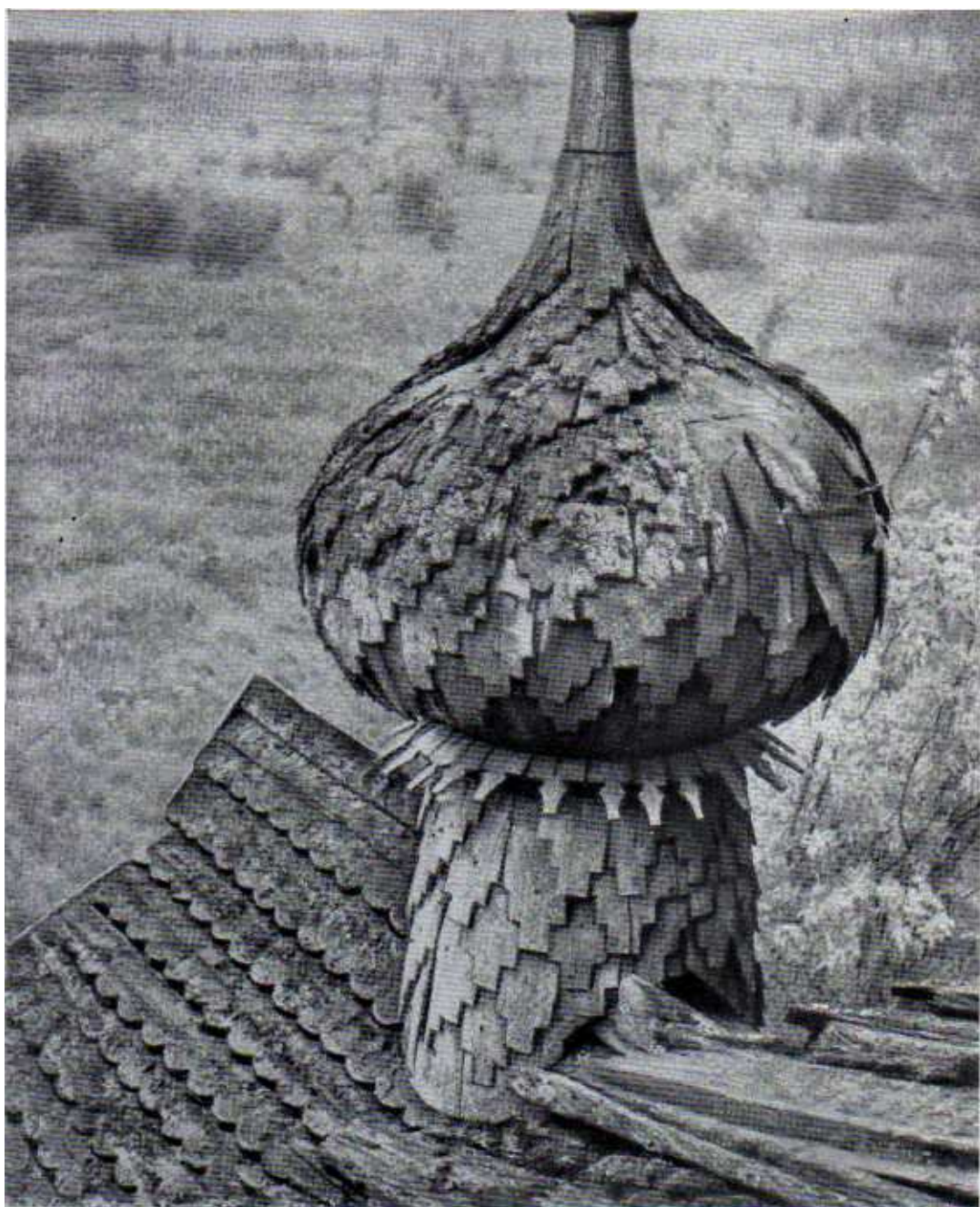
Разумеется, обращение «иностранцев» в Зашиверской округе и вообще на Севере в христианскую веру имело только формальный характер. «Новокрещеным» были непонятны и чужды сама сущность новой для них религии, ее сложная догматика и вероучение. Кроме того, единственному священнику колоссального по его территориальным пространствам Зашиверского прихода вообще невозможно было выполнять строгие предписания церковного начальства по неусыпному контролю над душами своей паствы, более чем 90% которой вело бродячий образ жизни в диких просторах тундры и лесотундры. Поэтому зашиверские священники не раз обращались к вышестоящим гражданским и церковным властям с жалобой, что для посещения далеких стойбищ им не предоставляют

бесплатно подводы, а для оплаты транспортных расходов у них самих нет средств.

По словам В. Г., «много хлопот доставляли Зашиверским властям «онные народы легкомысленные», как они характеризовали «иностранцев». Так, по поводу общеимперского закона о взимании штрафов за небытие у исповеди Зашиверский нижний земский суд в 1790 г. доносит, что он «во взыскание ни сколько не ослабевает и употребляет все свои возможности, но не в силах взыскать и употребить законную строгость: потому что тамошние народы якуты пребывание имеют в отдаленных местах, где способность только изыскать могут, тут и жительствовают и потому впроезд тамошних священников родовыми князцами своих родников представить для исповедования нет никакой возможности, а если сыскивать и высылать в город, то можно провести вкрайне разорение, а чрез частое понуждение совершенно почувствуют огорчение. Чтож принадлежит оламутским тунгусам и юкагирским народам, то оные ежегодно с места на место переселяются и где находятся не только начальству, но и самим князцам неизвестно, ибо иные несмотря на пространство тамошнего уезда, которой окружение близ шести тысяч верст считается и той одной для них недостаточно, занимают и другие округа. Оные пароды легкомысленные не имеют к начальству должного повиновения, и потому суд приступить ко взысканию и сообразных сил не имеет». А так как священники «знают один якутский разговор», а ламуты и юкагиры «больше половины не знает русского и якутского, то по сим обстоятельствам непонятно, как можно с немым и глухим наисповеди разглагольствовать». Однако Иркутское наместническое правление приказало с «иностранцев» взыскивать штрафы, «отнюдь не приведя их в огорчение», а священникам предписано было склонять крещеных иностранцев «к совершенному исправлению христианских должностей», наблюдая, «чтобы оных народов ни под каким видом во огорчение отнюдь не приводить и обходиться с ними с ласковостию, подражая проповеди апостольской»⁴⁸.

Якуты, юкагиры, эвены и после крещения продолжали, как и прежде, верить во властителей стихий природы, в семейных и родовых духов — предков.

Первобытная охотничья мифология дожила в полной сохранности до XIX и даже XX в.

Алтарная главка Зашиверской церкви. Главка и шейка под ней крыты лемехом

В этой связи интересно одно уникальное фольклорное свидетельство, непосредственно относящееся к району Зашиверска, сохраненное И. А. Худяковым в его этнографических записях. Из этого рассказа видно, как реально жили в сознании аборигенов Индигирки чудовищные образы шаманской мифологии. «Горный бог,— писал И. А. Худяков со слов своих ин-

форматоров,— по представлениям ламутов, бывает рыжий, красный, в весьма замысловатом платье. Около Зашиверска, на вершине р. Арги, горный дух взял к себе девушку-ламутку. Она вышла под тень горы около речки шить узоры. Это место называется Дьолычвкич. На другой день видели, как горный дух прогуливался вместе с ней; он ее полюбил. В пер-

*Шатер и алтарная главка С пасо-Зашиверской церкви.
Вид с северо-востока*

выи день она окаменела по колена, во второй — по пояс, в третий — вся. И все ее имение, и олени, и платье, все окаменело. Нынче всякий проходящий мимо оставляет там табак или кусок платья и т. п.» .

В случае болезни или несчастья «инородцы» обращались за помощью не к священнику, а к шаманам. Помощь шамана в их глазах была

эффективнее той, которую мог дать «русский шаман» в своих блестящих одеждах. Недаром священники жаловались на то, что крещеные обращаются к шаманам, совершают тайком от начальства шаманские культовые обряды, приносят жертвы шаманским духам.

В 1782 г., например, Верхоянское комиссарство уведомляет зашиверского священника о

Общий вид Зашиверской церкви с запада. На переднем плане слева — остатки колокольни

случае шаманства среди крещеных инородцев с принесением «дьяволу жертвы белого бычка»⁴⁸.

Верхоянские якуты рассказывали И. А. Худякову: «Одна из самых знаменитых шаманок Таспарыйя, готовясь к шаманству, дичала и сходила с ума». Ее около 1800 г. обвинили в людоедстве, «за это возили ее судить в старый город (Зашиверск) и держали на покаянии»⁴⁹.

Таким образом, шла борьба между священниками и шаманами. При этом чаще всего результаты этой борьбы были не в пользу священников и официальной православной церкви. Такое противоборство шаманов и священников, их борьба за влияние па паству нашли отражение и в легендах о гибели Зашиверска. В некоторых вариантах легенд говорится, что про-

зорливый шаман-ясновидец обнаружил дух оспы и потребовал, чтобы таинственный ящик, в котором укрывалась оспа, был брошен в воды Индигирки. Но этому воспрепятствовал жадный до сокровищ священник, и оспа истребила жителей города. В других дошедших до нас через многие десятилетия легендах, согласно старой фольклорной традиции-стереотипу, отмечается, что именно шаман — спаситель и богоборец борется насмерть с оспой, стремясь спасти свой народ и город от грозящей им страшной участи. Так, о шамане Саргыле в легенде говорится будто: «В глубокой древности, еще до строительства Зашиверска, появилась оспа. Тогда шаман Саргыл всю родню целиком спрятал своими шаманскими чарами. Сам готовился бодаться с быком оспы в местности Ойусардаах.

Духа оспы он встретил около Ойусардааха. Встретившись, они стали бодаться, силы сначала оказались равными. Дух оспы ушел. Он и вторично не пришел бодаться. Затем шаман Саргыл на горе Кэлээдин приготовил на духа оспы самострел, у которого колышек для силка находился на горе Ынгыыр Таас. Шаман Саргыл сказал: «Если кто и мог бы разрядить этот самострел, то только дух оспы, да он заробеет. А лучше меня шамана не родится, пока земля и небо не изменятся».

Шаман Туртангныыр видел, говорят, этот самострел⁵⁰.

Самое большее, чего могли добиться светские и церковные власти, стремясь христианизировать жителей Зашиверской округи, — это своего рода двоеверия, причудливого синтеза шаманского мировоззрения с обрывками христианской мифологии, воспринятой и переработанной в том же шаманском духе.

В архиве Зашиверской церкви уцелел документ, в котором нашла выражение эта хорошо знакомая нам по материалам этнографии, чисто шаманская черта мировоззрения крещеных прихожан Зашиверского прихода.

Зашиверский земский суд в 1803 г. разбирал дело по обвинению крещеного эвена Наума Федорова в богохульстве — «во обругании образа божьей матери». Он «проверял образ сверлом, называл его несчастливым богом», повесил икону на дерево, затем закопал в землю⁵¹

Наум Федоров, следовательно, поступил с православной иконой точно так же, как шаманисты-эвены обращались со своими охотничьими идолами-шинкэнами, когда эти божки отказывались «помогать» в промысле пушного или мясного зверя. Новый русский бог-идол оказался нерадивым и бесполезным, «несчастливым» помощником в охотничьем промысле, за что и получил наказание.

Неудачливому охотнику неожиданно помогли выбраться из трудного положения, в которое он попал из-за своего «кошунства», светское начальство, земский суд. Очень возможно, что в данном случае решающее значение имела взятка белками или песцами. Но во всяком случае члены земского суда повернули дело против самих священников, которые его возбудили и, вероятно, не без основания, обвинив попов в нерадивом отношении к делу христианского просвещения инородцев. Земский суд в своем приговоре отметил: «Он (Наум Федоров. — В. Г.) не имеет о воспринявшей им христианской вере ни малейшего понятия и не понимает греха; каковому обстоятельству земский суд полагает более причиною леность и нерадивость тех попов, которые иноверцев приводят крещением в православную веру»⁵².

Не менее интересен и другой характерный случай. Однажды в Зашиверской церкви на престольном кресте и под престолом обнаружили несколько шкур белок. Священник прекратил службу из-за осквернения святого престола. Виновником оказался эвен Кункугурского рода, крещеный Василий Слепцов. Свой поступок он объяснил тем, что принес жертву непосредственно самому богу, т. е. престолу⁵³. Богослужение было возобновлено лишь после того, как виновный совершил 100 поклонов в течение недели по энитимии, наложенной на него епископом Дионисием, и после окропления престола «святой» водой.

О русских жителях города Зашиверска и его округи некоторое представление может дать роспись исповедовавшихся за 1769 г. «Эта роспись», по словам Б. Г., часто перечисляет фамилии первых [землепроходцев], а также казаков и мещан, потомки которых и теперь живут в Русском Устье и па Колыме.

Казачьих домов показано по росписи 75. Их владельцами были Жирков, Синицын, Корякин, Никулин, Тарабукин, Антипин, Шкулев, Брусенин, Березкин, Бессонов, Дьячков,

Зашиверская церковь сверху. Хорошо видны копы крыши

Белоголов, Чиншев, Пенегин, Неустроев, Фролов, Кривогорницын, Олесов, Кондаков, Харитонов, Третьяков, Егловский, Атласов, боярский сын Дериглазов, Посников, Вологдин, Попов, Котельников, Давуров, Стрижов, Монастырщиков, Русанов и другие (мужчин 198, женщин 171, в том числе и малолетние). Показаны непричастившимися «за отдаленностию от церкви» дворов 10, один казак «в отлучке 1769 года в колымскую вершину». Очень многие не причащались «по совету духовника».

Домов разночинцев записано 10. Их владельцами были Суздалов, Хаимов, Посников, Воронцов, Бережной, Лебедев и др. (мужчин 41 и женщин 27). 26 домов принадлежало посадским людям. Ими были Хабаров, Струков, Киселев, Швецов, Шелоховский, Голыжинский, Чухарев, Шелканов, Стадухин, Ярков и др. (мужчин 83, женщин 87 человек), большинство, этих посадских — предки теперешних русско-устынцев.

Новокрещенных инородцев в Зашиверске числилось 34 двора (мужчин 83, женщин 86 человек).

В «рописях» значатся и фамилии «присыльных»: Березкин, Лосев, Берсенева, Пятков, Меньшей, Донской, Ляпунов, Новиков и др. Ссылным принадлежало 6 дворов. Восемь человек из них были семейные (мужчин 23, женщин 11).

Всего же исповедалось у Зашиверского священника в 1769 г. 922 человека⁵⁴.

Одна из колоритных страниц истории Загайверска и его обширной округи, связанная со ссылкой, относится к периоду бурных событий времен бироновщины и кратковременного правления «верховников».

В 1742 г. в Зашиверске был прочитан в церкви указ «о винах и преступлениях» верховников, в том числе и графа вице-канцлера Головкина, поселенного на Колыме в местности, называемой Ярмонга⁶⁵.

Так до далекого Зашиверска долетела весть о драматических событиях, происходивших в далекой столице Российского государства, а на Колыме в дикой тундре оказался один из бывших вершителей его судеб. О судьбе же самого опального вельможи в бумагах Зашиверского архива далее говорится: «Правительствующему Сенату обретающийся в Ярмонге, при известном карауле, Сибирского гарнизона прапорщик Лошигов репортом от первого апреля 754 году доносит, что арестант Михайло Го-

ловкин 26 февраля умре. И тело его положено во гроб за неимением священника не отпето, а жена его Головкина просит, чтобы мужа ея тело вывезти в город Якутск, на что он, прапорщик, требовал повеления»⁵⁶.

Императрица Елизавета «указами соизволила тело его Головкина из Ярмонги вывезти и погresti поблизости, где церковь есть, а жене его позволила выехать в Москву и с оным указом для возвращения ее, Головкиной, с людьми прибыл в Якуцк и следует до Ярмонги правительствующего Сената курьер Иван Трубников. А ио справке в Якуцкой воеводской канцелярии хотя в среднем Колымском остроге церковь Божия и есть, но там священника не имеетца, а имеетца священник при церкви в Зашиверском остроге от Ярмонги по тракту к Якуцку в восьмистах в тридцати в двух верстах, а более до Анадырска церквей не имеетца...»⁵⁷.

Получив из воеводской якутской канцелярии предписание совершить похороны Головкина по церковному обряду, якутский заказный духовного правления дел при Якутском Спасском монастыре послал следующее распоряжение священнику Слепцову в Зашиверск: «Велено тебе, священнику Слепцову, послать указ таким определением, чтобы ты в силе имянного Ея императорского величества высочайшего указа для погребения бывшего Средне-Колымске арестанта графа Головкина за неимением тамо при церкви священника ехать тебе в оное зимовье из Зашиверского острогу в неукоснительном времени и реченного графа погresti при святой церкви тело ево со отпеванием по церковному чиноположению».

В 1783 г. Якутская провинция была превращена в область Иркутского наместничества. Она состояла из Якутского, Олекминского, Жиганского и Зашиверского уездов⁵⁹. Правительство, учитывая географическое положение, наличие крепости и церкви, а также и другие преимущества Зашиверска перед другими населенными пунктами на северо-востоке Якутии, преобразовало Зашиверск из острога в уездный город⁶⁰.

С включением в список штатных городов Российской империи началась новая глава в истории древнерусского заполярного города — Зашиверска.

Зашиверск становится административным центром, которому подчинялась вся территория Якутии от Верхоянского хребта на западе

*Остатки башни-колокольни Зашиверской церкви.
Верхняя часть колокольни разрушилась в 40-е годы XX в.*

до Яблонового хребта на востоке и территории в бассейне низовья Лены. В городе появились разные учреждения с соответствующим штатом чиновников: Зашиверский земский комиссар, земский суд, уездный суд по уголовным делам, уездное казначейство, градоначальник, земский исправник, городская ратуша, зашиверская нижняя расправа, казачья команда, про-

виантный магазин, питейное заведение, соляная стойка, хлебозапасный магазин.

Косвенным, но выразительным свидетельством былого, хотя и кратковременного, процветания Зашиверска, приходящегося на конец XVIII в., на последние его два десятилетия, могут служить зафиксированные в «Метрике» Зашиверской церкви сведения об украшениях,

драгоценных венцах и окладах икон этой церкви. Так, на серебряной ризе престольного образа Спаса стоит дата 1778 г., на иконе Божией матери Одигитрии — 1783 г., на венцах Божией матери и Иоанна Богослова — 1794 г., на иконе двенадцати праздников — 1775 г., на образе Николая Чудотворца — 1782 г., на второй иконе св. Николая, на ризе, значит, 1794 г.

Все эти украшения, венцы и серебряные ризы были изготовлены, таким образом, после провозглашения Зашиверска городом, между 1778 и 1794 гг. Точно так же серебряная под золотом дарохранительница изготовлена была в 1784 г., сосуд серебряный с финифтяными изображениями — также в 1784 г., кадило серебряное с позолотой — в 1788 г., серебряный ковш для теплоты, принадлежавший священнику Михаилу Слепцову, — в 1798 г.

Судя по богатству щедро изукрашенных ризами и венцами икон, по дорогим предметам церковной утвари — чашам, кадилам и вообще ризницы, Спасо-Зашиверская церковь принадлежала в то время не к бедным сельским храмам, а в полной мере соответствовала званию города, которое получил Зашиверск.

В результате приезда чиновников с семьями население города увеличилось. Город стал отстраиваться. Он расположился не только на полуострове, но и на острове, который был отделен от него узкой протокой — старицей, существующей и в настоящее время, хотя она теперь не соединяется с руслом Индигирки.

Подробного плана города, к сожалению, у нас нет. План Зашиверска, составленный землемером Турчаниновым (см. па с. 9), очень схематичен. По нему можно определить расположение только церкви, колокольни, провиантных амбаров и дома аманатов. Кроме того, в плане допущены ошибки. Во-первых, неправильно показан север; во-вторых, р. Индигирка течет не в ту сторону, куда показана стрелка, а в противоположную.

Рисунок Л. Воронина (см. с. 12, 13) конца XVIII в. дает представление о центральной части города. На рисунке не видны его окраины и часть города, которая расположена на острове. Ф. Ф. Матюшкин, друг А. С. Пушкина, про-

ездом из Якутска в Нижне-Колымск, остановился в Зашиверске в 1820 г. и зарисовал церковь и колокольню⁶¹.

По рассказам местных старожилов, дома стояли также еще и на холмах выше Зашиверска и на противоположном, левом, берегу Индигирки. Рыбаки и охотники обнаруживали остатки зданий в распадке горы Крестях, что стоит напротив города, и в устье речки, которая впадает слева в Индигирку выше Зашиверска.

Точно установить число домов в городе не представляется возможным, так как сохранившиеся документы не содержат этих сведений. Только в одном документе, в ответе Зашиверского градоначальника губернскому правлению, указано число помещений, подлежащих обеспечению топливом. По указу городские власти обязаны были обеспечивать топливом присутственные места, монастырские и архиерейские дома (в данном случае церковь и дом священника), казенные строения, казармы воинских частей. Таких помещений в Зашиверске, подлежащих казенному отоплению, оказалось 30⁶².

Фольклорные записи дают разные цифры о числе зданий в городе. Член колхоза «Путь Ленина» Г. П. Соломов (89 лет), отец которого в молодости доставлял жителям Зашиверска рыбу, рассказал, что в годы расцвета города число домов и юрт доходило до 270⁶³. В другом предании говорится, что в нем было более ста жилых домов⁶⁴. В 1943 г. учитель Абыйской школы Я. В. Стручков по разным признакам определил, что когда-то здесь стояло 87 домов⁶⁵.

Из плана города и рисунков Л. Воронина видно, что в городе не было улиц, дома стояли беспорядочно, их большая часть располагалась близ реки. На рисунках Л. Воронина не видна крепостная стена; имелась лишь изгородь вокруг церкви (см. вид с р. Индигирки, с. 12); в плане, составленном несколько лет позже, отмечена стена крепости (условная линия проведена как раз по крепостной стене, остатки которой обнаружены экспедицией 1969 г.).

Статистических данных о численности жителей города также не имеется. В 1796 г. проводилась 5-я ревизия, по которой в Зашиверске насчитывалось 32 купца и 83 мещанина⁶⁶. Ясно, что в городе жили не только купцы и мещане. Ревизия учитывала только податное население, а казаки, дворяне, прислуга, не платившие ясака, и другие жители города не попали в «ревизские скаски».

Начало археологических раскопок в Зашиверске. 1969 г. Ведется поиск остатков острога

На 1 января 1804 г. в приходе Зашиверской церкви насчитывалось число душ духовного сословия — 8, военных — 64, штатских — 21, приписных — 12, приказных — 11, купцов — 24, мещан — 243, крестьян — 34, новокрещенных — 2234⁶⁷. Приход Зашиверской церкви включал в себя население бассейна р. Индигирки. В то время по Индигирке часть мещан, крестьян и купцов жила кроме Зашиверска еще в селениях Шанское, Ожогоино, Уяндино. В 1785 г. в Зашиверске проживало 174 «окладных людей»⁶⁸.

К 1804 г. их число в городе, вероятно, увеличилось. Здесь было и немалое число якутов, ламутов (эвенов) и юкагиров, которые являлись работниками в семьях чиновников, купцов и духовенства. Например, в семье священника Слепцова жили «дворовый человек» Прокопий и его дочь Ирина, в доме купца С. Горохова — якут Симен (Семен) с женой Марией, братом Никитой и его женой Анной⁶⁹.

В городе были также ремесленники. Об этом свидетельствуют обнаруженные при раскопках на территории быв. острога поделки и заготовки из кости мамонта. Ремесленники работали, очевидно, на заказ или на рынок. В рассказах местных жителей встречаются указания на то, что некоторые жители города имели лошадей и рогатый скот.

Число жителей отдельных категорий населения города колебалось. Это вызывалось тем, например, что купцы здесь жили и постоянно и временно; их численность увеличивалась в периоды ярмарок. Непостоянной была и численность военных (казаков). Она изменялась часто из-за того, что часть из них выезжала в другие зимовья и остроги для подкрепления местных команд. В 1799 г. в Зашиверске постоянный гарнизон состоял всего из 33 человек⁷⁰.

Таким образом, число постоянных жителей города Зашиверска в лучшие времена не превышало 500 человек. Этот населенный пункт по понятиям нашего времени — деревня, но на северо-востоке Сибири он считался в то время большим населенным пунктом, состоял в ранге города. Он был административным и торговым центром уезда.

В самом Зашиверске имелась ратуша, которая должна была охранять права торговых, посадских и промышленных людей и бороться против злоупотреблений местных властей. В Зашиверске в 1793 г. состоялись выборы

в городскую ратушу в составе трех человек. В Зашиверске находился выборный орган уездного мещанского общества, объединявший мещан Шанска, Уяндина, Кислова, Усть-Янска, Ожогоина и Зашиверска. Всего в 1816 г. в зашиверском мещанском обществе насчитывалось 108 мужчин и 89 женщин⁷¹.

В городе имелись казенные и провиантные магазины и склады, а также соляной магазин. Они снабжали прежде всего военных и государственных чиновников, если позволяли запасы, продавали муку, крупу, соль и другие продукты частным лицам. Другим основным источником снабжения продовольствием населения города была торговля с местным населением.

Что же касается последнего, то кроме бродячих охотников и оленеводов — ламутов и юкагиров, по словам Ф. П. Врангеля, в Зашиверском округе народонаселение состояло «из якутов, которые все лето кочуют с табунами лошадей и стадами рогатого скота. В теплое время года запасаются они сеном на зиму. При наступлении осени якуты расселяются по берегам рек и занимаются рыбной ловлей. Охота составляет у них побочный промысел. Беднейшие якуты, не имеющие ни рогатого скота, ни лошадей, живут оседло на берегах рек и называются от того речными. Для перевозки тяжестей содержат они собак, которые, питаясь только рыбьими костями, почти не стоят хозяину никаких издержек, а между тем чрезвычайно полезны, даже необходимы. Рыбная ловля составляет главный промысел и почти единственное пропитание речных якутов. Зимой занимаются они добычей пушных зверей»⁷².

Якуты, эвены и юкагиры привозили в город коровье, олень и медвежье мясо, конину и разную дичь. Якуты-скотоводы продавали мясо и молочные продукты, а рыбаки торговали продуктами своего промысла. Само население Зашиверска, несомненно, занималось также охотой и рыболовством.

Населенные пункты на Севере в XIX—XX вв. летом пустовали: почти все выезжали на рыбалку, возвращаясь лишь к зиме, зимой занимались подледным ловом рыбы. Так было, очевидно, и в старом Зашиверске XVII—XVIII вв.; в нем оставались, должно быть, по необходимости только представители духовенства и гражданской администрации.

И, наконец, здесь же, в стране охотников, рыболовов и оленеводов, находился самый

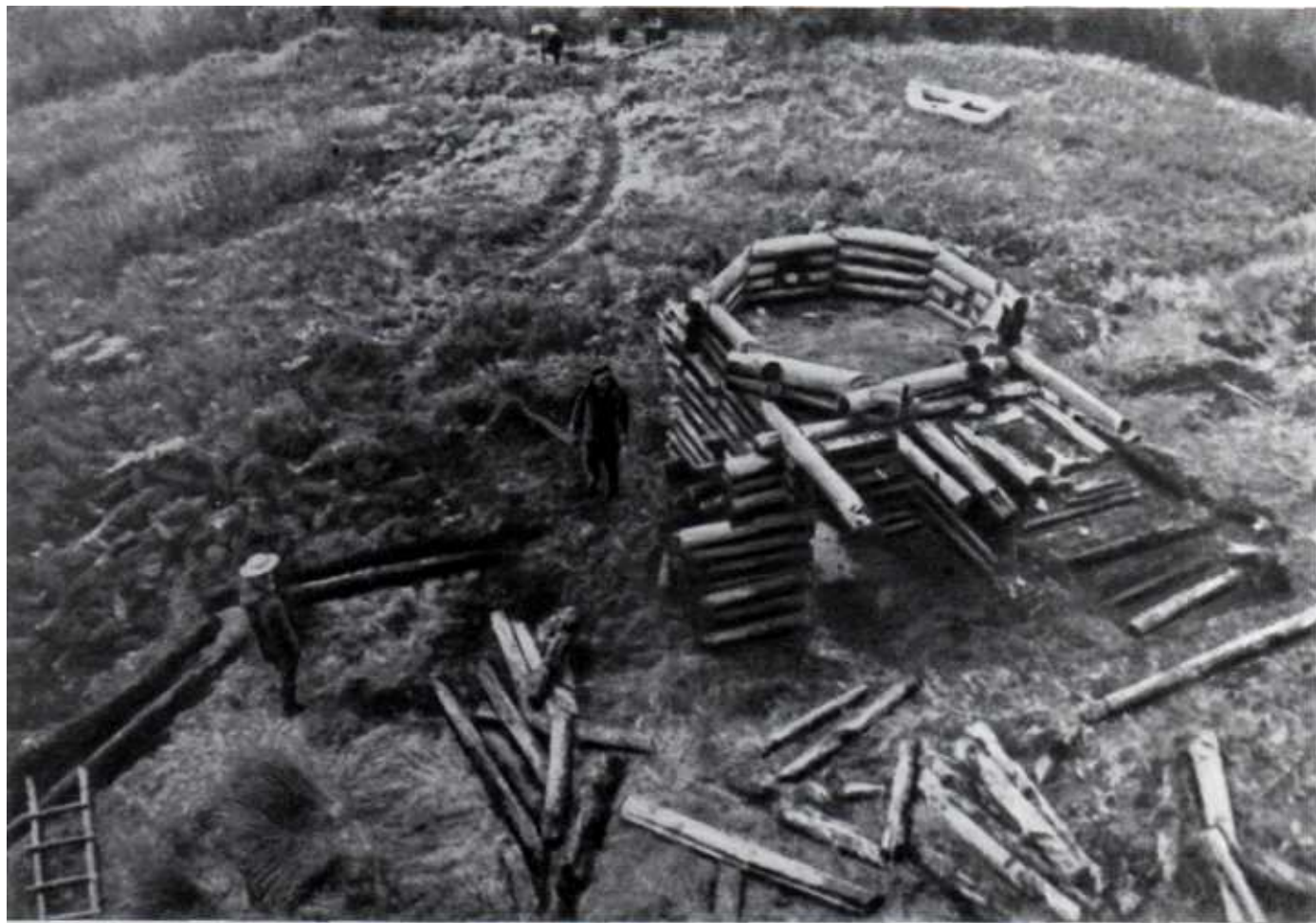
Раскопки острога. Удален дерновый слой, обнаружена основа крепостной стены

северный в Сибири очаг земледелия. О нем сообщает с удивлением Ф. П. Врангель. Он попал в Зашиверск проездом из Якутска на Колыму в октябре 1820 г. На Индигирке уже стояла настоящая зимняя погода. Это было время, когда древний город-острог переживал свой упадок и последние дни. По словам Врангеля, город «впал в ничтожество».

В городе «кроме хорошо поддерживаемой церкви» оставалось всего-навсего пять домов, где жили священник с братом, якут — смотритель почтовой станции и два русских семейства.

Тем большее впечатление произвела на путешественника и его спутников удивительная, не по годам, бодрость и активность старика

Сохранившиеся части колокольни и раскопки острожной стены. Вид с восточной стороны (с крыши церкви)

Михаила Слепцова как охотника, а вместе с тем пионера самого северного в то время в мире земледелия.

«Здесь живет,— писал Врангель,— 87-летний священник, отец Михаил... Бодрость его нисколько не уменьшилась с годами и доселе ежегодно, презирая все трудности и опасности, он объезжает верхом слишком по 2000 верст свой приход. При всем том он имеет еще столько времени и силы, что ходит охотиться за дикими баранами и ловит силками куропаток. Короткое лето посвящает он своему небольшому огороду, в котором при пеусыпных трудах и внимании хозяина поспевает капуста, редька и репа — большая редкость и едва ли не единственный пример в здешнем суровом климате. Отец Михаил угостил нас истинно по-русски: горшком жирных щей и свежим ржаным хлебом, которые показали нам лучше всяких

лакомств. В заключение подали пирог, испеченный из рыбьей муки,— изобретение нашего хозяина. Для сего сухая рыба растирается в мелкий порошок, который, если его держать в суше, долго сохраняется, и с примесью ржаной муки составляет очень вкусный хлеб»⁷³.

Встречи в Зашиверске с Михаилом Слепцовым оставили приятное чувство и в памяти Ф. Ф. Матюшкина. Он «заставил меня,— пишет Матюшкин,— провести время с удовольствием (могу сказать) в Зашиверске. И в Петербурге трудно найти столько образования в духовном звании». Юкагиры, якуты, ламуты, тунгусы, по словам Матюшкина, любили М. Слепцова, почитали и боялись, «как отца», «несколько раз был (оп) в опасности потерять жизнь и свободу свою, но случай или бог спасал его. Рассказы его были весьма любопытны, он многие страны северной Сибири прошел пешком»⁷⁴.

Раскоп у колокольни. Ведется зачистка пола соседнего с башней помещения

Об энергичной миссионерской деятельности Михаила Слепцова говорит Ф. П. Врангель, по словам которого, «он силой своих убеждений обратил к христианству до 15 000 якутов, тунгусов и юкагиров»⁷⁵. В этих «обращениях», указанных путешественником, есть, конечно, определенное преувеличение, но Ф. П. Врангель прав, когда пишет не только об усердии Михаила Слепцова в его служебном деле, а также и о том, что он был вообще «известен во всей Сибири».

Из Зашиверска шли в дикие горы и к берегам Ледовитого моря не только отряды служилых людей и промышленников, но и рудознатцев — искателей драгоценных минералов.

Еще в 1069 г. «письменный голова» Ефим Казанский доносил воеводе о том, что им против Зашиверского зимовья найден «камень хрусталь». Он сдал в якутскую съезжую избу

5 1/2 фунтов «камня хрустально», добавив, что, по показаниям ясачных юкагиров, на притоке Колымы — р. Ожогойной «в камню в утесах и по ручьям» местами имеется «белый камень хрусталь»⁷⁶.

Забегая вперед, следует сказать, что зашиверский исправник И. Баннер, датчанин родом, переписывался с выдающимся естествоиспытателем того времени Эриком Лаксманом и выполнял некоторые из его поручений по изучению природы Сибири. Баннер нашел близ Зашиверска «целую гору с прекраснейшими кристаллами». Путешественники Г. А. Сарычев и доктор К. Мерк пытались подобраться к пей, но не смогли из-за глубокого снега.

«Об этих поисках,—рассказывает Г.Л. Сарычев,— капитан-исправник (Банпер) сказывал, что на другой стороне реки в горе, лежащей против города, находятся хорошие хрустали. По

просьбе доктора (Мерка) согласился он проводить нас туда и показал нам под утесом горы осыпь, в которой мы не нашли крупных хрусталей, а только собрали несколько мелких к употреблению негодных, может быть, снег тому причиной»⁷⁷.

Зашиверск в годы своего процветания был местом, с которым так или иначе связано было и изучение Крайнего Севера Азии. В нем останавливались все, кто шел дальше или возвращался из далеких странствий.

В 1769 г. в доме священника в Зашиверске проживали: «Охотской команды геодезии прапорщики Леонтьев, Лысов, Пушкарев», имена которых вошли в историю исследований Арктики, как авторов первого описания далеких Медвежьих островов против устья р. Колымы. Эти геодезисты, как известно, первыми указали и на археологические памятники древнеэскимосской культуры, находившиеся на Медвежьих островах.

Затем в Зашиверске побывали участники знаменитой Чукотской экспедиции Сарычева — Биллингса, в том числе естествоиспытатель доктор Конрад Мерк.

Участники экспедиции застали Зашиверск, по словам Сарычева, 18 октября 1787 г. «ново-учрежденным» городом сразу после того, как он был «сделан из комиссарства». «Недавно только,— продолжает Сарычев,— начали в нем селиться, однако есть уже присутственные места и в них чиновники. Строения, его составляющие: церковь и тридцать домов»⁷⁸. В Зашиверске экспедиция провела трое суток, причем, как пишет Сарычев, «здешними г. городничими надворным советником Самсоновым, капитан-исправником Баннером обласканы и угощены были с отменным усердием, так что нельзя умолчать о том, что не оставшись крайне неблагодарным. Сверх того, снабдили они нас и на дорогу съестными припасами, в которых мы имели крайнюю надобность и которых без их помощи не достали бы ни за что».

Участник экспедиции Сарычева Лука Воронин выполнил превосходные акварельные зарисовки Зашиверска, в то время еще многолюдного и, как сказано выше, по тогдашним северным масштабам, обширного. В 1820—1824 гг. совершают свое не менее знаменитое путешествие в полярные северные окраины Сибири Ф. П. Врангель и Ф. Ф. Матюшкин. И они снова останавливаются в Зашиверске.

Ф. Ф. Матюшкину принадлежат новые зарисовки видов старого Зашиверска, не менее ценные для истории этого города, чем акварели Луки Воронина. Об этих зарисовках, кстати, в 1821 г. Энгельгардт писал Матюшкину: «Я опять вчера на досуге перечитал твое письмо. . . в первую минуту радости я только пробегал вскользь твои строчки и любовался между прочим пленительному архитектурному виду Зашиверска»⁷⁹. Слова Энгельгардта о «пленительном» архитектурном виде Зашиверска, несомненно, относятся к Спасской церкви города: уже тогда, более 150 лет тому назад, была оценена красота этого замечательного памятника древнерусской культуры, дана была ему эстетическая оценка.

Те же чувства, чувства радости и восторга, овладели другим путешественником, одним из советских исследователей «Индигорской земли» А. Л. Биркенгофом, много десятилетий спустя, когда он писал: «Скромными средствами, из дерева и щепки, творили строители Зашиверского храма свое прекрасное произведение.

В тоске по далекой родине они вложили свою русскую душу в постройку и здесь в «Юкагирской земле» создали памятник для себя — о Руси, потомкам — о себе и своих славных подвигах»⁸⁰.

И мы в 1969 г. тоже переживали искреннюю радость встречи с прекрасным на берегу Индиголки, вспоминая слова наших предшественников Матюшкина и Биркенгофа...

Вспоминали и ту важную роль, которая принадлежала старому Зашиверску в те времена, когда он жил своей полнокровной жизнью как центральный пункт освоения северных пространств на востоке Сибири.

Чиновники Зашиверска выполняли важные поручения правительства. Так, в 1788 г. зашиверский исправник И. И. Баннер по поручению правительства вел переговоры с чукчами. В этих переговорах были заинтересованы обе стороны. У населения Чукотского полуострова росла потребность в товарах русского производства. Кроме того, в связи с продвижением чукчей-оленьеводов в сторону Колымы у них появилась необходимость урегулировать взаимоотношения с администрацией Зашиверского уезда, прекратить междоусобные действия местных народов. Не меньший интерес был проявлен со стороны правительства Екатерины П.

Оно беспокоилось появлением иностранных судов на берегах Камчатки и Чукотки и желало мирным путем прекратить разорительные военные походы чукчей против коряков и юкагиров.

С этой целью и была послана специальная экспедиция Баннера. Встреча Баннера с чукчами состоялась на берегу р. Ангарки, впадающей в Анюй. Сюда прибыли тогда 580 чукчей. Баннер наградил их предводителей кафтанами и одарил табаком и другими вещами⁸¹. Здесь состоялась первая ярмарка, которая стала ежегодной. На этой встрече договорились о российском подданстве чукчей. Они внесли ясак, хотя считали его не данью в знак признания царской власти, а ответным подарком. Баннер рекомендовал правительству практиковать ежегодные ярмарки на Анюе и подарки чукчам. Правительство Екатерины II в 1789 г. узаконило принятие чукчей в российское подданство и разрешило отпускать ежегодно по 500 руб. для приобретения подарков чукчам. Так успешно закончились переговоры Баннера с чукчами.

Немаловажную роль в жизни города играли торговля и особенно ярмарки. Торговля была довольно развитая. Купцы торговали не только в Зашиверске, но и в Верхоянске и на Колыме, они объезжали стойбища кочевников. Им разрешено было после уплаты ясака торговать различными товарами без всяких ограничений⁸². Предписано было, чтобы торговля купечества «нигде не останавливается была и камерция нигде и ни в каком случае преграждаема и пресекаема»⁸³.

Ежегодно в ноябре или начале декабря зимним путем прибывал в Зашиверск караван купеческих товаров. Предприимчивые купцы (якуты и русские), заготовив нужные товары в Якутске, первой санной дорогой выезжали в далекие, но богатые пушниной районы Индигирки и Колымы. Они привозили металлические изделия якутских и русских кузнецов (топоры, ножи, пальмы, железные и медные котлы, чайники). В них очень нуждались юкагиры и эвены, которые сами не добывали железа. В железных вещах нуждались и индигирские якуты. Русские купцы привозили также одекуй (разноцветный бисер), табак, муку, сахар, ткани. Несмотря на запрет, купцы ввозили и водку. На ярмарке принимали участие и купцы города Зашиверска. К приезду купцов из цен-

тральной Якутии собирались кочевники и оседлые якуты, занимавшиеся охотой. На ярмарке они сбывали драгоценные меха пушных зверей: белок, соболей, лисиц, колонков, горностаев, а также кабарговую струю (мускус), Мамонову кость (бивни).

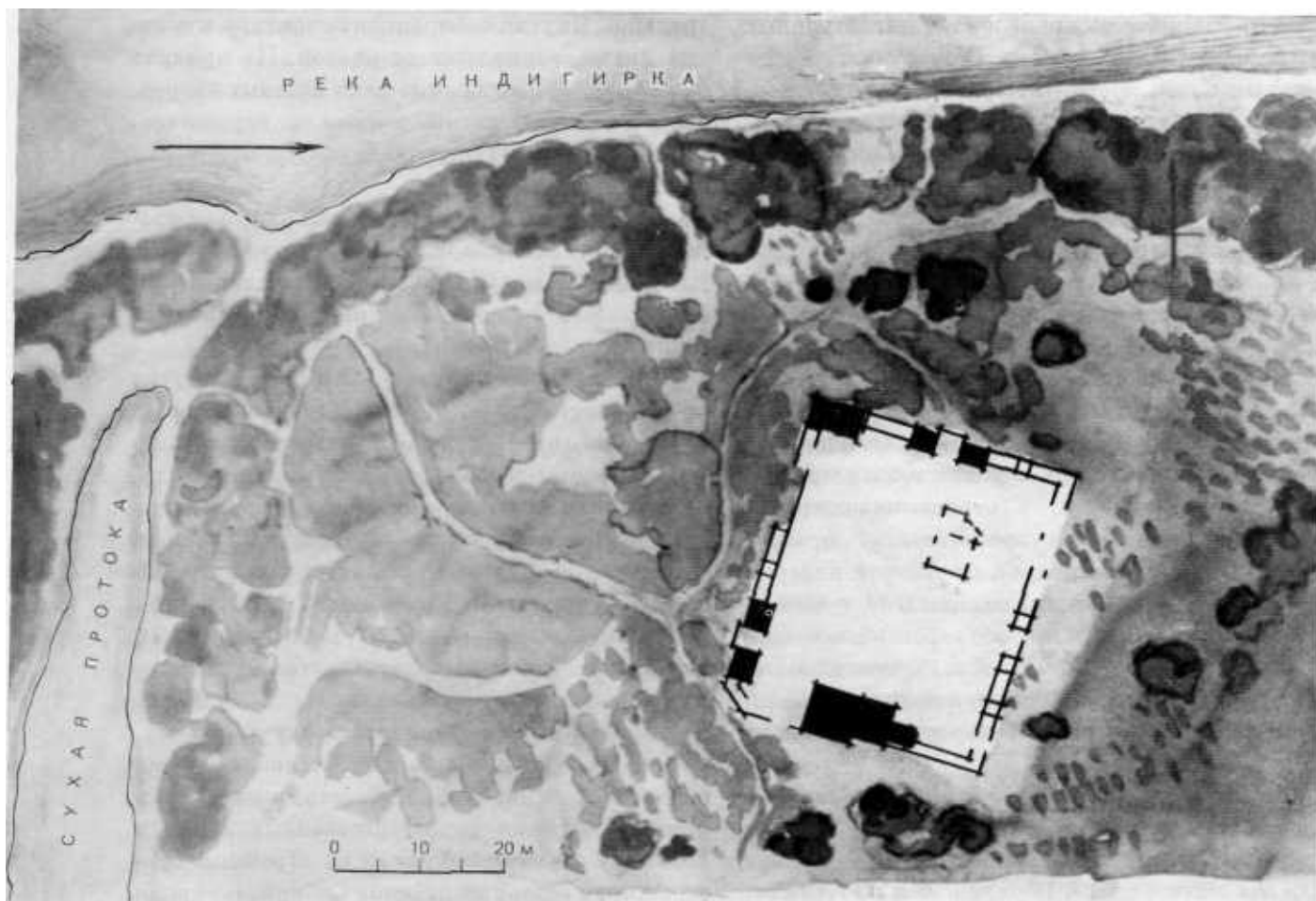
Заполярный город, дремавший от однообразной жизни, на ярмарках временно оживлялся. Для населения, скучавшего от отсутствия «увеселительных заведений», ярмарки были красочным представлением.

Для коренных жителей Зашиверской округи и обитателей ее обширной тундрово-лесной периферии, простиравшейся вплоть до Ледовитого океана, подобные сходбища имели не только экономическое, но и огромное общественное значение, связанное с древним родо-племенным укладом, прекрасно показанным в монографических трудах В. И. Иохельсона, посвященных социальной жизни юкагиров, юкагиризированных тунгусов и оленеводов-ламудов, а также в недавно изданных материалах И. А. Худякова по этнографии б. Верхоянского округа.

Это были производившиеся весной, во время оживления природы, торжественные праздничные собрания родов, рассеянных зимой и летом маленькими группами по огромным пространствам северных районов Сибири. Во время своих сходбищ жители Севера плясали, пели, забавлялись играми, радовались наступлению лета, славили его щедрость и красоту природы.

Вот как описаны такие собрания, в том числе и у Зашиверска, внимательным наблюдателем, этнографом И. А. Худяковым: «Весной, когда олени начинают метать пыжиков, «богатые» ламуды, имеющие большие стада оленей, спешат с зимних промыслов на место летовки — «чистую» (чистай). «Чистай» называется вершина какой-нибудь каменистой речки, где летом и съезжается пескотько десятков ламудов. Там они собираются по зашиверскому тракту на вершине р. Кыры (или Русской Рассохи), где летом собирается около 30 семейств (юрт) ламудов. Другое стойбище бывает на р. Догдо, в 80 верстах к юго-востоку от Убиенной поварни. Тут собирается около 70 юрт. Момские ламуды имеют стойбища поочередно в (различных) местах: 1) на Кыллахе, речке, впадающей в Индигирку, около Зашиверской церкви; 2) Чолалн-речка (что по-ламудски значит «кверху глядящий»), от Момской церкви без малого 60 верст, тоже на восток,

План Зашиверского острога. План составлен по результатам раскопок 1969—1970 гг.

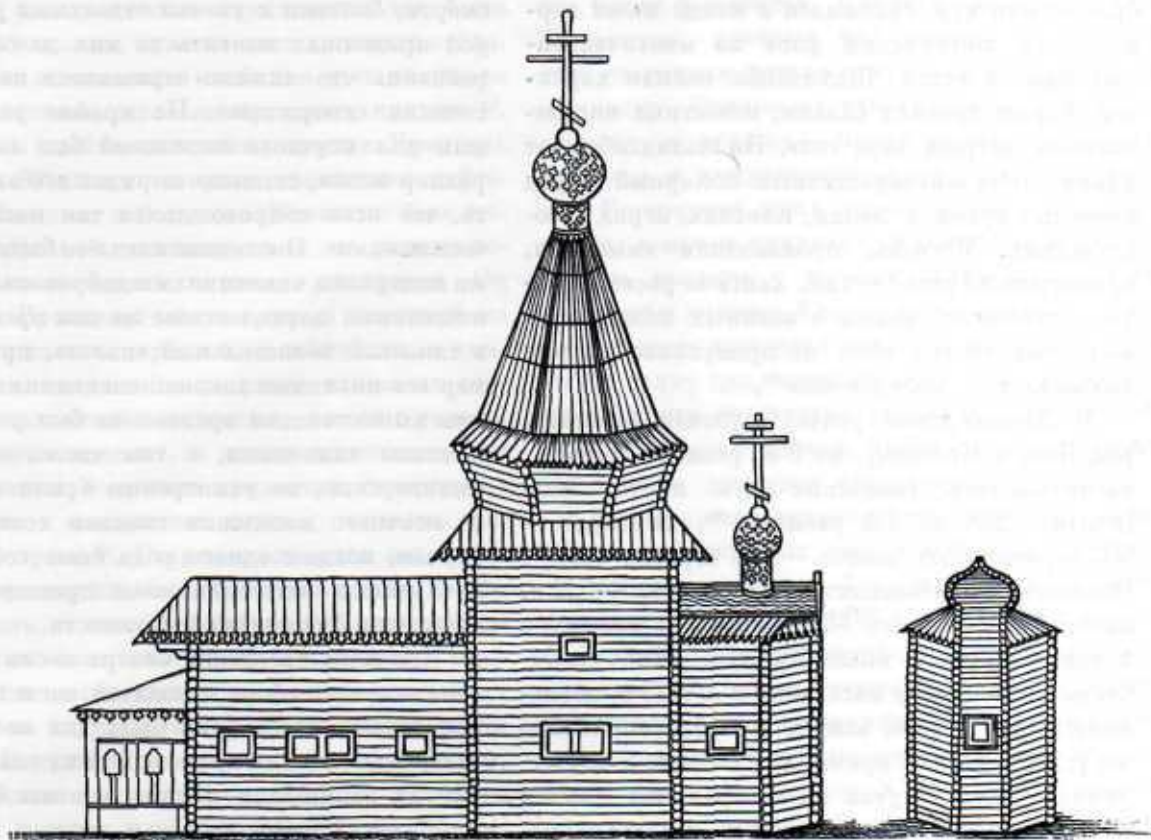
по речке, впадающей в Мому; 3) Хайырдах; 4) еще далее на восток, Ханарайдах, самая дальняя на вершине р. Момы; [вообще же] на каждой речке, впадающей в Индигирку и **Мому**.

Богатые **сезжаются** с конца марта или начала апреля, а бедные позже; так что полное собрание начинается в начале мая. Впрочем, бедные, не находящиеся в работе у богатых, летуют большей частью на рыбных местах.

Юрты на стойбищах ставят в две или три линии. Время стоянки продолжается до последних чисел июля (до Ильина дня). Бедные разъезжаются раньше Ильина дня. Все время стоянки для ламутов настоящий праздник. В это время они спят днем и встают поздно, когда солнце уже совсем склонится к вечеру. Вставши, умыв лицо, нарядившись и помолясь образам в юрте или па восток, ламуты садятся

пить чай, который они очень любят. Если есть чай, то пьют его раз десять в сутки: сперва у одного хозяина, потом у другого и т. д. Чай пьют крепкий (кирпичный) и притом сперва мужчины, потом женщины. Вслед за чаем едят несколько вареного оленьего мяса или диких баранов и прочих зверей (т. е. ужинают). Затем начинаются забавы, и ламуту уже не до еды, зато он пьет большое количество воды. Повеселившись всю ночь, ложатся уже утром, когда солнце не только взошло, но уже начинает пригревать.

Кружатся группы ламутов и ламуток в их коротких платьях близ шумящей речки на ровном безлесном месте между живописными утесами при заходящем или восходящем солнце, которое, освещая ярким светом одну сторону утесов, другую их сторону оттеняет темными красками. Олени виднеются в освещенных

*Южный фасад Спасо-Зашиверской церкви. Реконструкция
А. П. Бердникова. Справа — алтарная апсида*

ущельях гор; тальниковые курева дымятся перед юртами; дети, старики и старушки сидят, сложивши под себя ноги. Такая картина действительно живописна. Недаром местные русские и якуты в восторге от летних ламутских праздников.

При пляске ламуты берутся под локти в круг и потом идут в одну сторону: сначала поют тихо и низко и идут тише, а потом напев становится громче, выше и скорее и круг обращается скорее. Ламуты-мужчины, желая блеснуть легкостью и грациозностью, закрывают глаза и откидывают голову назад; другие же держат голову книзу, следя за своими ногами. Ламутки в пляске тоже грациозничают и выпрямляются как можно прямее, тогда как обыкновенно ходят согнувшись. В круг становятся человек 20, 30, 50 и даже 60; парень становится с любимой девушкой, мужчина с женщиной

попарно, но в конце ряда лишние смешиваются. Пляшут обыкновенно вечером или после солнечного заката, когда нежарко. Если даже зимой съезжается несколько ламутских семейств, то они пляшут на дворе, на морозе, что, впрочем, бывает очень редко. Иногда женщины и мужчины пляшут отдельно.

Ламутская пляска сопровождается известным припевом: «Эх-эрьях (эх-эрьях, эх-эрьях!)», «Дья унди!» (То-то люли!). Песня ламуток нежнее и тише якутской: голос их обыкновенно тенор. При пении ламуты не рознят; у них есть целые песни, в которых они удачно подражают голосу стерхов. Старушки хрюкают по-оленьи»⁸⁴.

Такие же весенние празднества-игриша существовали, по словам В. И. Иохельсона, у юкагиров, сплывавших вниз по своим рекам на плотках-мино и долбленых лодках-ветках:

«На Колыме в известных местах, называемых шахадзиба, или иододжал, т. е. место для собрания или игр, съезжался в конце июня первобытный юкагирский флот из многочисленных мино и веток. Шахадзиба носили характер сборищ древних славян, известных под названием «игрищ меж сел». На шахадзиба этот удивительно жизнерадостный полярный народ проводил время в пении, плясках, играх и состязаниях. Шаманы производили камлания, приносили жертвы духам, хаигиче рассказывали о промысле, воины о военных подвигах, а молодежь обоего пола не пропускала случая пользоваться молодостью»⁸⁵.

В Зашиверском уезде (включая бассейны рек Яны и Колымы), по 5-й ревизии 1796 г., насчитывалось ревизских душ якутов 3296 (против 2268 по 4-й ревизии)⁸⁶, юкагиров — 505 (против 456), эвенов — 814 (против 695)⁸⁷. Число якутов (ревизских душ) в начале XVI в. насчитывалось всего 800 человек⁸⁸, юкагиров в конце XVII в. — около 310 душ. Такое увеличение численности населения в XVIII в. объясняется отсутствием эпидемий и благоприятными условиями для промысла⁸⁹, а также переселением части якутов из центральной Якутии на Яну и Ипдигирку и отчасти неполным охватом кочевого населения переписью во время 4-й ревизии.

Размер ясака, который платили разные роды, был неодинаков. Например, якуты Эгинской волости (56 ревизских душ) платили в 1816 г. 33 красных лисицы, или 49 руб. 50 коп.⁹⁰ (88 коп. с каждой ревизской души), а юкагиры Омолонского рода (127 душ) платили — в том же году соболей 25, лисиц — 13, или 126 руб.⁹¹ (1 руб. с каждой ревизской души). Эгинцы и омолонцы также платили подушную по 44 коп. с души, земскую повинность — эгинцы по 3 руб., а омолонцы по 1 руб. 15 коп.⁹²

С 1818 г. стали взимать деньгами налог на устройство водных сообщений и на содержание государственных дорог. Ясачный оклад и повинности не соответствовали платежеспособности коренного населения. В конце XVII и начале XVIII в. в основных районах кочевания соболь был истреблен. Ясачному населению для того, чтобы добыть соболя и даже лисицу, требовалось много труда и расходов.

По существующему положению ясак платили не отдельные семьи, а род в целом, коли-

чество же ревизских душ в роде до следующей переписи оставалось неизменным. В случае смерти, болезни и увечья отдельных родовичей род продолжал платить за них до следующей ревизии, что тяжело отражалось на благосостоянии «инородцев». Но крайне разорительным для ясачного населения был не столько размер ясака, сколько порядок его взимания и то, что ясак сопровождался так называемыми «поминками». Последние когда-то были обычными подарками чиновникам и добровольными подношениями царю, позднее же они превратились в тяжелый обязательный «налог», причем размер его никакими законоположениями и никаким вышестоящим органом не был установлен. Местные чиновники, в том числе, конечно, и зашиверские, по усмотрению брали «поминки» от ясачного населения сколько хотели. Были случаи, когда с одного рода ясак собирали по 2—3 раза в год, принимали драгоценный мех ниже его фактической стоимости.

Коренное население Севера несло не только гнет ясачного сбора и податей, но и подводную повинность. Последняя была для местных жителей величайшим злом, одной из главных причин их обнищания. О том, каковы были пути из Якутска в Зашиверск и далее к морю, что испытывали путешественники там и летом, и зимой, мы уже имеем понятие со слов Виноградова. К этому нужно добавить масштабы подводного тягла, которое вынуждено было нести местное население, якуты-скотоводы, кочевавшие вблизи Зашиверска и па путях к нему. Об этих масштабах можно судить по свидетельству Ф. П. Врангеля. Как пишет этот путешественник, незадолго до его прибытия в Зашиверск из Якутска в Нижне-Колымск проходил казенный транспорт с солью и мукой. Под него потребовалось *сто лошадей*⁹³.

Разорительной для коренных жителей была и неэквивалентная торговля. Меха, мамонтовой кости, «рыбий зуб» (бивни моржей), «кабарговую струю» скупали не только купцы, промышленные люди, но и чиновники и казаки. Торговлю с кочевниками они нередко превращали в принудительный обмен.

Что же касается внутренней жизни якутов, то Ф. П. Врангель рисует идиллическую картину патриархальной жизни полукочевой якутской общины на летовье (сайлык) Сыглц-Этар (Сылгы-Ыьтар), где находился «богатый якут со всеми своими домочадцами, стадами рога

того скота и конскими табунами». По его словам, «главный урос (урасу) окружали меньшие палатки родственников начальника; все было обнесено заколом, куда на ночь загоняли стада. Здесь все показывало изобилие и напоминало патриархальное согласие и чистоту нравов»⁹⁴.

В этом стойбище-летнике якутов Врангель встретил 82-летнего старика, крестника лейтенанта Лаптева; собеседник Врангеля был женат на русской женщине, умел не только говорить, но и читать и писать по-русски. Он сообщил Врангелю много ценных сведений из прошлого своего народа и, в частности, о том, что предки якутов жили ранее в южных сторонах, владели письменностью, знали о золоте, драгоценных камнях, о таких животных, как львы и тигры, и «других предметах, совершенно неизвестных нынешним якутам, жителям полярных стран»⁹⁵. Старец жаловался на постоянно усиливающиеся пороки своих сородичей: на страсть к тяжбам, губительное пристрастие к крепким напиткам, чему приписывал «бессилие и недолговечность нынешнего поколения якутов, из которых никто не достигает и ста лет»⁹⁶. «Радужный прием, теплый воздух долин, защищенных холмами и рощами от сурового влияния ветров, изобилие свежей легкой пищи и, наконец, совершенное спокойствие духа, в отдалении от всех забот, побудили меня, — пишет путешественник, — провести здесь остаток лета и собрать силы для перенесения новых трудов предстоящей зимы»⁹⁷.

Однако, разумеется, идиллия летника Сылгы-Бытар была далека от действительности. Врангелем описана жизнь типичного якутского тойона. Гнет тойонов был характерным явлением в социальной жизни якутов, коренным ее злом. Интересно в этой связи отметить, что в бумагах Заншиверского архива сохранилось любопытное дело, бросающее свет на социальные отношения у местных якутов, на зависимость бедноты, хамначитов и балыксытов от тойонов — князцов, на произвол последних и издевательства по отношению к зависимой от них беззащитной бедноте.

Протоиерей Григорий Слепцов доносил в 1785 г. Зашиверскому нижнему земскому суду: «Вследствие поданного мне в проезд мой из Якутска в Зашиверск в Верхоянске от крещеной якутской девицы Филипповой доношения, в котором прописывает: сего-де года по нахождении ея летом временем жительства

у родника своего Мужа Кучиняхова, пришед посланные от князца Бажига Боржохова якуты Батис Кусейчеев, Карапан Дондукин, Сет Кусенеков, которые без всякого в нем отпея огорчения хотели связать ей руки и везти в князцу. Однако не связав повезли к Боржохову, и пришед — приказал оной нарезать батожья и имел намерение ее сечи, однакож его Боржохова жена упроя оннаго не допустила; а потом приказал ей усиленно лечь вместе на постели с родным своим крещенным Семеном и учинить блудодеяние, а также оному крещенному приказал также ее бить, для чего ему и палку дал, который якут Семен по чувствительности ее девства растлил». Сообщая об этом, Слепцов требовал, чтобы суд «благоволил произвести законное следствие»⁹⁸.

В результате истребления не только пушных, но и копытных зверей голод был далеко не редким явлением. Так, например, князек Нутчагин 31 октября 1796 г. обратился с просьбой — отпустить продовольствие из Зашиверского хлебозапасного магазина за наличные деньги голодающим его родовичам". Население, лишенное медицинской помощи, страдало от частых эпидемий. В конце XVII п. в документах появляются сообщения об эпидемиях оспы и кори¹⁰⁰.

С конца XVIII в. число кочевого населения, особенно юкагиров, сокращалось: одни юкагирские роды уходили на Колыму и дальше к Охотскому морю; другие вымирали от эпидемий; третьи смешивались с якутами и эвенками.

Хищническое истребление пушного зверя привело к сокращению поступления драгоценных мехов в Зашиверск. В результате город постепенно терял свое экономическое и административное значение, число жителей в нем не только не росло, но сокращалось.

В 1803 г. правительство рассмотрело «образ правления всего Сибирского края». 11 августа 1803 г. последовал указ о сокращении числа уездов и штатных городов. В списке уездов, подлежащих сокращению, оказался и Зашиверский уезд, а город Зашиверск «по малому числу жителей» не попал в новый список штатных городов Сибири¹⁰¹. Вместо уездного комиссара был назначен Зашиверский частный комиссар. Иркутское губернское правление дало также распоряжение, чтобы Зашиверский частный комиссар в дальнейшем находился не в Зашиверске, а в городе Верхоянске.

Сообщение о царском указе и распоряжении губернского управления в Зашиверске было получено в 1804 г. Весь этот год там были заняты ликвидацией уездных органов власти и переездом комиссарства и других учреждений в Верхоянск.

В связи с реорганизацией городской администрации Сибири были ликвидированы канцелярии уездного комиссара, градоначальника, городской ратуши, уездного казначейства, землемера. В городе остались команда казаков, хлебозапасный магазин, соляная стойка, управа Эльгетского улуса якутов, питейное заведение и еще несколько небольших учреждений. Со временем и эти учреждения или закрылись, или переехали в другие места.

По словам Б. Г., «в центре края был Верхоянск, туда и перенесли комиссарство. Колыма составила отдельный округ. Зашиверск был в 1805 г. упразднен и перешел в разряд заштатных городов. Протоиерей был переведен в Верхоянск (Борунук). Туда же переведены были все административные учреждения. В Зашиверске остались только священник, несколько семейств инородцев и мещан. Казаки были тоже переведены»[№]. Однако в 1808 г. оставалось в городе около 120—130 жителей. В большинстве это были казаки, отставные чиновники или «чиновники без должности». Среди жителей еще были купцы, мещане, государственные крестьяне и «ясачные люди». Спустя некоторое время в Зашиверске остался один причт Спасской церкви.

Такое сокращение населения объясняется не только утратой бывшего значения города, но, вероятно, и эпидемиями оспы и кори, о чем говорится в преданиях и рассказах.

Как писал В. Г., «последних жителей Зашиверска выкосила оспа, свирепевшая в Верхоянском округе в 1773—1776 гг. и повторившаяся в 1883 г. Перемерли и жители немногих русских заимок в верховьях Индигирки».

В 40-х годах XIX в. жалкое положение Зашиверска наблюдал Виноградов. Как пишет И. Д. Сельский, «после переправы через Индигирку открывается Зашиверск, стоящий на правом берегу ея. Божий храм да три юрты, священник с причетником, улусный писарь с пером и станционный смотритель без лошадей составляют все народонаселение»¹⁰⁸.

Кроме того, на старом городище еще стояла, отмеченная нами выше, аманатская башня

с рисунками на ее стенах, о которых так почувствованно рассказал этот путешественник Виноградов И. Сельскому. И это все, что осталось от бывшего города.

К 40-м годам XIX столетия относится и справка о Зашиверске, включенная в описание путешествия арх. Нила:

«Зашиверская Спасская церковь созидалась около 1700 года пришельцами из разных мест России. Существует она около 150 лет, что для деревянного здания очень много. Она северо-восточнее Верхоянской церкви и отстоит от Иркутска более чем на 4000 верст. В состав прихода ее входят: русские в числе душ 50, бродячих ламутов считается около 600 душ, остальные прихожане суть якуты. Масса их восходит тысяч до двух. Кочевья племен сих тянутся по течению Индигирки сотни на три верст; а более уклоняются они на северо-восток, где искони являлись следы ламутского страннического житья-бытья».

Речь идет о церкви, о населении ее прихода. О самом же Зашиверске не сказано ничего. Как поселение, как более или менее крупный населенный пункт, даже и по северным масштабам, где такие поселения вообще были редки и малочисленны, город Зашиверск уже к этому времени фактически не существовал.

Тяжелое положение, в котором оказались служители Зашиверской церкви, изолированные от всех остальных селений на Индигирке и Колыме, где существовали русские поселки, заставляло их искать выход в перемещении на другие места.

Они засыпали Иркутскую консисторию рапортами и жалобами, в которых настойчиво просили разрешить им переехать на другое место. К этим просьбам присоединились прихожане. В одном из ходатайств они писали, что с «уничтожением города и населенность оного прекратилась, так что ныне все население сего места состоит из станичного дома, в окрестности ближе 40 верст не имеется»¹⁰⁷. Выдвигались и другие причины: ветхость Зашиверской церкви, прекращение здесь рыболовства и других промыслов.

Что касается ветхости здания церкви, то есть очень выразительный в этом отношении документ, из которого видно, как старательно описывалось ее катастрофическое в полном смысле, если верить словам авторов акта, аварийное состояние.

31 мая 1835 г., будучи «в уничтоженном городе Зашиверске», окружной верхоянский исправник коллежский секретарь Петр Атласов, его помощник коллежский секретарь Матвей Бачеров, священник Михаил Слепцов и голова Эльгетского улуса Николай Ефимов писали, что «церковь сия, какъ по делам церкви известно, построена въ 1700 году на старинной манере на несколько угловъ съ отступами одинъ отъ другого более на деревянныхъ болтахъ и укрепленияхъ безъжелезныхъ связей».

Отсюда следовало, что сама структура здания вызывает большие сомнения в его сохранности.

Эта идея далее обосновывалась описанием ее состояния. Отмечалось, во-первых, что, хотя с внешней стороны стопа храма, сложенная из толстого лиственничного леса, и «показывает еще здоровой вид», но в пазах и углах «замечена гнилость», «не обнадеживающая в прочности к дальнейшему состоянию». Относительно креста замечено, что «наружный крест, состоящий на чернахъ съ особою Кровлею довольно Наклонившись въ западную Сторону что и Крыша на церкви колокольни Куполах и въ Окружности шпилей изътлела местами разрушилась и большею частию превратилась в Совершенную Гнилость до такой степени, что При покрытии мхомъ означаетъ наръсть и съ Северной Стороны травы».

Столь же печальную картину показывала «внутренность» здания: «Внутри церкви толчки представляют па вид отъдавления землею изгибшими и местами из черепьев выпшедшими, и оныя остаются на изгнутых и надъломленных матицах подъдерживаемых особенно въ трапезе двумя вновь приделанными Столбами и одним деревянным болтомъ припущеннымъ отънаружныхъ верхнихъ связей Сквозь потолковъ. Мость повсей церкви сколько отъдавления столбами, столько и отъ долговременности весь изъКривлень и въ Гнилости. Въ окнахъ же церкви имеющихъ безъ запора колоды и косяки отътяжести стопы бывъ изъкривлены остаются въ трещинахъ. Шпиль, держащий на себе церковный крест, по выходу изъ места своего укрепления упроченъ ремнями весьма безнадежно». Печь внутри церкви (в трапезной.— Л. О., 3. Г.), выложенная из кирпичей «ис начала постройки оной церкви», «хотя и не предвидится видимой опасности, но по долговременности не обнадеживается».

В итоге заключение было таким: «Церковь сия признается еще для служения годною токмо менее десяти лет», т. е. до 1845 г.¹⁰⁸

Из Якутска и Иркутска церковное начальство на слезные жалобы и просьбы из Зашиверска о переводе причта в другое место, частые в первой половине XIX столетия, отвечало, что нужно сначала построить новую церковь. В ответ же священник Слепцов развернул активную деятельность, агитируя население построить новую церковь на другом месте. Разгорелась борьба. Выдвигались различные проекты и предложения. Одни предлагали построить церковь в Моме, другие — в Олбуте, третьи — в местности Ирче-Кюль, четвертые — в Хатын-Юряхе. Наконец, были построены две церкви, одна (Запшверско-Индибирская) — в местности Крест-Майор¹⁰⁹, а другая (Никольская) — в местности Хону. Не указывая источник своей информации, В. Г. пишет также: «Приблизительно в 1810—1815 гг. причт, по просьбе прихожан, был переведен из обезлюдившего Зашиверска в местность, называемую геперь «Старая церковь», к северу от Зашиверска. Но и эта местность оказалась впоследствии в углу. Поэтому лет 12 тому назад причт был переведен еще на 150 верст к северу, к церкви, построенной на Абые, центре Эльгетского улуса» 110.

Большая часть икон с ризницей и церковными принадлежностями была перевезена в Крест-Майорскую церковь (150 верст от Зашиверска вниз по Индибирке), освященную в 1853 г. Меньшая часть икон и другие церковные принадлежности — в Момскую церковь (160 верст вверх от Зашиверска по Индибирке).

В «Метрике» А. Бердникова о переносе икон и ризницы из Спасо-Зашиверской церкви сказано: «Стены (церкви) не расписаны и изображений никаких нет. В храме и икон в настоящее время немного, а большая часть их с ризницей и принадлежностями перевезены были в 1852 и 1853 году вниз по р. Индибирке на трех плотах, по преданию во вновь открытом приходе к Индибирской церкви» 111.

Состояние здания церкви после ее упразднения выразительно описал тот же автор «Метрики». Его слова проникнуты опасением за самое существование этого памятника русской древности: «Дальнейшее сохранение не только икон, находящихся в храме, не обеспечено, по даже и сохранение самого здания церкви. На

месте города нет никаких строений, кроме здания храма, одной юрты и 2 амбаров. Церковь нигде не приписана, караула нет. Почему и происходит то, что приезжающие по разным потребностям якуты употребили на топку помост галереи, крыльцо храма и теперь начинают рубить понемногу и нижнюю часть колокольни. Какие должно принять к прекращению зла меры и как поступить, чтобы сохранить памятник древности, единственный от упраздненного города оставшийся, могут знать те, кто дорожит такими архитектурными памятниками. Иностранцы же едва ли согласились бы построить на месте Храма в память Церкви небольшую часовню во имя Спаса».

После того как церковь была упразднена, причт выехал, а иконы были отправлены в другие места. После эпидемии оспы в городе в 80-х годах на месте Зашиверска оставалась одна юрта — якутский балаган. Должно быть, та самая юрта, в которой жила последняя жительница Зашиверска Е. Ф. Слепцова. Она рассказывала, со слов ее предшественников, переживших оспу в начале нашего века, о последних обитателях заброшенного города и их судьбе: «От эпидемии не стало в городе ни дыма, ни людей. Осталась только одна старуха и один ребенок. Старуха

вырастила этого ребенка. Жил в этом городе священник Николай, матушка его была старшей сестрой моей бабушки»¹¹².

По рассказам Е. Ф. Слепцовой, она жила в Зашиверске с матерью и со старшим братом. «Мы были,— говорила она,— последними жителями города»¹¹³. После смерти матери они остались вдвоем с братом. Их встретили в конце 20-х годов нашего века участники экспедиции Наркомвода СССР. Участник экспедиции М. А. Кротов писал: «Постоянное население Зашиверска летом состоит из двух человек: якута Д. М. Слепцова и его сестры. Живут они в амбаре.

В нем очаг для костра, две нарты, сети, ружье, шкуры оленей и кое-какая посуда»¹¹⁴.

Д. Слепцов летом ловил рыбу, а осенью и зимой охотился. Прошло еще несколько лет после экспедиции М. Кротова, старик Слепцов умер, а одинокая Е. Ф. Слепцова переселилась в местность Тёгюрён.

Так на глазах у наших современников окончательно замерла жизнь на том месте, где некогда стоял город Зашиверск, и о прежней его славе напоминали лишь легенды и одинокая, удивительная в своей первозданной красоте церковь.

¹ Бахрушин С. В. Очерки истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1928, с. 163.

² Бахрушин С. В. Очерки..., с. 128.

³ Бахрушин С. В. Очерки..., с. 163. Детальный обзор походов в юкагирскую землю см.: Огородников В. И. Из истории покорения Сибири. Покорение Юкагирской земли. Чита, 1922, с. 51—83.

⁴ Огородников В. И. Из истории...

⁵ Там же, с. 128.

⁶ Огородников В. И. Из истории покорения Сибири. Покорение Юкагирской земли; Бахрушин С. В. Открытие Якутии русскими в XVII веке..., 1953, с. 52. Б. О. Долгих считает, что Зашиверское зимовье «было основано, вероятно, в 1653 году» Иваном Ильиным (Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, с. 398).

М- И. Белов пишет, что Зашиверское зимовье поставил В. Бурлак в 1653 г. (см. История открытия и освоения северного морского пути, т. I. М., 1956, с. 178).

Нам кажется, что более близки к истине утверждения В. Л. Огородникова и С. В. Бахрушина о том, что **Зашиверское** зимовье основано П. Постником. Он в 1638 г. двигался по р. Тостях и пересек хребет Тас-Хаяхтаах. Кто в то время направлялся по этому пути к **Индибирке**, не мог миновать выгодное во всех отношениях место, где был основан **Зашиверск**. И. Постник после долгого пути и ряда стычек с юкагирами достиг Индибирки, для **отдыха** отряда и сбора ясака тогда, возможно, и было срублено **Зашиверское зимовье**. Зимовья Олюбенское, **Уядинское** и Подшиверское были построены И. Ребровым и другими значительно ниже Зашиверска.

Фишер И. Сибирская история с самого **открытия** Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1779, с. 385.

Бахрушин С. В. Очерки..., с. 163.

Записаны разные варианты этого предания (Архив Якутского филиала СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 597, л. 14—15; д. 670, л. 74—77; д. 597, л. 16—17;

- д. 705, л. 18—20; д. 420, л. 2—10; д. 452, л. 23—29; см. главу IV «Зашиверск и его судьбы в заполярном фольклоре» настоящей монографии).
- По данным Б. О. Долгих, вооруженные столкновения в XVII в. имели место между юкагирами двух групп — олюбленцев и янгинцев. Последнее столкновение между ними произошло 10 апреля 1641 г. «Отношения между юкагирами разных племен были настолько обострены, что олюбленцы, — пишет Б. О. Долгих, — мотивировали необходимость учреждения для них особого ясачного аймака тем, что если их аманаты будут посажены вместе с аманатами, янгинцами и шоромбоями, то те их перебьют» (Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке, с. 404).
- Однако, по-видимому, в столкновениях принимали участие и якуты, о чем свидетельствует предание об Ёрё-Чёрёёрё, которого рассказчики определенно называют якутом.
- ¹⁰ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке, с. 389.
- ¹¹ Бахрушин С. В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. — Научные труды, т. IV. М., 1959, с. 90.
- ¹² В. Г. Город Зашиверск. Якутск, 1922, с. 4.
- ¹³ Сельский Н. С. Описание дороги от Якутска до Среднеколымска. — «Записки Сибирского отдела Русского географического общества», 1856, кн. 1, с. 102. Как пишет Н. Сельский, изданный им очерк о пути из Якутска в Нижнеколымск «сообщен» ему юским г. Виноградовым. «Описание это, — говорит Сельский, — чрезвычайно интересно: в нем верно схвачен снимок с дикой и грозной северной природы и передавы те страшные труды и путевые опасности, которые должен преодолевать путешественник, следуя в Нижнеколымск или по службе, или по делам торговым» (указ. соч., с. 87).
- ¹⁴ Сельский Н. С. Описание дороги..., с. 102.
- ¹⁵ Колониальная политика Московского государства XVIII века в Якутии. М., 1936, с. 67.
- ¹⁶ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав..., с. 400.
- ¹⁷ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав..., с. 403—405, 441.
- ¹⁸ В документах XVII в. в состав тунгусов включались и эвенги (ламуты).
- ¹⁹ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав..., с. 529.
- ²⁰ Колониальная политика Московского государства XVIII века в Якутии, с. 67.
- ²¹ Токарев С. А. Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв. Якутск, 1945, с. 273.
- ²² Долгих Б. О. Родовой и племенной состав..., с. 404.
- ²³ Якутия. М., 1927, с. 392.
- ²⁴ Дополнения к Актам историческим, 1853, СПб., т. V, с. 337.
- ²⁵ Там же, с. 337—338.
- ²⁶ Колониальная политика Московского государства XVIII века в Якутии, с. 339.
- ²⁷ Там же, с. 240.
- ²⁸ Там же, с. 241.
- ²⁹ Архив Якутского филиала СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 670, с. 74—77.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Центральный государственный архив Якутской АССР (далее — ЦГА ЯАССР). ф. 173, оп. 1, д. 8, л. 6.
- ³² В. Г. Город Зашиверск, с. 5.
- ³³ Бахрушин С. В. Очерки..., с. 128.
- ³⁴ Сельский Н. С. Описание дороги от Якутска до Среднеколымска, с. 100—101.
- ³⁵ Сельский Н. С. Описание дороги от Якутска до Среднеколымска, с. 103—104.
- ³⁶ Там же, с. 103.
- ³⁷ Сельский Н. С. Описание дороги..., с. 103.
- ³⁸ «Метрика» хранится в Архиве Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР (см. Дела Археологической комиссии при Министерстве имп. двора, д. 7083; далее — Метрика).
- ³⁹ ЦГА ЯАССР, ф. 244-н, оп. 1, д. 51, л. 11. Заключение комиссии по смотру Зашиверской церкви, созданной по указанию епископа Якутского Мелетия.
- ⁴⁰ Метрика, д. 7083.
- ⁴¹ ЦГА ЯАССР, ф. 244-н, оп. 1, д. 51, л. 11.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ ГАИО, ф. 50, оп. 1, св. 4, л. 6, л. 159.
- ⁴⁴ История Якутской АССР, т. 2. М., 1957, с. 124.
- ⁴⁵ ЦГА ЯАССР, ф. 244, оп. 1, д. 27, л. 11—12; д. 29, л. 117.
- ⁴⁶ В. Г. Город Зашиверск, с. 7.
- ⁴⁷ Худяков Н. А. Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969, с. 109.
- ⁴⁸ В. Г. Город Зашиверск, с. 6.
- ⁴⁹ Худяков Н. А. Краткое описание..., с. 311.
- ⁵⁰ Эргис Г. У. Исторические предания и рассказы якутов, с. 109. Записано со слов Григория Солдатова, записал Г. М. Васильев, 9.VIII 1944, с. Крест-Майор (Архив Якутского филиала СО АН СССР, ф. 5, оп. 23, д. 2, л. 31).
- ⁵¹ ЦГА ЯАССР, ф. 184, оп. 1, д. 29, л. 3.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же, ф. 245-н, оп. 1, д. 26, л. 25—26.
- ⁵⁴ В. Г. Город Зашиверск, с. 107.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Полное собрание законов Российской империи, т. 2, № 15675, с. 873.
- ⁶⁰ По некоторым данным, Зашиверск утвердился как городом в 1784 г. Архив Якутского филиала СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 20, л. 8.
- ⁶¹ Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. М., 1948, с. 373.
- ⁶² ЦГА ЯАССР, ф. 173-н, оп. 1, д. 3, л. 5. Документ составлен в 1799 или в 1800 г.
- ⁶³ Архив Якутского филиала СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 597, л. 1—7. Запись Я. В. Стручкова в 1944 г.
- ⁶⁴ Попов Д. Предание о городе Зашиверске. — В кн.: Очерки по научению Якутского края, т. 2. Иркутск, 1928, с. 20, 21.
- ⁶⁵ Архив Якутского филиала СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 597, л. 1—6.

- ЦГА ЯАССР, № 189-н, оп. 1, д. 8, л. 75. Мещане — особое сословие нарской России, включавшее ремесленников, мелких торговцев, мелких домовладельцев и другие категории городских жителей.
- 67 Там же, ф. 244-н, оп. 1, д. 27, л. 11—12.
- 68 ЦГА ЯАССР, ф. 189-н, оп. 1, д. 1, л. 16.
- 69 Там же, ф. 244-н, оп. 1, д. 29, л. 30—31.
- 70 Там же, ф. 173-н, оп. 2, д. 8, л. 36.
- 71 Там же, ф. 8-н, оп. 1, д. 107.
- 72 Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири..., с. 128.
- 73 Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири..., с. 128.
- 74 Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири..., с. 376.
- 75 Там же, с. 126.
- 76 Колониальная политика Московского государства XVIII века в Якутии, с. 146, 147.
- 77 Сарычев Г. А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952, с. 89, 90.
- 78 Сарычев Г. А. Путешествие по северо-восточной части Сибири..., с. 89.
- 79 Лазарь В. Эрик Лексман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. СПб., 1890, с. 253.
- 80 Виркенгоф А. Д. Потомки землепроходцев. М., 1972, с. 20.
- 81 Вдовин Н. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.—Л., 1965, с. 138.
- 82 Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири..., с. 381, 382.
- 83 ЦГА ЯАССР, ф. 173-н, оп. 1, д. 12, л. 2.
- 84 Худяков Н. А. Краткое описание Верхоянского округа, с. 100, 101.
- 85 Носовский В. И. По рекам Ясачной и Коркодину. Древний и современный юкагирский быт и быт-мифа.—«Известия Русского географического общества», 1898 (отд. отд.), вып. III, с. 11.
- 86 ЦГА ЯАССР, ф. 189-н, оп. 1, д. 8, л. 75—76. В архивном документе «Реляционной скаске» общенотон подсчитаны неверно.
- 87 Там же, с. 77.
- 88 Долгих Б. О. Родовой и племенной состав..., с. 393.
- 89 Гурвич Н. С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966, с. 81.
- 90 ЦГА ЯАССР, ф. 8-н, оп. 1, д. 112, л. 1.
- 91 Там же, л. 33.
- 92 Там же, л. 1 и 33.

- 93 Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири..., с. 128.
- 94 Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири..., с. 211. Следует отметить, что это описание якутского стойбища единственное в своем роде в литературе о якутах по наглядности и остроте характеристики отраженного в его планировке социального уклада. Оно напоминает картину древнемонгольского стойбища, «курения», которым пишет Б. Я. Владимирцов (Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1939, с. 37—38, 45, 47 и др.).
- 95 Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири..., с. 211—213.
- 96 Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири..., с. 211—213.
- 97 Там же.
- 98 В. Г. Город Зашиверск, с. 7.
- 99 ЦГА ЯАССР, ф. 189-н, оп. 1, д. 7, л. 4.
- 100 Там же, ф. 173-н, оп. 1, д. 13, л. 8—11.
- 101 Там же, д. 4, л. 9—11.
- 102 Здесь дата перевода Зашиверска в разряд заштатных городов указана неточно.
- 103 В. Г. Город Зашиверск, с. 7.
- 104 ЦГА ЯАССР, ф. 8-н, оп. 1, д. 2, л. 3—4.
- 105 В. Г. Город Зашиверск, с. 7.
- 106 Сельский Н. С. Описание дороги..., с. 104.
- 107 ЦГА ЯАССР, ф. 255-н, оп. 1, д. 51, л. 8.
- 108 ЦГА ЯАССР, ф. 244-н, оп. 1, д. 51, л. 11.
- 109 Поселок Крест-Майор назван был так по крестам поставленным известным якутским воеводой майором Павлуцким. Он «поставлен был», по словам Ф. Ф. Матюшкина, Павлуцким «перед походом и смертью в Чукотскую землю». Поход был совершен Павлуцким (Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири..., с. 376). Такие кресты высотой до 9 м, видели мы в Крестах Колымских: летом 1946 г. Они раскачивались во время сильного ветра и скрипели, но держались прочно и сырой земле. Крест Павлуцкого на Нидигире не сохранился.
- 110 В. Г. Город Зашиверск, с. 7.
- 111 Архив Якутского филиала СО АН СССР, ф. 5 оп. 3, д. 671, л. 15—17.
- 112 Там же, л. 16.
- 113 Архив Якутского филиала СО АН СССР, ф. 5 оп. 3, д. 671, л. 15—17.
- 114 «Автономная Якутия», 1932, 4 января.

Г Л А В А
В Т О Р А Я

СПАССКАЯ ЦЕРКОВЬ ЗАШИВЕРСКА- УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК ДРЕВНЕРУССКОГО ЗОДЧЕСТВА

истории русской архитектуры деревянное зодчество занимает исключительно важное место.

Являясь основным и наиболее доступным строительным материалом, дерево не только удовлетворяло все функциональные и утилитарные нужды народа, но и было также прекрасным средством выражения художественных и эстетических идей русских зодчих, которые обогатили русскую архитектуру замечательными произведениями, по праву входящими в сокровищницу мирового искусства.

Знакомство с лучшими произведениями народного деревянного зодчества представляет большой интерес для изучения русской материальной культуры.

Исторические и географические условия Древней Руси способствовали блестящему развитию деревянного зодчества в стране, богатой талантливыми зодчими. В деле изучения деревянной архитектуры Европейской части СССР много сделано нашими исследователями, но в силу недолговечности дерева и других причин **ряд** замечательных памятников деревянного зодчества, исконно народного, не дошли до наших дней в своем первоначальном виде. Особенно это касается сибирского зодчества, являющегося большой ветвью русской архитектуры, в которой в течение веков выработались свои специфические особенности под влиянием ряда местных условий -- социально-экономических, исторических и природно-климатических.

К сожалению, значительных памятников деревянного зодчества в Сибири сохранилось немного. Стремительное, поступательное движение жизни в наши дни меняет облик Сибири.

Там, где раньше были населенные пункты с интересными памятниками деревянной народной архитектуры, теперь плещутся голубые волны «новых морей» — водохранилищ, мощных гидроэлектростанций: Обской, Братской на Ангаре, Красноярской ГЭС и др. В некоторых случаях исчезновение уникальных памятников сибирского зодчества явилось крупной потерей. Еще в 30-е годы XX в. в Сибирской советской энциклопедии отмечалось: «Единственным сохранившимся до наших дней, правда, в нарушенном виде образцом является шатровая церковь Ильинская (в с. Знаменском Иркутской губернии 1731 г.). Шатровые колокольни имели Верхоленская Богоявленская церковь (1661 г.), Иркутская Спасская (1684 г.) и др.». В настоящее время многие из указанных деревянных шатровых церквей не сохранились. Также не сохранились в Сибири и каменные сооружения, имеющие шатры, как, например, шатровые колокольни в Богоявленской церкви в Тобольске, колокольни Троицкого монастыря в Тюмени, колокольни Воскресенского собора в Омске (построены в 1773 г.) и др.

Старинные шатровые колокольни и церкви строились в Сибири преимущественно до второй половины XVIII в.

Как видно, сибирские строители знали и умели оценить художественные качества традиционных шатровых покрытий и применяли их как в деревянной, так и каменной архитектуре. Примечательно, что в специальных статьях, посвященных сибирскому деревянному зодчеству, совсем не упоминается об интересном памятнике — шатровой церкви в Зашиверске на р. Индигирке. Как видно, это сооружение было всеми забыто. Между тем оно дошло до наших дней в малоизмененном виде. Открытие на далеком севере, за Полярным кругом, в северо-восточных районах Якутии Спасо-Зашиверской церкви является событием, имеющим большое значение не только для изучения истории русской деревянной архитектуры, но и для реставрации аналогичных сохранившихся памятников.

Возникновение Зашиверска связано с освоением огромной территории от гор Урала до берегов Тихого океана.

На пути следования русские землепроходцы строили остроги, острожки, зимовья, которые служили не только исходными пунктами для дальнейших открытий, но в то же время были

основными центрами заселения Сибири и превратились впоследствии в города. Если проследить время возникновения острогов и зимовий в северо-восточной части Сибири, то они относятся преимущественно к ХУЛ в., т. е. к тому периоду, когда был основан и Зашиверск.

Так, Якутский (Ленский) острог был основан в 1632 г., Жиганский — в 1632 г., Вилюйское зимовье — в 1635 г., Верхоянское — в 1638 г., Зашиверское — в 1639 г., Нижне-Колымский острог — в 1644 г., Анадырский — в 1649 г., Охотский — в 1649 г.

Точная дата возникновения Зашиверска не установлена. У различных исследователей и историков встречаются сведения о возникновении первого зимовья на Индигирке в первой половине XVII в., т. е. в период наиболее интенсивного освоения северо-восточных окраин Сибири. Река Индигирка привлекала людей своим месторасположением и удобными связями с народами Севера. На Индигирке велась оживленная торговля соболями; здесь было много промышленных и торговых людей.

В XVII в., когда военным и административным центром Якутии стал Якутский острог, построенный в 1632 г. пятидесятником Петром Атласовым, от острога, как исходного пункта, по всем направлениям строились острожки и ясачные зимовья. Так на р. Индигирке в числе других возникло Зашиверское зимовье.

Одни острожки и зимовья, утратив свое значение, исчезли, а другие превратились в значительные населенные места. Расположение острогов не было случайным. Они являлись опорными пунктами для освоения Севера и в ряде случаев создавали целую систему укреплений, размещенных в наиболее важных в стратегическом отношении местах.

Острожки обычно строились по одному типу и были довольно примитивны. Небольшая территория огораживалась «тыновой», или «тарасовой», стеной, «пряслами» из бревен. Обычно острог имел несколько башен, в одной из которых был проезд в острог. В острожной стене рядом с проезжей башней размещалась ясачная изба с окном, выходящим наружу, для переговоров с ясачными людьми, как, например, в Олекминском остроге. С другой стороны башни находилась изба, где размещалась охрана. Служебные помещения и амбары для хранения ясака и казенного имущества были расположены внутри крепости или вблизи нее.

Наиболее крупные острожки, каким явился и Зашиверский, представляли собой значительные сооружения, где наряду с оградой на определенных расстояниях возводились дозорные башни, встроены в стены.

Придерживаясь терминологии Семёпа Ремезова, остроги, имеющие более четырех башен по периметру ограды, именовались «городками». Со временем, с ростом населения «городка», жилые постройки выносились за пределы крепости и строились вокруг основного ядра — «детинца», каким, вероятно, и были обнаруженный острог и церковь в Зашиверске.

Город был расположен в удобных географических условиях — на перекрестке водных и сухопутных путей Якутско-Колымского тракта. Через Зашиверск проходила так называемая «Царская дорога».

Месторасположение города, как было сказано в предыдущей главе, обеспечило ему быстрое развитие, и он превратился в крупный по тем временам торгово-административный центр. Зашиверск просуществовал около 300 лет, пережив стадии своего рождения от простого зимовья, острога и до города, потерявшего впоследствии свое экономическое и административное значение. Он прекратил свою жизнь в 1863 г. Периодически повторяющиеся эпидемии черной оспы уничтожили почти все его население.

Когда замерла жизнь в Зашиверске, постепенно начали разрушаться и исчезать безнадзорные постройки. Время безжалостно уничтожило почти все, что было создано русскими людьми в течение века в трудных полярных условиях. Единственными памятниками архитектуры, повествующими о былой жизни города, остались Спасская церковь и полуразрушенная колокольня да несколько полуразрушенных срубов изб. Эти замечательные произведения русского деревянного зодчества, авторами которых были безымянные талантливые мастера, свидетельствуют о характерных архитектурно-строительных традициях, уходящих своими корнями в истоки древнерусской архитектуры.

В настоящее время старинных памятников сибирского деревянного зодчества сохранилось очень немного. Так, перенесены на новое место башни Якутского и Братского острогов, Илимского острога и полуразрушенная Введенская церковь.

Вот, пожалуй, и все, что осталось в наследство от наших далеких предков, замечательных мастеров плотничного искусства.

Город Зашиверск, ровесник этих интересных сооружений, был расположен на правом берегу р. Индигирки. Место для первоначального зимовья, а впоследствии города было выбрано исключительно удачно. Русские «землепроходцы», пробираясь в далекие неведомые края, умели хорошо ориентироваться среди дикой, неприступной природы. Поселения создавались на территориях, имеющих наиболее благоприятные природно-климатические условия: удобные пути сообщения с внешним миром, какими являлись полноводные реки; земельные угодья, обеспечивающие жизнь в трудной северной обстановке, естественную защиту от холодных арктических ветров, а также соответствующее окружение для строительства оборонительных сооружений — острогов.

Зашиверск располагался на широком мысе, образуемом прихотливым изгибом р. Индигирки в виде петли. Территория поселения охватывалась с трех сторон рекой, образующей естественную преграду для защиты города от случайных набегов кочевников. С западной стороны находилась протока, отделяющая город от основного русла Индигирки. Таким образом, вся территория застройки была окружена естественными преградами, представляющими надежную защиту города со всех сторон. С северной стороны на левом берегу находятся высокие, обрывистые горы, окружающие полуостров полукольцом и создававшие таким образом естественный заслон от холодных ветров с океана. Но не только утилитарная практическая сторона влияла на выбор места для поселения. Важным фактором являлась красота окружающей природы.

Вдали от родины, в большой изоляции от населенных пунктов, очень редких в этих районах, русские люди выбирали такие места, которые согревали бы их воспоминаниями в далеком и холодном крае и напоминали близкий сердцу русский ландшафт. Зашиверские «градодельцы» разместили свой город в таком месте, которое поражает посетителей прежде всего своей первозданной красотой. Это особенно чувствуется после преодоления огромного пустынного пространства тайги и тундры на пути к Зашиверску. Кажется, в этом безбрежном крае, где зеркала озер и болот затопили всю зем-

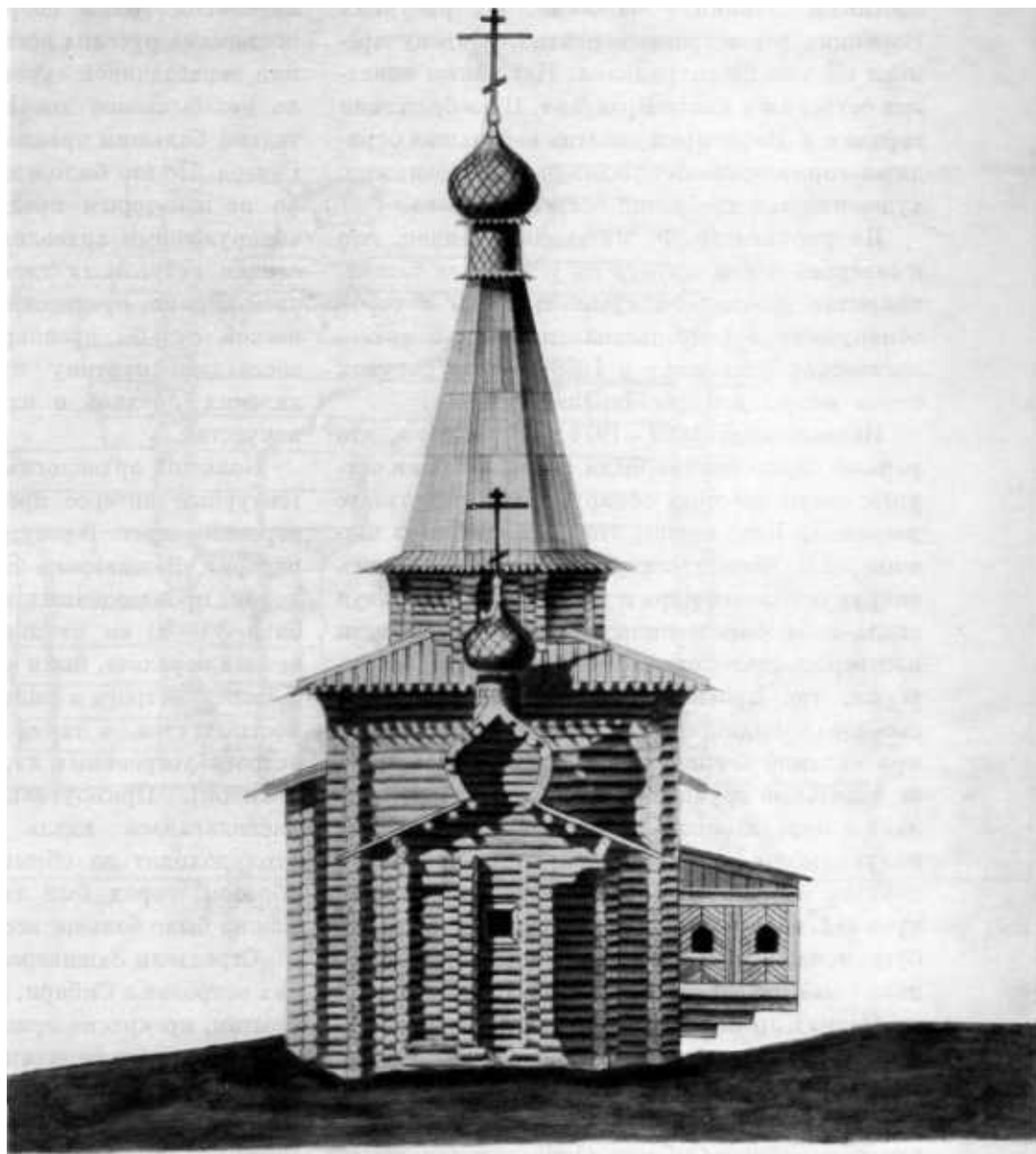

Зашиверская церковь. Вид с востока. Чертеж сделан, по материалам экспедиции

лю, невозможно паити территорию, подходящую для заселения.

Первое чувство, которое охватывает посетителя при посещении Зашивска, — это восторг от окружающей величественной природы. На фоне синих гор, уходящих в туманную даль, манящих своей неизвестностью, необыкновенно ярко выделяется бурная зелень, рас-

цвеченная сочными, огненными цветами. Как будто природа стремится показать всю свою красоту, привлекательность, вознаграждая посетителя за далекий и трудный путь в эти забытые края. Даже в сумрачные дождливые дни, когда все покрывается серебристой пеленой и, кажется, что солнце уже никогда не будет согревать холодную землю, природа не теряет своей

Зашиверская церковь с галереей. Вид с востока. Реконструкция Е. Л. Ащепкова

прелести. Ф. П. Врангель, посетивший Зашиверск в первой половине XIX столетия, писал: «Зашиверск расположен среди пространной равнины, богатой прекрасными лугами и усеянной озерами, богатыми рыбой»¹.

Б настоящее время, когда город исчез и невозможно судить о его застройке, некоторое представление о нем дают рисунки Луки Во-

ронина (1785—1792 гг.) и Ф. Ф. Матюшкина (1820 г.).

Судя по относительно достоверным изображениям шатровой церкви и колокольни, сохранившимся до наших дней, общий вид Зашиверска, его панорама были довольно живописными. Как видно, центр города формировался Спасской церковью и колокольней — наиболее

крупными сооружениями, окруженными крепостными стенами с башнями. На рисунках Воронина нет острога, вероятно, к этому времени он уже не сохранился. Нет также описания острога и в книге Врангеля. В изображении города с р. Индигирки заметна небольшая ограда из горизонтальных рядов бревен, возможно, художник так изобразил остатки острога.

Из рисунка Ф. Ф. Матюшкина видно, что в северной части острога на углу была башня, покрытая двускатной крышей, следы которой обнаружены в виде настила полов при археологических раскопках в 1969 г. Этот рисунок очень важен для реставрации острога.

Исследование 1969—1971 гг. показало, что раньше около церкви были стены и башни острога, следы которых обнаружены в результате раскопок. Как видно, это был «детинец» Зашиверска. Живые постройки группировались вокруг основного ядра и по долине, не образуя сколь-либо определенных улиц. Это отчасти подтверждается современным осмотром территории, где просматривается так называемая свободная планировка. Следует отметить, что при видимой беспорядочности в жилой застройке отдельные группы жилых домов располагались в определенной системе, образуя как бы полукольцо с юго-восточной стороны вокруг церкви, находящейся на берегу реки. Следы прежней несохранившейся застройки видны по буграм, заросшим бурьяном и цветами кипрейника («иван-чая»), растущего на горелых местах и остатках прежних усадеб в виде полуистлевших срубов.

Прием свободной планировки поселений встречается в некоторых селах как Восточной, так и Западной Сибири. Определенная живописность, свойственная таким селам, была присуща и Зашиверску. Особенно интересный вид города был с юго-восточной стороны на Индигирку и обрывистый противоположный левый берег, представляющий собой крутые утесы высотой до 400 м, спадающие отвесно к реке. Своеобразная структура отвесных скал — «шек», как их здесь называют, состоит из слоев темного сланца, прорезанных слоями белых и коричневых пород, и представляет собою величественную картину, на фоне которой деревянный город воспринимается особенно выразительно.

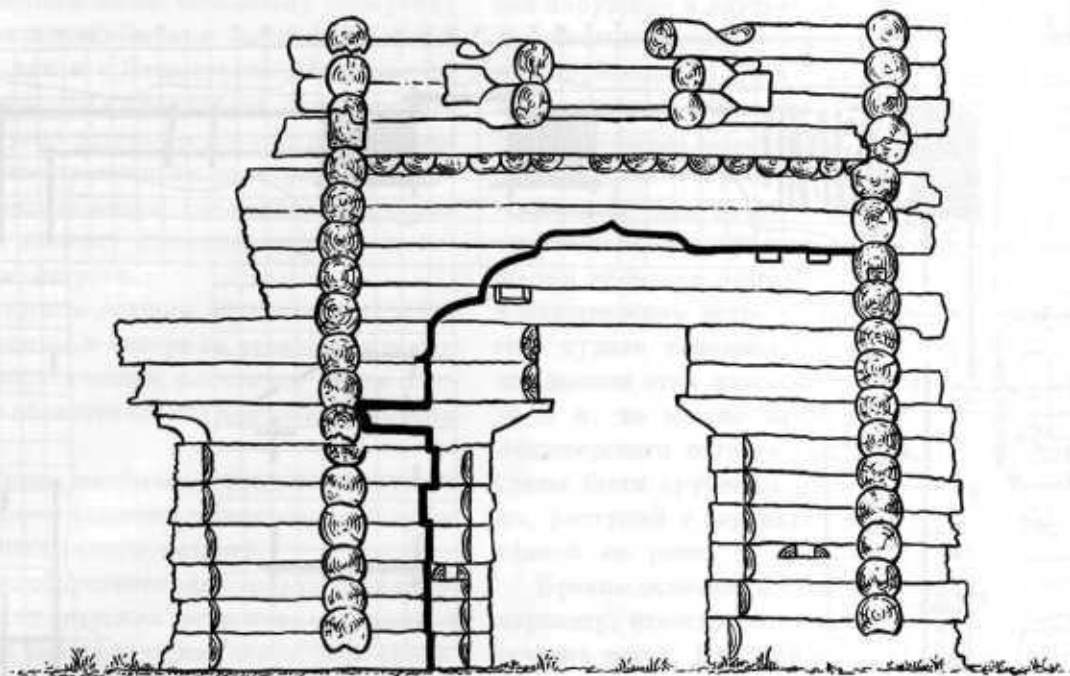
Можно представить себе красочное зрелище ежегодных традиционных январских ярма-

рок, пестрящих своеобразной одеждой разноплеменной толпы аборигенов края и яркими костюмами русских жителей. Все это в окружении первозданной суровой природы производило незабываемое впечатление и было действительно большим праздником жителей Крайнего Севера. Но это было в далеком прошлом, и только по некоторым предметам быта и обихода, обнаруженным археологами, и сохранившимся следам острожных стен, колокольни и Спасской церкви, прошедших все испытания трагической судьбы древнерусского города, можно воссоздать картину прежней жизни наших далеких предков и их высокое строительное искусство.

Большой археологический и историко-архитектурный интерес представляет собой Зашиверский острог. В результате обследования территории Зашиверска и археологических раскопок, произведенных в 1969—1971 гг. на **глубине** 30—40 см от дневной поверхности, на вечной мерзлоте, были обнаружены следы стен и башен острога в виде окладных венцов крепостных стен, а также настилов полов башен острога, устроенных из лиственных бревен (половинок). Прямоугольная в плане крепость располагалась вдоль р. Индигирки. (Один угол доходит до обрывистого берега.) Таким образом, город был защищен с реки, откуда можно было больше всего ожидать нападения.

Строители Зашиверского острога, как и других острогов в Сибири, умудренные жизненным опытом, прекрасно ориентировались в окружающей обстановке и выбирали места для острогов, удобные в стратегическом отношении. Так были созданы многие крупные остроги, превращенные впоследствии в города, как, например, Якутский, Томский, Омский, Иркутский, Усть-Каменогорский и другие, имеющие размеры по сторонам до 100 м и более. Наряду с крупными острогами также в очень выгодных природных условиях строились и небольшие остроги на сибирских реках Ангаре, Лене, Индигирке и др. Такие остроги, как Киренский на Лене, Илгинский на р. Илге, Илимский на р. Илеме, Усть-Кутский на р. Куте, по своим размерам и форме плана были близки к Зашиверскому острогу, имеющему также прямоугольную форму с размерами сторон 39 X 33,5 м.

Судя по результатам археологических раскопок в Зашиверске и обнаруженным следам

Остатки башни колокольни Зашиверского острога. Вид с запада. Рисунок выполнен в 1969 г.

остатков стен, острог, вероятно, имел три башни — с западной стороны, вблизи церкви, угловую на северо-западе и северную, в центре северной стены, которая, как видно, была проезжей. К этой башне, возможно, вела с реки основная проезжая, так называемая «Царская дорога», которая прослеживается в крутом берегу р. Индигирки.

Следы основания башни и фундамент, обнаруженные при раскопках, имеют размеры 3х4 м. К башне с двух сторон примыкали два помещения, как и к башне-колокольне с западной стороны. Возможно, это были сторожевые или складские помещения.

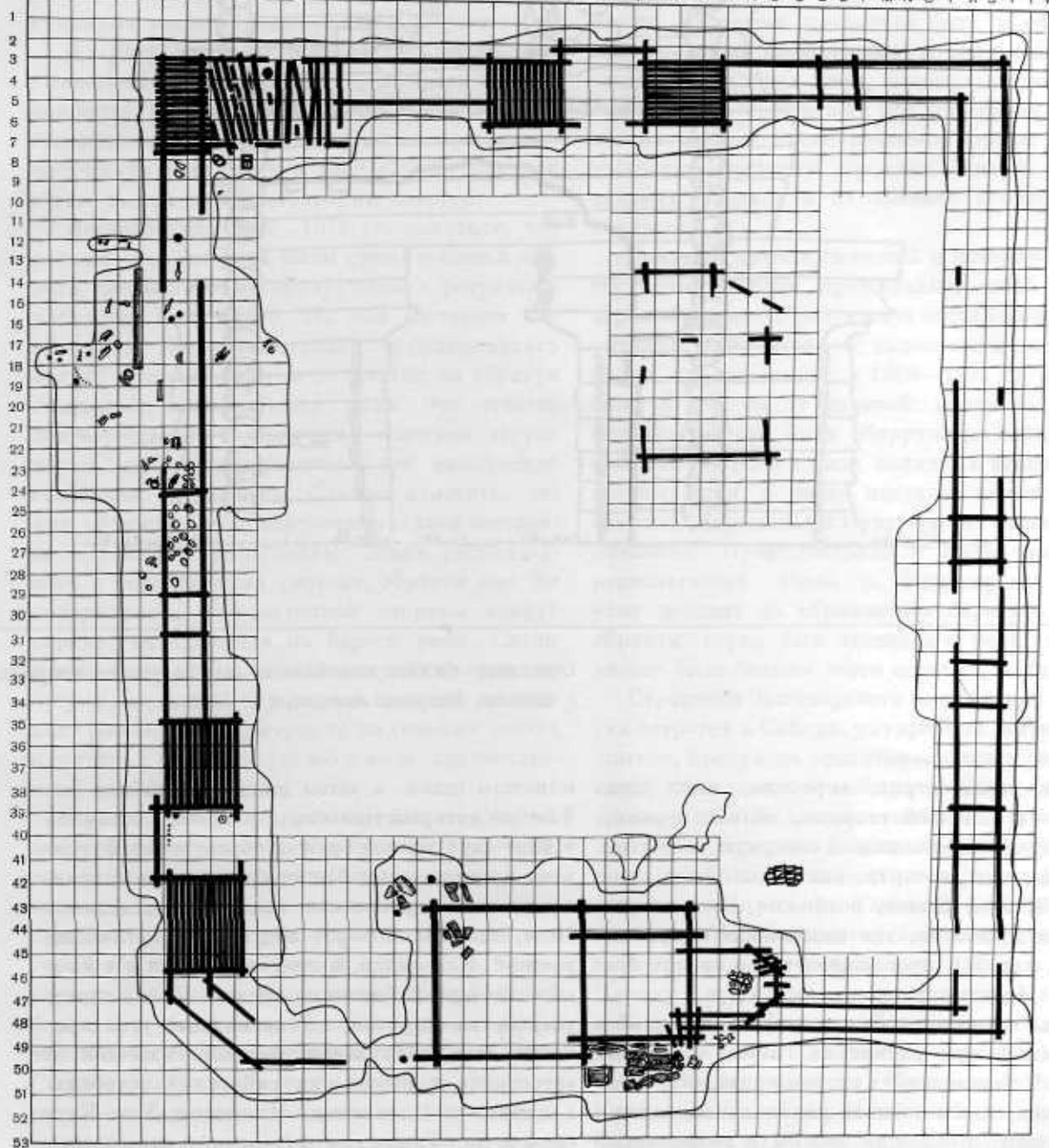
Хорошо сохранились настилы полов обеих пристроек, устроенные из половинок лиственных бревен диаметром 22х24 см. Это говорит о том, что это были капитальные сооружения. Под настилом пола обнаружен слой

илистого песка, а затем ниже — слой мха 5—8 см, на который тщательно уложено основание в виде двух вепцов бревен, образующих фундамент пристроек. От башни в восточном направлении шла крепостная стена на расстояние 10 м, где был поворот под прямым углом на востоке. Как видно, в этом месте, как и в юго-восточном углу, башни не имелось. Такой прием устройства острогов, где не каждый угол крепости был оборудован башней, известен и встречался в небольших сибирских острогах, а именно в Илгинском, Илимском, Усть-Кутском и др. Также по аналогии с известными сибирскими острогами, созданными в XVII в. на безбрежных просторах Сибири, в Зашиверском остроге были одни проезжие ворота — с северной стороны.

Надвратная колокольня с западной стороны имела небольшой проход, где проезд как

А Б В Г Д Е Е Ж З И К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы Э Я А В С D E F M N O P R S T I V

таковой был невозможен из-за небольших размеров проемов средней стены башни. Как известно, в крепостях, острогах самым слабым местом в период обороны являлись ворота, и по этим причинам их устраивали крайне ограниченно. Так, в указанных выше небольших сибирских острогах Восточной Сибири были одни въездные ворота, как и в Зашиверске. Несмотря на многие общие черты в планировке Зашиверского острога и других древнерусских острогов, в нем есть и особенность, которая не встречалась в известных острогах Сибири, где наиболее крупные сооружения, какими являлись церкви, ставились внутри острога.

В Зашиверском остроге церковь поставлена с южной стороны, в створе со стеной и, как показали археологические раскопки, своим южным фасадом образует как бы продолжение стены острога.

Такой прием необычен и свидетельствует о самостоятельном решении планировочной организации Зашиверского острога.

Сибирские оборонительные сооружения строились по типу русских острогов, сохраняя в принципе все типологические черты фортификационных сооружений, блестяще разработанных мастерами-предшественниками. Между тем под влиянием местных условий, отмеченных выше, в сибирском строительстве заметны индивидуальные особенности, которые встречались как во внешнем виде острогов, так и в их планировке и конструктивных приемах: большая лаконичность и простота объемно-пространственного решения, сдержанность в декоративном оформлении, компактность планировки, органическое включение в природный ландшафт и максимально рациональное использование существующего рельефа местности.

Внешний вид Зашиверского острога, судя по имеющимся материалам, несмотря на свои относительно небольшие размеры, в данной окружающей обстановке был довольно внушителен и с функциональной стороны отвечал требованиям, предъявляемым к подобному типу древнерусских оборонительных деревянных сооружений.

Известный чукотский писатель Юрий Рытхейу в своих воспоминаниях о детстве говорил, что среди яранг, юрт и чумов аборигенов Севера такие русские постройки, как двухэтажные школы, казались небоскребами на фоне окружающих построек. Естественно, сооруже-

ние русских острогов с высокими башнями и церквями производило большое впечатление на местных жителей.

Стены острога были устроены из двух параллельных рядов бревен, представляющих собой наружные и внутренние стены, которые были связаны между собой поперечными бревнами, врубленными в них на расстоянии 5,5 м друг от друга. Образованное пространство между стенами обычно засыпалось землей и камнем. Подобный прием устройства стен, так называемый «тарасами», был хорошо известен в острожном строительстве и представлял собой надежную по тем временам защиту города. Ширина стен в Зашиверском остроге была около 2 м. О высоте судить невозможно, но если вспомнить, что высота стен известных острогов была от 3 до 5 м, то можно предположить, что степы Зашиверского острога были такой же высоты. Стены были срублены из кондовой лиственницы, растущей в верховьях Индигирки и сплавленной по реке.

Бревна основания стен уложены на вечную мерзлоту, относительно хорошо сохранялись в течение веков. Выли ли раньше в остроге тыновые ограды из заостренных бревен, поставленных вертикально, вплотную друг к другу, судить трудно. По всей вероятности, такая конструкция стен в данных условиях мелкого залегания вечной мерзлоты была крайне затруднительна и вряд ли применялась в настоящем строительстве.

В общей композиционной структуре острога важное место занимала надвратная колокольня. Высотная ярусная композиция колокольни, находящейся в 8 м от церкви с западной стороны, прекрасно контрастировала с протяженными стенами острога и невысокими башнями, встроенными в стены. Здесь, как и в других деревянных сооружениях, колокольня являлась тем объемным акцентом, который придавал живописность и своеобразную выразительность острогу, особенно со стороны реки. Расположение надвратной колокольни в непосредственной близости от церкви, как видно, было вызвано необходимостью охраны острога.

В русской архитектуре, как каменной, так и деревянной, известны примеры, когда коло-

Схематичный план, раскопа Зашиверского острога по исследованиям 1969—1971 гг.

колья устраивалась над входом в крепость, совмещая в себе три функционально различных сооружения — ворота и колокольню, являясь в то же время и дозорной башней. В настоящее время колокольня в своем первоначальном виде не сохранилась. До наших дней дошли только нижние части, состоящие из 14 венцов четверика и 4 венцов восьмерика. Как свидетельствуют некоторые архивные материалы, столпообразная колокольня имела общую высоту до креста 12,5 м. Так, в «Метрике» Зашиверской Спасской церкви, составленной священником Бердниковым в 1888 г., есть краткое описание колокольни:

«Устроена столпообразно в 3 яруса. Нижний четырехгранник в 14 бревен выш. 3 аршина шир. Окно 4 аршина. Длину определить трудно, так как с восточной и западной сторон, как видно, были пристройки с боков с дверями, но неизвестно, для какой цели. Крыша шатровая, на два ската; 2 яруса 8-угольный в 13 бревен в диагонали вышины 3 аршина до потолка шир. и длины по 3,5 аршина; дверь с восточной стороны 1 арш. ширины в 1,5 арш. длины, 3-й ярус на столбах до потолка всего высота 2 арш. 5 верш, ширина 31 1/2 арш. над колокольней в 4 бревна наличники в 8 углов до верха, высота до креста 17 1/2 аршина»².

Приведенное описание колокольни сделано живым свидетелем памятника. Оно проливает некоторый свет на ее внешний вид и конструктивное решение. Сохранившийся рисунок колокольни, сделанный во время составления «Метрики», несмотря на его примитивность, также представляет определенный интерес и дает дополнительные сведения для будущей реставрации памятника.

По сохранившимся нижним частям колокольни (четверику и восьмерiku) видно, что проход в крепость был устроен с западной стороны в четверике, который имел в середине поперечную рубленую стену, разделяющую его объем на две равные части. В этой стене сохранились бойницы размерами 5 x 5 см, вырубленные в бревнах. В средней стене был устроен проход в виде проема прямоугольной формы с расширением внизу. Судя по размерам проема в средней стене четверика, он не был проездом в крепость, а служил только для прохода. Въезд в крепость мог быть с северной стороны. Ввиду полуразрушенного состояния четверика (отсутствия западной и восточной

стен) невозможно установить, были ли в этих стенах ворота.

Возможно, что внутренний объем четверика использовался как дополнительное помещение в системе крепости. К башне с Двух сторон — северной и южной — примыкали две небольшие боковые пристройки (размеры в плане 3,5 x 3 м), остатки полов которых были обнаружены при раскопках. Как видно, эти помещения, встроенные в стены колокольни, были служебными.

В одном из них могла помещаться охрана крепости, или это была приказная изба, в другом, возможно, находилось помещение для приема ясака.

Из истории сибирских острогов известно, что в ряде случаев в крепость из предосторожности не допускались аборигены края, сдающие ясак, и вся операция по сбору ясака осуществлялась через окно пристройки к крепостной стене³.

Сбор ясака не всегда происходил мирным путем, особенно в местах, далеко отстоящих от русских населенных пунктов, каким являлся город Зашиверск. В ряде случаев, как, например, в Илимском, Усть-Кутском, Киренском и других острогах, не отличающихся большими размерами, некоторые служебные помещения — таможенная изба, амбар, приказный дом и другие — выносились за пределы острога и строились вблизи его. В Зашиверском остроге, судя по сохранившимся остаткам, такие сооружения были в пределах крепости. Такое предположение можно сделать на основе анализа генерального плана города Зашиверска, составленного городским землемером Турчаниновым. Этот источник содержит ценные данные о городе, хотя есть и недостаточно точные, как, например: указание течения р. Индигирки, немасштабные строения в крепости и др.

В «Метрике» Зашиверской церкви упоминаются две боковые пристройки с дверями, которые были крыты на два ската. С восточной стороны четверика сохранились выпуски верхних бревен, где видны небольшой помост и следы врубок в бревна, здесь, возможно, была устроена лестница на верхний ярус четверика, имеющего пол из половинок бревен. Вход в восьмерик находился с восточной стороны, т. е. с внутренней части острога. Восьмерик состоял из 13 венцов общей высотой в 3 аршина до потолка (как свидетельствует «Метрика»). До на-

ших дней сохранились только четыре венца восьмерика. Верхний ярус колокольни состоял из 8 столбов, несущих шатер, увенчанный главкой с крестом.

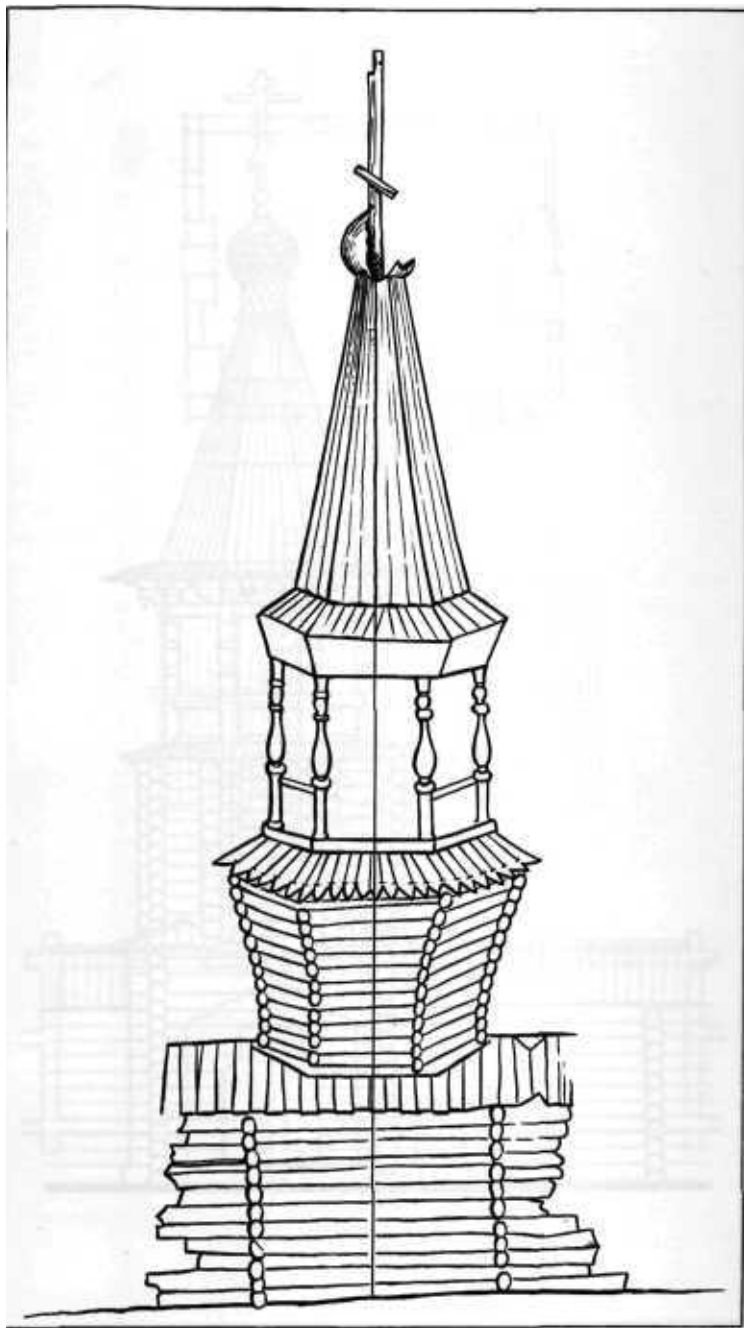
В настоящее время трудно судить о конструкциях шатра, но, как видно, он был устроен обычным, традиционным способом — на стропильной системе, как и в самой Зашиверской церкви. Судя по сохранившемуся рисунку колокольни, выполненному при ее существовании, в 1888 г., с натуры, и записям, столбы в верхней части связывались восьмериком в 4 венца «над колонками в четыре бревна наличники в 8 углов до верха»⁴.

Подобный конструктивный прием в устройстве основания шатра известен в русской деревянной архитектуре, как, например, в колокольне в Циворезе, Нижне-Уфтыгском погосте, Унжиге, с. Кулиге и др., где шатер был покрыт тесом и имел полицы «с пиками» для отвода воды от стен сооружения. Естественно, что древние записи и рисунки дают только приблизительное представление об архитектуре и конструктивном решении колокольни, между тем эти материалы могут быть ценными и использованы при реставрации почти полностью утраченного древнего памятника, представляющего большой историко-архитектурный интерес. :

На основе того, что сохранилось, отчасти можно судить об объемно-пространственном решении нижней части колокольни, где четверик органически связан с восьмериком. Четырестены восьмерика являются продолжением стен нижнего объема, т. е. находятся с ним в одной плоскости. Другие стены покоятся на углах четверика. Подобный прием устройства восьмерика на четверике известен в русской архитектуре. Так решены объемы церкви Троицы в Верхнем Уфтыге б. Сольвычегодского уезда Вологодской губернии, церкви Георгия в Поче б. Тотемского уезда Вологодской губернии и др. Следует отметить, что в Зашиверской церкви подобные элементы, формирующие объем сооружения, сделаны иначе.

В данном случае восьмерик поставлен на четверик так, что его стены (восьмерика) не являются продолжением стен четверика.

Естественно, что подобная компоновка различных по форме и размерам срубов, поставленных один на другой, требовала особого устройства основания восьмерика и была конст-

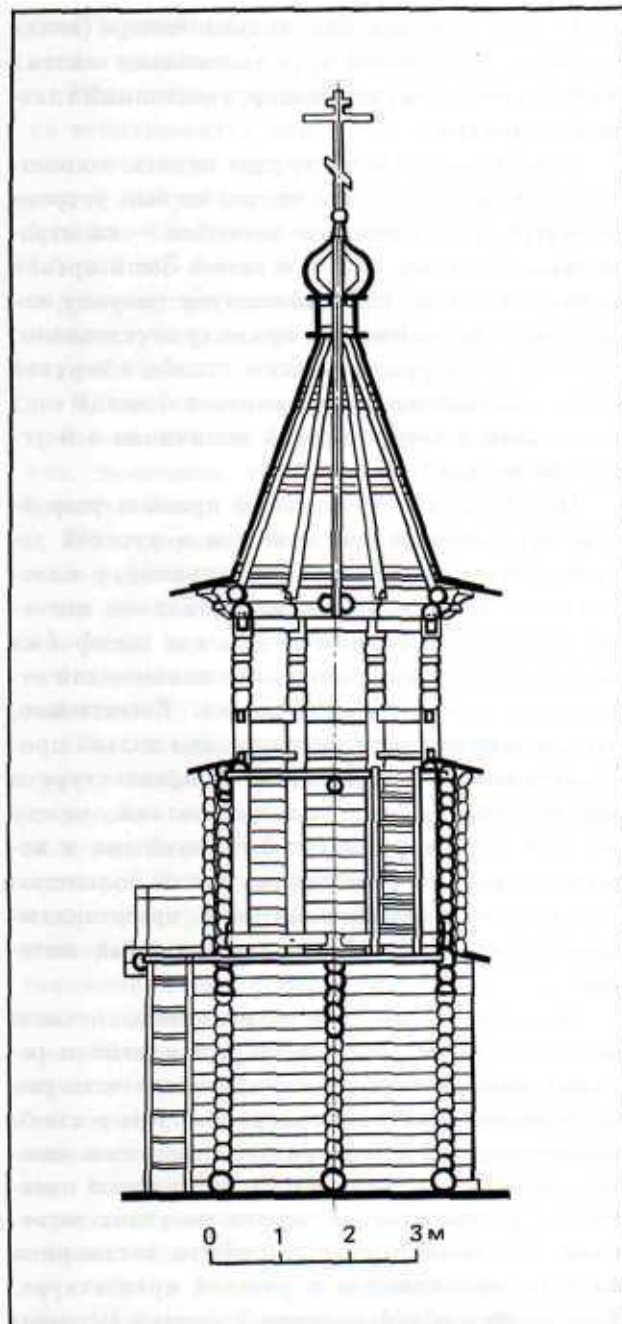
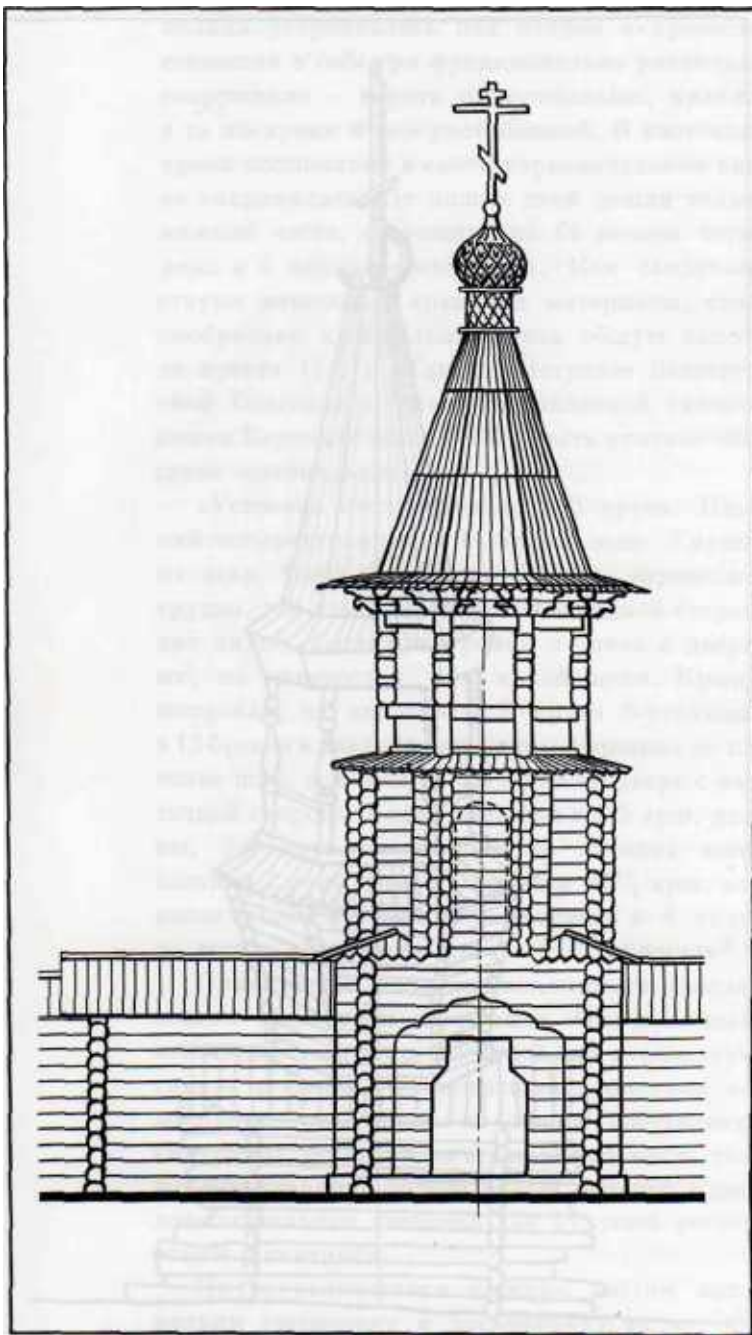
Общий вид колокольни. Реконструкция 1888 г. по обмерам А. П. Бердникова

руктивно более сложной по сравнению с указанным выше приемом.

Необходимо было создать такую конструкцию, которая обеспечила бы капитальность всего сооружения.

Восьмерик стоял на балках, уложенных параллельно стенам четверика таким образом, что две стороны восьмерика лежали на двух

*Фасад и разрез башни-колокольни. Реконструкция
Е. А. Ащепкова*

спаренных балках, являющихся как бы продолжением стен восьмерика с северной и южной сторон. В середине восьмерика в основании проходила толстая балка, на которой и покоились восточные и западные стены восьмерика. Подобное устройство восьмерика на четверике было достаточно прочным, если церковь простояла около 300 лет без капитального ремонта.

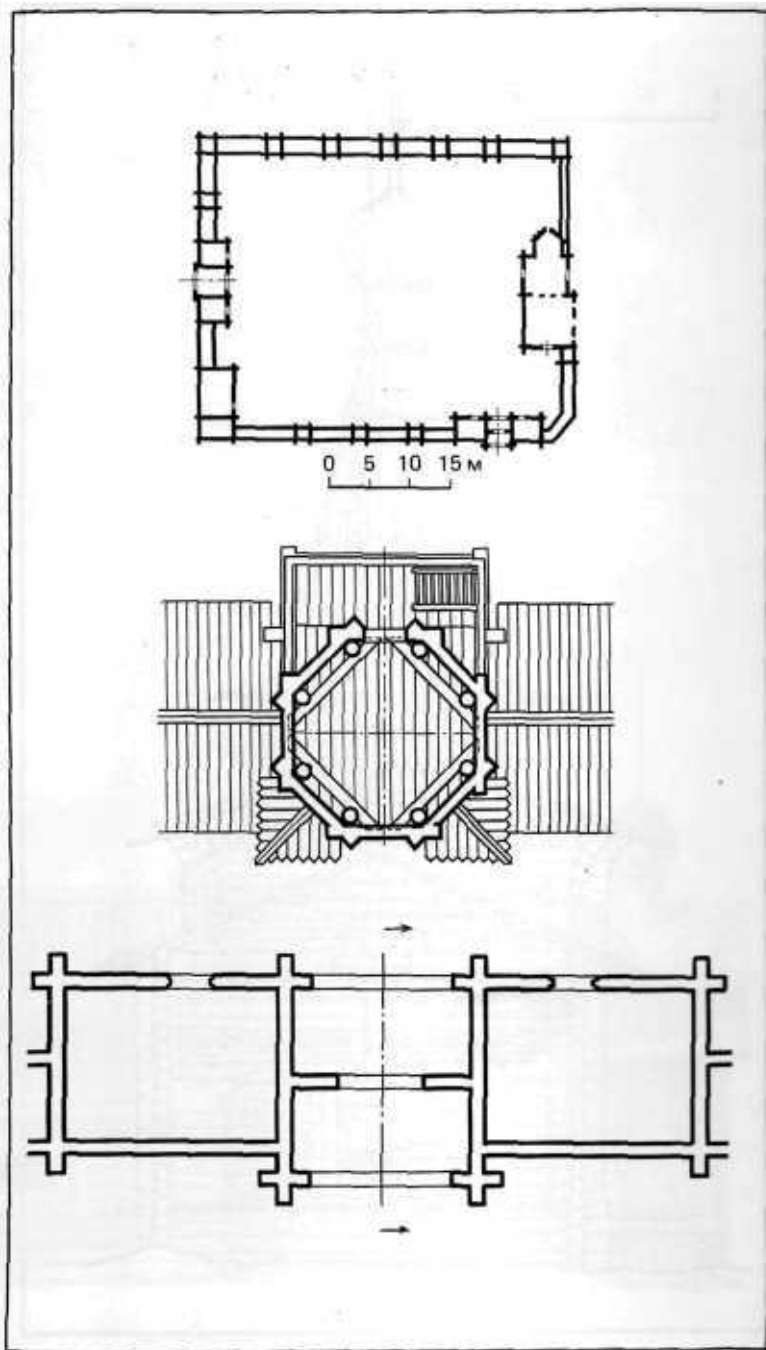
Сочетание в одном месте, в двух рядом стоящих постройках различных способов конструктивного и композиционного решения восьмерика на четверике говорит о хорошем знании строителями Зашиверского острога традиционных приемов русского зодчества, а также о понимании значения разнообразных объемов архитектурной композиции комплекса.

Остатки колокольни не дают полного представления о ее внешнем виде, но некоторые сохранившиеся детали и записи в «Метрике» говорят о том, что строители стремились сделать ее нарядной и украсить свое произведение скромными декоративными средствами. Так, верхняя часть столбов, несущих шатер, была устроена в виде трех дынок, что придавало им определенную нарядность и стройность. Подобный прием обработки столбов-стоек хорошо известен в русской архитектуре, как гражданской, так и церковной. Так украшались столбы шатровых колоколен, интерьеров церквей и трапезных, столбики крылец, верхние башенки острогов, как, например, в надвратной башне Якутского острога и др.

Исконно русский прием декоративного украшения конструктивных деталей нашел повсеместное распространение и дошел вместе с русскими землепроходцами до далекого восточного Заполярья.

В Сибири селились люди из разных мест России. Из документов известно, что на Индигирке жили люди из Великого Устюга, Мезени, Пинеги, Холмогор и других мест Русского Севера. Все это были поморы, приспособленные к трудностям жизни и рискованным путешествиям. На Севере мог выжить человек сильный, смелый, не боящийся невзгод и лишений. Естественно, поселенцы из далеких мест России несли с собой русские навыки и архитектурно-строительные традиции. Очень хорошо сказал о Зашиверской церкви А. Л. Биркепгоф в своей книге «Потомки землепроходцев»: «Скромными средствами из дерева и щепки творили строители Зашиверского храма свое прекрасное произведение. В тоске по далекой родине они вложили свою русскую душу в постройку, и здесь в «Юкагирской земле» они создали памятник для себя — о Руси, потомкам — о себе и своих славных подвигах»⁵.

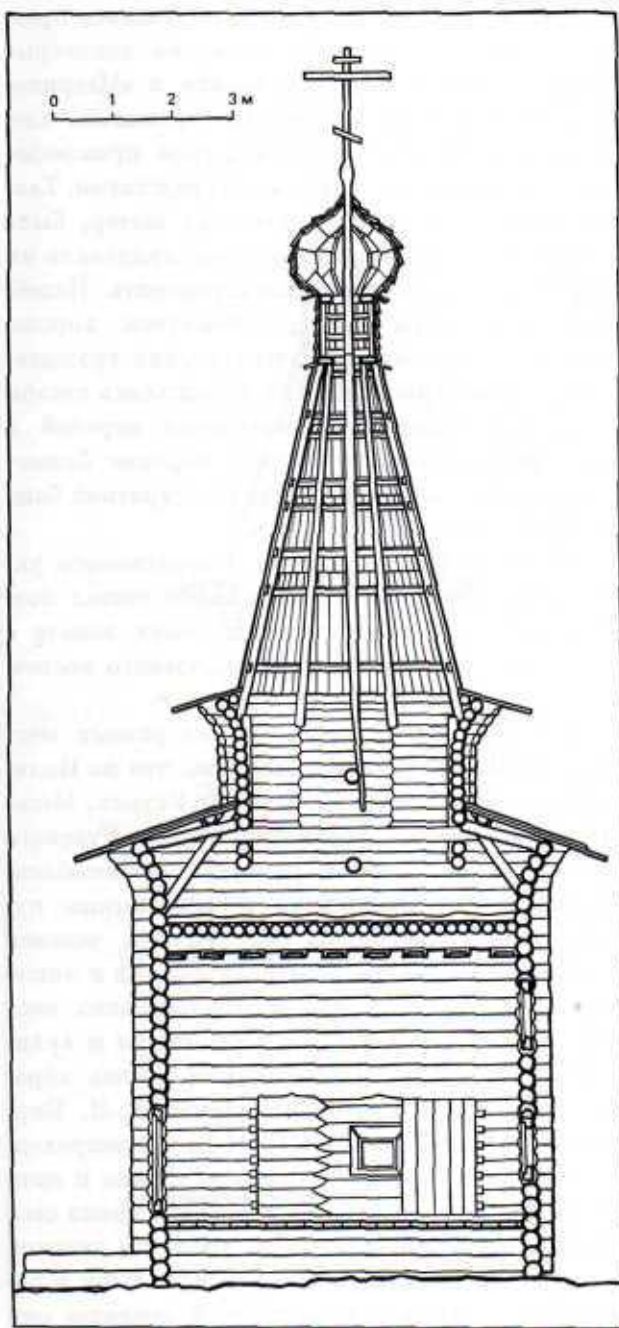
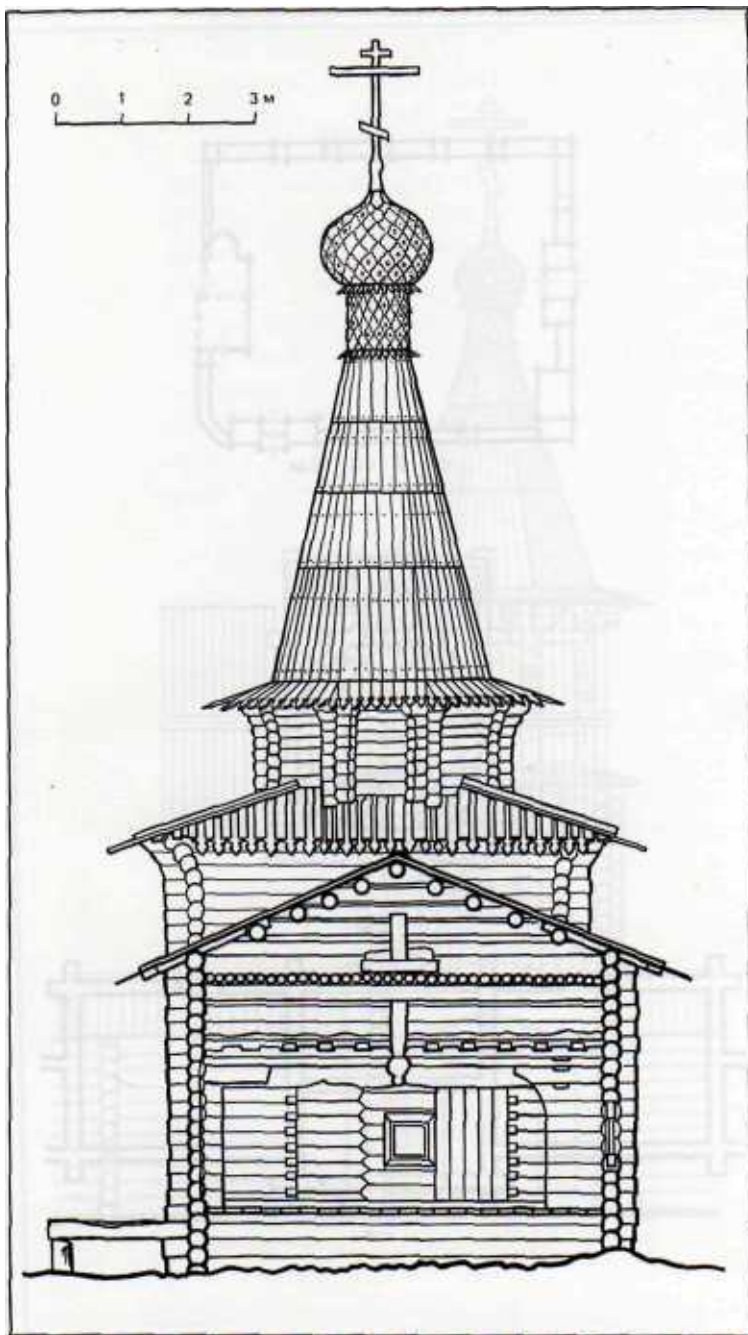
Некоторые следы декоративного оформления входа в основание колокольни — четверика — также свидетельствуют о большом внимании строителей к красоте сооружения, о применении известных русских приемов в оформлении входов. Верхнее бревно четверика над входом было обработано в виде килевидной арки. Скромный и предельно лаконичный прием декоративного оформления входа хорошо отвечал общему решению колокольни, а также Зашиверской церкви, наиболее крупному и зна-

Схематический план острога (вверху), ниже — план башни-колокольни

чительному сооружению города. Точная дата начала строительства церкви не установлена. В архивных документах и «Метрике» церкви отмечается окончание строительства в 1700 г.⁶

По аналогии с шатровыми храмами, созданными на севере Руси и достигшими наивысшего расцвета в XVII—XVIII вв., такая дата может соответствовать действительности.

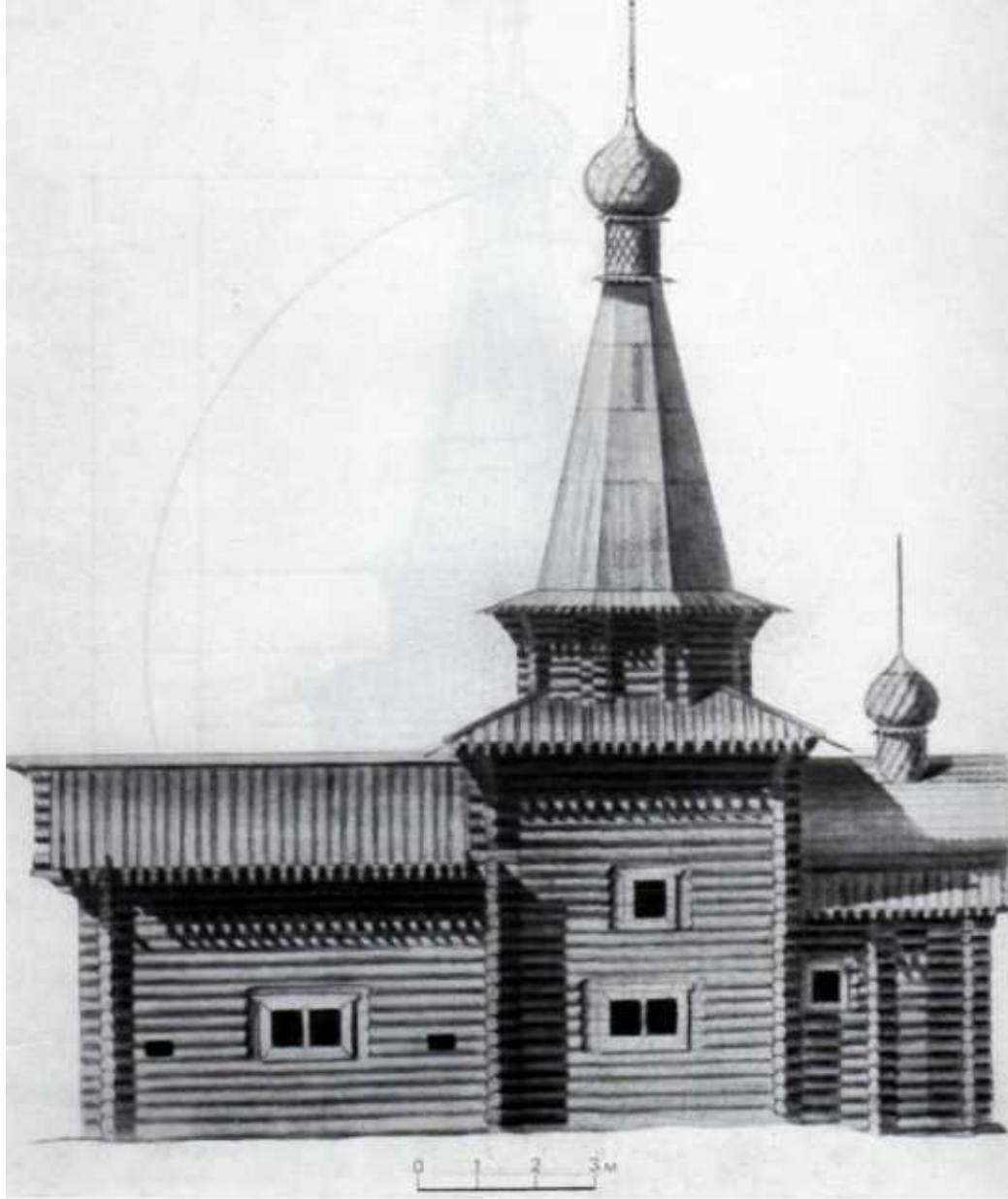
Поперечный разрез Зашиверской церкви по трапезной (слева), по шатру (справа)

В истории деревянного зодчества указанного периода неизвестны имена мастеров-строителей широко распространенного шатрового типа храмов. Также по устной традиции известно имя зодчего, создавшего замечательные произведения в Зашиверске.

Спасская церковь является историко-архитектурным памятником большой важности

прежде всего потому, что она дожила до наших дней в своем первозданном виде и на этом примере можно судить о традиционных чертах и особенностях русской деревянной архитектуры вообще. В течение веков памятник не подвергался сколь-либо существенным изменениям (исключая некоторые перестройки внутри, не имеющие большого значения для общего архитек-

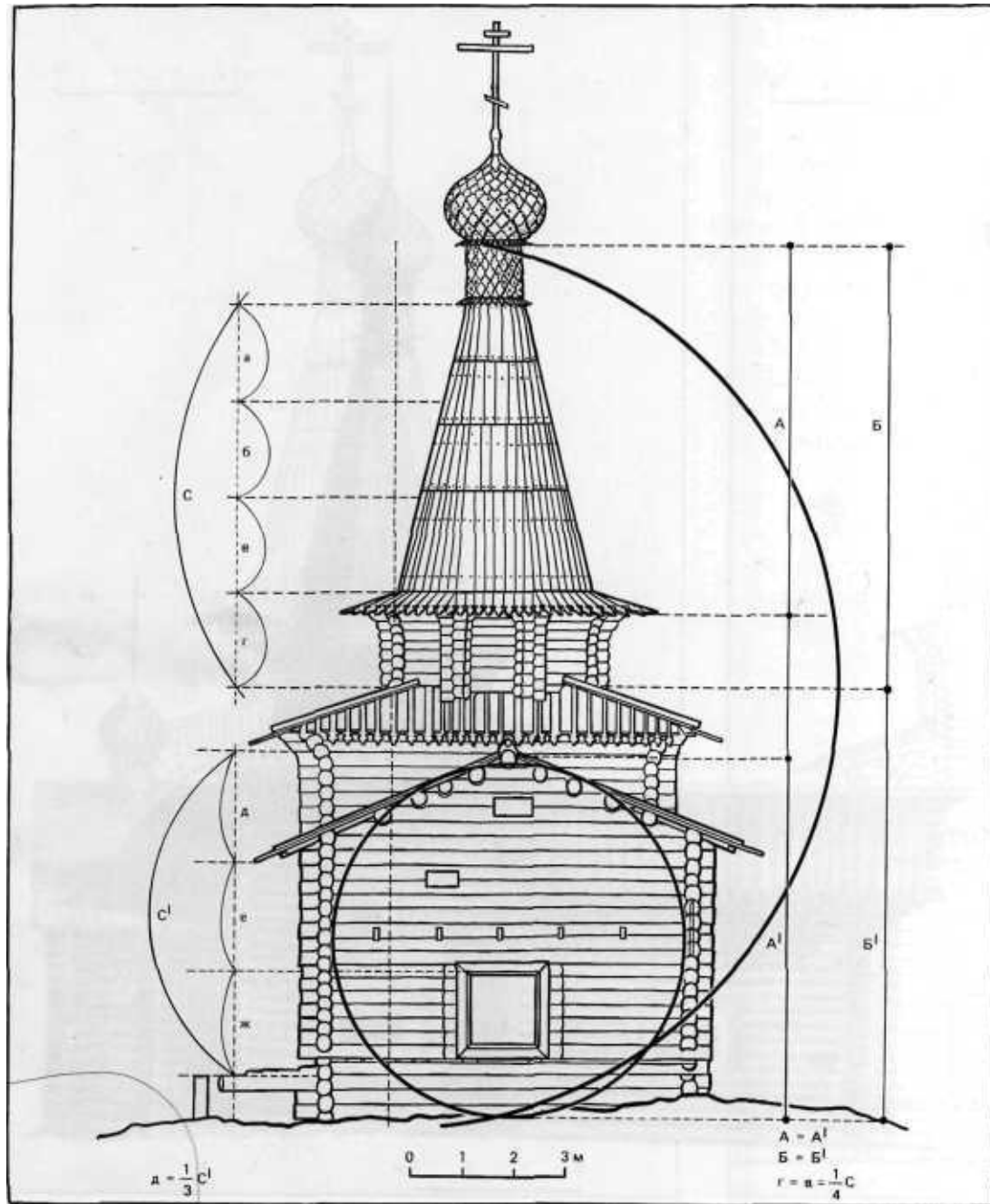
Южный фасад Спасо-Зашиверской церкви. Реконструкция по материалам экспедиции 1069) г.

турно-композиционного решения). В связи с большой отдаленностью и трудной доступностью Зашиверска, а также отсутствием точных сведений о сохранности памятника он был в забвении и не подвергался реставрации, которая иногда стирает особенности древних сооружений,

По образцу Спасской церкви Зашиверска, по ее архитектурно-конструктивным приемам

можно воссоздать традиционный тип русского древнего шатрового храма. Естественно, за свою многовековую жизнь, будучи безнадзорными в течение длительного периода, некоторые конструктивные детали храма обветшали и не сохранили своих функций. Неудовлетворительное техническое состояние древнего памятника уже отмечалось в указанной выше «Метрике»

Западный фасад Зашиверской церкви. Пропорциональный анализ выполнен, Е. А. Ащепковым

Зашиверской Спасской церкви еще в 1888 г.⁷ Эта тревожная запись, составленная около столетия тому назад, свидетельствует о полном невнимании к замечательному произведению сибирского деревянного зодчества.

В настоящее время (речь идет о состоянии здания церкви до его перемещения в Новосибирск) имеются еще большие утраты. Так, во

всех частях здания (собственно церкви, трапезной и алтаре) тес кровли местами сгнил, что повлекло за собой течь воды и разрушение потолка, пола, особенно в алтаре, где дальнейшему «естественному» разрушению способствовали любознательные туристы и прочие «современные землепроходцы», появляющиеся за последнее время в этом забытом городе. На-

*Зашиверская церковь. Вид галереи с западной стороны.
Реконструкция Е. А. Ащепкова*

ряду с этим уничтожены перегородки, печь в трапезной и др. Значительно повреждены некоторые нижние венцы сруба и окладные, лежащие прямо без фундаментов на земле, что повлекло осадку стен, особенно в алтаре. Утрачены также частично и другие элементы храма, как, например, лемех на главках и шейках, который как редкий «сувенир» прибирали

к рукам лихие любители старины. Но, несмотря на эти естественные и неестественные утраты, внешний вид памятника сохранился и дает полное представление о древнерусском классическом произведении русского деревянного зодчества.

Основные конструктивные элементы церкви — стены, балки, основание шатра и его

стропильная система, крыша, каркас (кружала) главок — сохранились относительно хорошо и при соответствующей и своевременной технической поддержке могут просуществовать еще длительный период. Долговечность церкви была обеспечена рядом причин, одной из которых явилось применение в строительстве прекрасного материала — мелкослойной лиственницы, известной своей необыкновенной прочностью. С течением времени бревна в срубе как бы окаменели и не стали поддаваться разрушению. Разумное устройство некоторых элементов сооружения, как, например, двухрядной крыши, больших полиц, двуслойных проветриваемых перекрытий и т. д., предохранило его от преждевременного разрушения. Большое мастерство зодчих, прекрасное знание технических свойств дерева, учет природно-климатических условий Севера и опыт строительства на вечной мерзлоте способствовали сохранению памятника.

Спасская церковь, размещенная в пределах Зашиверской церкви-крепости на высоком живописном берегу Индигирки, представляет собой традиционный тип шатрового храма, широко распространенного в северных районах Европейской России в XVI—XVIII вв. Шатровые церкви явились воплощением народных представлений о красоте сооружений, они отвечали эстетическим запросам русских людей. Не удивительно, что этот тип шатровой церкви охарактеризован в летописях как «древяна верх».

Шатровые церкви, широко распространенные на Русском Севере в XVI—XVIII вв., являются выдающимися достижениями плотников-градоделцев. Между тем до сих пор вопрос о происхождении шатровой формы не выяснен окончательно.

Кто изобрел шатер? Откуда он пришел в русскую архитектуру? Какова его эволюция? Появившийся в церковных зданиях Русского Севера шатер, как отзвук существовавших архитектурно-строительных традиций XVI в., стал встречаться в церковном зодчестве Сибири. Шатровые колокольни имели Верхотенская Богоявленская церковь, построенная в 1661 г., Иркутская Спасская церковь 1684 г., Илгинская шатровая церковь в с. Знаменском, созданная в 1731 г.

Шатровые формы также имелись в завершении Кирейской надвратной церкви. В кон-

це XVII в. на далеком Севере, в Заполярье, на бурной и стремительной Индигирке, в городе Зашиверске был построен шатровый храм. Это тем более примечательно, что вблизи не было подобных сооружений.

Каким ветром, какими неведомыми путями на край света, на студеную и коварную северную реку пришли русские плотники — зодчие, славные своими замечательными делами испокон веков, сотворившие это выдающееся произведение древнерусского зодчества?

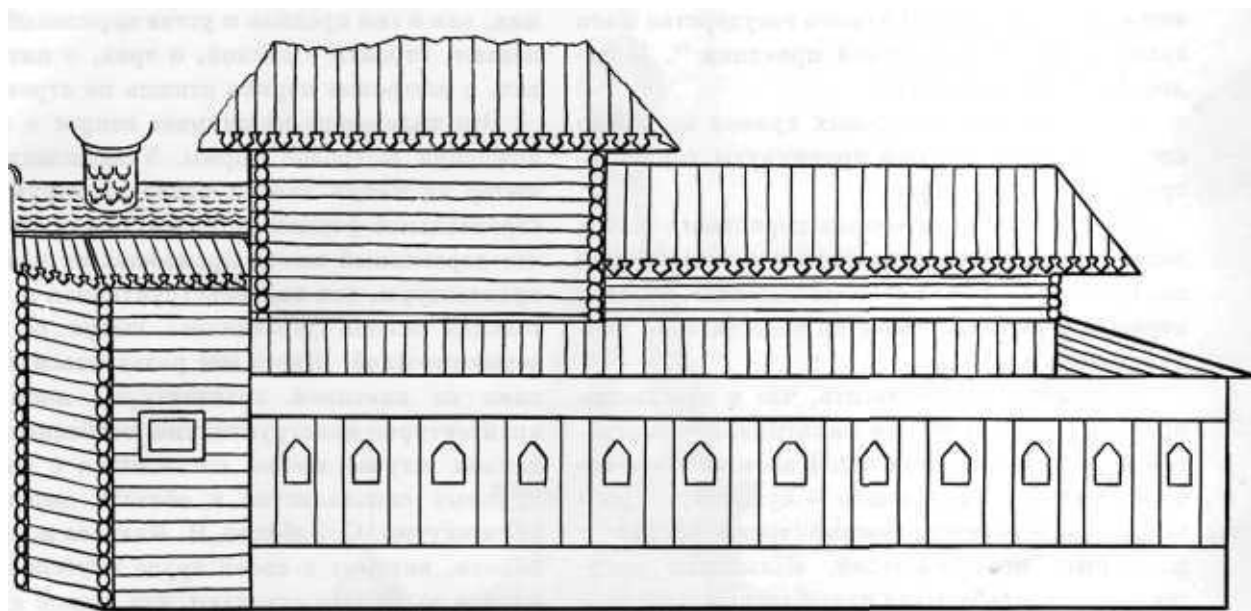
Ввиду не ослабевающего и в настоящее время интереса к старорусскому приему строительства крепостей, острогов, теремов и церквей, имеющих в своей композиции высотные сооружения, покрытые шатрами, следует несколько подробнее остановиться на этом вопросе как в направлении происхождения, так и эволюции.

О происхождении деревянного шатра существуют различные гипотезы. В одном случае доказывается происхождение шатра в деревянной архитектуре, нашедшего впоследствии применение в каменном зодчестве. По другой гипотезе шатер появился сначала в каменной архитектуре, а затем нашел широкое применение в деревянной.

Академик М. Н. Тихомиров, исследуя старинные летописные сборники, в частности «Летописец вкратце» под 7041 (1532 г.), на основании имеющегося в этой летописи текста склонен считать происхождение каменного шатра от деревянной архитектуры. «Князь великий Василий поставил церковь камену Вознесения Господа нашего Иисуса Христа верх на деревянное дело в своем селе Коломенском»⁸. В данном случае существующая раньше гипотеза, выдвинутая известным историком русской архитектуры М. Е. Забелиным, о происхождении шатра в деревянной архитектуре, нашедшего дальнейшее применение в камне, имеет определенное подтверждение в записях летописца.

М. Е. Забелин считал, и не без основания, что деревянная архитектура, а следовательно, и ее некоторые архитектурные формы оказали некоторое влияние на каменное зодчество, возникшее на Руси значительно позже деревянного.

В то же время не отрицается факт, что многие формы и детали деревянного зодчества в период его эволюции были заимствованы от каменной архитектуры.

*Зашиверская церковь. Северный фасад. Реконструкция
Л. П. Бердникова. 1888 г.*

Так или иначе, существовали различные толкования о происхождении шатра, но, как видно, этот вопрос еще не нашел должного научного разрешения. Как справедливо отмечает М. А. Ильин в своей статье «Собор Василия Блаженного и градостроительство XVI в.», деревянная архитектура вообще и шатровая в частности до сих пор не были предметом пристального изучения. В силу относительной недолговечности памятников деревянной архитектуры, в ряде случаев полностью исчезнувших с лица земли, особенно в Сибири, естественно, о происхождении некоторых архитектурных форм можно судить по небольшим побочным источникам, как, например, летописным материалам, проливающим некоторый свет на данный вопрос, но содержащим также противоречия и неточности. В летописном тексте о постройке церкви Вознесения в с. Ко-

ломенском есть запись: «бе же церковь та вельми чудна высотой и красотою и сетлостью, такова не бывала прежде этого в Руси».

Как следует из этой записи, шатровый храм Вознесения был первым сооружением подобного вида и мог являться изобретением русских зодчих, о чем говорит в своем исследовании М. А. Ильин:

«Каменный шатровый храм явился художественным и архитектурным изобретением XVI в. Он глубоко связан с основными идеями Московского государства того времени».

«Первый шатровый храм в Коломенском и тем более собор Василия Блаженного не имели и не могли иметь прообразом деревянный храм, возникший в глухом погосте или селе. Исторически это было невозможно»,— пишет в своей статье о соборе Василия Блаженного М. А. Ильин⁹ и дальше там же, на с. 222: «Шатер из кам-

ня является совершенно новой конструктивно-строительной и архитектурно-художественной формой. Следовательно, возникновение шатровых храмов (вообще) надо рассматривать не как простое нововведение в архитектуре XVI в., а как непосредственное и закономерное выражение ведущих идей Русского государства и его архитектурно-строительной практики¹⁰. И далее М. А. Ильин пишет:

«В отношении шатровых храмов возможно сделать вывод, что они проникнуты светским, гражданским началом».

Утверждение, что «форма церковного шатра должна была сначала появиться именно в камне, где она получила свое «освещение», и затем перешла в дерево», является недостаточно убедительным.

Небезынтересно отметить, что в отношении природы одних и тех же памятников — шатровой церкви Вознесения в с. Коломенском и собора Василия Блаженного — существуют диаметрально противоположные точки зрения у различных исследователей. «Каменная архитектура, перерабатывая излюбленные народные формы деревянных шатров, создает в кирпиче памятники, стоящие на одном уровне с величайшими произведениями мировой архитектуры (церковь Вознесения в Коломенском 1532 г., собор Василия Блаженного в Москве 1555—1560 гг. и др.)»¹¹.

Шатровая форма имеет глубокие народные корни не только в русской архитектуре.

Она отвечала эстетическим запросам человека — строить выше, а также имела и определенное рациональное конструктивное значение. Как известно, Из одной и той же длины бревна (обычно не более 6—7 м) при восьмериковой форме плана можно было получить значительно большую площадь помещения (примерно в три раза), нежели при прямоугольной или квадратной форме, построенной из тех же (по длине) бревен. Нарастивание бревен никогда не поощрялось строителями, так как соединение бревен врубками или впритык было наиболее слабым местом в деревянном здании. Следовательно, рациональная восьмериковая форма сооружения лучше всего перекрывалась шатром, а не иной крышей.

Так как шатровая форма храма, очень любимая народом, не отвечала церковным канонам, она в XVII в. не поощрялась правительством.

Именно с этой формой (шатровой) идет борьба церковного руководства, закончившаяся в середине XVII в. настоятельной рекомендацией больше не строить деревянных шатровых церквей. Строителям было предписано, чтобы «по чину правильного и уставного законоположения, как о сем правило и устав церковный повелевают, строить о единой, о трех, о пяти главах, а шатровые церкви отнюдь не строить»¹².

Это положение не снимает вопрос о происхождении шатровой формы. Утверждение, что шатер из камня явился новой конструктивно-строительной формой, не свидетельствует о том, что деревянный шатер произошел от каменной архитектуры, так как конструктивная и строительная основа деревянного шатра была совершенно иной. Шатер мог развиваться независимо от каменной архитектуры, имея свои архитектурно-конструктивные особенности. В данном случае можно согласиться с мнением крупных специалистов в области деревянной архитектуры С. Забелло, В. Иванова и П. Максимова, которые в своем труде «Русское деревянное зодчество» отмечают, что «одной из наиболее популярных и древнейших форм деревянного зодчества был «круглый великий» (высокий) храм, иначе говоря, шатровый восьмериковый храм или церковь¹³ — «древяна верх», как называются шатровые церкви в писцовых книгах.

Авторы указанного труда отмечают, что «формы русских шатровых церквей были выработаны в деревянном зодчестве, а не в каменном», и в подтверждение своего вывода указывают также на то, что в древней плотницкой терминологии термин «на каменное дело» подразумевает всегда пятиглавую церковь; без достаточного основания ссылкой на эти древние термины некоторые исследователи утверждают преимущество камня над деревом в области создания шатровой формы. Как видно, вопрос о происхождении шатровой формы сложен и до сих пор окончательно не выяснен.

Наиболее вероятна гипотеза, высказанная в свое время историком Л. В. Далем и подтвержденная Н. В. Султановым, С. Забелло, В. Ивановым, П. Максимовым и другими, о зарождении шатровой формы верха сооружения в деревянной архитектуре, в частности в крепостном зодчестве.

Н. В. Султанов отмечает, что «происхождение шатрового верха с дозорной вышкой рус-

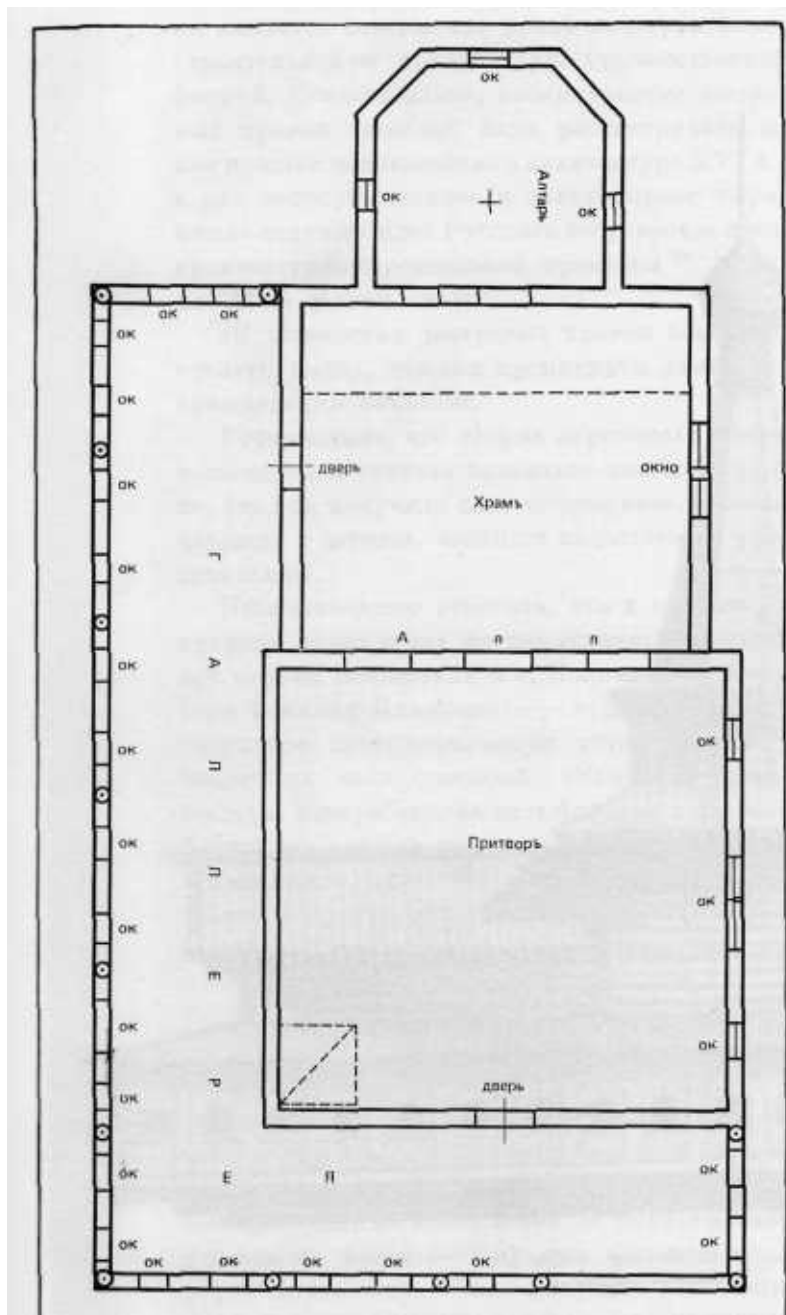

*Зашиверская церковь. Вид галереи с северной стороны.
Реконструкция Е. А. Ащепкова*

ских крепостных башен весьма остроумно объяснено Л. В. Далем»¹⁵. Он выводит эти венчания из формы полевых вышек, которые и теперь еще в ходу у казаков: «Действительно, сравнивая обе формы, мы замечаем полную аналогию»¹⁵.

Эта мысль интересна и находит подтверждение в исследовании М. А. Ильина: «Сле-

довательно, можно предположить, что каменный шатровый храм, так же как и деревянный, явился своеобразным переложением форм архитектуры крепостной **башни**. При этом были заимствованы не только основные части, но и детали». И далее исследователь отмечает: «Непосредственным прообразом именно шатрового храма надо считать крепостную башню, увенчан-

план Зашиверской церкви с галерей. Выполнен А. П. Бердниковым 25 мая 1888 г.

ную шатром со смотровой вышкой сверху, завершенной в свою очередь небольшим шатром. Последнее соответствует барабану и главе шатрового храма»¹⁶.

Если считать прообразом шатрового храма крепостную башню, увенчанную шатром, то, естественно, напрашивается вопрос о времени появления на Руси острогов. Известно, что пер-

вые остроги с тыновой оградой и башнями были деревянными и, следовательно, башня, увенчанная шатром, появилась раньше в дереве, нежели в камне, как утверждают некоторые исследователи.

Проследивая эволюцию шатровой формы, следует отметить, что плотничное искусство восходит к глубокой языческой старине. Как отмечает Н. Н. Воронин в статье «У истоков русского национального зодчества», «русские плотники еще до официального принятия христианства строили деревянные церкви, и араб Ибн-Русте ссылаясь на их пирамидальные островершие кровли, когда описывал покрытие полуземлянок руссов X века»¹⁷.

Следует отметить, что у аборигенов Сибири встречались и встречаются шести — восьмигранные юрты с верхом пирамидальной формы. Как видно, истоки такого покрытия восходят к глубокой древности.

Среди ряда гипотез о происхождении шатрового верха сооружений наиболее вероятна та, что эта форма произошла от крепостных деревянных башен, создаваемых в далекой древности плотниками-градодельцами; они были искусными строителями не только жилых деревянных зданий, острогов, которые строились до возникновения церквей, но впоследствии и каменных.

«Наши старые строители были плотниками до мозга костей, а потому, даже строя из камня, они не могли отрешиться от представления о своем родном срубе и, чтобы получить большое здание (каменное), лепили одну каменную клеть около другой»¹⁸. Частично сохранившиеся башни острогов в Сибири, как, например, Якутского, Илимского и многих других, исчезнувших с лица земли, — Вельского, Иркутского, Томского, Красноярского, достаточно убедительно показывали применение шатров в башнях острогов.

Как видно из сказанного выше, вопрос о происхождении и эволюции деревянных шатровых храмов не совсем ясен, требует дополнительных исследований и не случайно занимал внимание многих ученых — историков, археологов, архитекторов как в прошлом, так и в настоящем. В данном очерке не представляется возможным подробнее останавливаться на этом вопросе.

«Возникновение шатра было связано с формой объема сооружения — восьмериком или

шестериком, которые логично перекрывались крышей на восемь или шесть скатов...

В особенности выгодна эта форма восьмерика при сопротивлении ветрам, тогда как широкая сторона кровель клетских церквей по своему положению на север и юг находится в условиях, чрезвычайно неблагоприятных»¹⁹.

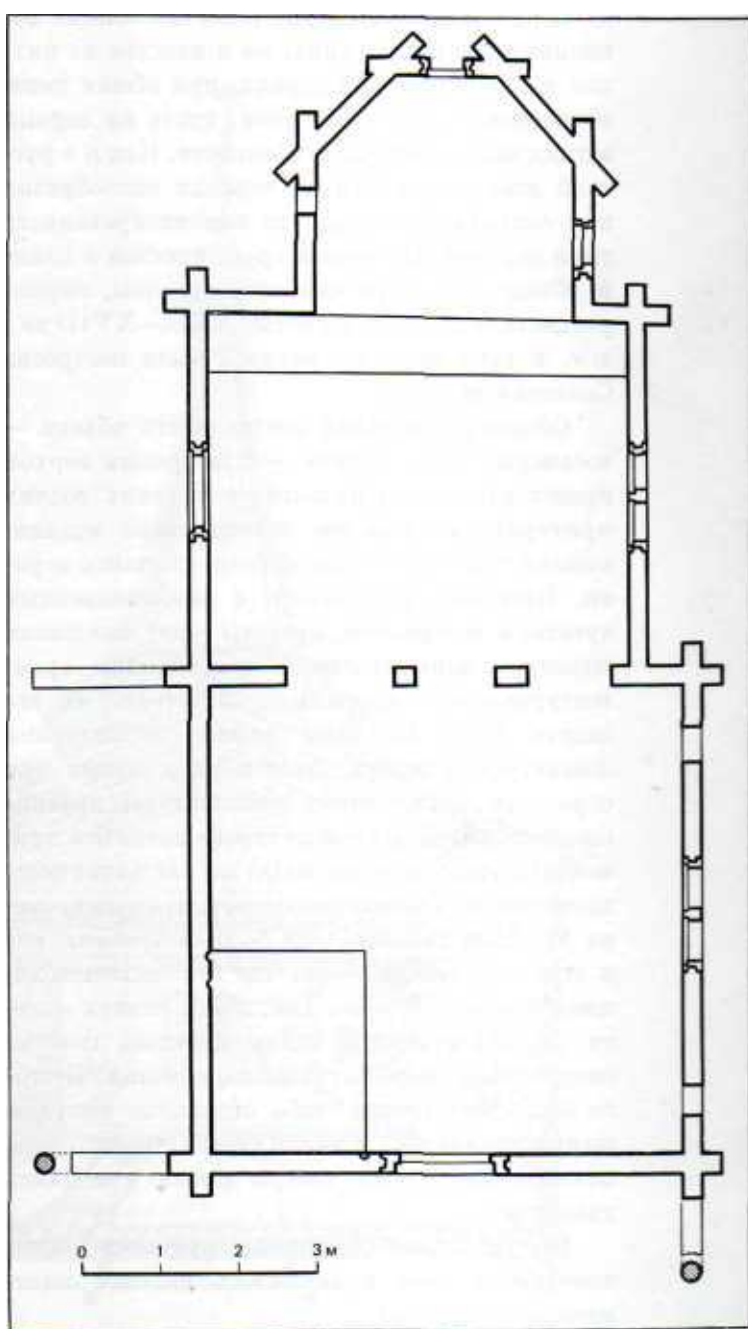
Наряду с конструктивным и рациональным решением шатровой крыши здесь имела место и эстетическая — художественная сторона. Вполне вероятно, что русские зодчие, создавая шатер как завершение высотной композиции, ассоциировали его с природными окружающими условиями. Так, известная шатровая Никольская церковь в с. Панилово (1600 г.), стоящая в окружении многовековых елей, органически вписывается в ландшафт. Шатер церкви повторяет силуэт конусообразных елей и изда-лека воспринимается как продолжение природы.

Возможно, что шатер ассоциировался также с формой стогов сена, имеющих схожие с шатром формы.

Из истории народной архитектуры известны многочисленные примеры творческого заимствования и переработки природных форм листьев, цветов, животных.

В далеких забайкальских селах встречаются декоративные формы наличников окон в виде барочных мотивов, хотя древние строители, оторванные от городов, вряд ли знали о существовании каких-либо архитектурных стилей. Подобные приемы декоративного оформления в народе назывались «кудрями» по аналогии с распространенными в данных районах цветами, так называемыми «царскими кудрями», любимыми населением за их своеобразный вид.

Неисчерпаемые мотивы окружающего реального мира, естественно, находили отражение в народном творчестве. В этом, вероятно, и есть одна из причин устойчивости некоторых архитектурных форм, передающихся и совершенствующихся из поколения в поколение. Из истории известно «гонение» духовенства на шатровые храмы как не отвечающие «церковному чину». Но, несмотря на запрет строить подобные церкви, русские люди продолжали их создавать, выбирая места подальше от всевидящего ока властей. Как видно, образ высотной композиции, увенчанной шатром, был близок сердцу русского человека. Обычно шатровые храмы, как и другие, строились «по старине», «как

План Зашиверекой церкви. Выполнен участниками экспедиции 1969 г. Учтены остатки галереи

водится». В этих сооружениях жили и развивались исконные традиции народного творчества.

В свои произведения, пусть даже традиционные, зодчие стремились внести свое понимание красоты. Высокий художественный потенциал русского народа с большим блеском проявлялся в создании подобных церквей.

В русской архитектуре известны многие памятники шатрового типа, но в каждом из них, как и в Зашиверской церкви, при общих типологических чертах есть свои, пусть на первый взгляд мало заметные особенности. Как и в русской избе, строители не терпели однообразия при создании даже одного канонизированного типа церквей. Подобный храм, простой в плане и объеме, является наиболее древним, период расцвета которого относится к XVII—XVIII вв., т. е. к тому периоду, когда и была построена Спасская церковь.

Общая композиция центрального объема — восьмерик на четверике — с шатровым верхом представляет одну из попыток русских зодчих приукрасить наиболее значительные здания, какими как в городе, так и в селе являлись церкви. Простыми средствами, с необыкновенным чувством понимания красоты они создавали шедевры, поражающие своим высоким архитектурно-композиционным качеством. И эта задача была блестяще решена строителями Зашиверской церкви. Даже в наше время при огромных достижениях архитектуры древние сооружения, созданные из дерева почти без применения гвоздей, производят на нас волнующее впечатление. Отсюда не следует, что в те времена не знали гвоздей. Они были и применялись в строительстве, но там, где это было необходимо и целесообразно. Так, лемех главков и шеек церкви крепился одним кованым гвоздем квадратного (четырехгранного) сечения. И этого было достаточно, чтобы отдельные чешуйки не поворачивались и имели строго определенное положение. Крыши шатра также крепились гвоздями.

Все остальное сооружение рубилось только топором, в этом проявлялось высокое плотничное мастерство.

Основное значение в достижении архитектурной выразительности имели силуэт здания, соразмерность отдельных частей с целым, объемно-пространственное решение и формы покрытия. Церкви строились в наиболее выгодных в природном отношении местах с таким расчетом, чтобы они привлекали внимание своим видом, выделялись из окружающей застройки и были заметны издали.

Для Спасской церкви в Зашиверске было выбрано именно такое место. Возвышаясь над окружающей одноэтажной застройкой, она являлась основным композиционным центром все-

го города и хорошо просматривалась с различных точек. Этому в значительной мере способствовал красивый окружающий ландшафт как правого, так и левого берегов Индигирки. Можно сказать, что памятник органически вписался в окружающую природу и был от нее неотделим. Очертания остроугольных форм скал противоположного берега гармонировали со стремительным взлетом высокого шатра. Эпическим спокойствием веет от этого сооружения, созданного нашими талантливыми предками несколько столетий тому назад.

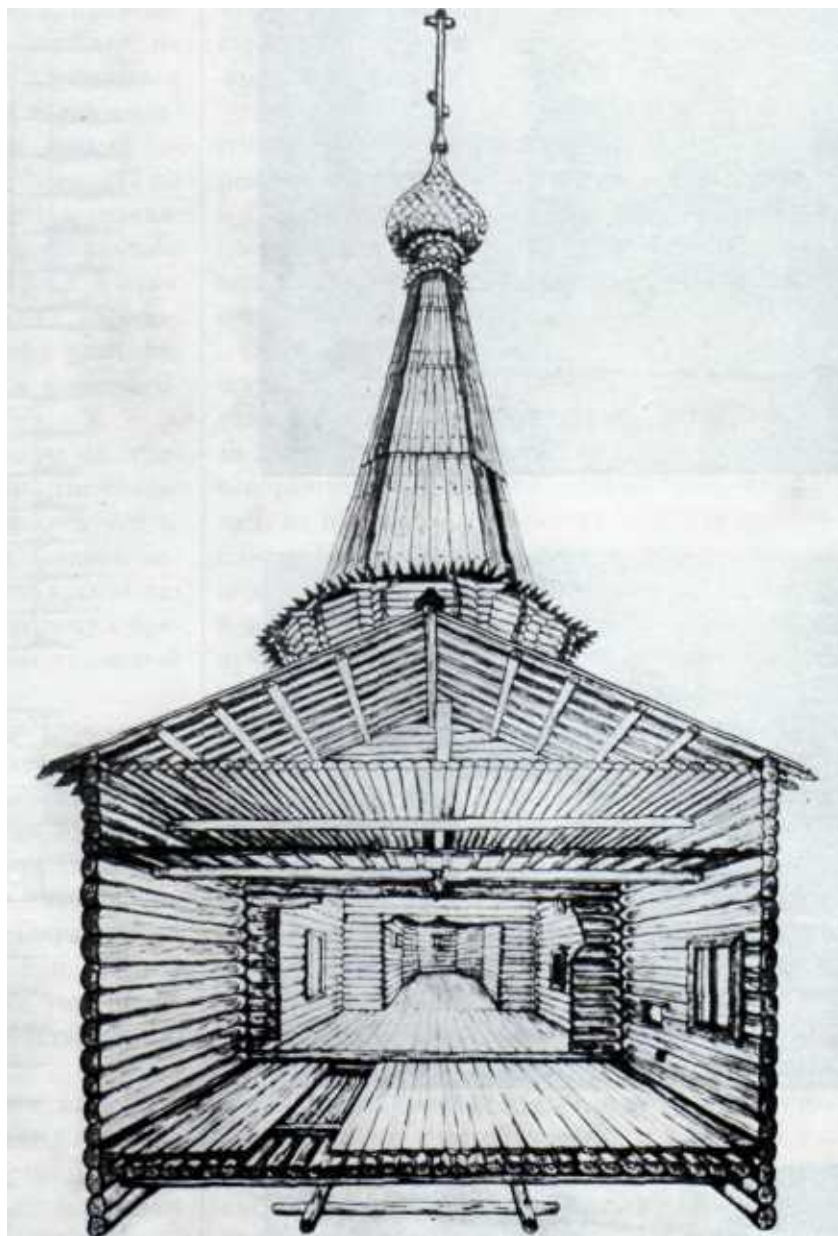
Созданная зодчими, хорошо знавшими традиционные приемы в устройстве шатровых церквей, Зашиверская церковь при всех сходных чертах с архитектурой Московской Руси XVII в. как бы является продолжением канонизированного типа шатровой церкви восьмериком на четверике с трапезной, хотя церковь имеет и ряд особенностей в конструктивном и архитектурно-композиционном решении.

В планировке церкви принят обычный прием, свойственный церковным зданиям: три помещения — трапезная, собственно церковь и алтарь — расположены по продольной оси и взаимосвязаны между собой. Между тем здесь есть и некоторое отличие от общепринятой схемы плана.

При общей симметричной композиции четверик (где, собственно, начинается церковь) сдвинут с продольной оси в северную сторону. Стена четверика слилась со стеной трапезной, образуя таким образом сплошной северный фасад.

Отмеченные небольшие отступления в планировке от канонизированных схем не являлись плодом досужей фантазии зодчих, а преследовали наряду с определенной утилитарной стороной — увеличением помещения там, где это было необходимо, — и художественно-композиционные цели.

Вдоль северной стороны находилась закрытая галерея, обегая и западный фасад, где было устроено крыльцо основного входа. Галерея не сохранилась, и только выпуски нижних венцов бревен с северной и западной сторон позволяют судить о размерах галереи, ширина которой была не более 1,5 м. Галерея устроена обычным в деревянной архитектуре способом. На выпусках нижних венцов поперечных стен, покоящихся на столбах, были уложены балки, в которые врубались стойки карка-

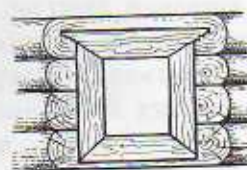
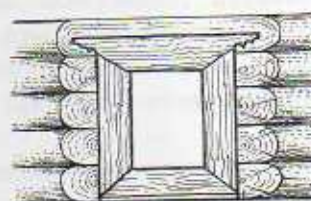
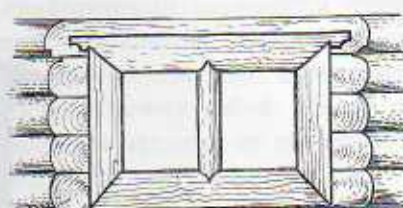
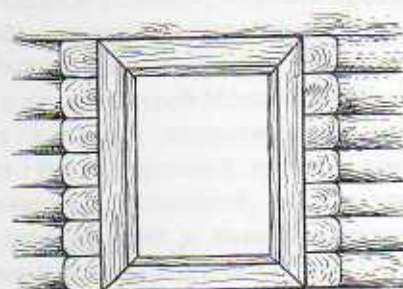
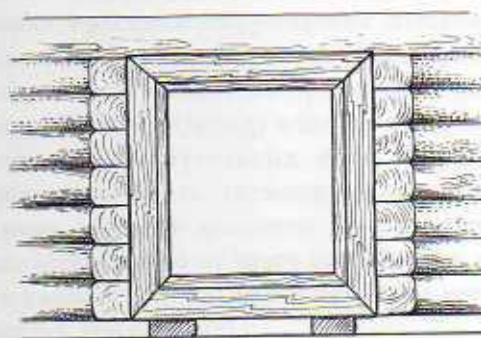
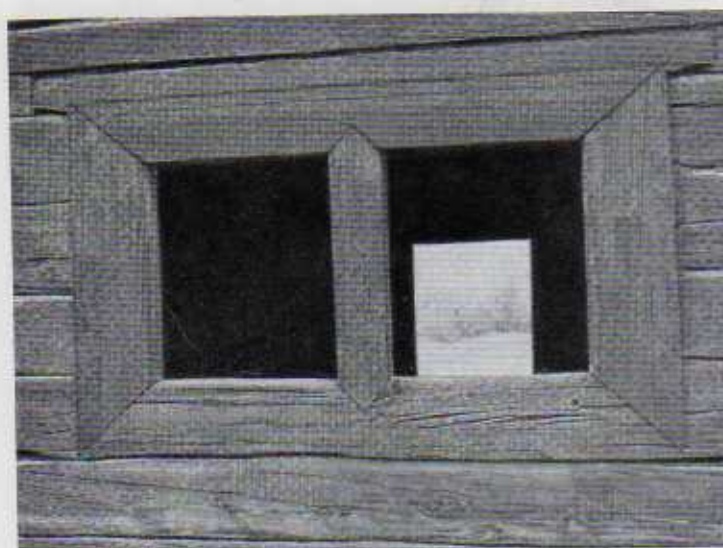
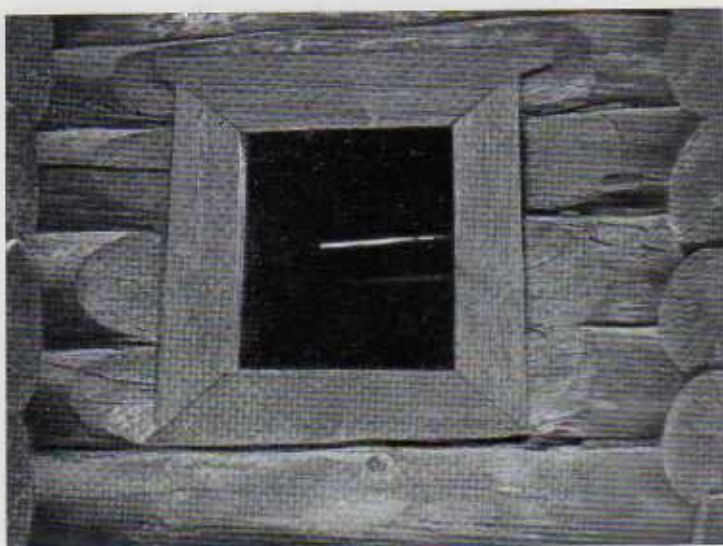
Поперечный разрез здания Зашиверской церкви. Выполнен участниками экспедиции 1969 г.

са, являющиеся конструктивной основой галереи. Некоторые представления об исчезнувшей галерее даются в «Метрике» Зашиверской церкви:

«Галерея начинается с юго-западной стороны храма, обходит по северной стороне до алтаря, устроена на столбах или стойках, забран-ных досками с прорезными оконцами и внутрен-

ними ставнями. Из последних сохранились только две штуки — на оконцах, видных на фасаде с южной стороны»²¹.

Закрытая галерея являлась дополнительным помещением церкви. Вход на галерею был с северной стороны — из помещения собственно церкви и с западной стороны — непосредственно от крепости. Наряду с утилитарным

0 5 10 m

назначением галерея имела и определенный архитектурный, композиционный смысл в решении всего облика церкви. Суровый, предельно лаконичный северный фасад, без окон на основных объемах, значительно обогащался галереями, которая благодаря своим мелким членениям, стойкам каркаса, обшивке стен «в елку», большому числу маленьких окон (12 по всему периметру), оригинально контрастировала с бревенчатой стеной, лишенной каких-либо дополнительных украшений. Наряду с этим асимметрично расположенная галерея сообщала всему объемно-пространственному решению церкви особую выразительность и определенную живописность.

Однокатная крыша была устроена на стропилах, которые врубались в стены. На северном и западном фасадах сохранились следы врубок стропил на высоте 3 м от дневной поверхности. Интересно отметить, что крыша галереи по западному фасаду, рубленному с бревенчатым фронтоном, делила объем трапезной на две равные части.

Судя же по рисунку с патуры священника Алексея Бердникова, автора «Метрики» Зашиверской Спасской церкви, составленной в январе 1888 г., тесины крыши галерей не имели на концах пик, как на концах тесин крыши трапезной и церкви. Возможно, раньше, до составления «Метрики», крыша галереи и была покрыта тесом с пиками, но при ремонте крыши она была покрыта обычным тесом (реставрация галерей сделана в соответствии с рисунком Алексея Бердникова).

Поскольку пол галереи устроен на выпусках бревен на высоте 1 м от земли, под галереей создавалось воздушное пространство, которое постоянно находилось в тени, благодаря чему вечная мерзлота не оттаивала.

Самым обширным помещением церкви была трапезная, имеющая в плане квадратную форму размером 617 X 599 см. В данном случае значение трапезной выходило за пределы непосредственно церковного здания, где совершалась религиозная служба. Она являлась общественным помещением для решения различных мирских дел и местом отдыха в перерывах между богослужениями. Примеров развитой трапезной в подобного вида церквях, имеющей свое определенное назначение и отвечающей своему названию «трапезная» — от слова «трапеза», можно привести много в истории рус-

ской архитектуры. Так, например, шатровая Петропавловская церковь в с. Пучуга Верхне-Тоемского района Архангельской области, построенная в XVII в., Успенская церковь в Кондопоге, построенная в XVIII в., и др.

Эти церкви имели развитые трапезные, иногда значительно превосходящие своими размерами собственно церковь. В данном случае в Зашиверской церкви, созданной в суровых полярных условиях, обширное помещение трапезной было необходимо и вполне оправданно с утилитарной стороны.

Трапезная, имеющая большие размеры по Ширине, нежели собственно церковь, со сдвигом сруба в южном направлении, была устроена таким образом не только из функциональных соображений — создания большого помещения, но и с учетом требований конструктивного плана. Южная сторона сооружения была подвержена большому нагреву в летнее время, что в известной степени могло повлиять на оттаивание вечной мерзлоты с этой стороны и повлечь за собой неравномерную осадку здания. Так что разрез объема здания, смещение объема трапезной по отношению ко всей церкви, имеющей большую протяженность, были целесообразны, как и подсыпка грунта под основание фасада. Северная часть церкви имеет сплошную стену трапезной и собственно церкви. Пристроенная галерея с этой стороны на выпусках поперечных стен и высоко поднятая от земли способствовала сохранению мерзлоты в этой части фасада. Таким образом, на основании имеющегося строительного опыта и знаний местных условий строители обеспечили сооружению долговечность и устойчивость.

В результате обследования установлено, что высокое сооружение, построенное без фундаментов на так называемых окладных венцах — бревнах, уложенных прямо на вечную мерзлоту, находящуюся на глубине 30—40 см от днев-

Одинарное окно. Видны врубленные колоды

Двойное окно. Видно окно противоположной стены

Деталь оконного проема с украшением верхней свешивающейся колодки порезкой

Сравнительные таблицы окон и дверей Спасской церкви

ной поверхности, не претерпело сколь-либо существенных деформаций. Основа сооружения — бревенчатый сруб, за исключением двух-трех нижних венцов, может существовать еще длительный период. Как видно из этого примера, строителям позднейшего периода было чему поучиться у своих далеких предков. Интересно отметить, что в Якутске многие деревянные дома, построенные в XIX в. без достаточного учета местных природных условий — наличия вечной мерзлоты и резкой континентальности климата, находятся в аварийном состоянии. Незнание прежнего опыта привело к столь отрицательным результатам.

Одновременно с решением конструктивных задач зодчие Спасской церкви не забывали и о художественно-композиционной стороне своего произведения. Сдвигка стены трапезной по отношению к объему собственно церкви способствовала более выразительному решению с южной стороны, исключала монотонность фасада, лишенного каких-либо декоративных украшений.

Особенно хорошо просматривался южный фасад в солнечную погоду, когда тень от выступающей части подчеркивала объемное решение сооружения и сообщала ему дополнительную выразительность.

Наряду с решением конструктивных задач для обеспечения долговечности и устойчивости здания зодчие уделили большое внимание устройству внутренних помещений.

Суровые климатические условия вызвали необходимость делать помещения утепленными. Это достигалось за счет снижения высот интерьеров, устройства двойного потолка с воздушной прослойкой и земляной засыпкой двойного пола, устройства окон небольших размеров и только с южной стороны, при этом число окоп было небольшим: например, в трапезной — два спаренных окна размерами 52 X X 49 см, в собственно церкви — три окна размерами 51 x 49 см. Окна в алтаре были меньше, чем в других помещениях, и имели разные размеры в зависимости от их ориентации. Так, с южной стороны окно имело размеры 52 X X 47 см, с восточной стороны — 47 X 43 см и с севера — 32 x 26 см.

В данном случае климатические условия учитывались строителями, они стремились создать общественные здания, каким являлась Зашиверская церковь, отвечающие как архи-

тектурным, конструктивным, так и утилитарным требованиям. Примеров решения этих задач можно привести очень много. Известны памятники каменного церковного зодчества в Новгороде, Пскове и других местах, где под влиянием климатических условий наблюдалась эволюция традиционной и канонизированной апсиды. Понижение ее высоты было вызвано не только эстетическими соображениями. Наряду с этим хорошо известно, что, создавая тип сооружения, каким являлась церковь, зодчие стремились сделать его отличающимся от окружающей застройки как по своим общим размерам, так и по внешнему виду и добивались такого художественного образа здания, который производил определенное идеологическое воздействие на людей. В данном случае «красота и польза» были неразделимы. Единство задач художественных, конструктивных и функциональных явлений — одна из характерных черт русского народного зодчества.

В своем труде о русской деревянной архитектуре известный историк русской архитектуры М. Красовский писал, что снижение высоты помещений в церквях было вызвано желанием сэкономить тепло и создать больший уют в интерьере трапезной²¹. Архитектурное решение внутренних помещений Зашиверской церкви полностью подтверждает это положение. При общей высоте объема сруба трапезной около 6 м внутреннее помещение имело высоту 3,14 м.

Понижение высоты интерьера трапезной по отношению к общему объему сруба достигалось поднятием пола от уровня земли на 75 см и снижением чистого потолка от чердачного наката на 116 см. Двойной пол, состоящий из «черного пола» — бревенчатого наката — и «чистого пола» из тесин толщиной 4,5 см с воздушной прослойкой между ними, покоился на балке «матице», или «матке».

Потолок трапезной был двойной. Верхний слой состоял из сплошного бревенчатого наката, уложенного на балку диаметром 33 см, перекрывающую пролет в 617 см. Сверху накат был засыпан землей и утеплен хвоей. Нижний потолок — «чистый» — состоял из тесин, уложенных «вразбежку». Тесины потолка имели по ширине и толщине различные размеры. Нижний тес толщиной до 18 см и шириной 28—30 см имел с двух сторон четверти, на которые укладывались тесины толщиной 9 см.

Северная стена Спасо-Зашиверской церкви с остатками бревен галереи

Так же были устроены потолки в собственно церкви и алтаре.

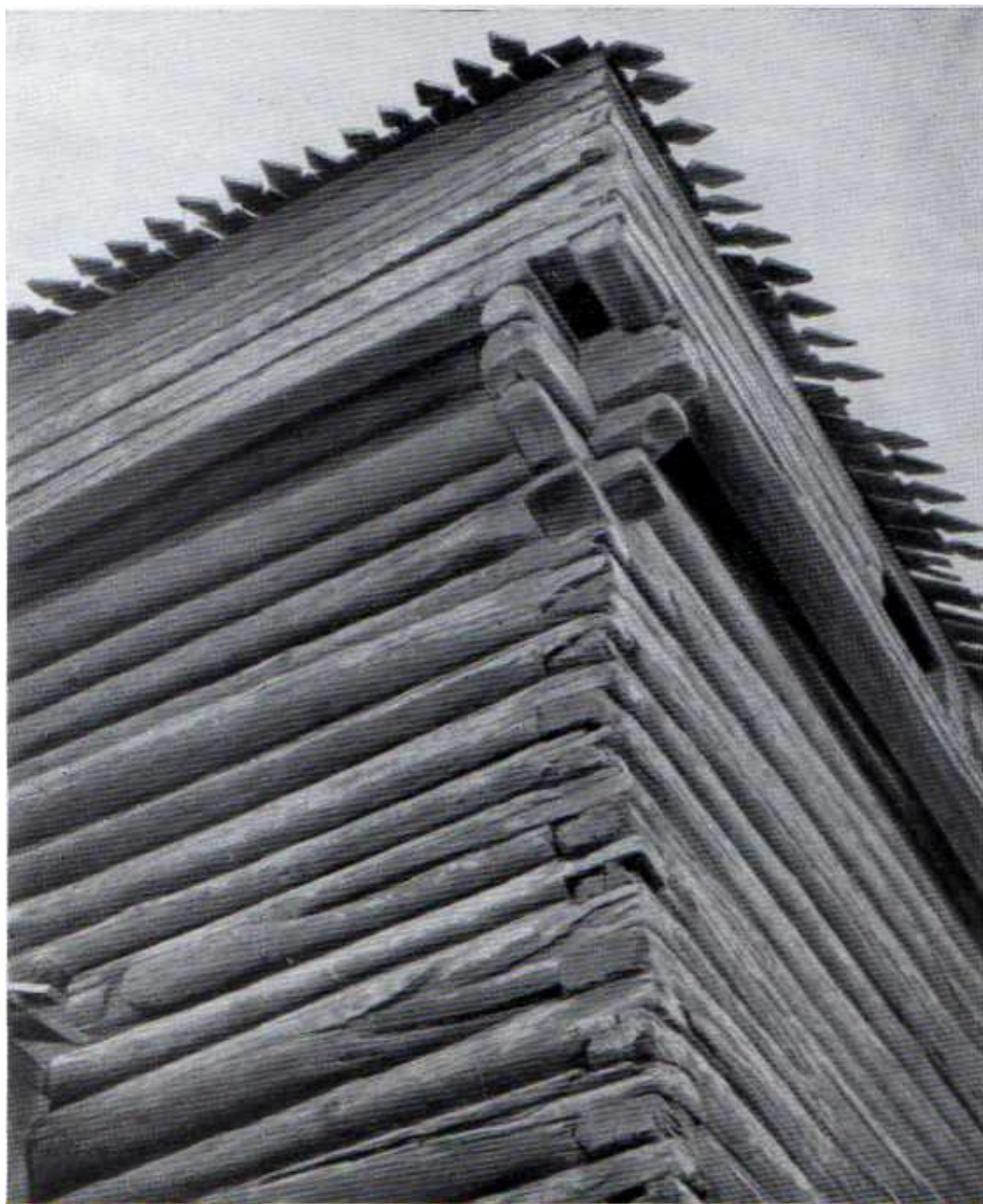
Как выяснилось при исследовании конструкции церкви, нижние потолки трапезной собственно церкви и алтаря были устроены из тесин, колотых топором.

Тесины потолка были закреплены в поперечной балке, перекрывающей довольно значительный пролет помещения. В балке сверху имелись прямоугольные углубления — «гнезда», в которые входили нижние тесины потолка. Следует отметить, что такое устройство потолка, имеющее определенный конструктивный смысл, вносило и некоторое разнообразие в интерьер. Рифленая поверхность создавала видимую легкость и была уместна в простом, предельно лаконичном помещении трапезной. Стены внутри помещения были стесаны в «лас» на диаметра и, как видно, не имели никаких

украшений, за исключением западной, отделяющей трапезную от собственно церкви.

В связи с большим пролетом и отсутствием в настоящее время столбов, которые были ранее²², для устранения прогиба балки был применен своеобразный и остроумный конструктивный прием. В центре пролета в балку, перпендикулярно ей закреплен брус-затяжка, проходящий в чердачное пространство. В верхней части, на накате вертикальная подвеска-затяжка наглухо закреплялась горизонтально бровном, на котором лежит клинообразный брус, проходящий в отверстие затяжки.

В случае прогиба «матки» и провисания потолка клин можно подбить и тем самым выровнять потолок. Оригинальная и простая конструкция обеспечивает прочность потолка, который как бы подвешен на вспомогательный элемент. При таком решении конструктивных задач

Фрагмент сруба башни Якутского острога с выступающими -наружу «копьями» крыши

зодчие использовали нижнюю часть затяжки как декоративный элемент. Она завершается «гирькой» луковичной формы с небольшим перехватом внизу, свисающей с потолка на 40 см и как бы фиксирующей продольную, центральную ось церкви (размеры гирьки 40 X 38 см). Даже в настоящее время, когда в интерьере не осталось никаких декоративных украшений,

исчезли живопись, иконы и другие детали, свойственные церковному зданию, крупная по своим размерам и центральному местоположению «гирька» останавливает внимание посетителей и производит впечатление своей оригинальной формой.

В настоящее время трудно судить о прежнем устройстве восточной стены. Некоторые

Сруб Зашиверской церкви. Выполнен «с остатком». Вид с юго-восточной стороны

сведения по этому поводу есть в указанной выше «Метрике». «Один из местных жителей Зашиверска ныне отставной казак Верхояпской команды Зотик Прокопиев Тарабукин, 80 лет, передал мне (автору метрики), что, когда ему минуло 19 лет, по указанию местного священника Михаила Григорьевича Слепцова были устроены его отцом арки, отделяющие при-

твор от храма, а что вместо их была глухая стена с 2 окнами, а в середине была решетчатая дверь»²³, — указывается в источнике.

«Притвор устроен в виде квадратной палаты. До устройства арки притворы отделены были капитальной стеною с решетчатой дверью в середине. Для какой цели устроено было такое отделение притвора, неизвестно, не было ли

Крыша с «копьями» Спасо-Зашиверской церкви. Вид четверика и шатра

то с целью отделить готовящихся ко крещению от верных.

Дверь решетчатая и теперь находится в храме Зашиверском — она окрашена в коричневую краску и украшена узорами и резьбой²⁴, — сообщает «Метрика».

Как видно по описанию, помещение трапезной было оформлено простыми средствами. Глу-

хая бревенчатая стена хорошо контрастировала с решетчатой дверью и узкими протяженными окнами, через которые просматривался живописный иконостас с «Царскими вратами» из двух цельных створок без резьбы, на одной из которых изображен св. Иоанн Златоуст. Подобное решение стены притвора, но в значительно более богатом и развитом виде можно было

*Вид четверика Зашиверской церкви с крыши трапезной.
Вдали панорама индигирской лесотундры*

наблюдать в некоторых церквях Севера XVII — XVIII вв. Так, в трапезной Введенской церкви в с. Едоме (построена в 1748 г.), Никольской на Шетогорском погосте бревенчатая стена, отделяющая трапезную, имела в центре широкую двустворчатую дверь с полотнами, расписанными богатым красочным орнаментом, а с боков — небольшие протяженные окна с ажур-

ной металлической решеткой. Такой же прием оформления стены был и в трапезной Петропавловской церкви в с. Пучуга, построенной в 1698 г. В указанных северных памятниках полотнища дверей были сплошными, а в Зашиверской — решетчатыми, что являлось наиболее интересным с точки зрения раскрытия внутреннего пространства главного помещения, а

также имело определенный утилитарный смысл, как и окна в стене.

«В большие праздники народу стекалось так много, что не все могли поместиться в самом храме и многим приходилось стоять службу в трапезне.

Для того чтобы дать им возможность следить за ходом богослужения, в стене, отделяющей трапезну от храма, по сторонам дверей на высоту зрения человека прорезали узкие, чаще всего в толщину бревна, т. е. вершков в десять, отверстия», — указывает И. Э. Грабарь²⁵.

Как писал И. Грабарь (по материалам В. В. Суслова): «В Сибири водворилось то же народное русское строительство, которое процветало в ту пору в наших Мезенских, Двинских и Заонежских краях. Характерным памятником, могущим служить подтверждением такого взгляда, является деревянная Богоявленская церковь в с. Знаменском Иркутской губернии. Она расположена на р. Илге Верхотурского округа, в 25 верстах от впадения в р. Лену. Церковь эта холодная, без печей, с приделом во имя Иоанна Предтечи. Построена она в царствование Анны Иоанновны старанием прихожан в 1731 г. и ныне находится в такой ветхости, что богослужения в ней уже не отправляются»²⁶. Далее он продолжал: «Ильинская Богоявленская церковь по своим размерам, стройным пропорциям, силуэту и характерным формам представляет собою один из интереснейших памятников русского деревянного церковного зодчества вообще. К сожалению, нам известен до сих пор лишь этот единственный по сложности образчик церковного строительства в далекой Сибири. Какие разновидности художественных форм сохраняются и существовали в других церковных сооружениях этого края, сказать, по недостаточности материала в данном вопросе, трудно, но во всяком случае видно, что они совершенно родственны архитектурным формам древних церквей северного края России и могли варьироваться лишь в частности, не нарушающих общего нашего исконного типа церковной постройки»²⁷. Как видно из этих слов, о Зашиверском храме в то время известий у И. Грабаря не было. Не знал о ней также И. И. Серебрянников.

В данном случае единство конструктивной и художественной форм, как и в других элементах церкви, было очевидно. Оформленные

различно по размерам и декоративной обработке проемы в западной стене хорошо контрастировали с интерьером трапезной, оборудованной раньше скамейками, и фиксировали внимание посетителей на главном помещении церкви.

При обследовании в 1969 г. от уничтоженной стены трапезной сохранились только остатки в виде выпусков верхних венцов и частей поперечных стен с северной стороны — на 90 см и южной — на 100 см. Вместо утраченной стены, как отмечалось выше, был устроен трехарочный проем, не свойственный традиционной древней архитектуре церкви. Как видно, определенные веяния в архитектуре в соответствующий период коснулись частично и Спасской церкви, сохранившей между тем в целом в течение веков свой первоначальный внешний вид.

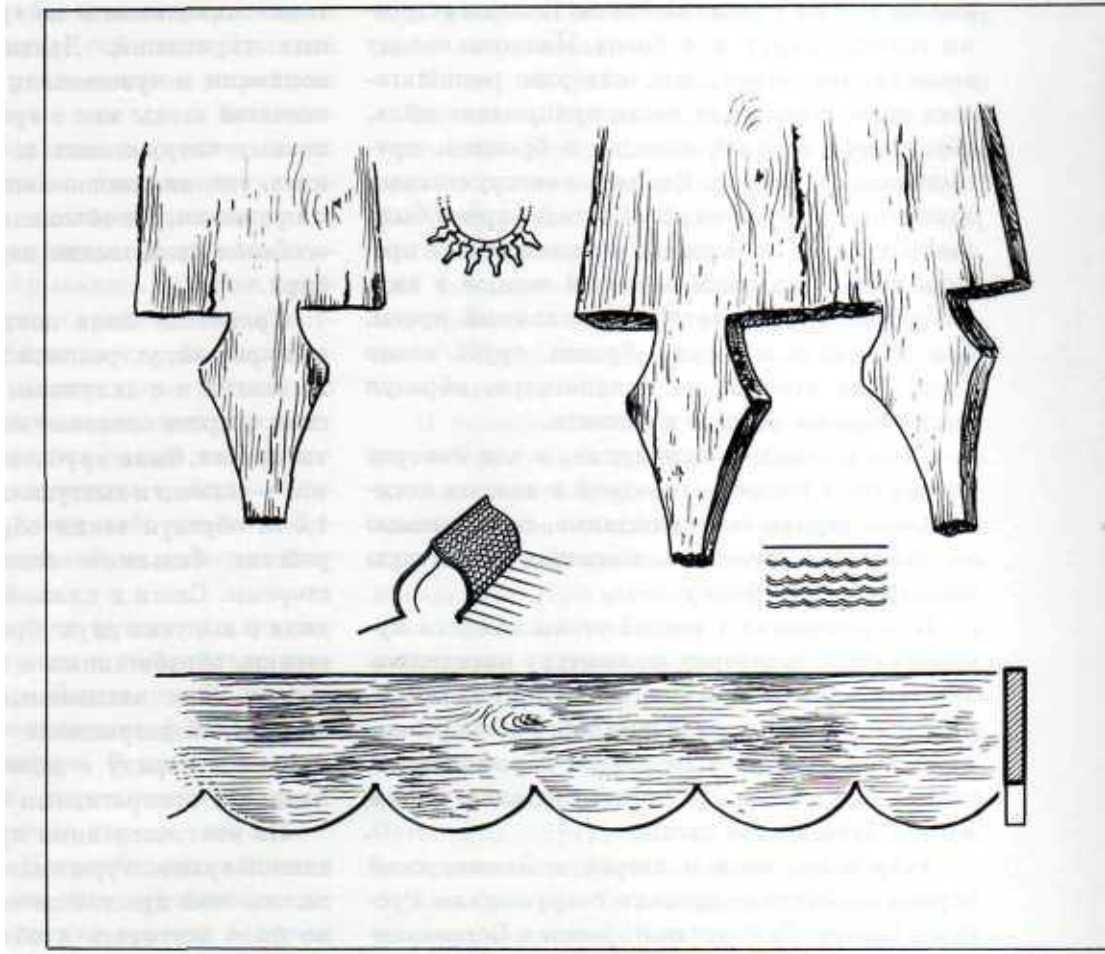
Являясь наиболее крупным зданием в городе Зашиверске, церковь могла быть использована для различных нужд населения — собраний, сходок и т. д., так часто бывало в помещениях старинных церквей с развитыми трапезными.

В соответствии с этими требованиями церковь сразу строилась как теплая, а именно, бревна стен были переложены мхом, полы и потолки устраивались двойными с засыпкой землей и хвоей, с воздушной прослойкой.

Маленькие по размерам окна и двери с хорошей пригонкой деталей также защищали помещение церкви от полярной стужи. Кроме этого, возможно, двери были утеплены оленьей шкурой, как делают местные жители Крайнего Севера.

Учитывая суровые климатические условия, в трапезной (в северо-западном углу) была устроена печь, которая стояла на полу на особом помосте-накате из половинок бревен. Основание печи, высоко поднятой над землей, было забутовано камнем. Подобное устройство печи «по старине» обеспечивало сохранение вечной мерзлоты под ее основанием. Печь раньше топилась по-черному, о чем красноречиво говорят закопченный потолок и верхние венцы стен. Трубы в крыше не было, и дым выходил в небольшие оконца в западной и южной стенах трапезной. В настоящее время от печи осталась груда развалин. В 1969 г. мы видели, что в ней кто-то недавно разводил огонь.

Собственно церковь, не имеющая печки, согревалась теплым воздухом, идущим из тра-

Детали «ожерелья» и шейки на алтарной бочке. Отдельно дана схема алтарной бочки

пезной через щель в верхней части стены, решетчатую дверь и окна, расположенные по ее сторонам. Сохранению тепла в храме способствовали небольшие по размерам оконные и дверные проемы, которые сделаны обычным в русской деревянной архитектуре способом. Основной вход в церковь, находящийся на продольной оси в центре западной стены трапезной, обработан массивными колодами, прочно соединенными между собой «в ус». Ширина колоды, в которой была устроена четверть для двери, равнялась 23 см. Колоды крепились с боков к стенам сруба посредством паза, в него входили стесанные торцы бревен. Размеры двери были незначительные: ширина 112 см, высота 122 см, как во многих старинных деревянных зданиях. С боковых сторон двери на всю ее высоту бревна стены стесывались на полдиаметра, образуя гладкую плоскость, хорошо

контрастирующую с кругляками бревен сруба. Стес бревен с каждой стороны двери равен 25 см. Подобный прием, известный в русской архитектуре, является одним из средств, увеличивающих зрительно небольшой дверной проем. Здесь, как и в других элементах здания, конструктивные приемы не отделены от архитектурных.

Устройство колод требовало хорошей «пригонки» их к срубу, а это было удобнее сделать при стесывании бревен для соединения их с пазом в колодах.

Оконные проемы в трапезной, как и в собственно церкви, были устроены только с южной стороны.

Трапезная имела два спаренных «косячатых» (т. е. косяком) окна небольших размеров (52 X 60 см), расположенных на высоте 68 см от уровня пола, и два волоковых, расположен-

ных на том же уровне по бокам. Колоды устроены только сверху и с боков. Нижнюю колоду заменял тот венец, над которым располагалось окно. Карнизная доска прикрывала щель, образуемую верхней колодой и бревном, прилегающим к колоде. Являясь конструктивным элементом, карнизная доска в то же время была декоративной. Большие выносные доски за пределы окна с ажурной порезкой концов в виде выкружки хорошо завершали оконный проем. Так же как и в дверях, бревна сруба около окон были стесаны на полдиаметра, образуя таким образом ровную плоскость.

Рамы в окнах — одинарные, о чем говорят «четверти» в косяках, по одной в каждом косяке. Окна церкви были слюдяные, составленные из отдельных кусочков, имеющих различную геометрическую форму.

При раскопках у южной стены найдены кусочки слюды, в которых по контуру находились отверстия для соединения (сшивания) их жильными нитками. Подобная янтарного цвета решетка из сшитых кусочков слюды хорошо гармонировала с теплым, оранжевого оттенка цветом южной бревенчатой стены.

Устройство окон и дверей в Зашиверской церкви аналогично древним сооружениям Русского Севера. Так сделаны проемы в Богоявленской церкви в с. Орлово Архангельской области, Воскресенской в с. Малая Немнюга, Ильинской церкви в с. Чухчерма и др. Примечательно, что подобный строительный и архитектурный прием в решении окон и дверей, широко распространенный в русской архитектуре XVII в., нашел применение в Зашиверской церкви, построенной в тот же период. Как видно, строители Заполярья, выходцы из Европейской части России, хорошо знали подобное конструктивное решение, оценили его архитектурно-художественные качества и применили в данном случае. Общая композиция размещения окон на фасаде была удачна. Спаренные посредством стойки-импоста небольшие по размерам окна подчеркивали монументальность суровой стены, сообщали определенную масштабность всему сооружению, где основным строительным модулем было бревно, соразмерно чему создавались и отдельные элементы храма.

Сами по себе бревенчатые стены по своей объемной структуре, пластике и цвету давали большое богатство линий и форм, были доста-

точно живописны и не требовали дополнительных украшений. Древние зодчие прекрасно понимали и чувствовали красоту простой бревенчатой стены как в гражданских, так и церковных сооружениях и стремились ее сохранить, уделяя основное внимание общему абрису сооружения, его объемному решению. Эта черта особенно свойственна народному зодчеству Сибири.

Трапезная была покрыта двускатной тесовой крышей, устроенной по древнему обычаю — на слегах и с охлупнем. Слеги, как и в Якутском остроге основные конструктивные элементы крыши, были врублены в бревенчатый фронтон — «самец» и выступали за пределы стенки на 1,5 м, образуя таким образом основу для устройства большого свеса крыши с фасадной стороны. Слеги в нижней части крыши переходили в выпуски двух бревен сруба продольной стенки, обработанных в виде выкружек в полдерева. Так называемые помочи, или кронштейны, поддерживали свес тяжелой тесовой крыши и наряду с конструктивной функцией являлись декоративным средством.

Из многочисленных примеров русской деревянной архитектуры видно, какое внимание уделялось этой простой детали здания. Здесь можно было встретить и объемную скульптурную форму в виде шаров, валиков, уголков и т. д., и тонкий филигранный рисунок по контуру «помочей» вплоть до выжигания орнамента, и даты постройки, как, например в селах Забайкалья — Большой Куналей, Мухор-Шибирь, Бичура. В Спасской церкви эта деталь была решена предельно лаконично, в соответствии с общим архитектурно-композиционным замыслом. Вероятно, строители церкви знали и более «богатые» приемы в оформлении «помочей», но не считали необходимым украшать свое произведение дополнительным декором. Здесь все просто, ясно, как утренняя заря. Тесовая крыша, покоящаяся на слегах, состояла из двух слоев. Нижние тесины крыши были уложены сплошь и имели заостренные концы в виде пик, выступая далеко за пределы стены, такой тес назывался «красным» тесом. Верхние тесины, так называемый «подтесок», не имели заостренных концов и были уложены не сплошь, а вразбежку.

Подобный прием в устройстве тесовой крыши необычен. В известных памятниках церковного зодчества Севера и острожном строитель-

стве тес с пиками укладывался сверху, а здесь наоборот. В данном случае строители Спасской церкви нашли более рациональное устройство крыши. Дождевая вода стекала в щель-желобок, образуемый верхним настилом, и по нижнему слою тесинами с пиками, являющимися своеобразными лотками-капельницами, сбрасывалась далеко от стены. Сверху, на стыке скатов крыша перекрывалась толстым бревном «охлупнем», прочно скрепляющим конструкцию крыши и сообщающим крыше выразительный силуэт. Это рациональное устройство крыши не только обеспечивало долговечность сооружению, но и являлось также значительным художественным элементом в общем облике здания, лишенного каких-либо дополнительных декоративных украшений, не имеющих конструктивного смысла.

Эта черта, свойственная русскому народному зодчеству, очень хорошо и убедительно проявляется в архитектуре Зашиверской церкви, предельно простой и не измененной позднейшими веяниями в архитектуре. В настоящее время древний памятник, переживший трагическую судьбу исчезнувшего города, перевезенный в Академгородок Новосибирска, является свидетельством высокого искусства наших далеких предков, производит на зрителя большое впечатление в любое время года и при любом освещении. Особенно наряден и выразителен храм в солнечную погоду, когда тени от далеко выступающих за пределы стены тесин кровли с пиками бросают ажурные узоры на изгибы бревенчатой стены. Как бы тонким кружевом «принаряжен» верх здания. Легкие прозрачные тени филигранного рисунка прекрасно контрастируют с суровой стеной и подчеркивают ее монументальность и суровость.

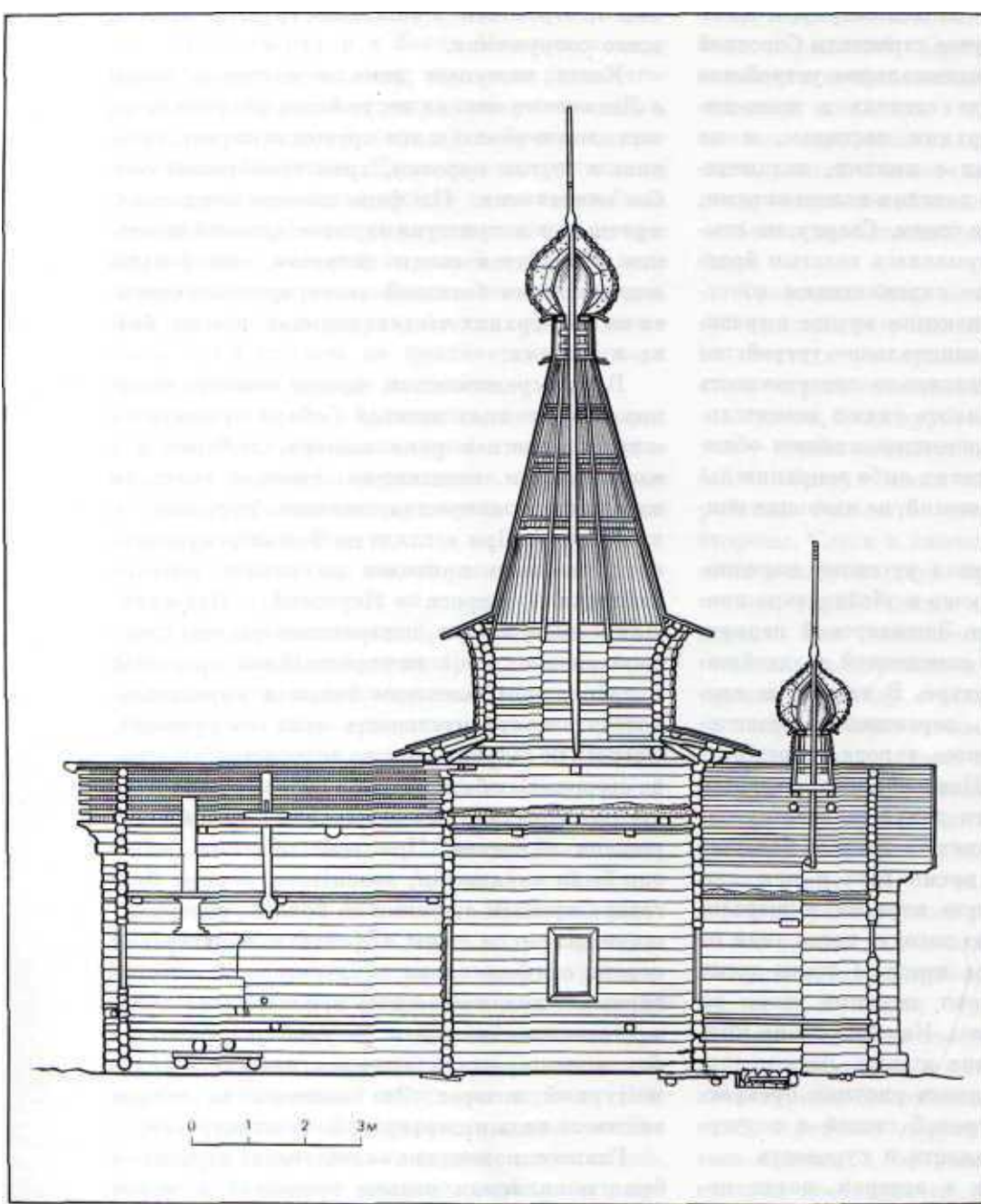
Прекрасен памятник и вечером, когда последние лучи заходящего за далекие горы солнца бросают свой прощальный взгляд на суровую, первозданную природу и быстро наступающие сумерки стирают отдельные детали храма. Только верх шатра с венчающей его главкой, украшенный внизу «ощетинившимся» воротником из пик, светится, точно грани отшлифованного алмаза. А низ церкви уже потемнел, и стены приобрели темно-серебристый холодноватый оттенок. Только на седых бревнах сруба кое-где еще тревожно мерцают искорки от выступившей смолы, храня воспоминание об ушедшей эпохе. В это время удивительно тон-

ким настроением и затаенной грустью веет от всего сооружения.

Когда наступает зима и холодные ветры с Ледовитого океана несут белое покрывало на застывшую землю и все кругом замирает, готовясь к лютым морозам, храм приобретает особое очарование. На фоне потемневших скал, мрачных и неприступных, этот древний памятник выделяется своим силуэтом, еще больше подчеркнутым белизной снега, примостившегося на его верхних частях: полицах, крыше, бочке и главках.

В непосредственных, иногда немного наивных сооружениях далекой Сибири чувствуется живая трепетная рука мастера, любовно и с вдохновением создающего шедевры русского плотничного искусства, исконно народного и правдивого. При взгляде на Зашиверскую церковь невольно приходят на память древние сибирские остроги — Якутский, Братский, Илимский и другие, построенные раньше Спасской церкви, где с исключительной простотой и лаконизмом выявлены большая выразительность и монументальность этих сооружений. Остроги не сохранились, но по их остаткам в виде сторожевых башен можно судить об архитектурных приемах, бытовавших в то время в острожном зодчестве. При всей простоте башен они были нарядными, красивыми отчасти благодаря крышам с пиками на концах, выступающими далеко от стены. Строители Зашиверской церкви отлично знали архитектурно-конструктивные и художественные приемы своих предшественников и умели разумно использовать все то, что представляло практический и архитектурный интерес. Это касалось не только внешнего вида интерьеров, но и планировки.

Главное помещение — собственно церковь — было по площади меньше трапезной и имело размеры в плане 5,30 X 4,35 м. Это было закономерпо в связи с практическим значением трапезной, где обычно было больше народа, чем в самой церкви. Уменьшение размеров главного помещения осуществлялось за счет сокращения поперечных размеров церкви с южной стороны на 80 см. При такой структуре плана редко встречающееся асимметричное расположение алтаря по отношению к кафоликону (помещению для молящихся) было симметрично к общей композиционной оси всего сооружения, проходящей через центр основного входа и среднее окно апсиды, что сообщало определенное

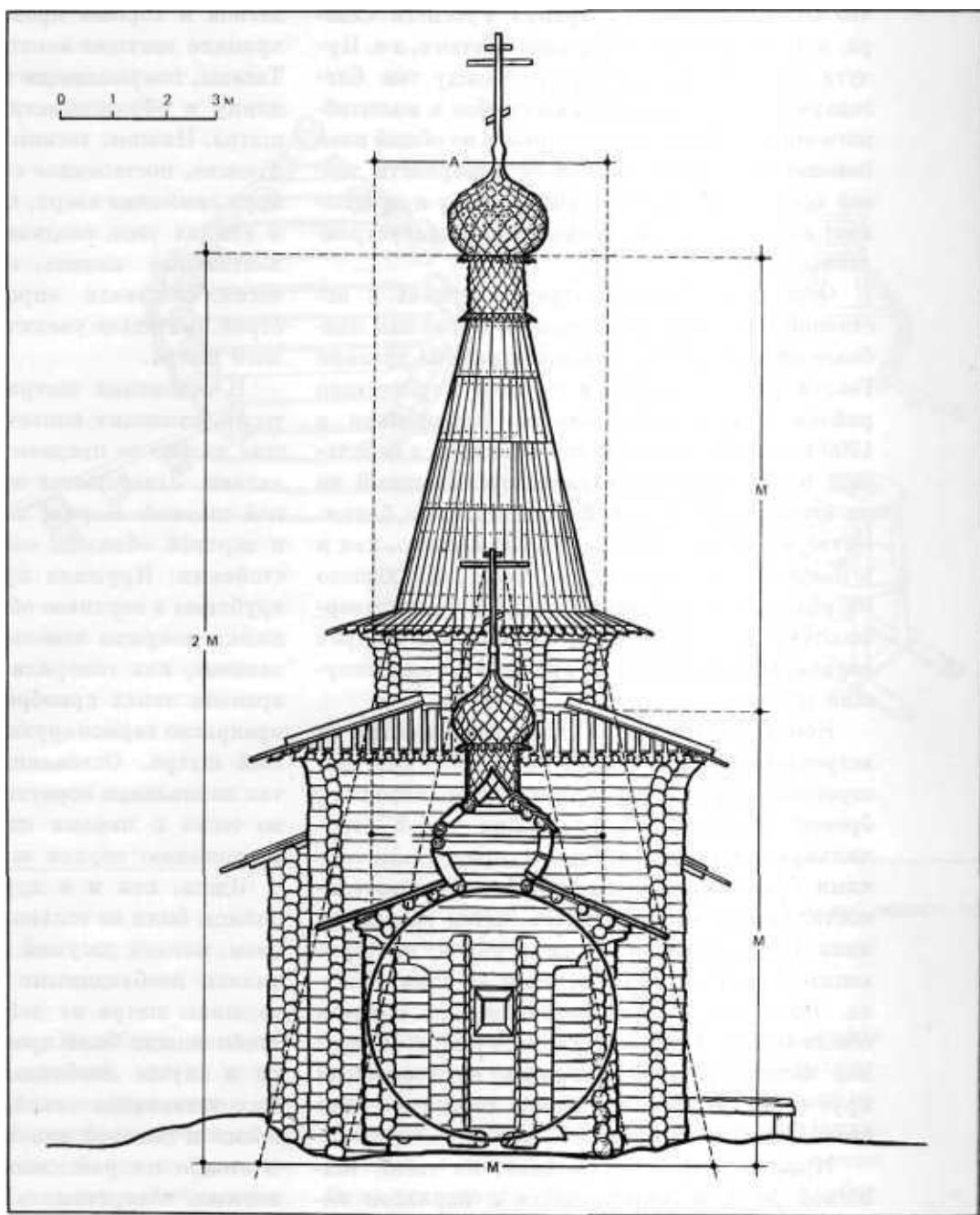

Продольный разрез здания Зашиверской церкви. Выполнен участниками экспедиции 1969 г.

своеобразие объемно-пространственному решению интерьеров. Настоящий прием планировки был вызван утилитарными соображениями, а именно стремлением создать большую площадь с этой стороны в собственно церкви, где был устроен вход с галереи.

В общей компоновке объемов Зашиверской церкви учтен и использован предшествующий

опыт строительства подобных сооружений Русского Севера, ставший классическим в деревянном зодчестве. Главный, центральный объем церкви имеет два яруса: нижний — высокий четверик и верхний — небольших размеров восьмерик, увенчанный шатром. Таким образом, эта часть церкви была основным композиционным ядром, объединяющим все сооруже-

Пропорциональный анализ восточного фасада Зашивертской церкви. Выполнен Е. А. Ащепковым

ние в единое целое. Четверик, являющийся главным помещением — собственно церковью, представляет собой объем не в виде нижнего яруса башни, а как самостоятельный, крытый четырехскатной крышей, покоящейся на пова-лах, образуемых четырьмя верхними венцами сруба, значительный выпуск которых за пре-делы стены обеспечивал конструктивную осно-

ву для большего выдвижения тесовой кровли, защищающей стены от дождя.

Восьмерик небольших размеров поставлен на нижний объем, его стены не являются продолжением стен нижнего яруса — четверика, и тем самым в общей композиции центральной башенной части нет той органической кон-структивной связи восьмерика с четвериком,

что часто встречается в храмах Русского Севера, как, например, в Верхнем Устюге, в с. Пучуга, Малой Немнюге и др. Между тем благодаря удачным пропорциям срубов и масштабного шатра Зашиверская церковь по общей компоновке отдельных масс и соразмерности частей производит хорошее впечатление и привлекает внимание своей стройностью и целеустремленностью.

Особенно красиво смотрится церковь с восточной стороны, где ярусность выражена наиболее ярко. Подобным образом решена древняя Георгиевская церковь в с. Поча Тарногского района Вологодской области, построенная в 1700 г., особенностью которой является небольшой поперечник восьмерика, поставленный не на стены четверика, а на специальные балки. Четверик имеет четырехскатную кровлю, как и в Зашиверской церкви, где стены небольшого по размерам восьмерика высотой 1,74 см завершаются также повалами, состоящими из трех венцов, образующих раструб восьмерика, несущий шатер.

Конструкция шатра довольно простая и встречается в памятниках подобного типа, построенных в различное время. Восемь коренных бревен шатра, представляющих собой стропильную систему, связаны по горизонтали тонкими бревнами в определенной последовательности: внизу — одна обвязка, затем на расстоянии 1 м — обвязка из двух рядов, повторяющихся выше, через 1 м, затем — одна обвязка. Подобная система чередующихся обвязок обеспечивала жесткость каркасу шатра. В верхней части стропила крепились в деревянный круг с квадратным вырезом в середине — для столба, несущего крест.

Крыша шатра однослойная, из тесин толщиной до 3 см, скрепленных с каркасом коваными железными гвоздями. Соединение верхних рядов тесин с нижними было не «внахлестку», как обычно, а «впритык», что способствовало хорошему проветриванию шатра. С внутренней стороны в вертикальные щели между тесинами были уложены тонкие щепы. На первый взгляд очень простая, даже примитивная конструкция шатра была выбрана не случайно. Зодчие прекрасно понимали, что от завершения постройки, ее крыши зависит долговечность здания.

Учитывая климатические условия, частые дожди и сильные ветры, крышу соорудили

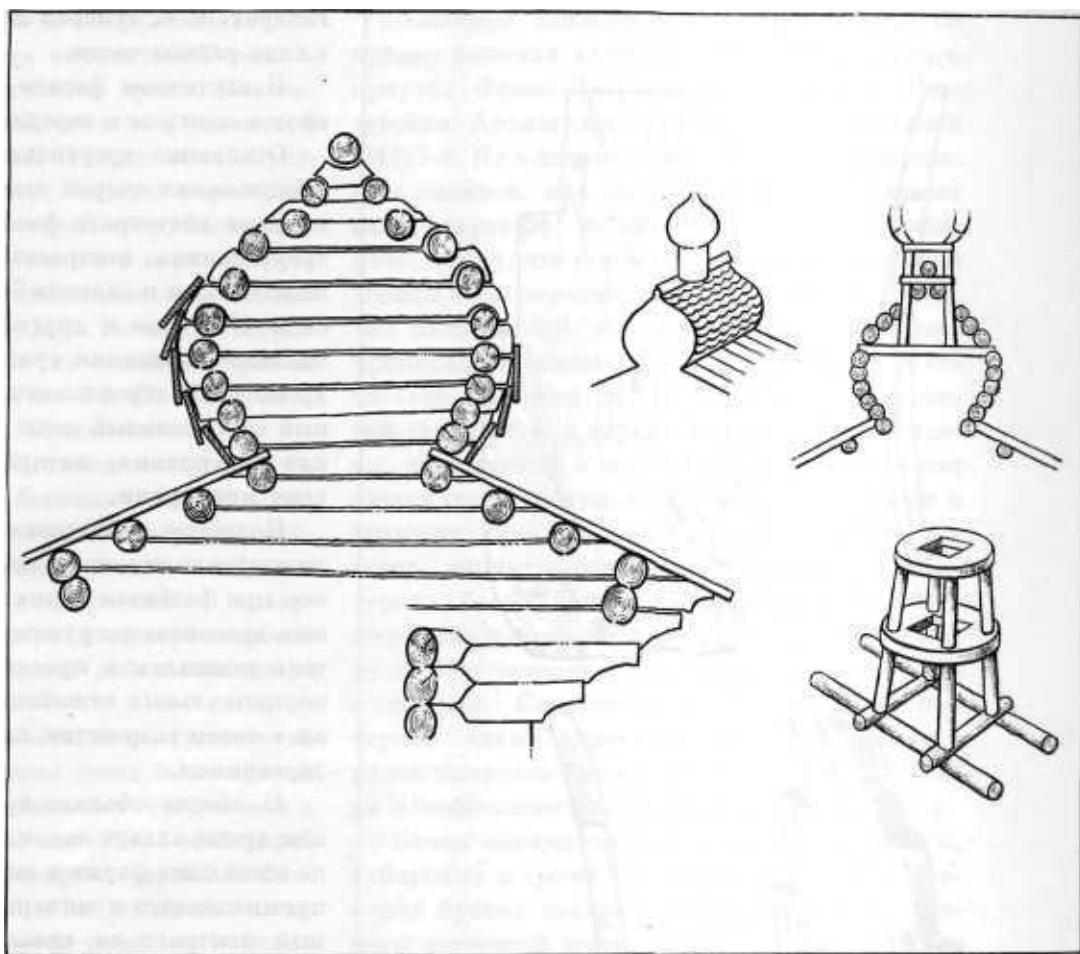
легкой и хорошо проветриваемой, что предохраняло несущие конструкции от загнивания. Тесины, покрывающие шатер, имели различную длину и образовывали четыре ряда по высоте шатра. Нижние тесины были длиннее, чем следующие, постепенное сокращение их длины, по мере движения вверх, хорошо просматривалось в стыках теса, соединенного «впритык». Горизонтальные кольца, образуемые соединением тесин, создавали определенный ритмический строй, зрительно увеличивающий размеры стройного шатра.

В основании шатра устроена «полица» из тесин, имеющих копьевидные концы, вылетающие далеко за пределы стены восьмерика с повалами. Завершается шатер шейкой с луковичной главкой. Каркас шейки состоял из нижней и верхней обвязок, соединенных между собой стойками. Кружала луковичной главки были врублены в верхнюю обвязку шейки. Главка и шейка покрыты лемехом — «чешуйчатым обшиванием», как говорили в старину. С течением времени лемех приобрел серебристый оттенок, прекрасно гармонирующий с серой тесовой крышей шатра. Основания шейки главки имели так называемые воротники полицы, устроенные из тесин с пиками на концах, что сообщало завершению церкви живописный вид.

Здесь, как и в других элементах церкви, полицы были не только декоративным украшением, плодом досужей фантазии зодчего, а являлись необходимыми для защиты шейки и вершины шатра от действия дождя. Для того чтобы можно было проникнуть к вершине шатра в случае необходимого ремонта, в центре был установлен столб, являющийся в то же время и основой для креста, обитого жостью. В столбе на расстоянии 80 см друг от друга имелись отверстия, в которые были закреплены в горизонтальном положении небольшие палочки — «ступени вертикальной лестницы» — для подъема в верхнюю часть шатра.

Как отмечалось выше, окна четверика собственно церкви были только с южной стороны. Конструктивное устройство такое же, как и в трапезной. Размещение окон на фасаде главного объема имело своеобразный характер, встречающийся довольно редко в подобного рода сооружениях.

Внизу, на одном уровне с окнами трапезной, в центре четверика было два спаренных посредством импоста небольших окна, сверху над ни-

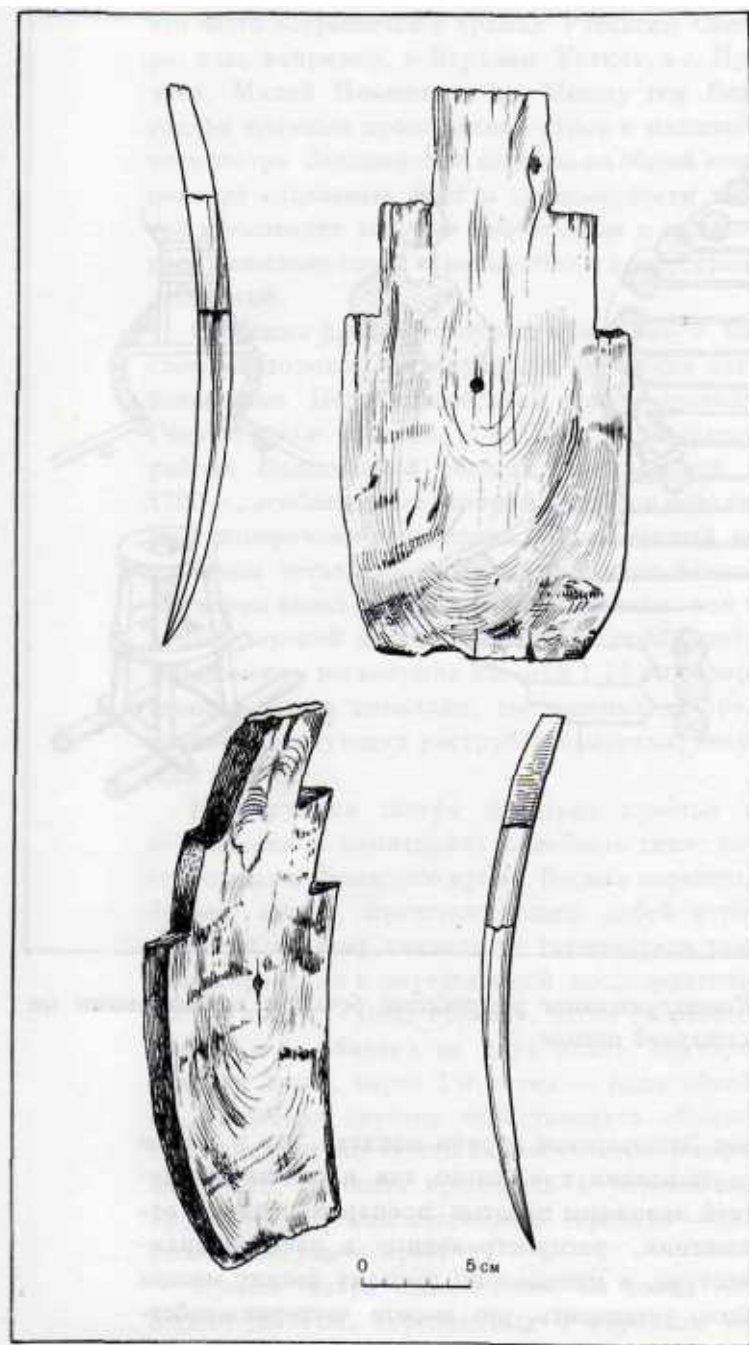
Конструктивное устройство бочки и шейки главки на алтарной апсиде

ми размещено одно окно. Подобную композицию можно заметить в древней, теперь исчезнувшей, Никольской церкви в Деревянном погосте б. Олонецкой губернии, построенной в 1683 г., т. е. по времени, близкому к годам строительства Спасской церкви в Зашиверске, Никольской церкви в с. Шуерецком Кемского района Карело-Финской АССР, построенной в 1595 г. (?)

Композиционный прием расположения окон и их число восходят к истокам развития шатровых храмов, большинство из которых исчезло с лица земли. Спасская церковь, также имеющая солидный возраст, как бы перекидывает мост в более ранние века и позволяет судить о прежнем строительстве и разумных конструктивных и архитектурно-композиционных приемах наших далеких предков. Произведенный анализ гармонии построения пропорций фаса-

дов Зашиверской церкви показал, что в основе соотношения как целого, так и отдельных частей заложены простые пропорциональные отношения, распространенные в русской архитектуре, а именно: по южному фасаду можно было установить, что высота четверика собственно церкви равна диагонали квадрата, построенного на размерах основания четверика церкви. Здесь мы имеем распространенные в русской архитектуре пропорциональные отношения $1 : 1,42$ (отношение стороны квадрата к его диагонали).

Те же пропорциональные соотношения сторон можно было наблюдать и в трапезной, где длина трапезной равна диагонали квадрата высоты трапезной на южной фасадной стороне. Высота шатра с шейкой равна высоте трапезной до охлупня. Высота восьмерика равна $1/3$ высоты шатра. Высота шатра с восьмериком

Лемех главки и шейки шатра Зашиверской церкви. Показаны продольные разрезы лемеха

равна высоте трапезной до охлупня. Вся церковь по длине и высоте вписывается в окружность с центром у основания восьмерика (с левой стороны). Основание треугольника построено на продолжении сторон шатра до земли, равно $\frac{1}{3}$ высоты всей церкви до главки.

В западном фасаде в трапезную вписывается круг с центром в месте примыкания крыши

галереи, т. е. галерея делила фасад трапезной на две равные части.

В восточном фасаде апсида вписывается в круг с центром в середине восточного окна.

Основание треугольника, построенного на продолжении сторон шатра, равно ширине основания восточного фасада церкви. Основание треугольника, построенного с верха креста по касательным к главкам бочки, равно ширине апсиды. Эти, как и другие, простые пропорциональные отношения вряд ли были заранее предусмотрены строителями. Верный глаз, огромный строительный опыт позволили создать такие сооружения, которые имеют в основе простые пропорции.

Подобное пропорциональное отношение было издревле известно зодчим как наиболее удобное при разбивке здания и устройстве отдельных элементов сооружения. Вместе с тем строители понимали и красоту таких простых пропорциональных отношений и широко применяли в своем творчестве, как в каменном, так и в деревянном.

В общем объемно-пространственном решении храма алтарь занимает особое место. Прежде всего сама форма в виде пятистенного сруба, примыкающего к четверику, создает определенный контраст со спокойным решением двух других объемов: трапезной и собственно церкви. Живописность, присущая пятистенному срубу с небольшими окнами по трем сторонам, не находится в противоречии с общим решением, где масштабным модулем всего сооружения является бревно, соразмерно чему решены и другие части церкви.

Помещение алтаря имело небольшую высоту, как это было принято обычно в деревянных церквях, между тем общий объем алтаря имел значительные размеры по высоте. Конек бочки находился на одном уровне с охлупнем трапезной, тем самым уравнивал общую объемную композицию и как бы поддерживал с восточной стороны центральную башню собственно церкви.

Динамичная структура элементов алтаря — пятигранный сруб, бочка с большими полицами, завершенная шейкой и «маковкой», — была достаточно активным архитектурным средством, значительно обогащающим объемно-пространственное решение церкви и сообщающим ей особую, неповторимую оригинальную живописность. В устройстве алтаря был применен прием,

обычный в подобного рода сооружениях. Алтарь отделялся от храма капитальной стеной, не сохранившейся в настоящее время. Некоторые сведения об ее устройстве есть в указанной выше «Метрике» Спасской церкви: «Особо устроенного иконостаса нет; алтарь отделяется капитальной стеной, в которой прорублены ворота и одна дверь: простенки же в первом ярусе покрыты иконами, написанными на особых досках. Царские ворота из двух дельных створок без резьбы, из которых на одной изображен св. Василий Великий, а на 2-й Св. Иоан Златоуст. Над ними икона Благовещения.

Иконы Саваофа с ангелами по бокам.

По обеим сторонам боковые косяки имеют вид столбцов: вверху створцы устроены зубчатыми городками, которые входят в подзоры вверху прикрепленной над воротами. В алтарной стене были две двери в центре царские ворота и с северной стороны небольшая дверь для причта»²⁸.

Как следует из этого описания, существующая в свое время алтарная стена была оформлена скромными декоративными средствами и не выделялась из общего интерьера всей церкви. Пятистенный сруб алтаря завершался бочкой. Устройство бочечного покрытия над пятигранным срубом встречается довольно редко в русской архитектуре и относится к древнему периоду. Обычно бочкой перекрывались прямоугольные объемы, как, например, в церкви Успенья в Кондопоге, церкви в Белослудском погосте, в Кокшенге и др.

Пятистенные алтари перекрывались иногда двускатными крышами или бочками, причем такой прием перекрытия многогранного объема был не конструктивным, а искусственным. В данном случае верхние венцы пятигранного сруба приходилось приводить к прямоугольному контуру, что достигалось выпуском верхних венцов северной и юго-восточной стен апсиды до их пересечения. Подобным образом перекрыты пятигранные апсиды двухапсидной Троицкой церкви Елгомского погоста Архангельской области, построенной в 1714 г., но здесь бочка не увенчана главкой так же, как и в церкви с. Поча, построенной в 1700 г.

В этих сооружениях характерным является бочечное покрытие с полицами, покоящимися на выпусках верхних венцов стен, образующих основу для устройства большого выноса полиц с северной и южной сторон объема.

Наиболее близким к Спасской церкви по приему решения является покрытие алтарного прируба Фроло-Лавровской церкви в с. Ростовском Архангельской области, построенной в 1755 г. Но в данном случае бочка не завершается главкой, и в связи с этим апсида имеет иной характер, нежели в Спасской церкви. Естественно, что такое перекрытие пятистенной апсиды было нерациональным и более сложным, чем пятискатной кровлей, поэтому последнее применялось значительно чаще других, как это сделано в церкви посада Курвыша б. Олонецкой губернии и в церкви Рождества Богородицы, построенной в конце XVII в. Внешний вид пятискатного покрытия был малоинтересным с архитектурной стороны. Несомненно, что бочечное покрытие было выразительнее. Скульптурная форма бочки, увенчанная маковкой с широкими полицами, сообщала восточному фасаду особую остроту и прекрасно гармонировала с шатром. Стройность фасада Запшверской церкви также подчеркивалась вертикальным рядом выпусков бревен восточной стены апсиды с небольшим квадратным окном в центре.

Бочка апсиды церкви устроена из бревен, рубленных в «реж», т.е. через одно бревно. Боковые бревна значительно выступают за пределы восточной стены, образуя таким образом свес крыши с этой стороны. Полипы также покоятся на бревнах-кронштейнах, образуемых на выпусках восточной стены. Торцы бревен или слег, формирующие бочку, были обшиты причелинами, частично сохранившимися до настоящего времени.

Бочка завершалась шейкой с маковкой, устроенной на своеобразной стропильной системе и кружалах. Четыре стойки шейки были врезаны в бочку и опирались на два горизонтальных бревна. Подобная конструкция обеспечивала прочность как самой бочки, так и шейки.

Устройство главки было такое же, как и главки шатра. Покрытие главки и шейки осуществлялось лемехом. На главке лемех имел гнутую форму (по очертанию изгиба главки), которая выполнялась путем вырубki топором криволинейного очертания лемеха в виде корытца. Размеры лемеха были различными в зависимости от характера формы главки и ее величины: чем больше главка, тем крупнее лемех. Размер среднего лемеха главки апсиды: длина — 29 см, ширина — 15, стрела изгиба — 1,5 см. Изготовление лемеха и покры-

тие им криволинейных объемов были очень трудоемкой работой. Но строителей это не смущало. Понимая красоту «чешуйчатого обивания», они не считались с затратами труда и временем на изготовление мелких деталей. Покрытие лемехом при всей простоте и лаконизме общего вида сооружения сообщало ему особую привлекательность и неповторимую красоту.

Наряду с этим лемех хорошо защищал конструкции шеек и главок, наиболее сложных элементов деревянных церквей. Интересно отметить, что лемехи шейки и главки делались с таким расчетом, чтобы южная (выпуклая) сторона годичных колец дерева приходилась внутрь обиваемой поверхности (шейки и главки). Лемех от времени коробился во внутреннюю сторону и как бы охватывал криволинейные поверхности, в то время как нижний тес на крыше церкви и трапезной укладывался выпуклой стороной годичных колец вверх, образуя тем самым со временем желобок, по которому стекала вода с крыши.

Из истории деревянной архитектуры известны церкви, где покрывались лемехами не только шейки и главка, но и весь шатер. Такими были Никольская церковь в с. Панилово Архангельской области (1600 г.), Ильинская церковь в Выйском погосте Архангельской области (1600 г.), Георгиевская церковь в с. Вершина той же области (1672 г.), Богородицкая церковь в с. Верховье Вологодской области (XVII в.), Михайло-Архангельская церковь на погосте Юромско-Великодворском Архангельской области (1685 г.) и др.

Крепился лемех на деревянную обрешетку по кружалу, образующему форму маковки. Каждый верхний лемех перекрывал нижележащий и прибывался одним кованым гвоздем прямоугольного сечения, забитым в центре лемеха. В основании главки, на шейке, были устроены «полицы» в виде «воротника» из дощечек с заостренными концами. Кровля боч-

ки состояла из 13 рядов тесин, уложенных в нахлест одна на другую, тесины имели снизу закругления (по десять в ряду). Размеры закруглений соответствовали масштабам лемеха на шейке и главке. Подобный прием устройства крыши бочки в виде «чешуйчатого обивания» сочетался с завершением алтаря. Здесь, как и в других элементах сооружения, обнаружились большой вкус строителей и чувство масштаба как целого, так и отдельных деталей.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что обнаруженные остатки города Зашиверска представляют исключительный интерес как с точки зрения исторической, археологической, так и архитектурно-художественной. Особенно важна для истории деревянного зодчества Спасская церковь, чудом сохранившаяся до наших дней в своем изначальном виде. На этом памятнике — образце традиционных русских церквей XVII—XVIII вв. — можно проследить основные черты в творчестве русских плотников далекого прошлого, где задачи конструктивные и художественные решались одновременно. В нем обнаруживается преемственность сибирских зодчих со строителями Русского Севера, и наряду с этим Спасская церковь имеет свои специфические особенности, появившиеся в результате разумного учета природно-климатических условий Заполярья. Неоценимым является также его значение для реставрации многих произведений подобного типа, сохранившихся на Руси.

В 1970 г. правительство Якутской АССР, учитывая огромную ценность этого уникального памятника и в целях его сохранения, преподнесло его в качестве дара Сибирскому отделению АН СССР. В 1971 г. Спасо-Зашиверская церковь была разобрана и доставлена в Академгородок-на-Оби (под Новосибирском). Эта древнерусская церковь является одним из главных экспонатов музея под открытым небом который создается в Сибирском отделении Академии наук СССР.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В ЗАШИВЕРСКЕ (1969—1971 гг.)

Раскопки на месте бывшего острога были начаты и производились в 1969 г. А. П. Окладниковым и его сотрудниками (см. рисунки находок на с. 426, 127).

Место, где стояли когда-то амбары, дома и стены острога, поросло деревьями. Низины заболотились, поросли мхом и ягелем.

Раскопки велись в направлении обеих сторон от сохранившейся, но полуразрушенной и вросшей в землю надвратной колокольни, где и обнаружили нижние венцы острожной стены, которая состояла из двух параллельных рядов бревен, образующих наружные и внутренние стены, соединенные между собой перпендикулярными к ним поперечными стенами.

Толщина стен была около 2 м, бревен в стенах — до 25 см. В 26 м от колокольни обнаружен пол, устроенный из бревенчатого наката, как видно, угловой башни острога, имеющей в плане размеры 5,8 X 1,35 м. В этом месте найдены стеклянные бусы, голубой и белый «одекуй», медная пряжка, медные монеты 1705, 1763, 1766, 1767 гг. (с. 127, рис. 4).

Длина северной стены с башнями равнялась 38 м.

В раскопках между сохранившейся колокольней и угловой башней зафиксирована стратегия почвы по разрезу, повествующая о двух пожарах и наводнении.

В 15 м от колокольни на наружной стене острога обнаружена, видимо, косторезная мастерская, точнее, ее отбросы.

В квадрате (В — 8) найдена скульптура (заготовка) из бивня мамонта длиной 21 см и шириной 6 см в самых широких местах и 3 см у основания и шейки, толщиной 6 см. Скульптурка эта («идол») находилась на глубине 35 см в мерзлоте. В предыдущем, верхнем, слое, состоящем из земли со щепой, в квадрате А — 7 на глубине 20 см найдены: железный нож без рукоятки и два куса слюды, в квадрате А — 6 — три каменных скребла; два из них из гальки со следами обработки, а третье — овальное. Орудия эти были на глубине 30 см, там же найдены кости оленя (колотые).

В квадрате А — 5 обнаружены два каменных скребла, заготовка для наконечника стрелы из бивня; в квадратах Б — 5 и В — 5 на

глубине 20 см — пластины, нарезанные из мамонтового бивня, длиной 8 см, шириной 4, 6, 8 см, толщиной 2 см; в квадратах А — 6, Б — 6, А — 7 на глубине 19 см — заготовки каких-то изделий диаметром 18 см, толщиной 6, 8 см, пластины из бивня; в квадрате В — 9, Г — 9 — челюсть лошади; в квадрате А — 4 на глубине 30 см найдены челюсть и ребра оленя, а также колотая кость.

Квадрат А — 4 на глубине 20 см дал уникальную находку: маленькую шахматную фигурку из бивня мамонта (с. 127, рис. 2).

В квадратах Б — 4, В — 4 найдены скребок каменный, заготовка из бивня ромбической формы — длиной 7,8 см, шириной 1 см и толщиной 0,7 см, а также клыки медведя. Все это было на глубине 20 см.

В квадрате Г — 4 на глубине 18 см обнаружены медная монета 1705 г., а также заготовки из бивня мамонта; под бревнами острожной стены, в квадрате Г — 3 — обгоревший костяной наконечник стрелы; в квадрате Б — 3 на глубине 30 см — небольшие свертки бересты и колотые кости оленя.

В 1971 г. второй экспедицией Института истории, филологии и философии СО АН СССР к 20 июня была завершена разборка Спасской церкви. В июле того же года М. И. Угриным с отрядом в 6 человек (рабочими Индигирского пароходства) была продолжена расчистка раскопа 1969 г., а также осуществлены дальнейшие раскопки на территории острога.

В 1971 г. в результате зачистки и дополнительных раскопок территории острога выявлено следующее: длина стен острога равнялась 46 м, ширина 38 м. При зачистке и дополнительных раскопках была принята квадратная сетка на территорию, на которой находился острог: вся территория острога была разбита на квадраты, размер всей сетки квадратов составлял 50 X 43 м.

Южная острожная стена включала в себя сохранившуюся Спасскую деревянную церковь. При разборке церкви и раскопках нижних венцов фундаментов выявилось, что план церкви несимметричен.

Центральная часть церкви сдвинута на север от продольной оси, благодаря чему северная

стена слилась со стеной трапезной, образуя, таким образом, одну продольную стену.

Трапезная имела большие размеры, нежели собственно церковь, и как бы сместилась к югу.

Фундамент здания церкви был устроен следующим образом: на глубину 90 см был вырыт котлован.

Затем на мерзлоту укладывали мох; сверху пего — слой мелкой щепы, на которую укладывали специально обугленные для долговечности бревна — основание церкви, которые засыпали с двух сторон илистым песком.

С внутренней и наружной сторон были устроены завалипки. Глинобитная печь в трапезной была положена на верхний пол. Тепло печи не проникало внутрь фундамента.

В центре алтаря под фундаментом на глубине в 90 см обнаружен обложенный камнями деревянный восьмиконечный крест размерами 70 X 70 см. А с южной стороны в 40 см от алтарной стены в квадрате 28—30 X 45 на глубине в 00 см найдена завернутая в кору лиственницы и обложенная камнями шкурка соболя вместе с большим каменным скребком из расколотой пополам гальки.

С южной стороны средней части храма в квадратах 24—27 X 45—47 в 1 м 60 см от венца стены на глубине в 80 см от поверхности в слое илистого песка обнаружено захоронение женщины, здесь также у изголовья тесаного из досок большого гроба длиной 180 см находились еще три маленьких гробика размерами 60 X 28 см тоже из тесаных досочек.

В 10 см от нижнего венца четверика храма на глубине в 80 см в квадратах 45 X 26 обнаружен гробик из долбленной колоды размерами 60 X 30 см. В квадратах 45 X 24—25 в 10 см от нижнего венца четверика храма на глубине в 80 см в слое илистого песка вскрыли долбленный из двух лиственниц гроб размерами 200 X 54 см по форме фигуры человека, т. е. с расширенной частью для головы и плеч. В нем была захоронена девушка с длинными золотистыми волосами, покрытая голубым платком с белыми цветочками. На уровне гроба во втором нижнем венце восточной стены трапезной, у изголовья гроба обнаружена медная монета 1746 г.

В алтарной части храма непосредственно под иолом в слое земли и мусора обнаружены клочки бумаги, костяные иглы, костяной гребешок. Па клочках бумаги заметны следующие слова:

Разборка шатра Спасо-Зашиверской церкви. Завершается разборка нижней части

Начало разборки Спасо-Зашиверской церкви. Сняты крыша и часть досок шатра

Клочок 1.

Реестр. Недоборная падводнаго числа с момских якутов прошлого 1744 году о том значит ...н иже сего.
Зашиверского платежу
Максачаг Максуков, Кучестир
...Батур Калтан

Оборотная сторона клочка 1

Верхоянская

Сак жулак Бултеис Секетебы
Халату Бултаргин Секетебы
Мараехал Сортоc Сортоc бечонхаеборо к — П.
Сакатун Иван Березкин.
Махастыр Моцое Елдилятын
Илькна делюкзановой

Клочок 2

Священнослужителю Алексею Иванову
За престолом
Род Аврама Якушкова поминать
Тихона, Аврама, Василя
Марину, Анну, Анну, Анну, 4, Варвару 4.

Клочок 3

Вручить
ные Алекс
вичу
его ж ...

Оборотная сторона клочка 3

Курдай Щербаков Моклаев Н...
...ни — — соб.
...огорой Щербаков Авко. . . . ин — соб.
...ага. . . . .букин. . . . .соб.
...иса Моикин. . . . .лис. . . . .

С западной стороны церкви обнаружены в квадратах 44 X 7, 45 X 8, 46 X 9, 47 X 10 четыре полусгнивших бревна диаметром в 27 см. Это поворот острожной западной стены. Соединение Спасской церкви с западной стеной острога обнаружить не удалось. Затем раскопаны три нижних венца надвратной колокольни. С обеих сторон к колокольне были пристроены помещения, по-видимому, провиантские и соляные амбары. В этом месте обнаружены куски бересты, стружки, щепы, кусок лыковой веревки.

В квадратах 31—36 X 4—8 сохранился пол обеих пристроек. Пол сделан из половинок бревен диаметром в 24—28 см. Размеры этих пристроек — 3 X 4 м. Дальше за ними расчищены нижние венцы глухой острожной стены с обилием жженого камня.

Продольные нижние венцы этой стены соединены через каждые четыре метра поперечными связями. В 18 м от надвратной колокольни в этой же западной острожной стене в 1969 г. обнаружены шахматная фигурка, костяная заготовка {«идол»}, монеты, наконечники стрел.

В 1971 г. при более глубокой расчистке этих квадратов дополнительно обнаружены скребки каменные, наконечники стрел, обуглившиеся заготовки из бивня мамонта, пластинки из бивня, железный нож с костяной ручкой, медные монеты 1746, 1748 гг., часть рогового гребешка, костяная пуговица в виде гирьки, костяная застежка от собачьей упряжки (с. 126, рис. 1 — 7).

Угол западной и северной стен острога раскапывался вторично на глубину в 90 см. За два последующие года (1970, 1971) мерзлота отступила здесь еще на 90 см.

Раскопками 1971 г. выявлено следующее: под двойным настилом угловой башни в квадратах 4—5 X 2—5 находился настил, вымощенный из массивных бревен лиственницы попеременно с половинками бревен. Под этим настилом раскопаны обугленные и заиленные два венца бревен, лежащие на слое мха. Расположены они в сторону, противоположную настилу угловой башни, вдоль северной стены острога.

У нижних венцов на слое мха обнаружены щепы, куски бересты. Под верхним настилом в гумусном слое найдены голубой, черный и белый «одекуй», кусочки замши, медные монеты 1746, 1748 гг., медная пряжка, две массивные заготовки (пиленный на дольки бивень мамонта длиной 13 см, диаметром 16 см).

К середине северной острожной стены, с берега реки, прослеживается дорога, ведущая к надвратной башне. Следы фундамента этого строения имеют размеры 3 X 4 м. Хорошо сохранился настил пола этих пристроек, сделанный из половинок лиственничных бревен, диаметром 20—24 см, над настилом слой земли толщиной в 17 см, а затем слой ила в 2 см. Нижние венцы фундамента строения лежали на слое мха попеременно со щепой.

В этом месте под настилом найдены заготовки из бивня мамонта, пластинка из кости размерами 7 X 7 см, голубой «одекуй», кусочки фарфора, битое стекло, два костяных гребешка, куски бересты.

Далее от угла северной и восточной стен обнаружены остатки бревен острожной стены.

После разборки алтарной бочки; на переднем плане шейка алтарной главки. Слева алтарная главка, крытая лемехом

Удалось проследить поворот острога, т. е. угол северной и восточной стен острога. Этот угол сейчас сильно заболочен, и бревна нижних венцов стены почти целиком сгнили. Остатков угловой башни здесь не обнаружено.

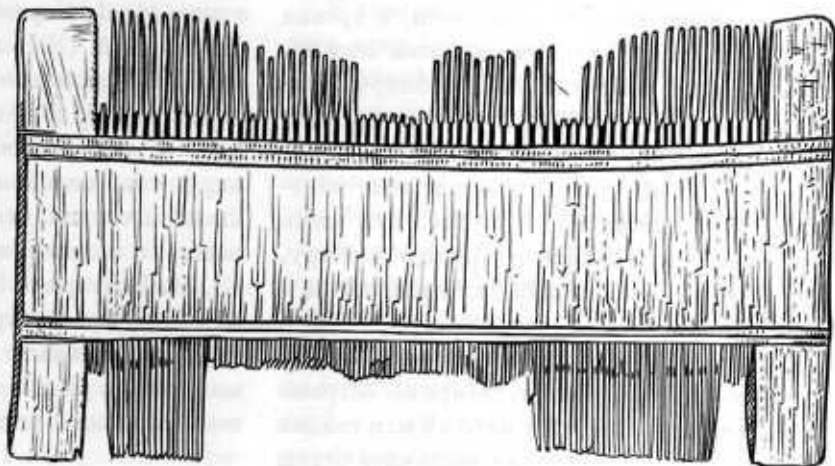
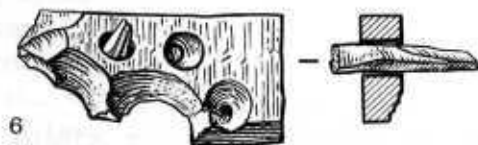
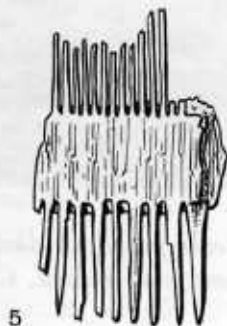
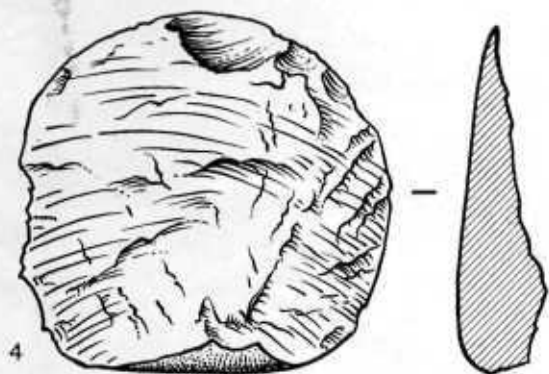
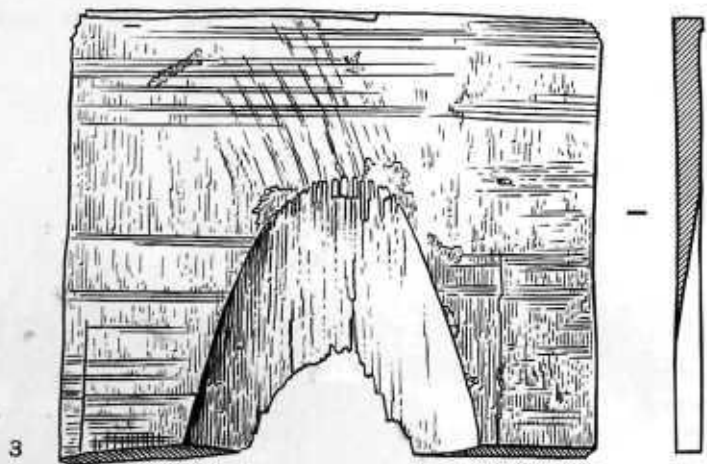
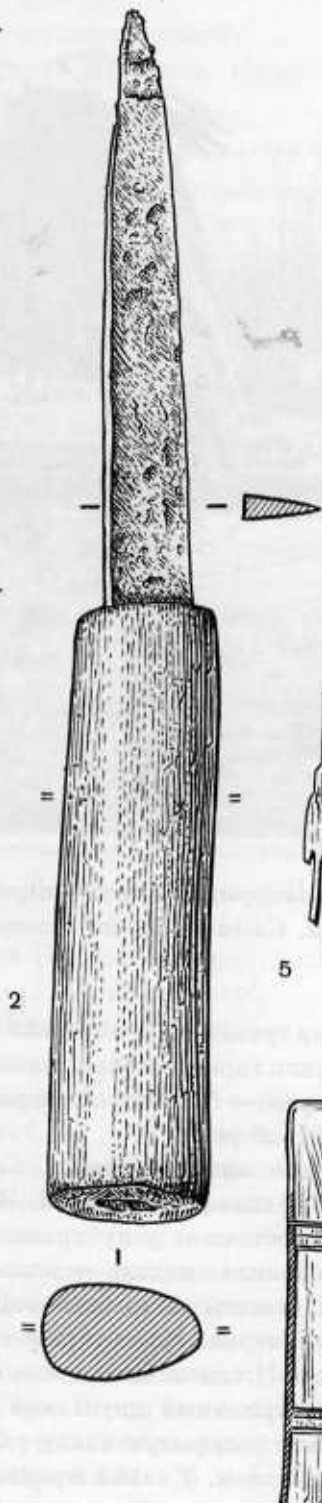
Следы нижних венцов восточной стены прослеживаются лишь частично, по остаткам полусгнивших бревен на углу крепости и по обуглившимся головешкам среди пепла. Эта часть острога была подвержена сильному пожару, судя по мощному слою пепла, жженой глины и жженого камня.

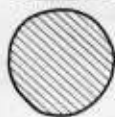
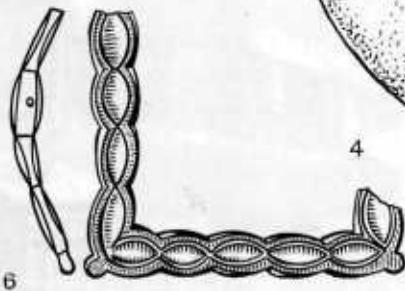
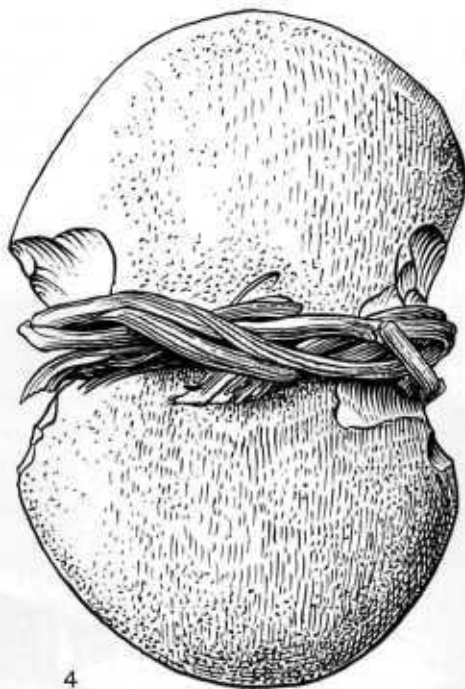
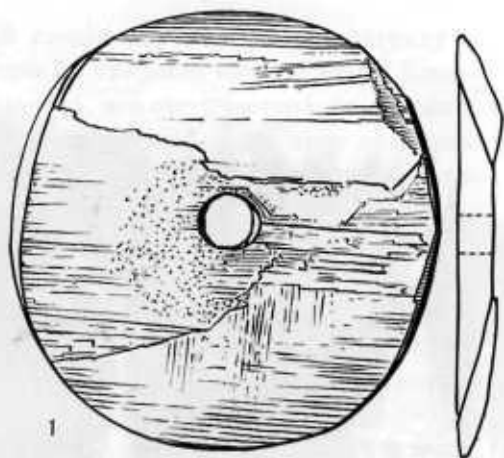
На углу восточной и южной стен не обнаружено следов угловой башни. Ширина острожных стен по всему периметру около 2 м, и только южная стена от алтаря до угла восточной стены имеет ширину в 90 см. В квадрате 12—21 обнаружены остатки полусгнивших бревен, как видно, основания постройки. «При разборке

верхнего потолка трапезной и четверика храма, в пазу, где крепили торцы потолка трапезной,— пишет М. И. Угрин,— был засупут деревянный ритуальный (?) топорик».

«При разборке нижних венцов Спасской церкви в 1971 г.,—сказано в отчете М. И. Угри-па,— в южном восточном углу трапезной обнаружена серебряная медаль — монета. На лицевой стороне монеты отлит барельеф Екатерины II, со скипетром. По ее краю надпись: «Б. М. Екатерина II самод. Всея Рос». Обратная сторона — державный двуглавый орел с коронами. Держит раскрытую книгу с большой цифрой 20. Над орлом, у самой кромки, большая корона, а внизу под орлом дата «1765».

Археологические находки из раскопок в Заши-еерске

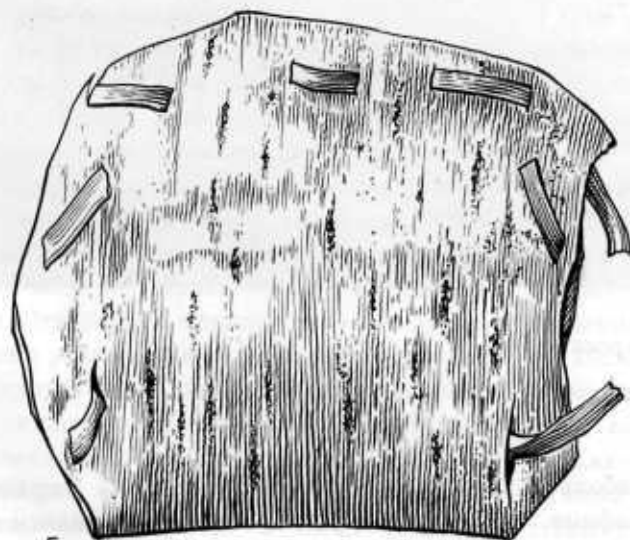

4

6

2

3

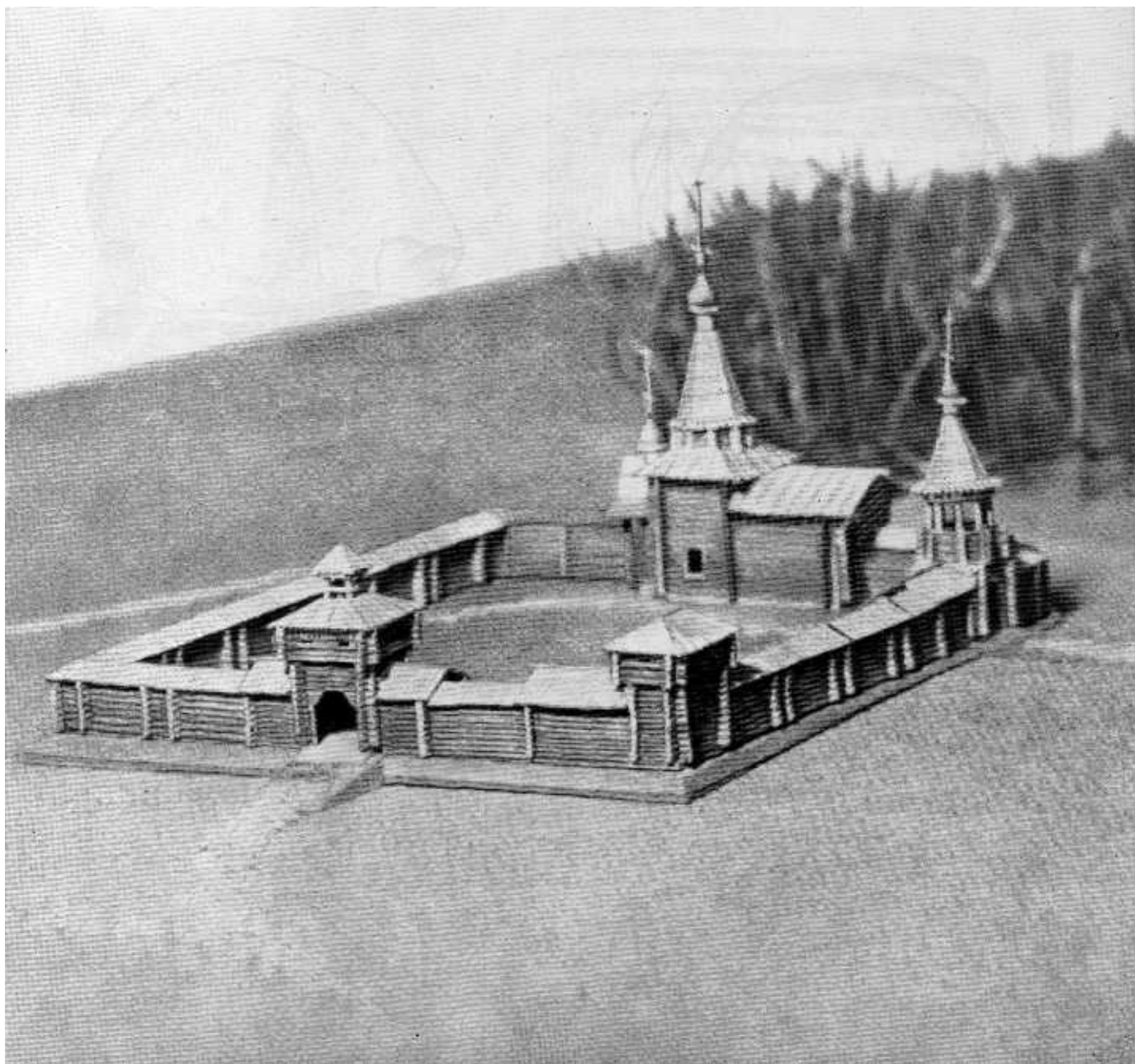

5

7

В таком виде планируется восстановить Зашиверский острог и Спасскую церковь в Академгородке-на-Оби

На кресте шатра церкви находился небольшой литой крест. На нем имеются рельефные изображения распятого Христа и предстоящих (с. 127, рис. 7). Крест этот аналогичен кресту «Дьяка Бородатого», XV в., описанному в выпуске Е1 — 49 «Свода археологических источников» (М., 1971, табл. 66). Заслуживает внимания и такая интересная реликвия, как древняя

хоругвь, переданная ранее из Зашиверска в Абыйскую церковь, а ныне хранящаяся в Якутском республиканском краеведческом музее им. Е. М. Ярославского. Как рассказывают, хоругвь была в 30-е годы найдена на ключе Крестях, где по преданию было срублено дерево для креста Зашиверской Спасской церкви. На хоругви с одной ее стороны изображен

образ Спаса Нерукотворного, на другой — архистратига Михаила, «предводителя небесного воинства».

Военный сюжет хоругви навевал легенду о том, что будто бы это было «боевое знамя Зашиверских казаков», что оно участвовало с ними в Отечественной войне 1812 г. («с этим знаменем ходили на войну 1812 г. с Наполеоном казаки Зашиверска», — пишет М. И. Угрин в своем отчете 1971 г.)

Недалеко от церкви (в северном направлении) стоял столб-коновязь, называемый якутски *сэрге*, около которого были произведены раскопки и обнаружены некоторые предметы, а именно: разбитое блюдо с цветочным орнаментом голубого цвета, свернутые кусочки бересты, битое бутылочное стекло.

Выявленный в результате раскопок план Зашиверского острога отличается от плана, сделанного губернским инженером 9-го класса Турчаниновым в 1798 г., следующим:

1. План церкви по Турчанинову не совпадает по размерам с планом сохранившейся Спасской церкви. По масштабу Турчанинова, данному в саженях, Спасская церковь значительно меньше.

2. Острожные стены по всему периметру были не однорядные, а двойные, о чем можно судить по сохранившимся нижним бревнам стен.

3. Течение р. Индигирки у Турчанинова указано в обратном направлении.

Итак, исследования древнего Зашиверска были начаты в 1969 г. и закончены в 1971 г., как сказано выше, разборкой здания церкви. Оно было разобрано по бревнышку и доставлено в Академгородок-на-Оби Новосибирска. Одновременно, как сказано выше, велись в 1969—1971 гг. раскопки стен древнего Зашиверского острога и, частично, прилегающего к ним пространства. Эти работы явились первыми археологическими раскопками памятников старинной русской культуры на крайнем северо-востоке Азии. До сих пор такие раскопки производились далеко к западу от рек Лены и Индигирки: на острове Фаддея и в заливе Симса у берегов Таймырского полуострова, в «Златокипящей Мангазее», в Илимском остроге. Лишь недавно археологи Сибирского отделения Академии наук СССР занялись остатками знаменитого Албазина. Теперь же в ходе исследования и разборки Спасо-Зашиверской церкви произведены

были, как мы видели, поиски исчезнувших стен и башен древнего города Зашиверска.

Раскопки привели к существенным и важным для реконструкции облика Зашиверского острога выводам.

Найдены стены. Обнаружены полы-настилы башен. В том числе той башни, которая в середине XIX века сохранялась с вырезанными на ее стенах рисунками аманатов. Рисунками, в которых выражена сама душа людей тайги...

Как и следовало ожидать, выяснились неизвестные по письменным источникам следы тех событий, которые происходили после того, как старый русский город в лесотундре запустел. Мы увидели воочию следы пожара, который уничтожил когда-то часть стен острога. Обнаружились также и любопытные бытовые остатки. Это была мастерская костореза, который создавал здесь свои изделия. Шахматная фигурка напомнила о том, что жители затерянного в просторах Арктики русского зимовья, затем — острога и города жили одной духовной жизнью со своей далекой родиной. Они не только и не столько молились Спасу Нерукотворному, сколько занимались практическими делами, в свободное время — играли в шахматы.

Правда, исконная, вечная мерзлота и короткое арктическое лето не позволили завершить раскопки. Не было обнаружено бесспорных признаков жизни людей XVII столетия. Найденные в ходе раскопок русские монеты относятся ко времени короткого, как и северное лето, расцвета нашего древнего города.

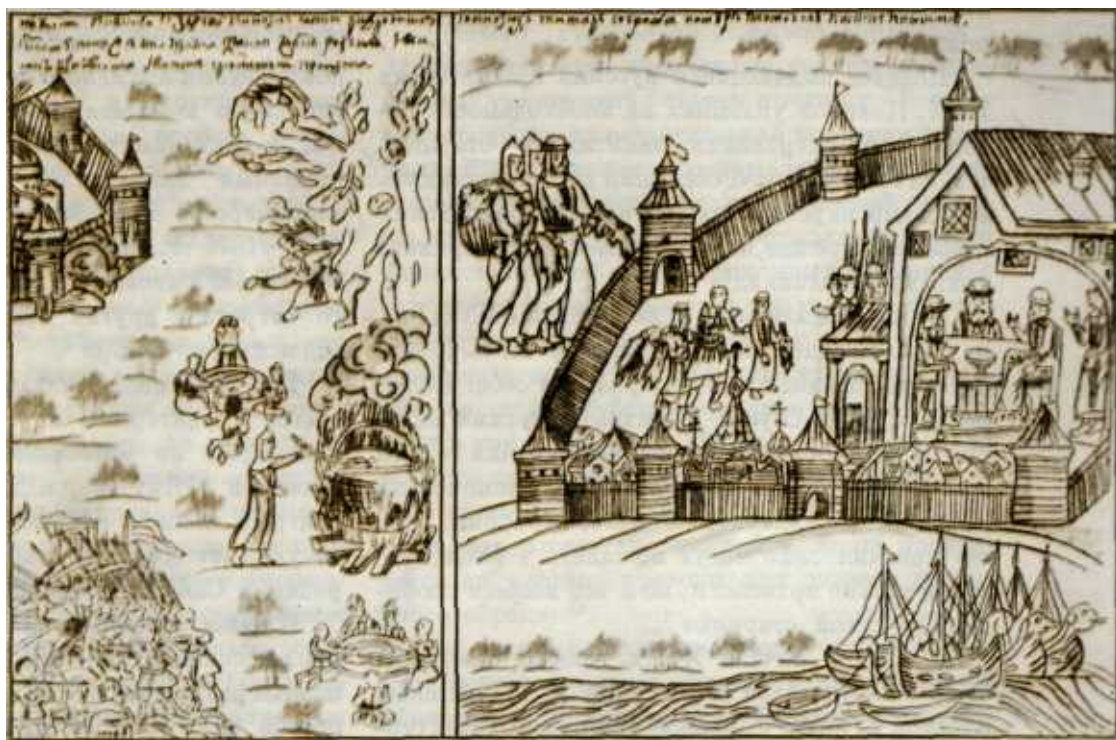
Возможно, культурный слой XVII столетия лежит где-то глубже, а может быть, и на других, не затронутых нашими лопатами участках.

Но и то, что нам удалось вырвать у вечной мерзлоты, взять под торфом и мерзлой щепой, существенно дополняет скудные и отрывочные сведения письменных источников. Будущие же раскопки, которые, несомненно, будут продолжены рано или поздно, ответят на не выясненные нами вопросы.

Таковы общие результаты первых археологических раскопок на месте, где некогда стояли стены и башни древнего заполярного города, где высилась удивительная Спасо-Зашиверская церковь с ее высоким шатром, устремленным в облака, к небу, по которому триста лет тому назад, как и сейчас, в зимние ночи полыхали «юкагирские костры», огни северного сияния.

- ¹ *Брангель Ф. П.* Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. М., 1948, с. 127, 373.
- ² Метрика, составленная 29—31 марта 1888 г. А. Бердниковым на месте в Зашиверско.— Архив Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР. Сборник Археологической комиссии при Министерстве имп. двора, д. 7083 (далее — Метрика).
- ³ *Оглобин Н. Н.* Семен Дежнев (1638—1671). Новые данные и перосмотр старых.— *Журнал Министерства народного просвещения*, 1890, декабрь, СПб., ч. 272.
- ⁴ Метрика, с. 12.
- ⁵ *Биркенгоф А. Д.* Потомки землепроходцев, с. 20.
- ⁶ ЦГА ЯАССР, ф. 244-н, оп. 1, д. 51, л. 11. Заключение специальной комиссии по осмотру Зашиверской церкви, созданной по указанию архиепископа Иркутского, Нерчинского и Якутского Мелетия («Метрика» Зашиверской Спасской церкви).
- ⁷ Метрика.
- ⁸ *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники XVI в.— *Исторические записки*, 1941, т. 10, с. 88; он же. Летописные памятники Синодального (патриаршего) собрания.— Там же, 1942, т. 13, с. 263.
- ⁹ *Ильин М. А.* Собор Василия Блаженного и градостроительство XVI в.— В кн.: Ежегодник Института истории искусств. М., 1952, с. 220, 222.
- ¹⁰ Там же, с. 224—225.
- ¹¹ *Забелло С., Иванов В., Максимов П.* Русское деревянное зодчество, изд. Академии архитектуры. М., 1942, с. 9.
- ¹² *Забелло С., Иванов В., Максимов П.* Русское деревянное зодчество, с. 9.
- ¹³ *Забелло С., Иванов В., Максимов П.* Русское деревянное зодчество, с. 8—9.
- ¹⁴ Историческое исследование памятников русского зодчества.— *Зодчий*, 1873, с. 5.
- ¹⁵ *Султанов Н. В.* Остатки якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества в Сибири.— *Известия имп. Археологической комиссии*, 1907, СПб., вып. 24, с. 89.
- ¹⁶ *Ильин М. А.* Собор Василия Блаженного и градостроительство XVI в., с. 228.
- ¹⁷ *Вороженин Н. Н.* У истоков национального зодчества.— В кн.: Ежегодник Института истории искусств. М., 1952, с. 227.
- ¹⁸ *Султанов Н. В.* Воробьевский дворец.— *Труды Комиссии по сохранению деревянных памятников Московского археологического общества*, т. III, с. 14.
- ¹⁹ *Грабарь И. Э.* История русского искусства. История архитектуры, т. I. Допетровская эпоха. Изд. 1. М., 1903, с. 361.
- ²⁰ Метрика.
- ²¹ *Красовский М.* Курс истории русской архитектуры, ч. I. Деревянное зодчество. М., 1916, с. 137—147.
- ²² В притворе под балкой потолка установлена одна деревянная колонна с простой резьбой.— Метрика.
- ²³ Метрика.
- ²⁴ Метрика.
- ²⁵ *Грабарь И. Э.* История русского искусства, т. I, с. 367.
- ²⁶ *Грабарь И. Э.* История русского искусства, т. I, с. 485.
- ²⁷ *Грабарь И. Э.* История русского искусства, т. I, с. 487—488.
- ²⁸ Метрика.

ИСТОРИЯ ГОРОДА ЗАШИВЕРСКА В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ

убликуемый полный текст «Метрики» Спасо-Зашиверской церкви, описание этого уникального памятника составлены А. Н. Бердниковым. Этот документ имеет важное значение для истории Сибири: в нем зафиксированы данные об уникальном памятнике древнерусского зодчества. Составление «Метрики» свидетельствует о том, что любовь и уважение

к материальным памятникам отечественной истории были неразрывно связаны с прогрессивными тенденциями в общественной жизни, с общественно-политической деятельностью передовых русских людей.

М. В. Ломоносов одним из первых в России проявил заботу о необходимости сохранения и популяризации исторических памятников рус-

ской земли. Еще в 30-е годы XVIII в. он предлагал послать способного живописца в старинные русские города, а именно: Новгород, Тверь, Москву, Переславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Нижний Новгород (ныне г. Горький), Муром, Суздаль, Владимир, Переславль-Рязанский, Чернигов, Киев, Смоленск и Псков, «чтоб имеющихся в церквах изображений государских иконописную и фрескового работою, на стенах или на гробницах состоящих, снять точные копии величиною и подобием, на бумаге водяными красками... А сие учинить бы для того: 1) дабы от съедающего времени отнять лики и память наших владетелей и сохранить для позднейших потомков; 2) чтобы показать и в других государствах российские древности и тщание предков наших, ибо выданные прежде всего в печать родословные грыдованные листы не токмо весьма недостаточны, но и никакого сходства между собою в лицах не имеют»¹. М. В. Ломоносов дважды пытался осуществить

это свое грандиозное мероприятие, но безуспешно.

Позднее выдающийся русский просветитель Н. И. Новиков указывал на необходимость познания и сохранения памятников старины. В 1784 г. он писал: «Россиянин должен вникнуть в древний вкус многих старинных кремлевских строений, прежде нежели станет рассматривать луврскую колоннаду»².

По широте замысла, ясности цели в XVIII в., научное предприятие, задуманное М. В. Ломоносовым, не имело ничего равного себе. Почти полтора века спустя известный русский историк П. Пекарский справедливо отмечал то, что «неисполнение» предложений М. В. Ломоносова вызывает сожаление, и далее говорил, что об этом «на деле могут пожалеть в наше время не только археологи, но и все вообще любители русской старины»³.

В XIX — начале XX в. вообще заметным было скептическое отношение к памятникам русской истории и, прежде всего, к архитектурным. И только в годы Советской власти произошли коренные изменения в отношении к памятникам истории и культуры народов Советского Союза. В интересной и обстоятельно написанной статье А. А. Формозова «Когда и как складывались современные представления о памятниках русской истории» подробно об этом рассказывается. А. А. Формозов пишет: «Сейчас едва ли не каждый знает, что в наших населенных пунктах и в их окрестностях сохранилось немало памятников русской истории. На стенах древних зданий мы видим таблички с указанием, что это памятники архитектуры, охраняющиеся государством. А в краеведческих музеях можно осмотреть оружие, украшения, сосуды, найденные при раскопках древних городов, курганов и городищ. Изображения предметов старины помещены в учебниках...

Но так было не всегда. Еще полтора-два столетия назад вопрос о памятниках русской истории стоял иначе. Многие вообще сомневались в том, что такие памятники существуют. Другие, предполагая, что они есть, не могли сказать, где же именно они находятся. Остатки старины не были ни выявлены, ни учтены, ни описаны; раскопки еще не развернулись; реставрация древних зданий не проводилась, музеев не существовало»⁴. Поэтому большого внимания заслуживает одно мероприятие, частью которого и является Зашиверская «Метрика».

Этими материалами (дело Императорской Археологической комиссии № 246 за 1906 г.), документами архивного дела технического строительного комитета министерства внутренних дел в трех томах, № 287, 1862 г., а также архивным делом хозяйственного департамента министерства внутренних дел, № 607 и № 105, 1877—1879 гг., пользовался Н. В. Султанов при составлении своей книги об остатках Якутского острога и других памятниках деревянного зодчества в Сибири⁵.

Труд Султанова, изданный в 1907 г., открывается характерным по своей направленности эпиграфом из известной книги Н. Щукина: «Поездка в Якутск», изданной в 1844 г. Этот эпиграф гласит: «Корыстолюбивое невежество не уважает остатков старины! Острожки и городки в Сибири постепенно уничтожаются».

И далее следует второй эпиграф, логически продолжающий первый: «Строжайше воспрещается разрушать остатки древних замков, крепостей, памятников и других зданий древности, под ответственностью за нарушение сего губернаторов и местной полиции»⁶.

Острота этих эпиграфов объяснялась тем, что речь шла о судьбе такого уникального образца русской деревянной архитектуры XVII в., каким был Якутский острог с его монументальными башнями и такими же величественными стенами — единственный в России, а вместе с тем и во всем мире.

Автор книги образно назвал Якутскую деревянную крепость «орлиным гнездом». «Конечно, — с горечью пишет Султанов, — если бы остатки эти принадлежали народу более, чем мы, почитающему свое историческое и народное достоинство, как например, англичанам или немцам, над ними выстроили бы стеклянный колпак и гордились бы ими, как свидетелями своей старой славы! А у нас? Власти стремятся во что бы то ни стало уничтожить их, а у города с 7000 жителей, с двумя ярмарками, торгующими в среднем на 2.000.000 руб. в год, с богатыми купцами-обывателями не находится какой-нибудь тысячи рублей, чтобы подвести снизу сгнившие венцы, а сверху сделать тесовую крышу и тем спасти от гибели лучшее свое достояние! Горько за памятник прошлой славы и обидно за современных русских людей! Попытаемся теперь хоть на бумаге удержать для потомства дорогие очертания этих священных и последних остатков древнерусской твердыни»^{7*}.

Слова Султанова о том, что «власти» Якутска стремятся во что бы то ни стало уничтожить древний острог, в сущности, и послужили поводом к созданию монографии об остроге. В ней приведена обширная переписка местных и центральных властей, где говорится не только о бедственном положении остатков «казачьей крепости», но и о том, что она представляет по мнению начальства прямую опасность для обитателей города. Якутский губернатор писал, что по его мнению башни острога «не имеют никакого значения в архитектурном отношении» и всякие реставрационные работы по их сохранности хотя бы путем сооружения простого барьера будут «излишним расходом казны»⁸.

Он почтительнейше «просил разрешения продать на снос находящиеся в Якутске и пришедшие в разрушение четыре старые деревянные башни, а вырученные от продажи деньги обратиться по принадлежности в казну»⁹. Такое ходатайство якутского губернатора полностью поддержал и иркутский генерал-губернатор.

«К счастью,— говорит по этому поводу Султанов,— эти предложения не успели почему-то осуществиться и дело затихло еще на двенадцать лет»¹⁰. Но затем якутский губернатор в 1900 г. снова и с еще большей настойчивостью возбудил ходатайство о ликвидации острожных стен и башен. На этот раз он обратился в Археологическую комиссию. В его представлении говорилось, что город расширился, приблизился к острогу и это грозит многими бедами для города: башни грозят городу не только «своим падением», но и представляют из себя наибольшую опасность в пожарном отношении»¹¹.

При этом в письме губернатора сообщалось, «что башни эти, не будучи ремонтируемы десятки лет, сами собою пришли в состояние развалин и потеряли тот вид древности, ради которого стоило бы их поддерживать, грозят, помимо пожара, опасностью для проходящих, большинство леса расхищено на топливо, а внутри их накопились кучи навоза и мусора, которые служат источником заразы и зловония; у города же нет средств ни поддерживать, ни окарауливать их»¹².

Правда, якутский архиерей Никанор попытался в 1901 г. принять под свое «покровительство» башни и стены острога. Но и у него не оказалось в распоряжении средств для спасения Якутского острога от гибели.

В 1904 г. губернатор вторично обратился в Археологическую комиссию с тем же предложением уничтожить остатки крепости. В ответ на требование Археологической комиссии о том, чтобы были выполнены работы по фотографированию острога и изготовлению чертежей, а также его модели, губернатор предлагал снести башни и продать их строительный материал с аукциона, чтобы возместить расходы по фиксации острожных сооружений.

Модель острога, сделанную из дерева местным мастером, губернатор, правда, все же выслал в комиссию. Но в 1905 г. вновь обратился к Комиссии с прежней просьбой, дополнив ее еще одним аргументом о том, что с наступлением лета эти «ветхие постройки» вновь превратятся «в ночные притоны для разного городского сброда»¹³.

Комиссия в ответ уведомила губернатора, что Якутский острог «является единственным образчиком деревянных крепостных сооружений XVI—XVII вв. не только в России, но и во всей Европе». К этому было добавлено, что «стоящая отдельно на площади башня не должна бы, казалось, мешать устройству сквера и много выиграет, будучи окружена зеленью, наподобие башни Иоанны д'Арк в городе Руане»¹⁴.

На этот раз губернское начальство отвечало просьбой, чтобы Комиссия выделила средства для поддержания острога.

Переписка продолжалась и позже, пока Комиссия не сообщила в Якутск, что готовится ею к печати специальное историческое и техническое исследование об остатках острога, а также и о том, что это исследование будет препровождено министру внутренних дел с просьбой об отпуске средств на поддержание знаменитого памятника.

«На этом переписка пока и оканчивается»,— завершал свой обзор Султанов. В подстрочной же сноске он указывал: «Будем надеяться, что новый якутский губернатор И. И. Крафт, человек просвещенный и сам действительный член имп. С.-П. Археологического института, не даст погибнуть последним остаткам Якутского острога и так или иначе найдет средства к их поддержанию»¹⁵.

Как известно, в настоящее время сохранилась одна башня острога, недавно передвинутая на новое место, в районе б. Архиерейского дома (теперь — здание Якутского краеведческого музея).

Что касается специального исследования остатков Якутского острога, о чем шла речь в письме Археологической комиссии, то оно, очевидно, и было издано Н. В. Султановым.

Нужно сказать, что большая, насыщенная чертежами и рисунками (154 страницы текста, 18 таблиц на превосходной бумаге) единственная в своем роде книга Н. В. Султанова о Якутском остроге, а также о ряде других еще уцелевших к тому времени памятниках древнерусского деревянного зодчества Сибири — Братска, Илимска, Вельска, Среднеколымска, Сунтара, выполняла свое назначение.

Якутский острог исчез, но «на бумаге» он увековечен, и на самом деле увековечен навсегда.

Следует добавить, что памятники деревянного русского зодчества еще до революции нашли почетное место и в многотомной истории русского искусства, изданной под редакцией И. Э. Грабаря. Такова уже не существующая ныне (сгорела в 50-х годах) прекрасная шатровая церковь в с. Знаменка, на притоке р. Лены Илге. Позже, в 1916 г., И. И. Серебрянников опубликовал в Иркутске на средства Географического общества свою монографию, посвященную памятникам старинного деревянного зодчества Иркутской губернии. В ней изданы редкие и, можно сказать, редчайшие фотографии таких замечательных сооружений, как падврат-

ная монументальная церковь в старом русском городе-остроге Киренске, как древние церкви в селе Бирюльском, в Верхоленске, которые автор этих строк мог видеть на своей родине в 30-е годы собственными глазами, в настоящее же время они не существуют.

Однако ни в «Истории русского искусства», ни у Н. В. Султанова, ни даже и И. И. Серебрянникова не говорится о том, что на далекой Индигирке в лесотундре стоит удивительная Спасо-Зашиверская церковь.

Как мы видели, единственная в Северной Азии — от Кижей до Индигирки — шатровая церковь, свидетель трех прошедших столетий сибирской и русской истории, ровесница Петра Первого.

И нужно отдать должное инициативе Академии художеств. Рассылая свои анкеты, она предприняла большое дело по изучению памятников русской народной архитектуры в России. Дело, которое явилось как бы ответом на завещание М. В. Ломоносова. А еще больше — автору Зашиверской «Метрики» Алексею Николаевичу Бердникову, чье тщательное описание Спасо-Зашиверского храма, а также чертежи помогают восстановить неискаженный, первоначальный облик этого драгоценного для истории русской культуры и для истории Сибири памятника.

¹ Общие замечания о путешествиях. — «Покоящийся трудолюбец, периодическое издание, служащее продолжением «Вечерней Зари», 1784, ч. II, с. 128.

² История императорской Академии наук в Петербурге Петра Пекарского, т. 2. СПб., 1873, с. 692.

³ Там же, с. 693.

⁴ *Формозов А. А.* Когда и как складывались современные представления о памятниках русской истории. — «Вопросы истории», 1976, № 10, с. 203.

⁵ *Султанов Н. В.* Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества

в Сибири. — «Известия Имп. Археологической комиссии», 1907, вып. 24, СПб., с. 1.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 30.

⁸ Там же, с. 108.

⁹ Там же, с. 109.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 109—110.

¹² Там же, с. 110.

¹³ Там же, с. 115.

¹⁴ Там же, с. 116—117.

¹⁵ Там же, с. 117.

МЕТРИКА

К отношению Канцелярии
Императорской Академии Художеств
от 29 апреля 1891 г.

Общ. № 1653
Выход.
Жур. 25 апр. 91

В. П. И.
Комиссия по делам
Академ. Художеств
1 марта 1891.
г. Якутск.

В ИМПЕРАТОРСКУЮ АКАДЕМИЮ ХУДОЖЕСТВ

При сем и сим честь препроводить в Академию художеств Метрику Зашиверской Спасской церкви, построенной в 1700 году, с планом и фасадом ея. При сем сие препровождается план и снимок с иконостаса Сантурской Церкви и два рисунка, показывающие наружный вид Нижне-Колымской Спасской церкви.

Священник
ЕВТРОПИЙ ДЬЯКОНОВ

ПРИЧТУ
ЗАШИВЕРСКО-
ИНДИГИРСКОЙ
СПАССКОЙ ЦЕРКВИ

1888 года
Января 24 дня

Благочинный Священник
АЛЕКСЕЙ БЕРДНИКОВ

МЕТРИКА

для получения верных сведений о древне-православных храмов Божиих, зданий
и художественных предметов

ВОПРОСЫ:

ОТВЕТЫ:

ИСТОРИЯ ЦЕРКВЕЙ, МОНАСТЫРЕЙ И ИХ МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ

1. Во имя какого святого монастырь или церковь описывается?

Во имя Нерукотворного образа Господа и Бога Спаса нашего Иисуса Христа — Церковь Зашиверская.

2. Если описывается монастырь, то сколько в нем церквей и других зданий? (Каменные постройки по 1700-й, а деревянные до 1764 года считать отдельно).

Церквей и других зданий нет.

3. Когда церковь основана? Если нет известий документальных, то записать народное предание. Если есть надпись о времени основания церкви на дверях или другом каком месте, то передать ее насколько возможно точно с теми палеографическими особенностями, которые имеются в надписи.

В 1700 году.

4. Какая церковь, каменная или деревянная?

Деревянная.

5. Известен ли Храмосоздатель или главный мастер, строивший церковь или монастырь?

Имени мастера нет в документах, но по преданию таковым был местный житель мещанин гор. Зашиверска Андрей Хабаров.

6. Описываемая церковь находится в городе, селе или на отдельном погосте? Основана она на горе или ровном месте или при каком особом урочище?

Церковь находится на месте упраздненного города Зашиверска — на возвышенном холмистом берегу р. Индигирки (на правом берегу).

7. Если церковь старинная, то нет ли в ней пристроек более поздних; если есть, то какие и когда сделаны?

Один из местных жителей Зашиверска ныне отставной казак Верхоянской Команды Зотик Прокопиев Тарабукин 80 лет передал мне, что когда ему минуло 19 лет, по указанию местного Священника Михаила Григорьева Слепцова были устроены его отцом арки, отделяющие притвор от храма, а что вместо их была глухая стена с 2 окнами, а в середине была решетчатая дверь.

8. Не совершилось ли в описываемой церкви какого события, памятного в Русской истории?

Памятников о каких-либо событиях на месте не сохранилось, но по своему положению острога г. Зашиверск, надо полагать, был местом столкновений казаков с туземцами до и после постройки здесь Храма.

II

НАРУЖНЫЕ ЧАСТИ ЦЕРКВИ

9. Церковь построена разносторонним ли крестом, или квадратная, или столпообразная, как башня, в 6 или 8 гранных сторон? Церковь одноэтажная или двухэтажная? Оба этажа заняты церквями или нижний включает в себе погреб, выходы,

Столпообразная. Как башня — одноэтажная. Ни погребов, ни выходов, ни усыпальниц нет.

усыпальницы со склепами? Как записаны в летописях деревянные церкви? Клетски или вверх — шатровые?

10. Алтарь церкви с 3 полукружиями (выступами) или с 1 полукружием, не состоят ли из граней и скольких?

Алтарь с одним полукружием при 5 граней.

11. Какой размер церкви в высоту, длину и ширину?

В высоту до креста до 7 саж., в длину все здание без галерей 191/4 арш., а с галереей 22 1/4 арш., ширина алтаря 4 1/2 арш., Храма 4 1/2 арш. Измерение в 11 вопросу это произведено с наружной стороны (со стенами) и сделано приблизительно за невозможностью сделать точное измерение.

12. Нет ли уклонений алтаря к Ю или С, как это например замечается в некоторых церквях?

За неимением компаса уклонений не замечено.

13. Церковь построена вся из кирпича или из камня, или только облицована камнем наружная часть, а прочее все из кирпича? Если деревянная, то не имеет ли обшивки тесом и не украшена ли резьбой?

Церковь деревянная без обшивки и резьбы.

14. Стены выложены все сплошную кладкою или середина насыпана бутом и залита известковым раствором? Цемент доложен тонким слоем или толще кирпича? Кирпич тонкий, широкий, квадратный или толстый, тяжеловесный более 18 фунтов, сырой или обожженный? Какие клейма на кирпичах? Стены сохранились в своем первобытном виде или изменены новыми поправками, пристройками и прибавкою упоров (устоев, контрфорсов)? Нет в стенах проходов или пустых мест? Какая связи в стенах — железные или деревянные? В дере-

Стены сохранились в прежнем виде, проходов и пустых мест нет и связей нет. Галерея начинается с юго-западной стороны храма, обходит по северной стороне до Алтаря; устроена на столбах или стойках, забранных досками с прорезными оконцами и внутренними ставнями. Из последних сохранилось только две штуки — на оконцах, видных на фасаде с южной стороны.

вянной церкви не имеется ли обхода вокруг (галереи)? Галереи на столбах, кропштейнах или на особом срубе? Самая галерея из бревен или из стоек, забранных досками, с прорезными окнами и внутренними ставнями?

15. Наружные стены гладкие или испещрены украшениями в виде Шахматов из кирпича или камня? Нет ли на стенах квадратов, вытесанных из камня с гранями или рустиками? По середине церкви не обведен ли пояс (платбант), выделанный из кирпича, в ребро, на угол или из камня? Пояс одинокий, двойной, тройной или широкий с насечкою разных узоров, круглый или с отливом от верха вниз? Есть ли на стенах выдающиеся лопатки, сведенный кверху в три арки, и образующие собою три углубления? Или па углах полуколонки витые или гладкие, спущенный на подполки? Или вместо лопаток приставные Византийские полуколонки с арками, под коими на полуколонках устроены подставки (капители, подпорки)? Между полукружиями алтаря не выставлены ли полуколонки? Между лопатками в углублении не устроены ли балясы (пиместры) вверху и середине, или вверху под арками написаны образа? На восточных полукружиях не помещены ли вверху каймы (фестоны) со спущенными шнурами? Нет ли на стенах резных камней с изображениями людей, зверей, птиц, травчатых узоров? Такие резные камни не выкрашены ли красками? Не вкрашены ли в стенах кафельные (изразцовые) муравленные плиты? Кафли (кахели) одноцветные (белые, синие, желтые) или разноцветные? С изображением людей, птиц (двуглавого орла) или зверей? Изображения наведены красками или выделаны оброчно (рельефно)? Не закрашены ли изразцовые украшения?

Наружные стены сделаны из бревен, тесанных с внутренней стороны храма, со вне же не тесаны а ничем не укреплены.

16. Есть ли карнизы, из какого материала они сделаны и в виде поясков, зубчиков, кружков, четвероугольников и пр.?

Нет.

17. Над карнизом есть ли теремки (бочки подкаморы), какого вида и в сколько рядов устроены?

Нет.

18. Кровля на сводах церкви дуговая или шатровая, на все скаты или на два, или на четыре? Из какого материала? Выкрашены красками или позолоченная? Когда позолочена или покрашена. У спусков кровли есть ли подзоры, деревянные или из железа? Кровля старая или новая? Не состоит ли крышка церкви из нескольких рядов кокошников, может быть скрытых под крышею, во времена позднейших переделок?

Кровля алтаря внизу шатровая, на три ската вверху дугообразная, над храмом в нижнем ярусе шатровая на 4 ската, а во 2 осьмигранном ярусе шатровая на 8 скатов. В притворе шатровая на 2 ската.

19. Фонарь на сводах глухой или с пролетами? Сквозной или цельный? С лепными, резными или растительными украшениями? Фонарь прямо устроен над сводами или выходит из кружал, обставленных круглыми теремками? На фонаре есть ли шея (предглавие, перехват) или один поясок вверху? Шея гладкая без украшений или с резьбой?

Фонарь глухой, цельный, без украшений, устроен прямо, на фонаре есть цилиндрическая шея с пояском и украшениями из крестов, сделанных из дерева.

20. На церкви главы (маковицы) или пирамидальные шатры? Сколько всех глав? Как размещены главы? Чем главы покрыты, окрашены или позолочены?

На церкви 2 главы; одна над алтарем с такой же шейкой, другая над храмом. Главы деревянные с украшениями из крестов.

21. Кресты па главах железные или медные, какого вида 4-х, 7-ми, 8-ми конечные с завитками или без оных? Есть ли на кресте цепи, спускающиеся к главам? На вершине креста нет ли короны, двухглавого орла, голубя, на подножии полулуния?

Кресты деревянные 8-ми конечные, обиты жестью, без цепей.

22. Окна узкие продолговатые, сведенные вверху мысом и расположенный под самыми тятами сводов, или широкий, помещенная над цоколем, или крестообразные вверху с Ю и С сторон? Сколько их в алтаре, северном и южном предалтарии? В один,

На южной стороне 6 окон из них 2 окна двойных (в храме и притворе) и 4 одинарных квадратных (в алтаре, вверху храма и 2 в притворе). С северной стороны и восточной сто-

два или три света? Нет ли под самой крышей малых окон для освещения палаток, помещенных на хорах? Окна с перемычками прямыми или дугообразными или угловатыми? Нет ли над окнами висячих арок с гирьками (с заком)? Есть ли над окнами кокошники (или сандрики), наличники у окон гладкие из кирпича или камня, или полуколонками, или валиками с гранями и резьбою? Или состоят из столбиков с переимами, или в виде кувшинов? Окна прямые имеют ли отливы и они снаружи или внутрь? Какой формы железный или медный решетки? Нет ли старых ставень, то какая, узорчатые или простые? Нет ли в окнах старых оконниц с медными листами или цветными стеклами? Есть ли внизу подоконников обкладка из цветных кафель?

роны алтаря по одному окну, в галерее кругом 21 оконце. Окна без наличников, ни рам, ни стекол, ни слюды и ни ставней нет.

23. Сколько всех дверей и где они расположены? Из какого материала двери наружные, не обшитые ли они металлическими листами с штампованными узорами и не раскрашены ли они в разные цвета, вид их какой? Есть ли старинные живописные украшения и какая? Какие наличники дверей; если резные, то какая резьба и нет ли каких изображений в виде людей, животных и т. п. Если есть какие надписи, то какие? Петли на дверях простыл или фигурные?

Одна с западной стороны, в середине стены в притворе и другая с северной стороны ведет с галереи в храм.

24. Есть ли особые входы в церковь в виде теремка или другие какие?

Кроме указанной двери с галереи особых ходов нет.

25. Паперть устроена с трех сторон или с одной? Нет ли в ней вставленных камней с резьбой или надписями?

Паперти нет.

III

ВНУТРЕННЯЯ ЧАСТЬ ХРАМА

26. Церковь устроена крестообразно или в виде квадратной палаты? Алтарь от храма отделяется ли каменной стеною с тремя пролетами (двери царские и двое боковых)? Сколько приделов в церкви? Как устроен западный притвор — трапеза в виде палаты или иначе? Нет ли особых приделов в трапезе, на хорах, в пристроенных застенках или в главах? Притворы отделяются ли от храма стеною с пролетом или только столбами?

Церковь устроена в виде палаты; алтарь отделяется от храма капитальной стеною, в которой вырублено двое дверей: большие — Царская врата и сееерныя двери; на этой стене и были поставлены иконы. Приделов нет. Притвор устроен в виде квадратной палаты. До устройства арки (о чем сказано выше в 7 ст.) притвори отделены были капитальной стеною с решетчатой дверью в середине. Для какой цели устроено было такое отделение притвора, неизвестно, не было ли то с целью отделить готовящихся ко крещению от верных. Дверь решетчатая и теперь находится в храме Зашиверском — она окрашена в коричневую краску и украшена узорами и резьбой.

27. Как устроены своды: крестовые (наподобие креста), опирающиеся на столбах или стрельчатые? Или в виде круговой дуги, без опоры на столбах? Или коробовые, полукруглые, образующие собою подобие креста и покоящиеся на четырех столбах? Или с двумя длинными пазухами? Или котловые для сквозного фонаря? Разделяются ли арками своды на ровные части или в стенах есть особые углубления, предназначавшиеся для погребения? Или к востоку устроено средостение с одним полукруглым пролетом? В досчатых потолках забранных в елку деревянных храмов, между балками, нет ли горшков, сделанных для резонанса?

Своды прямые.

28. Сколько среди церкви поставлено столбов? Круглые они или четверогранные? Все гладкие или с карнизами? Нет ли в них впадин для образов или дверей для входов на хоры? Нет ли кругом решеток или лавок для сиденья?

В притворе над балкой потолка установлена одна колонна деревянная с простой резьбой.

29. Есть ли на стенах лепные украшения или над арками пролетов наличники и дуги с резьбой из камня и позолотою? Есть ли па стенах всходы на хоры и в верхнюю церковь, или на колокольню, или спуски под своды, или особые двери в застенки и тайник? Нет ли в стенах впадин для постановки икон, или для помещения ризницы окон, или пе устроено ли особых мест для сидения? Кругом стен южных, северных и западных есть ли каменные лавки? Есть ли в стенах голосники?

Нет.

30. Пол (помост) мраморный плитяной, кирпичный, лещадный, чугунный, деревянный? Одинаковый ли пол в алтаре, храме и притворах?

Пол деревянный, везде одинаков.

31. Алтарь троечастный, разделенный двумя поперечными стенами с пролетами или арками, или без деления? Что находится в правом (южн.) предалтарии (диаконник): ризница или устроен придел? Что находится в левом (сев.) предалтарии: жертвенник, или устроен придел? В алтаре свод лежит на столбах, или другого устройства? Есть ли голосники в сводах или в стене? Сколько окон в алтаре и предалтариях? Помост в алтаре равен с помостом храма или возвышен на одну и более ступень? Не был ли алтарь изменен поправками и в чем состояли переделки: в расширении окон, в пробитии стен для дверей, поднятии пола или другом каком изменении?

Алтарь одинарный, влево жертвенник; окна три; помост выше на ступень; алтарь сохранился в первобытном виде.

32. Престол каменный или деревянный? Если каменный, то не покрыт ли особенной каменной доской, или деревянной? Возвышен ли он от помоста ступенями? Какая его ширина, длина и вышина? Не обложен ли оп листами из серебра или меди и по листам нет ли каких изображений и надписей?

Престол деревянный 1 арш. 5 вершков. Ширина и длина по 1 аршину. Изображений и надписей

Нет.

33. Есть ли над престолом сень? Какого она устройства: резная из дерева или металлическая? Верх шатровой или пирамидальный с главами и крестом? Нет ли надписей на ней? *Нет.*
34. Горное место (ступеника) устроено на открытом месте или в углублении стены, под полукруглым сводом (раковиною)? Не устроена ли над ним сень? Нет ли углублений оконных изображений святых? *Горняго места особо устроенного нет.*
35. Есть ли в алтаре каменные лавки для священнослужителей? *С восточной и южной стороны имеются приделанные к стене деревянные лавочки.*
36. Жертвенник устроен в особом северном предалтарии, или в одном среднем с престолом? На открытом месте поставлен или часть его помещается в стене? Каменный он или деревянный? Какая его высота и ширина? *Жертвенник устроен в одном помещении с алтарем на открытом месте, деревянный, имеет высоту 1 арш. 5 1/2 вершков и ширины 13 вершков.*
37. Иконостас старого устройства с тяблами покрытыми оловянными орнаментами с фольгой, или нового с колоннами? Из какого материала сделан иконостас, резной из дерева, или из алебаstra, или камня? Резьба помещена на золотом поле, или алом? Что изображает резьба? Сколько ярусов имеет иконостас? Какого устройства царские двери, состоящие из двух створок: гладкие, резные, с накладкою разноцветной фольги, или слюда с наложенными на них оловянными и медными узорами, цветами? Есть ли столбцы по обеим сторонам, а сверху городки и подзоры? На дверях нет ли приставных клейм в виде одноглавой, трехглавой, или пятиглавой церкви для помещения образов? Какая форма верхушек царских дверей? *Особо устроенного иконостаса нет; алтарь (как сказано ранее) отделяется капитальной стеной, в которой прорублены ворота и одни двери; простенки же в 1 ярусе покрыты иконами, написанными на особых досках. Царские ворота из 2 цельных створок без резьбы, из которых на одной изображен Се. Василий Великий, а на 2-й Св. Иоанн Златоуст. Над ними икона Благовещения. Икона Савоафа с ангелами по бокам. По обеим сторонам боковые косяки имеют вид столбцов; сверху створцы устроены зубчатыми городками, которые входят в подзоры сверху прикрепленной над воротами.*

38. Перед алтарем от одного клироса до другого как устроена солея: каменная или деревянная? На сколько выше она помоста храма и отделена ли от последнего решеткою?

Деревянная солея на одну ступень выше помоста храма.

39. Есть ли амвон? Из чего он устроен? Не имеются ли над ним сени?

Амвона нет.

40. Как устроены клиросы? Нет ли в них каких особых украшений?

Клиросов нет.

41. Есть ли в церкви Царское место? Где оно устроено? Нет ли на нем каких надписей? Какого они вида?

Нет.

42. Есть ли в церкви святительское место? Где оно устроено? Нет ли на нем каких надписей? Какого оно вида?

Нет.

43. Есть ли в церкви Настоятельское место? Где оно устроено? Нет ли на нем надписей? Какого оно вида?

Нет.

44. Есть ли в церкви кафедра старого устройства и где она помещена? Какого она вида? Нет ли на ней надписей?

Нет.

45. Есть ли в церкви хоры (палати)? Где они устроены? Как высоко от пола? Какия на них украшения? Нет ли на них особых помещений: приделов, кладовых для ризницы и комнаты для библиотеки?

Нет.

46. Не имеется ли в церкви каких надгробных памятников? Кому, какая? Не известны ли имена мастеров?

Нет.

47. Раки для святых нетленно почивающих мощей какого устройства? Из какого материала? Не имеются ли имена мастеров их воссоздавших?

Нет.

48. Есть ли при входах в церковь звонницы, устроенные в арках крыльцах, или в самой церкви у западной стены? Сколько в них колоколов? Нет ли в них каких надписей? Не сохранились ли били чугунные, употреблявшиеся вместо колоколов?

Нет.

49. Нет ли в церкви изразцовых старинных печей? Нет ли на них имен мастеров их воссоздавших и определение места их производства?

В северо-западном углу притвора есть русская печь, развалившаяся, кирпичная с железными связями. Когда она поставлена, указаний нет.

50. Колокольня когда построена, какой формы, кем и из какого материала? Нет ли каких изображений, старых надписей?

КОЛОКОЛЬНЯ построена в 1700 году вместе с храмом. Устроена столпообразно в 3 яруса. Нижний четырехгранный в 14 бревен вышиной; 3 аршина шириной. Окно 4 аршина. Длинно определить трудно, т. к. с восточной и западной сторон, как видно, были пристройки с боков с дверями, но неизвестно для какой цели; крыша шатровая на два ската; 2 ярус 8 угольный в 13 бревен в диагонали вышины- В арш. до потолка шир. и длины по 3,5 аршина; дверь с восточной стороны 1 арш, ширины и 1,5 арш. длины. 3 яруса на столбах до потолка всего вышины 2 арш. 5 вершков, ширины 3,5 аршина. Над колонками в 4 бревна наличники в 8 углов до верха. Вышина до креста 17,5 аршина.

51. Сколько всех колоколов на колокольне? Какого они времени? Надписи желаются в точном списке.

Колокола перенесены в начале 50-х годов этого столетия к Индигирской церкви (в 150 верстах вниз по Индигирке). 1-й в 12 пудов; 2-й 3 пуда 8 фунтов; 3-й в 30 фунтов; 4-й в 20 фунтов; 5-й в 3 пуда 15 фунтов и 6-й в 20 пудов 30 фунтов. На последнем надпись: 1778 году А вгуста 10-го. Имени мастера нет.

IV

ИКОНОПИСАНИЕ

52. Стены церковный росписаны иконописным письмом или живописным? Нет ли на стенах записей о времени росписания церкви? Не было ли возобновляемо старое письмо? Церковь росписана вся или только частями? Нет ли на стенах изображений русских Великих князей, Царей, Польских королей, Гетманов и т. п. лиц? Описать их в каких они костюмах, с открытою ли головой или в коронах? В древних храмах под слоями штукатурки не было ли когда-либо открываемы мозаики или фрески? Если были, то когда и что они изображают? Возобновляли ли фрески по старому письму, или писали по ним произвольно, а некоторые места и закрашивали масляными красками? Нет ли иконных изображений снаружи стен и по каким частям?

Стены не расписаны и изображений никаких нет. В храме икон в настоящее время немного, а большая часть их с ризницей и принадлежностями перевезены были в 1852 и в 1853 году вниз по р. Индигирке на трех плотах, по преданию во вновь открытом приходе к Индигирской Церкви освященной в 1853 г. от Зашивера 150 верст.

53. Есть ли иконы старого письма в иконостасе, алтаре, по стенам и в ризнице: византийские или русские? Нет ли на таких иконах записей: кем они подарены в церковь, когда? Нет ли на них имени мастера и года написания? В каких они рамках и обеспечено ли их дальнейшее хранение?

В самом храме есть следующие иконы: над окном в восточной стороне алтаря небольшой образ Божьей Матери, какой ея Чудотворной иконы подобие по ветхости определить трудно — писана на доске. На северной двери изображение на полотне Св. Архистрата Михаила; над Царскими вратами изображение Савоофа на доске византийского типа или русского определить трудно. На дверцах врат вверху Икона Благовещения, а по сторонам Св. Василия Великого и Иоанна Златоуста.

Надписей никаких нет. Рам нет. Дальнейшее сохранение не только икон, находящихся в храме, не обеспечено, но даже и сохранение самого здания Церкви. На месте города нет никаких строений, кроме здания храма, одной юрты и 2 амбаров. Церковь нигде не приписана, караула нет. Почему и происходит то, что проезжающие по разным necessностям якуты употребили на топку помост галереи, крыльцо Храма и теперь начинают часть колокольни. Какие должно принять к прекращению меры и как поступить, чтобы сохранить памятник древности, единственный от упраздненного города оставшийся. Могут знать те, кто дорожит такими архитектурными памятниками. Иностранцы же едва ли согласились бы построить на месте Храма в память Церкви небольшую часовню во имя Спаса.

54. Есть ли в церкви (монастыре или часовне) иконы чудотворные, явленный или почему-нибудь местночтимые? Если есть, то не существует ли где их печатное описание?

Чудотворных икон нет.

55. Какие из древних икон находятся в иконостасе? В своем ли первобытном виде они сохраняются или в обновленном виде? Если обновлены, то когда и кем?

Следов обновления Св. изображений не видно. Более описанных икон в древнем Храме Зашиверском образов нет. А потому чтобы дать, по возможности, понятие о иконах, прежде бывших в Храме и оному принадлежавших, но перенесенных в Индигирскую Церковь, построенную в 1853 не по рубрикам, но в порядке опишу те Св. Иконы, которых я видел в Индигирской Церкви и которые прежде принадлежали Зашиверскому Храму.

1. *Образ Всемилостливого Спаса на холсте накл. на доску длиной 1 арш. 36 вершков, шириной 1 арш. в серебр. позол. ризе 84 пробы с венцом. Означено на ризе 1778 год.*
2. *Одигитрий Бож. Матери на доске писана красками в серебр. позол. ризе 84 пробы с одним большим венцом с короной и с другим поменьше. Год 1783.*
3. *На горнем месте Индигирского храма крест с изображением на оном предстоящих (Божией Матери и Иоанна Богослова) в рост; писаны на доске красками. Длина в 3 аршина, поперечная доска 2 1/4 арш. с В серебром позолоченными венцами 84 пробы. На всех венцах выбит год 1794-й.*
4. *Образ двенадцати праздников на доске с изображением в середине Всемилост. Спаса. Длина 7 арш., и ширина 7 верш, с серебр. позолоченной ризе с одним венцом. Год 1775.*
5. *Образ знамения Божией Матери на холсте, наклеенном на доску длиной 7 вершков, шириной 5,5 вершков с венцом серебрянным без пробы.*
6. *Икона Св. Николая Чудотворца на доске длиной 6,5 вершков, шириной 5,5 вершков в серебр. 84 пробы ризе с таковым же венцом. Год на ризе 1782-й.*
7. *В паперти изображение страшного суда на холсте, ветхая, длиной 2 1/4 арш., шириной 1 3/4 арш. В 150 верстах от г. Зашиверска вверх по реке Индигирке есть Момская Николаевская Церковь, куда перенесена икона Св. Николая вышиной 1 арш. 6 вершков, шириной 15 вершков, риза серебряная весу 10 фунтов. Год 1794.*

ВОПРОСЫ:

ОТВЕТЫ:

56. Нет ли в церкви ветхих икон, подлежащих обновлению?

Находящиеся в Индигирской Церкви не требуют подновления, а в Зашиверском Храме все иконы попорчены.

57. Нет ли на древних иконах внизу видов городов, монастырей, церквей, сражений, надписей? Если есть, то нет ли какой возможности иметь с них фотографические снимки?

Нет.

58. Нет ли в архиве (монастыря, церкви) известий о старинных зодчих и мастерах иконописного дела?

Сведений нет.

59. Нет ли в ризницах старинных крестов, панагий, облачений и других предметов художественной отделки с именами мастеров или годами пожертвования и именами жертвователей? Если есть, то списки воспроизвести на сколько возможно точно.

Кресты есть, но без означения года и художественной отделкой не отличаются. Из рукописей древних сохранились две, которые при сем прилагаются: в кожаном переплете рукописная общая Миния с приложением служб великим праздникам (некоторым) — как года написания нет, также и имени переписчика; вторая — отрывок древней рукописи с изложением стихир на некоторые праздники и изображением крючковых нет.

60. Нет ли в церкви старинных окладов, образных венцов, привесок к иконам в виде крестов, панагий, монет, колец, перстней, блях и т. п. предметов? Гривны и паты имеют ли надписи? Нет ли образов, вычеканенных или вырезанных на золотых и серебряных досках, нет ли на них финифти, черни или драгоценных камней? Есть ли в церкви литые из олова, меди, серебра и золота образа и кресты, какая их форма? Есть ли старинные сосуды служебные: нотиры, диски, звезды, копия, ложки и блюда? Из чего они сделаны, как украшены, имеют ли надписи, годы, имена жертвователей и имена мастеров их сделавших?

Серебряная под золотом дарохранильница 84 пробы, выбит 1784 год. Сосуд серебряный под золотом весу 3,5 фунта, сверху с сетчатой серебряной обложкой, с 4 финифтяными изображениями внизу и 4 сверху; сосуд отделяется на три части, означен год 1784. Кадило серебряное с позолотой 84 пробы, весу 2,5 фунта, выбит год 1788-й. Серебряный ковш для теплоты с надписью: "Священника Михаила Слепцова 1798 года".

Есть ли сосуды служебные, деревянные и каменные? Нет ли г. церкви старинных ковчегов, кадил, капей, ладониц, подсвечников, лампад, паникадил, ковшей для теплоты, блюда, чаши, венцы брачные, рипиды, печати, купели, посохи, рукомойники, фонари, кувшины и кунганы, ведра и ушаты, столы и кружки, ковши, чарки и кубки, митры и шапки, пангии и т. п. предметы? Если есть, то нет ли на них каких записей?

61. Нет ли в ризницах церковных старинных омофоров, сакозов, фолоней, подризников, епитрахилей, палиц, поясов, поручей, стихарей, орарей, мантий, клобуков, ряс, власяниц? Нет ли старинных шитых золотом, серебром и цветными камнями воздушков, образов, убрусов, нелен, хоругвей, надгробных покровов, лентий и плащаниц?

На образе Знамения Божией Матери (№ 5) под венцом сделана обкладка, закрепленная на жести шитьем из серебра с крупными и мелкими камнями и жемчугами.

На иконе у Царских Врат на главе Божией Матери сделан шитый серебром венец и с привесом старинной работы с вделанными в него камнями и жемчугами.

62. Нет ли в приходских церквях и монастырях старых походных иконостасов? Из какой материи они устроены: из камки, атласа, тафты или холста? Состоят из одного иконописного письма или есть на них образа, вышитые шелками, золотом и серебром? Если есть надписи, то списать их.

Нет.

63. Нет ли в церквях старых полковых знамен и цеховых значков? Из какой материи они устроены? Какие имеют изображения? Чем они украшены? Если есть надписи, то описать их.

Нет.

V

РАЗНЫЕ ПРЕДМЕТЫ

64. Нет ли в церквах предметов с разными драгоценными камнями или резьбою из кости?

Нет.

65. Есть ли в церкви синодик, с какого года он начинается?

Синодик хранится при новой Индигирской Церкви, начинается с какого года неизвестно. На лицевой стороне следующая надпись: «Синодик или помянник Зашиверского острогу Спасской Церкви прикладу сын боярский Савы Ефимова подписал бывший священник Алексей Слепцов 1757 году». На том же синодике сверху этой надписи рукописная надпись на бумаге наклеена на первой: «Сия книга, глаголемая Синодик Зашиверского острогу Спасской Церкви казенная писана 1758 году октября 11 дня. Трудник Якутского Троицкого Собору грешны Диакон Иоанн Трифонов любви вашей усердный желатель».

66. Нет ли в церквах статуй? Если есть, то что они изображают и какой величины?

Нет.

67. Если есть в церкви предметы, не вошедшие в предыдущие рубрики, то дать им описание против настоящей.

В Индигирской Спасской Церкви находятся 2 Евангелия, о которых нахожу не лишним упомянуть. Евангелия в $1\frac{1}{2}$ листа на простой бумаге изд. 1745 г. в Москве, обложено малиновым бархатом, на лицевой стороне в середине на серебряной с позолотой пластинке круглое изображение Иисуса Вседержателя с Всевидящим оком, в сиянии сверху и по углам на 3-угольных пластинках выпуклые изображения 4 Евангелистов, на задней стороне крест, в середине и

наугольники серебряные, год 1782. На первом листе надпись лица, приложившего это Евангелие, каковую надпись при сем прилагаю, сняв с натуры карандашом через пропускную бумагу. 2 Евангелие в 1/2 листа на белой бумаге издано, как сказано в предисловии, в типографии Москвы повелением Государя Петра Алексеевича благословением в духовном чине отца его и богомольца, великого господина Святейшего Кир Андриана, архиепископа Московского и всея России в лето от сотворения мира 7206 от Рождества сие воплоти Бога Слова 1694 инд. 6, М-ца Сен. с изображением в середине на серебряной пластинке Воскресения и по углам 4 Евангелиста.

68. Не были ли церковь, ворота, башня, терем, утварь и т. п. фотографированы или зачерчены и помещены в каком-либо журнале?

Сведений нет.

69. Если есть возможность снять фотографии с каких-либо интересных памятников русского зодчества, то Академия могла бы предложить свои расходы по исполнению фотографии.

Снимать фотографии возможности нет; недостаток в лицах, желающих сделать, хотя и был инструмент.

70. Если есть печатанное описание церквей, то желательно бы иметь его в Академии.

Нет.

71. Желательно было бы иметь общий набросок тех церквей, которые представляют собою художественный интерес (каменные до 1700 года, а деревянные до 1786 года).

При сем прилагаю посильный труд, а именно: вид описываемой Церкви с южной стороны, вид галереи с северной стороны, боковой вид колокольни с южной стороны и приблизительный план Храма.

72. Если церковь или другое здание имеет сходство с какими-либо более или менее известными древними постройками в столицах или губернских городах, то указать, с какими именно.

Сходных по наружному виду Церквей или зданий указать не могу.

VI

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ ЖЕЛАТЕЛЬНО ЗНАТЬ:

1. Кто давал ответы на предложенные вопросы?

Указом Якутской Духовной Консистории от 30 декабря 1884 года за № 3725 через благочинного поручено было описать храм причту Индигирской Церкви, отстоящей от описанной на 150 верст, но причт отозвался во

1. незнанием технических терминов, находящихся в метрике: во 2) неимением подвод и в 3) необходимостью отправиться с парохию за 2000 верст. А потому ответы довелось дать Благочинному 1 Участка Верхоянских Церквей и Настоятелю Верхоянского Собора Священнику Алексею Бердникову, который 29 марта с.г. прибыл к Зашиверской Церкви, проезжая к Момской Николаевской Церкви по ревизии.

2. Где воспитывался отвечающий?

Окончил курс в Иркутской Духовной Семинарии в 1888 году.

3. Каких он лет и, если священник, то сколько лет священствует?

Время составления настоящей метрики?

Метрика составлена была на месте 29, 30 и 31 Марта и окончена в г. Верхоянске 25 мая 1888 года.

О судьбах древнего Зашиверска ярче всего, зримо и монументально свидетельствуют остатки Спасо-Зашиверской церкви и острога. Но в распоряжении исследователей имеются также археологические и письменные источники, в том числе и то, что уцелело из архива Зашиверска. В связи с ними следует кратко вспомнить историю изучения и публикации архивных источников из Якутии, которые частично использованы в нашей монографии. Основоположник историографии Сибири академик Г. Ф. Миллер писал в свое время, что сибирские архивы «инде от пожаров, а инде дела от небрежения сгнили, или червяками поедены были» (Сибирская советская энциклопедия, I, с. 143).

Ему принадлежит заслуга спасения для будущего ценнейших документов ранней истории Якутии. В Архиве Академии наук в Ленинграде хранится среди других «Фолиант списков Якутской архивы», выполненный по поручению Миллера.

В 40-х годах XIX в. Археографическая комиссия публикует ценные документы по истории Сибири в XVII в. в «Актах Исторических» и в «Дополнениях к «Актам Историческим»; в том числе и по истории Якутии. Документальные материалы по истории Сибири издавались затем Обществом истории и древностей российских, в «Русской исторической библиотеке».

Для истории Якутии большую ценность представляют документы, изданные Е. Д. Стреловым (Стрелов Е. Д. Акты архивов Якутской области с 1650 г. до 1800 г., т. I. Якутск, 1916). Хотя, как писал Е. Д. Стрелов, архивы Якутии сильно пострадали, в них сохранилось немало интересных с историко-этнографической точки зрения документов, в том числе по земельному вопросу, социальным отношениям, культуре. Подлинной «жемчужиной» является рапорт сержанта Попова о его исследовательской экспедиции на Вилюй. Попов имел главной задачей розыск «редкостей», в том числе археологических. Он должен был обнаружить таинственный котел, «издававший немалой звук», и пещеру, светлую внутри «от издающих этот свет камней».

В отчете Попова содержатся не только географические данные, но и замечательные сведения по этнографии местных тунгусов.

Среди прочих дел есть и такое, в котором находится рассказ о журумжальском тунгусе, «перекликающийся» с историей о зашиверском тунгусе, который оскорбил русского несчастливого бога-икону. Журумжальский тунгус Шелудяков говорил на допросе, что он «святым образам ставил свечи и поклонялся, то дети у него много умирали, а одного сына зверь медведь задавил и живота бог не давал, а когда оставил почитать святые образа и поклоняться, а поимел шаманство и заколоть в жертву оленей, то стал богат и всегда здоров» (Стрелов Е. Д. Акты..., с. 300).

В наше время большая работа по выявлению и использованию в исторических исследованиях документов по истории Сибири и в том числе Якутии выполнена С. В. Бахрушиным, А. И. Андреевым, А. В. Ефимовым, Л. С. Бергом, М. И. Беловым, Л. А. Гольденбергом, В. И. Грековым, Б. О. Долгих, Ф. Г. Сафроновым и др. Определенным вкладом в источниковедение Сибири и Якутии, специфическим, посвященным одному городу, одному району Якутии — Зашиверску, является и публикуемая ниже подборка документов. Ее ценность определяется тем, что в них речь идет о жителях Зашиверска, о событиях, происходивших там от начала и до конца существования города. Прилагаемые документы извлечены З. В. Гоголевым из архивных фондов, хранящихся в Центральном государственном архиве Я АССР (ф. 8, 143, 161, 173, 184, 189, 244, 245, 376, 385). В них хранятся дела церкви, зашиверского уездного комиссара, зашиверского земского исправника, зашиверского земского суда, хлебозапасного магазина, соляной стойки, а также переписка городничего и мещанского старосты города Зашиверска. Большая часть фондов не обработана и не приведена в порядок. Многие дела состоят из обрывков бумаг разного периода и содержания, подшитых

в папки. Немало лет с большими трудностями их разбирали сотрудники архива. Значительная часть бумаг написана малограмотными служителями церкви или чиновниками. Они до XIX в. при письме пользовались графическими знаками XVII и XVIII вв. Целый ряд документов полуистлел, и тексты на осыпавшихся краях их трудно восстановить. Многие листы в папках не имеют начала и конца.

Для приложения настоящей книги подобраны документы с сохранившимся текстом, по своему содержанию относящиеся к истории г. Зашиверска и Спасской церкви, а также характеризующие народы, живущие на территории Зашиверского комиссарства. Несколько документов взято из других архивохранилищ.

В подготовке архивных документов к печати приняли участие Г. П. Енин и Н. А. Миненко, оказал помощь консультацией по отдельным вопросам Н. Н. Покровский. Авторы выражают им свою искреннюю благодарность.

1

ДОКУМЕНТ 66

Копия

— 1668 въ марте. Отписка сына боярского Козьмы Лошакова Якутскому воеводе Ивану Голенищеву-Кутузову о нападении Ламутовъ на Зашиверский острогъ и проч.

Великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, и государя благовернаго царевича и великаго князя Алексея Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи, и государя благовернаго царевича и великого князя Федора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи, столнику и воеводе Ивану Федоровичю Большему Голенищеву Кутузову съ Индигирки реки сынъ боярской Коземка Лошаковъ челомъ бѣть. Въ прошломъ во 173 году посланъ я Коземка изъ Якутскаго острогу на Индигирку реку за шиверы на перемену сыну боярскому Андрею Булыгину, а велено мне Коземке у того Андрея великихъ государей Зашиверской ясачной острожекъ принять, и служилыхъ людей, аманатовъ, и ясачные книги и великихъ государей товаровъ, и принять съ нимъ Андреемъ росписаться. И я Коземка у того Андрея, по указу великихъ государей, Зашиверской острожекъ, и служилыхъ людей, и аманатовъ, и ясачные книги принялъ, а его Андря в 174 году, апреля въ 5 день, выслалъ въ Якутскій острогъ. И того жъ 174 года, апреля въ 17 день, Зашиверскаго острожку ясачные люди Ламутки и Юагири, Чанжа съ родомъ своимъ, великимъ государемъ изменили, пришли оплошнымъ деломъ въ острожекъ и хотели острожекъ взять, а служилыхъ людей всехъ побить, и аманатовъ взять и вывести изъ острожку вонъ; и убили двухъ чело-векъ промышленныхъ людей Степку Щукина съ женою, старымъ Индигирскимъ толмачемъ Бурчикомъ, Да Федосейка Кюдрю да промышленнаго человека Оверки Мартемьянова ясыря его, съ дочерью, и служилыхъ и промышленныхъ людей многихъ переранили, и отошли прочь. Да во 175 году, сентября въ 5 день, те же Ламутские мужики, Юагири, Чанжа съ родомъ своимъ, пришли къ острожку приступомъ и приступали накрепко; и мы Коземка съ товарищи, Божіею милостию и государскимъ счастьемъ, въ острожке отсиделись. Да во 175 же году, ноября въ 8 день, прибежалъ въ острожекъ отъ Ламутскихъ мужиковъ Юагиръ именемъ Тогурямко съ тремя ребятами; сказывалъ тотъ Тогурямко: которые служилые люди шли изъ Якутскаго острогу на Индигирку черезъ Камень, и техъ служилыхъ людей Ламутки и Юагири всехъ побили, а после де того убійства техъ Ламутские мужики Юагирей Чанжу съ родомъ всехъ побили, а тотъ Юагиръ Тогурямко ушелъ къ намъ в острогъ. А великихъ государей ясаку

на 175 годъ никто не платили ни единого соболя; и объ томъ ясакъ и обо всякомъ деле, во 175 году, генваря въ... день, писалъ я Коземка отписки къ тебе столнику и воеводе, и послалъ съ отписками служилого человека Тимошку Никитина на Янгу въ нижнее ясачное зимовье, и вверхъ по Янго через Камень на Алданъ реку и въ Якутской острогъ. И в прошломъ же во 175 году, февраля въ 16 день, скопая те же Ламутские мужики изменники, собравъ себе воровское великое собрание, приступали ночью къ острожку, и учили острожные стены, и ясачное зимовье, и острожные ворота рубить топорами, а иные люди приставили лестницы къ стенамъ черезъ амбары: и мы Коземка съ служилыми и промышленными людьми бой съ ними поставили, и Божию милостию, а великихъ государей счастиемъ, убили у нихъ воровъ Ламутскихъ мужиковъ лутчихъ людей трехъ человекъ. Лаузеня да хромого сына его Быргучана, да косого племянника его именемъ Ергата, а многихъ Ламутскихъ людей переранили; и видя они Ламутки къ намъ великую Божию помощь, убоялись и пометали топоры и оружье, луки и стрелы и копия и рогатины, и отъ острожку побегли, а насъ Коземку съ товарищи Богъ помиловалъ, ни единого человека не изранили; а итти за ними изменниками въ погоню войною некемъ, безлюдень, толко служилыхъ людей со мною пять человекъ, а промышленныхъ людей 10 человекъ, а околныхъ торговыхъ и промышленныхъ людей на Индигирке отнюдь не мало, и орудия и свинцу и пороху нетъ, да взять негде. Да въ томъ же месяце феврале въ 19 день те Ламутские мужики послали въ острожек холопскую свою женку Ламутскую, а съ нею послали великимъ государемъ въ ясакъ тринадцать соболей въ коскахъ, а кто именемъ послалъ сколько соболей, то писано въ ясачныхъ книгахъ; да въ прошломъ же во 175 году, марта въ 7 день, пришелъ за Индигирской острожекъ Ламутской ясачной мужик, именемъ Медвежья Парка, и заплатилъ великому ясаку на 175 годъ своего по складу 20 соболей въ коскахъ сполна, а тотъ Ламутской мужикъ Медвежья Парка съ ними Ламутскими мужиками съ изменниками въ измене не былъ, и Русскихъ людей не побивалъ и подъ острожекъ не приступалъ. Да въ прошломъ же во 175 году, июня въ 9 день, посылалъ я Коземка на техъ Ламутскихъ мужиковъ изменниковъ въ походъ войною служилого человека Мишку Иванова Лобанова съ товарищи, с нимъ было 4 человека промышленныхъ людей да 50 человекъ Индигирскихъ Юкагирей; и оне Мишка съ товарищи техъ Ламутскихъ изменниковъ на Каменю 10 юртъ погромили и привели въ аманаты 2 человека, одному имя Шелыга, а другому имя Бонжига Кондолисовъ сынъ; да они жъ Мишка съ товарищи привели крещеную женку, именемъ Оксинью Кирилову дочь, Ламутского роду, а взята де она на погроме, какъ убили служилыхъ людей на Каменю, которые шли изъ города на Индигирку, а она Оксинья съ ними служилыми людьми шла изъ Якутского острогу, а нынче она живетъ у служилого человека у Мишки Лобанова до указу. И въ нынешнемъ во 176 году, генваря въ 28 день, на Зашиверский острожекъ пришли Ламутские ясачные мужики Медвежья Парка съ родниками, и заплатили великимъ государемъ ясаку по складу на нынешней 176 годъ 20 соболей въ коскахъ сполна, а иные Ламутские мужики великихъ государей съ ясакомъ не бывали; и я Коземка посылалъ техъ Ламутскихъ мужиковъ разгадать нового аманата Бунжигина отца его Кондылея на Камень на Юкагирскихъ оленяхъ, чтобъ те Ламутские мужики пришли въ острожекъ къ государственной милости съ ясакомъ, по-прежнему, къ аманатамъ, своимъ детямъ и племянникомъ, что ихъ дети и племянники сидятъ у насъ въ казенке ничемъ не вреждены; а ходилъ онъ Кондылей изъ острожку на Камень 6 недель, и привелъ съ собою лутчихъ людей Лаузенева брата, именемъ Торочана, да сына Лаузенева Лабуту, да брата Коропашкиныхъ съ родниками, а привели они Ламутки съ собою Русского человека, прпжитка служилого человека Марка Василева сына его, имяпемъ Ермолку, изъ полону; и привезли оне Ламутки великимъ государямъ ясаку на нынешней на 176 годъ 43 соболя въ коскахъ, и великимъ государямъ принесли вину, «виноваты де мы передъ великимъ государемъ во всемъ, а ясаку де у насъ нынеча полного за прошлые годы не чемъ, потому что де мы своровали п отъ

того своего воровства жили въ побѣгахъ и вместе па Каменю, соболей не промышляли, боялись от русскихъ людей из походовъ смертнаго убійства и впредь рады промышлять, как мочь наша сяжетъ». А я Коземка того Лаузенева сына Лабуту взял въ аманаты, и нынеча въ Зашиверскомъ острожке 19 человекъ аманатовъ, а принялъ записей па Ламутскихъ мужикахъ, четыре поручные сотники казачья Амоса Михайлова, а три записи Андрея Булыгина, а того я Коземка не ведаю подлинно, какихъ они людей выпускали изъ казенки и по какихъ людяхъ поручные взяты, потому что при мне ни единой человекъ съ ясакомъ не бывалъ и по се число. А которые Юагири остались Чанжина роду восемь человекъ, а те Юагири полнаго великимъ государемъ своего оклада ясаку не могли заплатить, потому что не смели промышлять соболей, боялись убійства отъ Ламутскихъ мужиковъ; да того жъ Чанжи Юагиря родникъ его, имянемъ Гришка, пришелъ отъ Ламутовъ на Индигирку, а былъ онъ Гришка съ Ламутками въ измене. А нынче въ Зашиверскомъ острожке великихъ государей въ казне сетей неводныхъ и прядена для аманатскаго корму, и оружья, пищалей, и свинцу и пороху, и одежду, куяковъ и нанцырей, и котловъ и всякихъ товаровъ нѣтъ да взять негде; и у дела великихъ государей толмача Русскаго Ламутскихъ языковъ нѣтъ же, и подъячего нѣтъ, писать не кому, а Ламутскихъ женокъ у служивыхъ и у промышленныхъ* людей много, да еще не надежны, не можно на нихъ надеяться, и безъ Русскаго толмача быть нельзя. А которые со мною были въ караулѣ промышленные люди, и те впредь служить со мною не хотятъ «мы де жалованья не емлемъ, служить нечемъ», а въ Зашиверскомъ острожке надобно служилыхъ людей безпереводно человекъ тридцать. И впредь обо всемъ какъ ты, великихъ государей столникъ и воевода, укажешь?

Из рукописи подъ заглавиемъ: Списки Якутской Архивы (часть 2, въ листъ, на 344 л.), писанной с подлинныхъ столбцевъ для академика Миллера, во время путешествія его по Сибири.— Принадлежитъ Императорской Академіи наукъ.

Дополнения к актам историческим, собранным и изданные археографической комиссией, т. 5. СПб., 1853, с.

Л. 217

Зашиверскій острогъ стоитъ надъ Индигиркою рекою, идучи вверхъ по левую сторону Индигирки реки, рубленой стеною, крытъ тесомъ. У того острога двои проезжія ворота. Около того острогу имеютца леса лисьякъ, а иныхъ никакихъ лесовъ не имеютца.

Въ техъ лесахъ звериные промыслы лисьи, горносталя, медвежьи, лосиные, оленье и дикихъ барановъ, а другихъ зверей никакихъ не имеютца.

Въ томъ остроге имеютъ жителство для обережи оного острогу и содержанія аманатовъ якуцкія служилыя люди.

Около того острогу имеютца народы — яшашныя иноземцы, называемый якуты, ламутки, юагири.

Л. 217 об.

И къ пахотѣ тамъ пашни удобныхъ земель не имеютца.

Въ томъ остроге имеютца артиллеріи одинъ пудъ девятнадцать фунтовъ и три четверти пороху и съ посудою, дватцать одинъ фунтъ три четверти свинцу, три фузеи, въ томъ числѣ одна безъ замка и безъ ложи, пять мушкетовъ.

Оной Зашиверской острогъ отъ города Якуцка въ разстояніи пятисотныхъ девять сотъ четырнадцать верстъ, двести семьдесятъ сажень.

ЦГАДА, ф. 199, д. 481, л. 217, 211 об.

Л. 225

Зашиперской острогъ стоитъ падъ Индигиркою рекою. Около того острогу имеютца народы яшашныя, иноземцы, называемыя якуты, ламутки, юагири — сто восемьдесятъ два человека. Окладъ на нихъ ясаку сорокъ шесть соболей съ полусоболемъ, восемьдесятъ пять лисицъ красныхъ, денегъ два рубля.

С вышеписанных иноземцев, называемых якутов, ламуток, юкагирей, ясашная казна збираетца погодно соболми и лисицами сиводущатыми, красными, белками и горностоями.

И того Зашиверского острогу ясашные иноземцы имеют языки якуцкой, лаумцкой, юкагирской.

А в том Зашиверском остроге по переписным прошлого 1733 году книгам имеетца родов, а имяяно: лаумцкой-угжарцы, мятойцы, элгейцы.

А при каких урочищах каждой род, а особливо начальные их люди кои болше ко-
чуют, о том в якуцкой воеводской канцелярии не явно.

ЦГАДА, 5, 199, 3. 4%1
л. 225.

УКАЗ

Копия 17.

Ея императорскаго величества самодержицы всерос-
сийской из Иркутской казенной палаты Зашивер-
скому уездному казначейству.

Сочиненная здешняго наместничества Зашиверской округи о числе состоящих в оной дут, положенных в оклад, по каким узаконениям и сколько с них следует со-
бирать государственных податей по нынешней четвертой ревизии, а имянно, с купцов
капитала процентных, с мещан, цеховых, с государственных, с экономических и дво-
ровых крестьян, однодворцов, бобылей, ямщиков, ссыльных и протчих ясашных ро-
дов имянная поселениям и званиям ведомость при сем посылается с таковым предпи-
санием.

ЦГА ЯАССР, ф. 189-И,
оп. 1, б. 1, л. 13.

С подлинником

[...] что кто-либо при переписи сей последней ревизии остался пропущенным, так
как по сообщениям наместнического правления уже о сем и открывается, и будет вно-
сить в казначейство следующие с него в казну подати, то, дабы оныя не поступили в
доимку, от них принимать и записывать в приход. От кого получены будут — уведо-
мить палату для внесения пропущенных в ревизию ведомости и окладные книги и
для взыскания за таковых штрафных денег со старост и соцких тех селениев.

Генваря 4 дня 1785 года на подлинном пишет Андрей Соноляров. Секретарь Дмит-
рей Воронежской, подканцелярист Ефим Демьянов в здешнем Зашиверском уездном
казначействе. Марта 21 числа 1785 года получен канцелярист Илия Афанасьев.

ЦГА ЯАССР, ф. 189-И,
оп. 1, д. 1, л. 14.

6

[...]чтоб означенные роды душ записаны так в сделанные на то окладные книги. И по-
тому с них все государственный подати по Зашиверской округе в казну с кого какие
по узаконениям следует собирать беззаимочно, записывая оныя в приход по издан-
ным на таковыя случаи формам. А почитая уже сию последнюю ведомость за настоя-
щее основание, для чего, естли несполна против той внесены в казну со второй
783 года половины подлежащий подати, то о понуждении ко взысканию сообщить по
силе высочайшего учреждения главы 12, пунктом 139 и 140-и, доносить с приложе-
нием реестров в поставленный сроки непременно.

ЦГА ЯАССР, ф. 189-И,
оп. 1, д. 1, л. 14 об.

ВЕДОМОСТЬ,

Л. 75 учиненная в Иркутской казенной палате, сколько по прошедшей 4 ревизии состояло по Зашиверской округе купцов, мещан, крестьян, так же и ясашных; сколько по собранным к 5-ой ревизии скаскам оказалось тех людей наличными и против 4 по нынешней ревизии прибыло и убыло, и много ль с онаго народа принадлежит казне в год податей.

Звание городов и селенцев	Число людей						Сколько с налич- ного числа людей следует получить в год доходов с каждого звания вообще	
	по 4-ой ревизии состояло	по собранным к 5 ревизии скасам оказалось наличным	против последней по нынешней ревизии		за выключ- кою убыли, действи- тельно в прибыли	по малому количеству прибыли против убыли, дейст. в убыли		
			прибыло	убыло			руб.	коп.
Города Зашиверска купцов	23	32	11	2	9	—	46	10
Мещан города Зашиверска	109	83	14	40	—	26	169	32
Ковымских зимовей:								
среднем	65	38	26	19	7	—	77	52
нижнем	—	34	—	—	—	—	69	36
	174	155	40	59	7	26	316	20
					выключа прибыль, будет в убыли 19			
Крестьян государственных								
Устьянского зимовья	9	8	1	2	—	1	32	64
Ковымских зимовей:								
Верхнем, а ныне Шанской	2	3	3	2	1	—	12	24
деревне —								
Среднем	15	17	15	13	2	—	69	36
Нижнем	96	57	13	52	—	39	292	56
Алачейскаго	10	—	—	10	—	10	—	—
	132	85	32	79	3	50	346	80
Ясашных якутов подгород- ных Зашиверских:								
Елгецкой	54	58	17	13	4	—	46	50
Елгинской	38	62	30	6	24	—	48	—
Байдунской	52	73	29	8	21	—	65	—
Юрюгейской	67	77	30	20	10	—	78	—
Юсальской, а ныне Елгет- ской	92	98	22	16	6	—	108	—
Жусальской же	40	43	12	9	3	—	57	50
Жусальской же	37	40	15	12	3	—	46	—
Егинской	20	20	3	3	—	—	25	—
	400	471	158	87	71	—	414	—

Звание городов и селений	Число людей						Сколько с налич- ного числа людей следует получить в год доходов с каждого звания вообще	
	по 4-ой ревизии состояло	по собранным к 5 ревизии сказкам оказалось наличным	против последней по нынешней ревизии		за выключ- кою убыли, действи- тельно в прибыли	по малому количеству прибыли против убыли, дейст. в убыли		
			прибыло	убыло			руб.	коп.

Верхоянского улуса:

Усальской	236	311	121	46	75	—	267	50
Куриной	65	86	31	10	21	—	59	—
Жусальской, за отделением к князю Заборовскому	143	181	67	29	38	—	208	—
Жусальской, отделенной из оной волости	86	108	38	16	22	—	113	50
Юсальской, она ж Жу- сальская	83	94	29	18	11	—	83	50
Борогонской	38	41	13	10	3	—	52	—
Байдунской	130	164	46	12	34	—	129	—
Кангалайской	84	108	33	9	24	—	96	50

Л. 76

Метюнской	26	25	5	6	—	1	30	—
Байдунской, она ж и Егинска	123	147	55	31	24	—	168	—
Байдунской, отделенной из показанной Байдунской же волости	71	66	12	17	—	5	86	50
Батаганской	164	179	45	30	15	—	161	50
Егинской, она ж и Бай- дунская	134	147	40	27	13	—	174	—
отделенной из оной Егин- ской же	92	101	34	25	9	—	117	—
Батулинской	38	42	16	12	4	—	57	—
	1513	1800	585	298	293	6	1803	—

Устьянского улуса:

Удюгейской	35	41	14	8	6	—	37	—
Тумацкой	52	71	30	11	19	—	57	—
Батулинской	44	49	13	8	5	—	48	50
Нагоцкой	194	160	57	31	26	—	121	50

	265	321	114	58	56	—	264	—
Батулинской показан за неприсылкою сказок с прежней ревизии	28	28	—	—	—	—	25	—
Кавымскаго ведомства	157							

Звание городов и селенцев	Число людей						Сколько с налич- ного числа людей следует получить в год доходов с каждого звания вообще	
	по 4-ой ревизии состояло	по собранным к 5 ревизии скасам оказалось наличным	против последней по нынешней ревизии		за выключ- кою убыли, действи- тельно в прибыли	по малому количеству прибыли против убыли, дейст. в убыли		
			прибыло	убыло			руб.	коп.
Метюйской волости	—	34	—	11	—	—	33	—
той же волости	—	36	52	5	16	—	37	50
Байдунской волости	—	103	—	20	—	—	90	—
		173		36			160	50
Среднековымскаго и ала- зейскаго ведомств	546							
Метюйской	—	92	—	9	—	—	—	—
Байдунской	—	94	—	16	—	—	—	—
Кангалаской	—	147	—	22	—	—	—	—
Эгинской	—	24	121	5	35	—	—	—
Кангалаской	—	37	—	5	—	—	—	—
Метюйской	—	145	—	21	—	—	—	—
Борогонской	—	42	—	8	—	—	—	—
		581		86				
Нижнековымская, метюй- ская волости	24	25	7	6	1	—	36	—
Кочующих в разных местах								
Чуванскаго и хатынскаго родов	38	70	37	5	32	—	42	20
Итого якутов	2971	3469	1074	576	504	6	3336	20
Юкагирей кочующих в раз- ных местах:								
Юкагирскаго	22	17	8	13	—	5	42	—
Каменскаго	33	54	28	7	21	—	37	50
Л. 77								
Верхняго и Нижняго Ковымских зимовей	304							
Кочующих в разных местах родов	—		—	—	—	—	—	—
Омолонскаго	—	16	—	2	—	—	—	—
по реке Алазее:								
Юкагирскаго	—	43	—	4	—	—	—	—
Тоншорскаго бетурскаго	—	90	—	8				
по реке Сухому Аляю:								
Омолонскаго	—	44	—	3				
			62		11		386	—

Звание городов и селенцев	Число людей						Сколько с налич- ного числа людей следует получить в год доходов с каждого звания вообще	
	по 4-ой ревизии состояло	по собранным к 5 ревизии скасам оказалось наличным	против последней по нынешней ревизии		за выключ- ною убыли, действи- тельно в прибыли	по малому количеству прибыли против убыли, дейст. в убыли		
			прибыло	убыло			руб.	коп.
Омолонского ж	—	12	—	6				
По реке Омолону:								
Омолонского	—	43	—	8				
По реке большому Анию:								
Омолонского ж	—	19	—	5				
В верх по реке Ковыме:								
Нортинского	—	16	—	8				
Рыбникова	—	11	—	3				
		21		4				
Ушканского	—	315	—	51				
В разных местах Омолон- ского	97	119	50	28	22	—	126	—
Итого юкагирей	456	505	148	99	54	5	591	50
Ламутов кочующих в раз- ных местах:								
Каменного ламутского роду	60	63	19	16	3	—	61	—
Каменского	129	135	40	34	6	—	136	50
Каменского тюзирского	24	31	12	5	7	—	39	—
Желжанского	31	50	29	4	19	—	36	—
	398	462	165	101	66	2	427	—
Верхне и Средне Ковым- ских	212							
Дельянского	—	64	—	12	—	—		
Тюзирского, а ныне Ул- ганского	—	86	107	14	55	—	208	50
Каменского	—	54	—	14	—	—	—	—
		63		12				
Зельянского	—	267	—	52	—	—	—	—
Тюзирского	85	85	30	30	—	—	66	
	695	814	302	183	121	2	701	50
А по всей округе	4451	5060	1607	998	698	89	5338	30
выключа убыль 89, будет в прибыли 609								
Советник Василий Лопухов Николай Назаров								
Туляксирского	32	30	7	9	—	2	34	50
1-го кункугурского	82	110	51	23	28	—	79	50
2-го кункугурского	40	43	13	10	3	—	40	50

учиненное в Иркутской казенной палате, коликое число во всей Иркутской губернии по местам надлежит собрать рекрут вследствие высочайшего Его императорского величества указа, состоявшегося сего 1797 года, сентября в 1 день с пяти сот душ по 3 рекрута.

Звание людей и мест, в сколько с них взять рекрут следует			Откуда сколько вкладку денег принадлежит, считая в 360 рублей рекрута, по 2 рубля по 16 коп. с души.		
Зашиверской округи	124	1	К ним в складку 46 душ, в то число из		
Мещан: города Зашиверска			мещан и крестьян Усть-оленских 44 души.		
			С них денег	95	4
			От крестьян Верхнековымского зимовья		
			2 души, денег	4	32
				99	36
Среднековымских	30	—	Оныя в казенную складку. С них денег	64	80
Крестьян					
Уянскаго зимовья	9	—	Оныя 9 душ в казенную складку	19	44
Ковымских зимовей					
верхняго	2	—	В складку к мещанам зашиверским. Им		
			денег 4 руб. 30 копеек		
средняго	7	—		15	12
нижняго	23	—	Оныя в складку казенную	49	68
Алазейскаго	9	—	В складку Олекминской деревни крестья-	6	48
			нам 3, денег		
			Остальныя 6 душ — в казенную	12	96
Итого мещан,	151				
крестьян	50	1			
	201				

По сей округе крестьяне показаны, за неписанкою к 5-ой ревизии сказок, по счету прошедшей 4-ой ревизии, то нельзя узнать, будет ли во оных прибыль и убыль. А посему должно с последовавшей прибылью взыскать в казну складочныя деньги по 2 руб. по 16 коп. с каждой души. А ежели последует во оных убыль, то недобирая из расположенных с них в казну вкладку по тому ж количеству...

ЦГА ЯАССР, ф. 189-И,
оп. 1, б. 8, л. 75-77.

8

Копия к журналу.

1875 года августа 1-го числа в Зашиверском нижнем земском суде, в журнале записано в 1-ом пункте.

По сообщению земского капитана исправника Берг Гешворена Баннера от 28-го июля под № 317-м с приложением вследствие посланного к нему из сего суда сообщения о обитающих в Зашиверской округе в разных селениях и урочищах русских разного звания людей и ясаших вповерцах с показанием обоего пола душ и примерного расстояния верст ведомости. Приказал об оном учинить во обстоятельствах со справкою особый протокол, а сообщение приобщить к делу.

На подлинном написал земской исправник Иван Баннер.

Подписано того же числа.

ЦГА ЯАССР, ф. 189-И,
оп. 1, б. 1, л. 8.

	Мужеска	Женска	Вообще обоого пола	Расстояние примерное от города Зашиверска
{В} Зашиверском же уезде в разных [урочищах житель- ствующих	344	333	677	от ста двадцати до трех и до четырех сот восми-десяти верст.
...ламуток и юкагирей	432	440	872	Сим народам, как они обстоятельного жи- тельства не имеют, то и расстояния пребы- вания их показать не можно. Но только к платежу ясака приходят в город Заши- верск и в деревни Шанскую и Ожогинскую
В Верхнековымском остроге				
...их детей	6	3	9	Чрез урочище
.....	2	3	5	Мому 800 верст
.....	162	152	314	
...ламуток и юкагирей	272	263	535	Как выше значит, показать их жительства расстоянием не можно. Только к платежу яса- ка приходят в преждебывшее Среднековым- ское камисарство и другие Ковымские ост- роги.
В Среднековымском остроге ...и	7	6	13	
церковнослужителей их [д]етей				
...их жен и детей	15	14	29	в восьмистах верстах
.....	5	4	9	
[кресть]ян	7	3	10	
.....	8	5	13	

ЦГА ЯАССР, ф. 189-И.
оп. 1, д. 1, л. без номера.

В Алазейском зимовье	Мужеска	Женска	Вообще обоого пола	Расстояние примерное от города Зашиверска
Купцов и мещан	20	15	35	в шести стах тридцати верстах
крестьян	9	8	17	
якутов	169	170	339	
Туягусов и юкагирей кочующих	88	120	208	они в срочное время к платежу ясака при- ходят в бывшее Среднековымское камисар- ство, а расстояние их жительства выше зна- чит, показать не можно.
В Нижнековымской крепости				
церковно служителей, их жен и детей	3	2	5	Чрез Алазейское зимовье по бывшее Сред- нековымское камисарство 1250 верст
отставных солдат, их жен и де- тей	5	2	7	

В Алазейском зимовье	Мужеска	Жевска	Вообще обоего пола	Расстояние примерное от города Зашиверска
Служащих и отставных казаков, их жен и детей	78	30	108	
мещан	16	9	25	
крестьян	23	11	34	
ссылных	73	25	98	
якутов	24	19	43	
Кочующих ламуток и юкагирей	140	135	275	Пребывание их по непорядочному их нахождению показать не можно. Только к платежу ясака приходят в Нижнековымскую крепость.
Итого вообще обоего пола			7796	

ЦГА ЯАССР, ф. 189-И,
оп. 1, б. 1, л. 7.

II ВЕДОМОСТЬ,

учиненная вследствие состоявшегося н[оя]бря в 16 день 1781 года, в народ публикованного манифеста и с поданных к нынешней ревизии сказок, какое число Иркутского наместничества Якутской области в Зашиверской округе по прежней ревизии состояло к[ак]ого звания людей, ис того числа убыло после ревизии, вновь родилось и разными случаями прибыло, и сколько всем тем по нынешней ревизии в наличности состоит мужеска полу душ, и в каком окладе по каким законам.

Иркутского наместничества Якутской области в Зашиверской округе	Зва- ние людей	По минувшей ревизии состояло положен- ных в оклад	Из того числа померло, в рекруты отдано, другими случая- ми невоз- вратно убыло	Ныне по поданным ска- сам явилось положенных в оклад в преж- нюю перепись, после оной вновь рожден. и разными слу- чаями прибыло	Против последней переписи		Почем в год с души подати платят		Коликое число пода- тей вообще с каждого звания получить следует		По каким указам
					при- было	убыло	руб.	коп.	руб.	коп.	
В городе Зашиверске	ме- щан	92	55	109	17	—	по 1	42	133	42	По силе плаката 724 года и указов имянных от прави- тельствую- щего сена- та 760 ок- тября.
В том городе записав- шихся мещан ис кре- стьян	—	7	—	65	58	—	по 4	42	278	42	
Итого мещан	—	99	55	174	75	—	—	—	412	5	

Иркутского наместничества Якутской области в Зашиверской округе	Зва- ние людей	По минувшей ревизии состояло положен- ных в оклад	Из того числа померло, в рекруты отдано, другими случаями невоз- вратно убыло	Ныне по поданным скасам положенных в оклад в преж- нюю перепись, после оной вновь рожден. и разными слу- чаями прибыло	Против последней переписи		Почем в год души подати платят		Количество число пода- тей вообще с каждого звания получить следует		По каким указам
					при- было	убыло	руб.	коп.	руб.	коп.	
Устьянского зимовья По неполучению ска- зок показанная с при- сланной в Иркутское наместническое прав- ление из Якутской пра- винциальной канцеля- рии от 16 апреля, по- лученным мая 28 се- го 784 года, при ре- порте ведомости в Ко- вымских 3-х зимовь- ях	—	10	1	9	—	1	—	—	33	97	мая 3-его числа
	крестьян государствен.										
в Верхнем		3	1	2	—	1	—	—	7	42	
в Среднем		6	3	7	1	—	—	—	26	82	
в Нижнем		24	16	23	—	1	—	—	86	42	
Итого крестьян		43	20	41	12	3	—	—	154	77	
Л. 16											
Города Зашиверска в волостях	ясашных										
Элгецкой		42	9	54	12	на них	—	—	46	56	
Эгинской		40	19	38	—	2	—	—	48	—	
Байдунской		26	9	52	26	—	—	—	65	—	по силе
Уругейской		59	17	67	8	—	—	—	78	—	
Верхоянского зи- мовья в волостях	ясашных						по сколько с души, пола				
Юсальской		80	21	92	12	—	—	—	108	—	прежних
Жусальской же		35	8	40	5	—	—	—	57	50	воеводских
Жусальской же		28	8	37	9	—	—	—	46	—	дней
Эгинской		17	4	20	3	—	—	—	25	—	
Юсальской		177	33	236	59	—	—	—	267	—	
Куриной		54	14	65	11	—	—	—	59	—	
Жусальской за отчис- лением к князю За- боровскому		131	31	143	12	—	—	—	206	—	

Иркуцкаго наместничества Якуцкой области в Зашиверской округе	Зва- ние людей	По минувшей ревизии состояло положенных в оклад.	Из того числа померло, в рекруты отдано, другими случаями невозвратно убыло.	Ныне по поданным ска- сам явилось положенных в оклад в преж- нюю перепись, после оной вновь рожден- ных и разны- ми случаями прибыло	Против последней ревизии		С души подать платят		Коликое число подаей вообще с каждого звания следует получить		По каким указам
					при- было	убыло	руб.	коп.	руб.	коп.	
Жусальской, отделен- ной из оной волости	—	71	17	86	15	—			113	50	
Юсальской, она же	—	64	11	83	19		Не		83	50	
Жусальская											
Борогонской	—	29	8	38	9		показано		52	—	
Кангалаской	—	63	10	84	21		потому,		96	50	
Байдунской	—	106	27	130	24	—			199		
Митюской	—	18	5	26	8		что		30		7204-го,
Байдунской	—	98	22	123	25				168		7205-го,
Байдунской, отделен- ной от показанной	—	60	17	71	11		оклад		86	50	поданного
Байдунской волости											на Тоболь-
Батагайской	—	117	23	164	47				101	50	ской город
Эгинской	—	126	34	134	8				174		ближнему
											боярину
											и
Эгинской же, отделен- ной из оной	—	77	11	92	15		положен		117		
Батулинской	—	37	7	38	1				57		
Удегейской	—	25	3	35	10				37		
Устьянского зимовья в волостях:											
Тумацкой	—	42	15	52	10				57		
Батулинской	—	38	16	44	6				48	50	
Ногоцкой	—	106	24	134	28				121	50	
По неполучению ска- зок показаны с прис- ланной в Иркутское на- местничество из Якуц- кой провинциальной канцелярии от 16 ап- реля по полученной 26 мая 784 года при репорте ведомости. Среднековымских 3-х острошках:											
											рухлядью
в Верхнем	—	348	55	157	9				160	50	
в Среднем	—	227	36	314	87				292	50	
в Нижнем	—	22	11	24	2				36		

Иркуцкаго наместничества Якуцкой области в Зашиверской округе	Зва- ние людей	По минувшей ревизии состояло положенных в оклад.	Из того числа померло, в рекруты отдано, другими случаями невозвратно убыло.	Ныне по поданным ска- зам явилось положенных в оклад в преж- нюю перепись, после оной вновь рожден- ных и разными случаями прибыло	Против последней ревизии		С души подать платят		Коликое число податей вообще с каждого звания следует получить		По каким указам
					при- было	убыло	руб.	коп.	руб.	коп.	

Алазейскаго зимовья	—	169	29	232	63				денгами		
									239		
Переведенных из Ана- дырска в Нижнеко- вым Чюванскаго и Хо- дынскаго родов	—	28	10	38	10				рухлядью		
									42	20	
Всего якутов	—	2379	569	2971	594	2			3336	20	
						2					
						592					

Л. 19

Иркутскаго наместничества Якутской волости в Зашиверской округе	Звание людей	По минувшей переписи состояло положен- ных в оклад.	Из того числа померло, в рекруты и другими случаями невозвратно убыло	Ныне по поданным ска- зам явилось положенных в оклад в прежнюю пе- репись, после оной вновь родилось и вновь разны- ми случаями прибыло	Против последней ревизии		Почем в год с души подати платят		Коликое число податей вообще с каждого звания получить следует		По каким указам
					при- было	убыло	руб.	коп.	руб.	коп.	

По неполучению
сказок показаны
с присланной в Ир-
куцкое наместни-
ческое правление
из Якуцкой пра-
винциальной кан-
целярии от 16 ап-
реля по получен-
ной 28 мая сего
784 года при ра-
порте ведомости

По силе
плаката
724 года,
наказов
имянных
и прави-
тельствую-
щаго сена-
та 760 ок-
тября 12-го
768 ноября

Иркутского наместничества Якутской области в Зашиверской округе	Зва- ние людей	По минувшей ревизии состояло положенных в оклад	Из того числа померло, в рекруты и другими случаями невоз- вратно убыло	Ныне по поданным ска- зам явилось положенных в оклад в пре- жнюю перепись, после оной вновь родилось и разными случаями прибыло	Против последней переписи		Почем в год с души подати платят		Кolikoe число пода- тей вообще с каждого звания получить следует		По каким указам
					при- было	убыло	руб.	коп.	руб.	коп.	
Алазейского зи- мовья	с кре- стьян госу- дарст- венных	19	10	9	—	10			33	97	13-го, 775 апреля 20 и октября 10 и 783 годов мая 3 числа.
В Среднековым- ских 3-х острош- ках:											
Среднековымском	Ссыл- ных			8	8				30	20	
в Нижнем				73	73				275	57	
Алазейского зи- мовья				1	1				3	77	
Итого ссыльных				82	82				309	55	

Л. 20

В Зашиверске	купе- чества	31	19	23	8				98	55	
в крестьянском окладе											
Всего в Зашивер- ской округе куп- цов		31	19	23		8			98	55	
Мещан		99	55	174	15				412	5	
Крестьян государ- ственных		62	30	50	1	13			188	75	
Ссыльных		—	—	82	82				309	25	
Якутов		2379	569	2971	592				5336	20	
Юкагирей		339	124	456	117				591	50	
Ламуток		319	138	695	176				701	50	
Итого		3429	935	4451	1043	21			5639	10 1/2	

На подлинном пишут:

Губериской казначей *Андрей Столяров,*Секретарь *Дмитрий Воронецкой,*в должности казначея сын боярской *Иван Аммосов.*

Иркутского наместничества Якутской области в Зашиверской округе	Зва- ние людей	По минувшей ревизии состояло по- ложенных в оклад	Из того числа померло, в рекруты и другими случаями невозврат- но убыло	Ныне по поданным ска- скам явилось положенных в оклад в преж- нюю перепись, после оной родилось и вновь разными случаями прибыло	Против последней ревизии		Почем в год с души подати платят		Коликое число тех податей вообще с каждого звания получить следует		По каким указам
					при- было	убыло	руб.	коп.	руб.	коп.	

При городе Зашивер-
ске родов:

Юкагирского	34	15	22	—	12	—	—	42	—	
Каменного	33	12	35	—	—	—	—	37	50	

По неполучению ска-
зок показаны с прис-
ланной в Иркутское
наместническое прав-
ление из якутской пра-
винциальной канцеля-
рии от 16 апреля, по
полученной 28 мая
сего 784 года, при
рапорте ведомости:
Среднековымских трех
островков

ясашных юкагирей

в верхнем	64	30	57	—	7	—	—	118	50	
в нижнем	95	34	220	125	—	—	—	170	50	
Амолонского роду	82	20	97	15	—	—	—	28	50	
Алазейского зимовья	31	13	27	—	4	—	—	68	50	

Итого юкагирей 339 124 456 140 23 — — 591 50

Устьянского зимовья
Ламутского роду
При городе Зашивер-
ске в родах:

Буяурском	26	8	32	6	—	—	—	34	50	
1-ом Кунгурском	62	21	82	20	—	—	—	79	50	
2-ом Кунгурском	33	11	40	7	—	—	—	40	50	
Каменном	95	24	129	34	—	—	—	136	50	
Тугесирском	26	8	24	—	2	—	—	39	—	
Жалжанском	26	5	31	5	—	—	—	36	—	

По неполучению ска-
зок показаны с прис-
ланной в Иркутское
наместническое прав-
ление из якутской пра-
винциальной канцеля-
рии от 16 апреля по
полученной 28 мая
сего 784 года при ра-
порте ведомости

ясашных ламутов

вообще
зверем, а
по неуло-
ву — день-
гами

Годов на-
казов
и именно
763-го года
указа, ин-
струкции
данной
лейб-гвар-
дии се-
кунд-майо-
ру Щерба-
чеву.

Иркутского наместничества Якутской области в Зашиверской округе	Зва- ние людей	По минувшей ревизии состояло положен- ных в оклад	Из того числа померло в рекруты и другими случаями невозврат- но убыло	Ныне но поданным скас- кам явилось положенных в оклад в прежнюю перепись, после оной родилось и вновь разными случаями прибыли	Против последней ревизии		Почем в год с души подати платят		Колик ое число тех податей вообще с каждого звания получить следует		По каким указам
					при- было	убыло	руб.	коп.	руб.	коп.	

Среднековымского верхнего острога	163	43	212	49					208	50	
Верхоянского зимовья со сказок											
Тугесерского ламуц- каго роду	44		85	41					66		
Итого ламутов	519	138	695	178					701	50	

ЦГА ЯАССР, ф. 169-И,
оп. 1, в. 1, л. 16.

12

Зашиверской Спасской церкви от священника Ми-
хаила Слепцова в Верхоянское комисарство сообще-
ние.

В указе Ея Императорского Величества и якуцкого духовного правления авгу-
ста 21-го 780 под № 265-м, а мною полученного февраля 27-го числа сего 1781-го году,
паписано: минувшего де июля 1-го дня на полученное там от меня доношение по по-
даному от крещенаго Дмитрия Тарабыкина объявление в вызове казаком Иваном Та-
рабыкиным якуцкаго шамана Мохсое Кусачанова и в заставленни по себе шаманить;
и через ево в жертву повешена Жиганьской Ографене корова. По указу Ея импера-
торского Величества и по резолюции тамошних заказных дел велено с провисанием
того доношения в якуцкую правинциальную канцелярию послать промеморию и тре-
бовано, дабы она благоволила в показуемом шаманстве как есть реченные казак,
и шаман, и доноситель, ведомства той провинции верхоянскому комисару со мною
изледовать и, естме оной казак окажетца виным, велеть с ним, да и з шаманом, по-
ступить по всей строгости законов. А затем Тарабыкина казака отдать на христиан-
ское покаяние, положи указной термен, дабы и впредь они и друмя русские и креще-
ные таковых богохульных и мерских диаволу жертв в противность закону божьему
не давали, да якуцкие шаманы никакого богохульного волшебства и шаманства у рус-
ских и крещеных ни под каким видом под жестокими штрафы не чинили ж. Всем тако-
вым от правинции в ведомстве своем накрепко запретить указами, и что учинено бу-
дет — оное правление уведомить. Но показанной казак Тарабыкин до получения
оного указа в инваре 28-го числа сего 781-го году помер, а верхоянское комисарство
от здешняго Зашиверскаго острогу состоит в розтоянщи в пяти стах верстах, а доно-
ситель крещеной Тарабыкин и шеман Мохсой находятся при остроге, то в разеужде-
нии, чтоб оное следствие по далности отсель комисарства не могло продлитца, а меж-
ду тем, по привычке означенной шеман Мохсое как к руским, так и крещеным не мох

чинить таковых шеманств, то во исполнение оного Ея Императорского Величества указу принадлежим оного шемана князю Мекчике Харатину мною, священником, оной шеман допрашивай, которой показал, что подлено он по прозбе казака Тарабыкина шаманство чинил и Жиганьской Огрофене в жертву корову весил, то за оное означенной князец на посланое от меня ему письменное... ведения того шемана на страх другим наказал батог и впредь о пешеманстве как руским, так и крещеным обязан тем же князцом подпискою, о чем для ведома верхоянское комисарство СИМ и сообщая, а в якуцкое духовное правление от меня репортовано 1 апреля дня 1781-го году.

*ЦГА ЯАССР, ф. 244-И;
оп. 1, д. 17, л. 75.*

13

В якуцкое духовное правление зашиверской Спасской церкви священника Михаила Слепцова рапорт.

По присланному Ея Императорского Величества указу из якуцких заказных духовного правления августа от 21-го 780-го году под № 265-м, а мною полученного 27-го числа сего 1871-го году — по прочем велено обще со мною верхоянскому комисару казака Ивана Тарабыкина, и доносителя крещенаго Дмитрея Тарабыкина, и якуцкаго шемана якута Мохсое Кусачинова в шеманстве им означенному казаку Тарабыкину и в повешении им Жиганьской Огрофене в жертву корову исследовать. И естли оной казак окажетца виновным, то с ним, да и шаманом, поступить по всей строгости законов, а затем Тарабыкина казака отдать на христианское покаяние, положа указной термен. Но показаной казак Тарабыкин до получения оного указа в инваре 28-го числа сего 781-го году номер, а верхоянское камисарство от здешнего Зашиверскаго острогу состоит в разстоянии в пети стах верстах, а доноситель, крещеной Тарабыкин, и шаман Мохсое находятся здесь при остроге, то в разсуждении, чтоб оное следствие по дальности отселе комисарства не могло продлитца, а между тем, по привычке означенной шеман как и руским, так и крещеным не мог чинити таковых же шеманств, во исполнение оного Ея Императорского Величества указу, принадлежном оного шемана князце Мекчине Харатину мною, священником, оной шеман допрашивай, которой признался, что подлено он по прозбе казака Тарабыкина шеманство чинил и Жиганьской Огрофене в жертву корову весил, то за оное означенной князец на посланое от меня ему письменное ведение того шемана на страх другим наказал; и впредь о пешеманстве как и руским, так и крещеным обязан тем же князцом подпискою, о чем для ведома от меня в верхоянское камисарство сообщено цисмено, а в якуцкое духовное правление во известие сим покорно и репортую. Апреля 29 дня 1781 году.

*ЦГА ЯАССР, ф. 244-И
оп. 1, д. 13, л. 34.*

14

11 октября
3

По сообщению Зашиверской Спасской церкви священника Михаила Слепцова в усмотрении им в Верхоянской части, что наслегу къянзцов: Усчалской волости — Михаила Чирикова, Байдунской — Чикименя Бекчюргина,

По опому делу о исследовании отряжен от сего суда был селской заседатель Николай Стручков, которой по прибытии своем рапортом донес, что по прибытии в Верхоянск по требованию от показанных князцов Чирикова и Бекчюргина, показанным по делу шаманов, которые ему объявили, что оне, родники их, до прибытия ево отбыли с другим (и) на реку Омолон, верст за 900, которые о высылке обязались

родников ево — крещена Григорья Дуругина и Иван Черемхин, производили шаманство, искоих Дуругин вешал в жертву дьяволу быка.

подписками. И затем оное следствие им не произведено и осталось без действия. И потому, по резолюции сего суда, Верхоянскому улусному голове Мучною Умюгесову предписано сего декабря 31 числа наистрожайше указом с тем, чтоб он, непременно обследовав вновь шаманство, обще со следствием выслал бы их самих всей суд в само скорейшем времени.

Печать сельского заседателя
Якова Лебедева.

Тимофей Акимовский.

ЦГА АЯССР, ф. 189-0,
оп. 1, д. 5, л. 31 об.

Л. 174

15

Получен октября 17 дня 1796 г.

УКАЗ

Ея императорского величества самодержицы всероссийской из якутской верхней расправы зашиверскому нижнему земскому суду.

При рапорте оной нижней земской суд предоставил ведомость за апрель месяц о гражданских делах.

А по справке оказалось: прошлаго 1795 г., ноября 20-го числа, за 181 указом иркутская гражданская палата по рапорту сего департамента, коим испрашивало повеления, чтоб по совершенному недостатку во оном приказных служителей и по избежанию излишняго затруднения вместо прежде представляемых в палату доставлять ведомости о таковых делах, кои по выходящим иногда обстоятельствам войдут в дальнейший производства, предписывает хотя в том департаменте якутской верхней расправы подчиненных ему местах со времени открытия.

ЦГА ЯАССР, ф. 189-И,
оп. 1, д. 5, док. 313, л. 174.

Л. 178

16

Получено октября 17 дня 1796 г.

Правящего должность якутского коменданта подполковника Штевинга — Зашиверскому нижнему земскому суду.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В поданном ко мне якутская градская общая дума рапорте изъясняет, что как здешняго города Якутска, так равно и по торгу здесь пребывающее иногородное купечество, имея по состоянию своему в Якутске торговлю ежегодно, изъясняют на состоящих де в Якутской области, то есть здешней, и протчих округ иноверцов в делаемых ими при продаже лесных зверей обманах свое неудовольствие и просят к преграждению оных от такового в противность закона посредством порченья зверей производимого злоупотребления сделать на правиле закона постановление, поелику те иноверцы, так называемый якуты, яко первые чрез промыслы лесных зверей, как-

то: соболей, лисиц, песцов и белок,— приобретатели, продают всех оных по своему легкомыслию и врожденной к обману склонности в купецкие руки совсем уже не в настоящем их виде. А именно: соболей не только что всего онаго сажаю или другим кто чем мог чернят, но и хвосты у оных по половине и более, а у иных и из середины к хвосту и передняя лапы режут; у лисиц передние лапы, от хвоста и от огуска — черенок, а у белки черненой лутшее для виду от огуска шириною на палец и более место и передние лапы режут же, надеясь в первых изъявленном выше черненым придать лучшую соболю доброту и чрез то, обманув, получить большую за онаго цену. Так (л. 178 об.) и отрезанный от оных и от протчих зверей штуки продать и взять за оныя особливую цену, не воображая себе ни мало того, что они сим самым злоупотреблением зверей, а особливо соболей, совершенно портят и цену за них от покупателей получают противу настоящего в доброте непорченного гораздо уменшительнее, так что у каждого соболя недонимают иногда по пяти и по десяти рублей, поелику оныя по нежности своей от чернения бывают не только непрочны, по и вид свой настоящей вовсе теряют. А хотя покупатели сих зверей и стараются посредством трудов вычищать оныя, но завсем тем привести в настоящее существо бывают не в состоянии. Равным образом у лисиц и белок порченных противу цены, по которой продают они отрезанные штуки, не донимают великое количество, ибо и те самая покупатели порченных от иноверцов зверей продают уже оным или променивают на товары в Кяхте противу настоящих с немалым уменьшением, а иныя и с совершенным убытком [...] узнав сказанное выше резаном у зверей лап и протчего порченья, не только в покупке оных удерживаются, но еще таковое порченье зверей относят единственно на самих здешних и обретающихся здесь для торгу иногородных купцов. И просит в прекращение производимого иноверцами посредством чернения соболей и отрезования у иных и у протчих зверей описанных выше частей злоупотребления, наносящего чрез оно как себе, так и купечеству не только убытки, но и совершенное поношение, и во избежание на будущее время от такового иноверцами делаемого обмана произойти иногда могущих каковых-либо худых последствий должного по законам постановления и резолюцию повеления.

Почему зашиверскому нижнему земскому суду предлагаю, как описываемый ду-
маю обстоятельства подают немалое примечание в происходимом от иноверцов зло-
употреблении, то всем заведыванию своего якутским и тунгуским головам, княскам и
старшинам сделать наистрожайшее предписание, дабы оне не только ныне накрепко
воспретили своим родникам, но и на идущее время и навсегда воспрещали в таковых
чинимых ими продерзостях и злоупотреблении, всемерно стараясь от всего того удер-
живать их под опасением строгого при первом изобличении в том кого-либо, доступ-
ления по законам.

Л. 179

а.

Петр Штевинг.

17

Находящиеся Зашиверской округи в Шанской части якутской казачей команды сотник Солдатов в рапорте от 20-го декабря 1809 года изъясняет.

Узнал он от жителей танских и усть-янских, что в тамошнем ледовитом море, против матерого берега, в морском проливе, в недавно прошедших годах зашиверским мещанином Портнягиным найден остров, называемый болшой, разстоянием от твердой земли примерно в двухстах верстах. На пути к которому есть два острова: первый от берега в 60, а последний от того в 90 верстах. На острове сем производил

промыслы зверей и прииск мамонтовой кости якутской купец Ляхов, а по смерти его достался он я упоминаемые два острова во владение якутскому ж купцу Сыроватскому.

Л. 7 об. Бывшие на оном для промыслов мещане — якутской Яков Чирков и зашиверский Раман Кочевшиков — объясняют, что большая его лежит под северо-восточную сторону. В некоторых местах есть каменные, лежащим наподобие хребтов расстояния к западной стороне, а поперещнику полагают по 80 верст, а как северо-востоку несравненно в превосходном количестве. Промышленные сии нашли там вещи, подающие повод думать, что на острове сем есть жители, не имеющие сообщения с живущими на твердой земле. Вещи сии состоят из медного котла, с переломанною душкою, и называемою по-тамошнему прудила для остановки собак во время проезда на нартах.

Купец Ляхов объявил, якобы, найденный котел якутской провинциальной канцелярии и, вытребовав геодезии ученика Креженовского, ездил с ним для описания сего острова и пробыл там целое лето. По недостатку ли кошту или по нерадению не могли открыть расстояние более известного, т. е. 80 верст во все стороны.

После сего промышленные находили кладбище, подобие похороненного человека — недавно рубленное дерево, места, где приметны были юкагирские юрты и дороги, по которым ездят на нартах. Когда ж отлучались они с сего острова в Устьянскую и Шанскую части и оставляли добываемую ими мамонтовую кость у зимовья и нарты свои в оном, то по возвращении находили оную пересматриваемою и не нашли копыльев от нарты. Сколко ж не старались они замечать откуда приезжали к зимовью жители, то всегда находили, что дорога лежала из-под северо-восточной части острова.

Сотник Солдатов,
желая из верноподданнического усердия сделать настоящее открытие расстояния сего острова и надеясь найти там жителей, по сие время никому не известных и склонить в подданстве России, просит.

1-е. Чтоб отряжена была с ним вооруженная команда из казаков в 25-ти человеках, из коих должны быть по

Л. 8 об. одному кузнецу и слесарю, один ученик геодезии для снятия плана и один таковой же лекарской с нужной препорцией аптеки.

2-е. Снабдить его на выдачу жалованья служителям и на протчия расходы, долженствующие употребиться в три года, достаточною суммою денег.

3-е. Отрядить для лучшего узнания местоположения бывших там мещан: якутских — Кондратья и Якова Чирковых, Якова Саникова, зашиверских — *Ивана* Портнягина и Романа Кочевщкова, а на случай для перевода знающего юкагирский и русский язык бугесирского роду юкагира Льва Тиломова и чукотского переводчика из имеющих в Нижнековьмской крепости, в Чуванском наслеге.

4-е. Снабдить достаточным количеством для житья палаток и аммуницией, что все полагает взять из хранящегося в Нижнековьмской крепости, оставшегося от морской экспедиции. Катала же, *которые* могут доставить на берег моря нижнековьмские жители.

5-е. Построить на оном острове чрез нарочно отряженных людей апбары для хранения

6-е. Доставку нужного количества провианта, харчевых припасов, корму для собак и прочаго экипажа полагает он произвести за год до отправления команды следующим образом: одну половину препорции доставить на лошадях на Индигирку в Ожогинскую деревню, а оттоле летом сплавить до Шанскаго поста по воде разстоянием 120 верст. А другую — из Якутскаго водою по реке Лене до урочища Быкова, с оных мест — на собаках посредством жителей быковских, устьянских и шанских.

1-е. Для доставки на остров людей полагает нарядить жительствоющих в комиссарствах Зашиверском, Шанском и Устьянской части Жиганском с урочища Быкова якутских и зашиверских мешан, крестьян и ясашных разных наслогов с потребным числом собак и нартами, которыя и должны пробывать на острове до возвращения вооруженными по тамошнему обыкновению луками и стрелами.

8-е. Отправится для сего открытия полагает он с 1-го мая и быть там до замерзания морскаго пролива, т. е. до октября или ноября месяца.

9-е. Для лета приготовить сто оленей езжалых, которых могут выставить по наряду Зашиверскаго и Среднековымскаго комиссарств юагири и ламутки, по многолюдству коих повинность сия отяготить неможет.

10-е. Всех вообще людей, нарезанных для сего, довольствовать во все времябытия их на острове дачею провианта.

18

Получено апреля 28 дня 1793 г. Л. 63

УКАЗ

Ея императорскаго величества самодержицы всероссийской из Иркутскаго наместническаго правления Зашиверскому нижнему земскому суду.

В рапорте господин якутской комендант, полковник Козлов — Угренин, от 5 октября 792 года за № 530 на указ сего правления касателно до неотлучки земского исправника Баннера низачем в уезд, пока не отберутся ответы, изъяснял делаемое им на Зашиверской границе чукчам приласкание разными подарками, и что они в рассуждении его с ними обращения зделали совершенную совсем привычку и доверенность. А потому от невыпуска ево в уезд оные чукчи могут по ветренности своей легко отшататься. В Зашиверске же для заступления Баннерова места способных никого нет, поелику дворянские заседатели — Мартьянов не бывает трезвой, а в Старкове не только чукчи, но и якуты подали к нему, господину Козлову — Угренину прозбу с прошением о невъезде ему в их жилища, почему обоим им на обращение с чукчами доверенности зделать и не можно. А сверх того и протопоп тамошней Слепцов состоит во многом по делам прикосновенен, то, чтоб чрез ухищрения свои не мог комиссею отводить от настоящего дела, просил ево из Зашиверска удаления. На что по справке в правлении оказалось предложением его превосходительство господин генерал-порутчик, правящей должность генерала-губернатора Иркутскаго и Колыванскаго, и разных орденов кавалер Иван Алферьевич от 26 мая 792 г. под № 1023 на представление сего правления, между прочим, предлагал капитана-исправника Баннера, хотя бы и следовало за изъясненными в донесении резонами, отрешить от настоящей должности. Но теперь его высокопревосходительству оное оставляет для того только, что по имянному Ея императорскаго величества указу, всеилостивейше его высокопревосходительству.

Л. 63 об. пожалованному, возложена им на него немаловажная до того края касающаяся секретная комиссия, которую и должен он выполнить без потерянныя времени.

А изволит наместническое правление предписать ему Баннеру, что он, когда вышеозначенными следователями начнется производство дела и поколе не отберутся в высказываемом на него злоупотреблении и лихоимстве подлежащая ответы, ни для чего в уезд не отлучался. Буде же паче чаяния наряженными следователями усмотрено будет, что без отражения Баннера по окончанию исследования привести невозможно и от того самого настоять будет затруднение и остановка, в таком бы случае с ясными обстоятельствами донесли как его высокопревосходительству, так и наместническому правлению.

Вследствие онаго учиненное в правление того ж мая 27 числа резолюею по протчем заключено касательно до исправника Баннера и стряпчаго Кадьтшева и в протчем то предписано в предложении его высокопревосходительства по коему, как и по резолюции правления комиссию исполнение чинить одалживается. Исправнику ж Баннеру предписано указом, чтобы он когда следователями начнется производство дела и доколе не отберутся в высказываемом на него злоупотреблении и лихоимстве надлежащие ответы, ни для чего б в уезд не отлучался. А минувшаго 792 года февраля от 10 числа в сообщении Иркутская духовная консистория уведомляла, что прошлаго 790 года октября 11 и 21 числ присланными во оную консисторию сие правление сообщениями с приложением при 1-м касательно до Зашиверскаго протопопа Слепцова бумаг одерзновенных ево поступках, и что он вмешался в производившийся между тамошними чиновниками дела, до его Слепцова нимало не принадлежащая,

Л. 64 на законченное оной консистории рассмотрение с требованием о подтверждении и протчим священникам воспрещения входить в непринадлежащая до них дела.

При 2-м — содержащий в себе примирении Зашиверскаго земского исправника Баннера с помянутым протопопом Слепцовым на рассмотрение с требованием о последующем уведомлении, почему с доклада его превосходительству здешнего духовного консисторию определено учипить следующее.

1-е. В Якутское духовное правление послать (и послан) указ и велено означенного протопопа Слепцова за вступление в непринадлежащая по званию его дела, как и с приложеннаго в деле писаннаго ево Слепцова рукою к дворянскому заседателю Сивцову писма усматриваются во оном весьма дурные выражения, в коей не толко ему протопопу Слепцову, яко духовному человеку, входить отнюдь не подлежало, но и других от таковых и подобных сему непристойных происшествий отвлекать следовало, ибо, хотя он, Слепцов, ответом своим и объяснился, что он такая писанный им выражении разумел в других обстоятельствах, по сего во оправдание принять не можно, тем паче, что по силе правил святых апостол и богоносных отец ему, протопопу Слепцову, в таковых случаях против протчих всема исправнее поступить следовало.

По силе напечатанной в высочайшем учреждении 365 статьи оштрафовать 25-ю рублями, кои денги, для раземотрения и куда они принадлежать будут, для записи в приход прислать во оную консисторию при рапорте.

А при всем том ево, протопопа Слепцова, во оном духовном правлении обязать строжайшею подпискою, с тем, дабы он впредь в подобные сему принадлежащия до него дела входить отнюдь не дерзал, кого подписку и прислать в духовную консисторию

Л. 64 об. при рапорте.

2-е. А дабы в подобные сему происшествия и другие состоящие в Иркутской епархии священно и церковнослужители входить не могли, о том и в прочие духовные

правлении и иркутского уезда к десято начальным священникам предписать (и пред- писано) указами.

В предложениях же его высокопревосходительство Иван Алферьевич изволил писать 1-м от 28 мая истекшаго 792 года, что после данного его высокопревосходи- тельством сему правлению предложения в определении секретаря Старкова в Заши- верск в дворянские заседатели получил его высокопревосходительство от сего правле- ния донесение, открывающее между протчим зашиверскими чиновниками касателство и до него Старкова, которой и должен в отражаемой комиссии оправдаться. А посему благоволило наместническое правление ево Старкова отправить при той комми- сии в Якуцк, производя между тем по закону половинное жалованье. Вследствие онаго, по учиненной в правлении резолюции заключено определенного в Зашиверск в дворянские заседатели секретаря Старкова, который по открывшимся между прот- чими зашиверскими в касателство и до него Старкова в отражаемой комиссии оправ- даться должен, коего при той комиссии и отправить в Якутск, о чем комиссионерам июня 17 числа дано знать указом. О произведении ж по закону половиннаго жало- ванья, о чем в казенную палату того ж числа сообщено.

2-м от 22 числа минувшаго ноября к сведению предлагать изволил о ученном от Его высокопревосходительства господину якутскому коменданту предписании о вы- езде зашиверскому исправнику

Баннеру в округу для свидания с чукчами, для чего по учиненной в правлении резо- люции заключено предложение его высокопревосходительства Ивана Алферьевича, записав в журнал, к сведенью храним с протчими в наместническом правлении при- казами.

Л. 65

Как по выведенной из дела справке видно, что поступки протопопа Слепцова упо- мянутою консисториею разсматриваны и надлежащее постановление ею учинено, а потому отлучить ево от места и надобности не настоим.

Заседател же Старостин за прописанным выше сего обстоятельствами в показанной улус не должен въезжать. О том господину коменданту дать (и дано) за сим указом, а оному зашиверскому земскому суду к сведению предписать февраля 18 дня 1793 г.

ВЕДОМОСТЬ,

учиненная в иркутской духовной консистории, сколько якутского заказа в ниже- писанных городах и уездах их, кроме города Гижигинска, в прошлом 1790-м году по исповедным священническим росписям оказалось не бывших во исповеди разных чинов обоего пола людей. О том значим ниже сего.

Л. 86

	духовных		военных		приказных		разночпвцов		купцов, мещан п цеховых		дворовых		поселян		Итого	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.

В городе Заши- верске	—	—	1	-	2	—	29	20	7	3	1	1	1	1	40	24
-----------------------	---	---	---	---	---	---	----	----	---	---	---	---	---	---	----	----

Свидетельствовал секретарь Емельян Гаев
С подлинным читал подканцелярист Петр Кношовсклп

ЦГА ЯАССР, ф.389-И, оп 1, д. 2, док. 34, лл. 63, 63 об., 64, 64 об., 65, 86.

СПИСОК,

учиненной в Зашиверском нижнем земском суде вновь выбранным к заседанию по присутственным листам в селские заседатели кандидатом; кто сколько имеет от роду лет, дом, скотоводство и какой прожиток значит на нем.

Кто пмяно	Лета	Кто имеет дом, жену и детей	Сколько кто имеет скотоводство или какця промыслы и прожиток
Зашиверской округе среднековымского ведомства Мятюжской волости ведения князца Ивана Сыроватского якут Богдашка Быпчюсев	30	женат	Скотоводство имеет, а прожиток от промыслу всякого зверя и рыбы
Кангалаской волости ведения кпязца Федота Кокорина крещен Егор Жирков	65	женат	Скотоводство имеет, а прожиток от промысла всякого зверя и рыбы
Мятюжской волости князца Ченчука Тортогорова Ирдысын Нятиков	50	имеет два дома	Скотоводство имеет и прожиток от промыслу всякого зверя и рыбы

ЦГА АЯССР, ф. 173-И, оп. 1,
оп. 7, доп. 2&*, л. 26.

За секретаря регистратор...

20

ВЫБОР

Выбрали мы, нижеподписавшиеся Зашиверской округи Среднековымскаго ведомства улуской голова Иван Сазонов с протчими кнезцами, в селские заседатели по лутчих родников в наших, а имянно: наслегов Мят(юж)ской волости князцов Ивана Сыроватока — Богдашка Быпчюсев; Кангалаской, Федота Кокорина — Егор Жирков, Мятюжской же, Ченчука Тортогорова — Ирдысын Нятиков, кои состояния хорошего, напред сего ни в каких штрафах и наказаниях не бывали и ведут себя всегда в добром порядке. Оную должность несть могут, о чем с приложением наших наследных печатей подписуемся

Печать
головы Ивана
Сазонова

Печать
кузнеца Павла
Жиркова

Печать
кузнеца Ивана
Сыроватскова.

21

ОРДЕР

Из якутскаго духовного правления Зашиверской Спаской церкви священнику Михаилу Слепцову.

Сего марта 19 дня при писме от его преосвященства здешним закащиком Гаврилой Ноговицыным получено девять печатных кратких катихизисов, которые по разсмотрению ево велено роздать знавшим якутской язык священником для обучения ново-

крещен, переводя на якутской диалект, для чего тебе, священнику Слепцову, при сем ордере из оных посылает одна для содержания при себе и обучения тех новокрещен.

Марта 22 дня 1774 года.
Закащик протопоп Гаврил Ноговицын.

ЦГА ЯАССР, ф. 244-И.
ОП. 1, д. 10, л. 37.

22
РОСПИСАНИЕ,

учиненное в Иркутской казенной палате, коликое число Зашиверской округи с крестьян надлежит собрать рекрут вследствие высочайшего Ея императорского величества, состоявшегося сего 796 г. сентября 13 дня, указа с пяти сот душ пяти человек.

Звание людей; имеет сколько с них взять рекрут следует	Число душ	С них рекрут	Откуда сколько вскладку денег принадлежит, считая по 360 рублей рекрута, по 3 рубля 60 копеек с души	Рубли	Копейки
--	-----------	--------------	--	-------	---------

Зашиверской округи крестьян:					
Устьянского зимовья	9			32 р.	40
Ковымского зимовья			Сих по ненадобности никуда к приписке вскладку казенную. С них денег — 7 р. 20 к.		
верхняго	2				
средняго	7			25 р.	20
нижняго	23		Оные вскладку к Зашиверским и Среднековымским мешанам. С них денег —	82 р.	
Алазейского			Оные вскладку казенную. С них денег	32 р.	
Итого Зашиверской округи крестьян	50				

ЦГА ЯАССР, ф. 189-11,
оп. 1, а. 7, Ал. 42—42 об.

23
Получен 13 ч. 1797 года. Л. 63

Его императорского величества, самодержца всероссийского указ из Пркутского наместнического правления Зашиверскому нижнему земскому суду. Рапортом зашиверской земской исправник капитан Попов доносит, что тамошней округи ясашно плательщики, а особливо Ковымской части называемые ламутки и юагиры никогда себе порядочной жизни не имеют, кочуют беспрестанно по древней своей привычке по разным отдаленным и неизвестным местам.

Есть того же звания Нижне и Верхнековымские екагери, не имеющие никакова скотоводства, кроме собак, самого беднейшего состояния, болшею ж частию зараженные тяжкою венирическою болезнию, имеют жительство неподвижно.

Но первыя кочующия, выходя в Ковымския остроги чрез год, а нередко и чрез два, в одно толко время, просят в проездах онаго земскаго суда чиновников свести их ясак в Зашиверское казначейство.

От которых, в рассуждении отдаленности, а колми паче их легкомыслия, дабы паки не отдав ясака, не удалились в неизвестные места, тот их ясак к свозу в казначейство при подлинных от них доношениях, а от последних Нижне и Верхпековым-ских юкагирей, хотя они и неподвижно жительствоуют, также по неотступной их просьбе ясак к свозу и равно ж при подлинных в казначейство доношениях, в рассуждении отдаленности не имения, потому что первыя по легкомыслию удалятся в неизвестные места, а последние по отдаленности и бедности не имеют к выезду никакой возможности.

Зашиверское ж казначейство поставляет, что чиновники не по должности ясак от оных иноверцов представляют в Иркутскую казенную палату, описывая, что должно чиновникам толко чинить плательщикам попуждение.

А потому от сего наместническаго правления просит в разрешение, принимать ли впредь от оных ясашно....

24

ПРИЛОЖЕНИЕ СПИСКИ ЯКУТСКИХ ВОЕВОД И ПРИКАЗЧИКОВ ЗИМОВИЙ НА СЕВ.-ВОСТ. СИБИРИ 2. ИНДИГИРКА

(Уяндинский, Подшиверский, Зашиверский острожки).

Приказчики	Целовальники	Время пребывания в должности
к. Иван Ребров (Уяндино)		1638–1642
к. Поспик Иванов (Подшиверы)		1639–1640
к. Дмитрий Зырян (Подшиверы)	Епифан Водышкин	1641 – 1642
к. Кирилл Нифантьев и Аника Никитин (Уяндино)	Епифан Вольтнкин	1642 – 1644
к. Андрей Горелый	Епифан Волынкип, Богдан Евдокимов Зырянов	1644–1645
к. Андрей Горелый	Богдан Евдокимов Зырянов	1646–1648
к. Копстантин Дунай	Федор Ходутип	1648–1650
к. Андрей Горелый, Фома Кондратьев (Зашиверы)		1650–1652
к. Василий Бурлак (Зашиверы)	Дементий Кораблев, Васи- лий Курочкин	1650–1652
к. Иван Овчинников (Зашиверы)	Василий Горбов	1652 – 1654
сб. Кирилл Ванюков (Уяндино)		1654–1658
п/д Герасим Цыпандин	Лука Ощепков	1655–1657
п/п Василий Бурлак (1659 г. Зашиверы)		1657–1659
к. Лазарь Аргупов	Карп Андреев	1658–1660
д. Иван Жирок (Зашиверы)	Карп Андреев	1660–1662
сб. Андрей Булыгин	Максим Парфептьев	1663–1665
к. Григорий Константинов		

Приказчики	Целовальники	Время прерывания в должности
сб. Иван Жеглов	Иван Воропаев	1665—1666
сб. Кузьма Лошаков		
с. Амос Михайлов (Зашиверы)		1662 -1663
сб. Андрей Булыгин (Зашиверы)		1665- 1665
Марчко Федоров		1665- 1666
Емельян Аргунов (Подшиверы)		1666- 1668
Лыткин (Зашиверы)		
Степан Щербаков (Зашиверы)		1668—1670
с. Амос Михайлов		1670
к. Григорий Посников (Нижнее Зимовье)		
Друган Габышев (Среднее зимовье)		1670- -1671
сб. Леонтий Трифонов (Зашиверы)		1670- -1671
сб. Григорий Пущин		
сб. Юрий Крыженовский (Зашиверы)		1675- -1677
Емельян Аргунов (Подшиверы)		
Федор Творогов (Уяндино)		1677- -1679
к. Дмитрий Савин (Зашиверы)		
п/д Герасим Цыпандин (Зашиверы)		1686- -1688
сб. Федор Краснояр (Зашиверы)		1688- -1689
п.д. Иван Тобольский (Зашиверы)		1688- 1690
III. Алазея		
Дмитрий Михайлов Зырян		1642-1643
к. Иван Кузьмин Беяна		1646-1648
к. Иван Родионов Ерастов		1648—1650
к. Панфил Мокрошубов		1650-1652
к. Федор Чюкичев		1652—1654
д. Алексей Олеть		1654—1655
к. Третьян Васильев Смирпягин		1655—1657
к. Андрей Горелый		1657—1659
к. Федор Яковлев Кузнец		1659—1661
п/д Герасим Цыпаттдин	Осип Иванов	1661 — 1663
Михаил Стадухин		ноябрь
сб. Иван Хвостов	Осип Иванов	1663-1665
д. Никита Тютин		1665-1669
п/д Никита Тютин		1669
		1668

Господину преосвященному
Инокентию епископу Иркутскому и нерчинскому

ДОНОШЕНИЕ

Л. 63 Сего 1735 года июля 18 дня мы нижепомянованны приговорили в Якуцке якуцкой соборной церкви дьячка Алексея Иванова сына Слепцова в Зашиверской острог во храм Нерукотворенного образа господа бога во священники понеже у нас из давних лет оная святая божия церковь стоит пуста и никого по нынешнее число избранника доброго человека не было и в толикия прошедшия леты во оныя дни в том остроге тамошня жители многия помирали бес покаяния а младенцы без святого крещения а вышеявленного Алексея Слепцова питать будем мы нижеимянованны своим изживением без всякого прекословия неотложно со всяким желательным усердием колико можем по возможности своей.

Того ради всепокорнейше просим вашего преосвященства чтоб того Алексея Слепцова по желанному ево намерению ежели господь бог допустит посвятить во храм Нерукотворенного образа господа нашего Иисуса Христа во священники чтоб в таком отдаленном месте в проповеде тамошней парод имел всегдашнее попечение на его святую десницу от чего могут спастися.

Вашего архипастырства нижайший раб зашиверской житель Алексей Иванов сын Рожин июля 19 дня 1735 года. К сему доношению вместо посадского человека Алексея Рожина его прошением енисейской разночинец Иван Часовщиков руку приложил.

Л. 64 1735 году июля 18 дня **Зашиверского острогу** жители нижеподписавшийся приговорили мы в Якуцке соборной Троицкой церкви дьячка Алексея Иванова сына Слепцова во оной Зашиверской острог к церкви Нерукотворенного образа господа бога и спаса нашего Иисуса Христа во священники понеже де он человек доброй и не пияница и искусной к церковному званию, а питатца ему Слепцову ругою от нас зашиверских жителей и за сим нашим выбором и писменным обязательством ево Алексея нам зашиверским жителям во всяком снабдении не оставлять а ему Алексею быть тщательну и радетелну во святом церковном служении без всякого пороку а кроме вышеявленной спаской церкви в другия места ни под каким видом неотлучатца и у той святой спаской церкви житель до окончания живота своею в том и подписуемся своеручно 1735 году июля 18 дня

К сему выбору вместо посадского человека Алексея Рожина ево велением драгун Василий Тетрин руку приложил. К сему выбору посацкой человек Марко Кашин руку приложил. К сему выбору вместо посадского человека Алексея Кондинского ево прошением посланной партии служилой человек Григорий Борисов руку приложил. К сему выбору якуцкой посацкой Федор Бояркин руку приложил. К сему выбору вместо посацкой человека Федора Латышева ево прошением енисейской посацкой человек Иван Плотников руку приложил. К сему выбору вместо сьп боярского Федора Галкина его прошением Емельян Чусин руку приложил.

Л. 65 1735 года июля 19 дня по приказу преосвященного Иннокентия епископа Иркутского и Нерчинского а по доношению и заручному выбору поданному к его преосвященству сего июля вышеписанного числа якутского города Зашиверского острогу обывателей и градских якутских жителей о постановлении в тот Зашиверской острог во священники к церкви Спаса Нерукотворенного образа якутской соборной церкви дьячка Алексея Иванова Слепцова которой в его ж архиерейском приказе пред на-

местником иеромонахом Корнилием в допросе своем в божью правду сказал родом де я москвич а бывшего блаженныя памяти при государыне царевпе Наталии Алексеевне коменданта Ивана Романова Слепцова сын ево родной, которой мой отец ныне имеется здесь же в городе Якутску в присылке, а по каким делам оный прислан про то не знаю, и житель ни у каких дел но просто тако ж и я ни у каких же государевых службах и у зборов не бывал а от рождения себе имею дватцат шестой год а доволствоватца я

бывшим прп той церкви буду церковным доходом без оскудения тако ж и своими трудами в чем и подписуюсь

К сему допросу Соборной Троицкой церкви дьячек
Алексей Слепцов руку приложил.

26

В Иркутскую духовную консисторию от священника
Зашиверской Спасской церкви Григория Слепцова

ПОКОРНЕЙШЕЕ ДОНОШЕНИЕ

Сего 1787 году марта 1 дня находился у меня в доме в гостях здешной господин *Л. 1*
городничей надворной советник Иван Самсонов с протчими находящимися людьми при моей кампании которыя мною были званныя и все наша благородство здешное общество и вдрух находящей господин городничей между прочими разговорами вступил женской персоне здешнего земскаго суда секретаря Дмитрея Старкова женою ево Стефापидой Петровой и стал говорить неподобныя речи которыя принадлежащий всему нашему обществу и касающее до моего священства на которое ево такое шумство и на драку просил пусталеты и хотел сотворить убийство и поставил у дверей караул сержанта Петра Гуляева салдата Ивана Кошелева на которое просил

оной городничей свою саблю и такое бешенство сочинил в доме моем и меня не *Л. 1 об.*
сочёл уже за хозяина приказал в окна стрелять пушками на которое испужась с такового страха и неблагопристойства и умышлительнаго его злодейства едва воздержался; и сам господин городничей выговаривал что и убит человека толко чести лишат; и потом выйдет со озартом свой дом и посылал ко мне в дом трижды показанного салдата Кошелева а в четвертый рас сержанта Гуляева; но однако ж я не согласился итти видя оные ево злодейства и умышления; а с полуночи в первом часу оной господин городничей собрав комапду ходил по улицам и богомерския песни под окном у меня пел и кричал; а к чему ево такое злодеяния и не выпуская из своего дому нушешной палбы единственно я принимаю на свой отчет и разбития моего дома и поношения священства и не пренебрегая звания нашего и не соблюдая законного порядка что уже у себя содержит в работе бежавшего ис полку салдата Николая Семенова да бежавшую девку Евросинию о коих донесено до прибытия моего ис parroхии сведением в Зашиверску в нижнюю расправу господипу асесору Петру Гулимову (которыя салдат Семенов и девка Евросиния) по незнанию нашему в росписех показаны были одного городничего Самсонова дворовыми людьми, а ныне по справке явились точно беглыми

кои впредь до резолюции из росписей выключены.

Л. 5

Того ради сим покорне прошу Иркутскую духовную консисторию за вышепрописанныя резоны от такого господина городничего Самсонова зловреднаго умыслу зашитит по отдаленности здешнего места; от чего нахожусь великой опасности и не имея у себя обороны и команды для сохранения жизни нашей не соблаговолепо ли будет.... истребовать из иркуцкаго наместническаго правления и от нагластей ево команды для пре-

досторожности и росылок во время проезда в парохии до двух человек в уездах в опасности иноверцов для проповеди слова божия и от прочих командировок и о вышеписанном в Иркутскую духовную консисторию на рассмотрение сим покорне и преставаю

священник Григорей Слепцов И мая 19 дня 1787 года.

27

«По сообщению наместнического правления о непри-
нятии священником Слепцовым разных людей на ис-
поведь»

Из Иркутского наместнического правления в Иркут-
скую духовную консисторию.

Здешнему правлению Зашиверская нижняя расправа в рапорте генваря от 25 чис-
ла сего года под № 9-м пишет, что того генваря 19-го в Зашиверской нижней расправе
имели разсуждение, что декабря 16-го числа той расправы сторож Андрей Бартенев
присудствию объявил, что он послан был с сообщением тамошней Спаской церкви
священнику Михаил Слепцову, которой де священник Слепцов по прочтении онаго
сообщения объявил, что он не принимает и благоволила бы расправа представить в
здешнее наместническое правление для разрешения происходящего сомнения, причем
и оное сообщение возвратил, в котором сообщении прописано, что того декабря 13
числа в поданном в ту расправу тамошней городничей господин надворной советник
Самсонов сообщении на таковое же господину городничему посланное от той распра-
вы сообщение минувшаго ноября \З числа касателно до понуждения не бывших в
1787 году у исповеди разнаго звания находящихся при городе обоего полу людей про-
писывал, что в сходность требования той расправы того ж ноября 28 числа было пред-
писано тамошнему старосте Стефану Хабарову, чтоб неотменно приказал тамошним

Л. 2 об. жителям быть во исповеди безотговорочно;
того ж числа в поданном староста Хабаров рапорте тому городничему объявил, что
при собрании жителей во святой церкви просили священника Михаила Слепцова,
чтоб исповедывал, на которое объявля, что ныне уже год кончился и должны заплатить
штраф и притом выговаривал, что ныне должно исповедывать тех толко, кои болпы или
отлучаются в дорогу, почему в той расправе в журнале записано было с прописанием
поданного от господина городничего сообщения священникам Михаил и Григорью
Слепцовым сообщить с требованием, дабы благоволили расправу уведомить, почему из
них Михаил мог на требование старосты Хабарова сограждане объявить, что ныне
якобы 787 год кончился и должны заплатить штраф якобы ныне исповедовать тех кои
болны или отлучаютца в дорогу а как расправа совсем не может сие их объявление
принять в действие да и никакого законнаго припятствия и пе отколь никто не имеется
что еще 787 год пе кончился, а он священник Слепцов от исповеди отозвался, а по-
тому и почитает то ево отзывательство несправедливым и совсем закону противным, а
ежели об оном у них от какого вышняго началства повеления копию в немедленном
времени имели бы представить к рассмотрению в ту расправу

Л. 2. [...] на посланное сообщение с требованием сведения не изъяснил, а объявил, чтоб
расправа представила вышнему пачалству, с пебывших в 787 году разпаго звания
обоего полу людей взыскивать штрафных денег расправа смелости не лмеет и для того

оная расправа определила с прописанном всего в сие наместническое правление представить да при том расправа в покорности своей осмеливается донести, что оные находящийся при городе сограждана по учиненному от тамошняго городничего господина надворного советника Самсонова

предписанию требовали от священника Михаил Слепцова о учинении им исповеди, которой от онаго отозвался. И для того в наместническом правлении определено с прописанием онаго рапорта во оную консисторию сим сообщить и требовать, дабы благоволила о произшедшем от священника Слепцова поступке рассмотреть и поступить с ним по законам. Июля 21 дня 1788 года.

Л. 2 об.

ГАОУ.ф. 50, оп. 1,3.363,
сс. АЗ, лл. 2-г об.

28

«По доношению Зашиверского священника Слепцова о прибавлении жалованья».

Великому господину преосвященнейшему Михаилу епископу иркутскому и нерчинскому города Зашиверска Спасской церкви священника Григорья Слепцова

ПОКОРНЕЙШЕЕ ДОНОШЕНИЕ

Как я нижайший при показанной Спасской церкви нахожусь обще с братом моим родным священником Михаилом Слепцовым и с будущими при нас двумя причетниками во священнослужении обращении идолаторов в православную греческого исповедания веру и у исправления но округе города Зашиверска обитающих жителством в разных дистанциях христиан и ясных крещеных мирских духовных треб и проезд свой за требами каждогодно по должности вверенной исправляем; а хотя к содержанию нас с семейством денежное жалованье по росписанию Иркутской казенной палаты каждогодно из Зашиверскаго уездного казначейства положенное толко на одного священника восемьдесят рублей пополам з братом моим Михаилом Слепцовым и на причетников двух восемьдесят же, а всего сто шестьдесят рублей и получаем, однако ж онаго в разсуждении отдаленнейшаго места, а притом и безхлебнаго (кроме рыбы) обоим священникам в получении малого жалованья имеем в пропитании и содержании себя с семейством

Л. 2

претерпевать крайнюю нужду и бедственность тем паче, что, не получая против прочих состоящих в Якутском заказе и самых ближайших церквей находящихся при них священнослужителей на каждую семью по дватцати пуд хлебнаго жалованья натурою пи денежным положением ни отколь не определено; и так что положенное восмидесяти рублевое на одного священника и причетников толикое ж число денежное жалованье в Зашиверске по последовавшему в 787-м году от Иркутской казенной палаты росписанию в выдачу происходит по заслужении и по полугоду а пе на весь кажды год производством чинится, в чем тем получаемым нами священниками и причетниками малым окладным жалованьем к продовольствию себя с семейством к закупке доставок из Якутска по самому далечайшему разстоянию и по дороговизне хлеба и харчевых припасов из того жалованья к безнужному пропитанию покупкою быть невозможно, и тем претерпевая всекрайнюю нужду, а состоявшимся имянным ея императорскаго величества 1783 года марта 15 дня указом определено, на состоящий в отдаленнейших местах ружные церкви обретающимся при них священно и церковнослужителям про-

Л. 1 об.

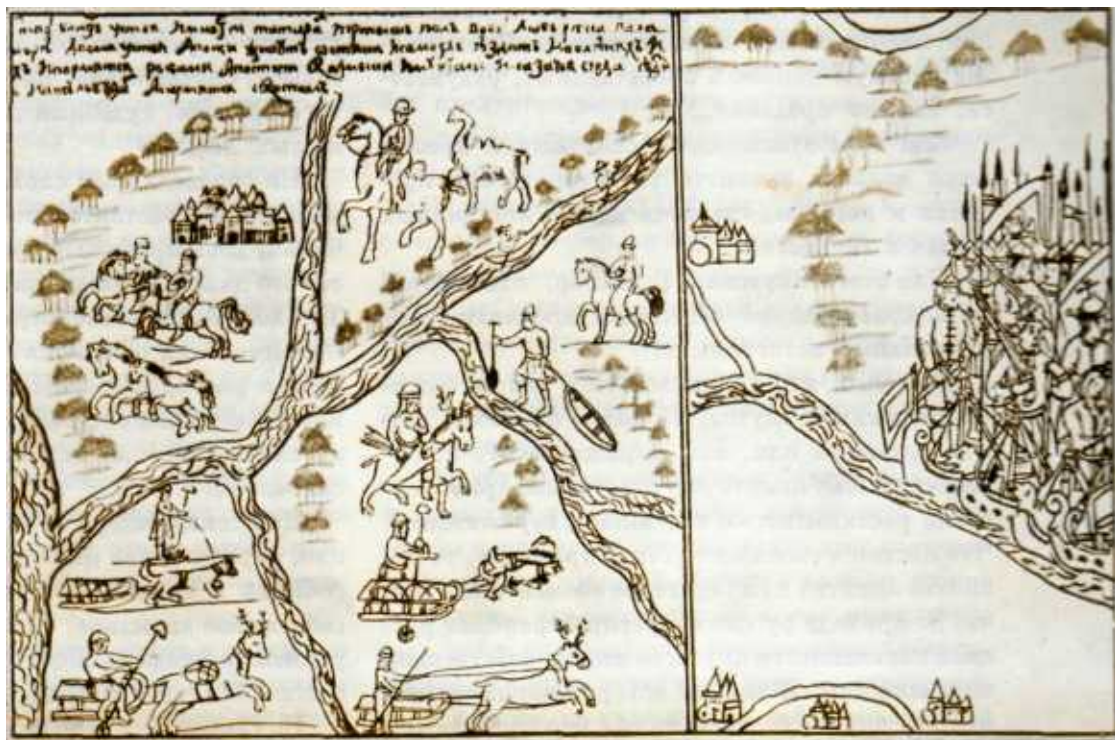

изводить (кроме денежного) на каждую семью по дватцати пуд хлебным жалованьем, однако ж я священник Слепцов обще с братом моим священником же и с причетники того хлебного

- Л. 2* жалованья как и выше сего натурою ни денежным положением за оной пи отколь и поныне не получали. Того ради о сем вашему преосвященству представя покорнейше прошу дабы повелено было о определении в выдачу как мне нижайшему так и брату моему священнику Михаилу Слепцову на каждого по восмидесяти рублей денежного, так и о производстве в Зашиверске натурою хлебного на каждую семью по дватцати пуд, так равно и на находящихся при нас двух причетников жалованья, в Иркутскую казенную палату повелеть сообщить и от себя в главное правительство куда надлежит представить.

Октября 23 дня 1788 года.

*ф, 50, оп. 1, се. 43,
лл. 1, 1 об., 2.*

ЗАШИВЕРСК И ЕГО СУДЬБЫ В ЗАПОЛЯРНОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Затерявшийся в безбрежных пространствах лесотундры и тундры Зашиверск не мог не оставить следа в фольклоре местного населения. С ним связан особый, зашиверский, цикл исторических преданий. Это якутские предания, отчасти и русские, тоже туземные, «досельных» русских, тесно связанных по образу жизни, по быту и культуре с коренным насе-

лением — якутами и юкагирами. Публикуемые нами исторические легенды и предания, относящиеся к Зашиверску и происходившим в нем событиям, записаны различными собирателями и в разное время.

В них слышатся отзвуки реальной жизни, разумеется, в специфической фольклорной обработке.

В книге Г. У. Эргиса, наиболее глубокого знатока и исследователя якутского фольклора, «Очерки по якутскому фольклору» дана исчерпывающая характеристика **жанрам** якутского фольклора. Он делит эти произведения на следующие жанровые группы: мифологию, обрядовую поэзию (алгыстар), олонхо, сказки, якутские народные песни, скороговорки (чабыргах), пословицы и поговорки, загадки (таабыран) и, наконец, исторические предания и легенды¹.

Как видно уже из перечня жанров, якутский фольклор представляет собой: огромное целое, образно выражаясь, целое море, в которое сливаются самостоятельные жанровые потоки.

Каждый жанр имеет свою специфику, характерные черты, несет богатейшую информационную нагрузку, одинаково важную для специалиста-фольклориста, литературоведа и историка.

Для историка, стремящегося воссоздать реальные исторические события, уловить в обра-

зах фольклора черты реально действовавших лиц, известных до письменным документам, первостепенную ценность представляют, разумеется, именно предания.

И в этом отношении исследователя прежде всего должны занимать те исторические предания и легенды, где речь идет о конкретных местах и личностях.

Для этого якутский фольклор, относящийся к сравнительно недалеким временам, дает уникальные возможности.

Каждого, кто соприкасался с историческими преданиями якутов, поражала стойкость устной традиции или, как выражается Г. У. Эргис, «хорошая память якутов, умение ярко и образно рассказывать о виденном и пережитом»². Что касается стойкости устной традиции, то это вполне понятно и находит свое объяснение в том, что до прихода русских и распространения русской письменности якуты не имели собственной письменности. И вся их история заключалась, как и у других бесписьменных народностей мира, в устных «летописях». Именно так, «устными летописями» называл легенды и предания якутов такой крупный исследователь ранней истории якутского народа, каким был Г. В. Ксепофонов³.

О силе и живости устных рассказов якутов о прошлом своего народа, о собственной жизни и жизни предков хорошо сказал в свое время еще Н. А. Костров: «Якут рассказывает друзьям и детям историю своей жизни, не упуская ни малейшей подробности, с такой ясностью и точностью, что кажется, будто рассказываемые происшествия совершались на днях»⁴.

Разумеется, по мере углубления в прошлое реальные события утрачивали точность и полноту исходного рассказа. Многие в них обволакивались дополнительными, чисто фольклорными, легендарными в истинном смысле слова мотивами. В них внедрялись и мифологические элементы, что тоже объясняется силой мифологической традиции. На реальное ядро событий наслаивались фантастические общие места, в том числе мировые, или «странствующие», сюжеты. Это в первую очередь относится к таким преданиям, как рассказы о первопредках якутского народа, Омогое и Эллее, об Улуу-Хоро или Тыгыне, легендарном «якутском царе» в легендах кангаласского цикла.

Но, как показал тот же Г. В. Ксепофонов, в легендах, рассказывающих о событиях трехсот-

летней давности, XVII столетия, можно обнаружить в фактической канве нередко поразительное соответствие письменным документам того времени, судебным делам и отпискам служилых людей.

По справедливым словам Г. У. Эргиса: «Окружающая действительность, исторические события, достопримечательные явления жизни — все это давало богатый материал для рассказов. Так возникали автобиографические рассказы и повествования о событиях и жизни народа. Подобные рассказы обычно ограничивались описанием совершившихся фактов, причем факты излагались так, как они были восприняты рассказчиком»⁵.

Для таких исторических преданий характерна и определенная циклизация: наиболее яркие события и выдающиеся деятели привлекали к себе особое внимание. Связанные различные варианты легенды концентрировались вместе и составляли своего рода эпос.

По словам Г. У. Эргиса: «Иногда о действиях одного и того же человека или о событиях, связанных между собой, рассказывается много преданий с различными сюжетами, объединенных именем главного действующего лица. С течением времени отдельные предания слагались в цикл преданий, содержащих последовательную биографию героя. Циклы преданий создаются вокруг имен исторических личностей и важных событий в жизни народа. Так, например, возникли циклы о воинственном кангаласском родоначальнике Тыгыне — центральной фигуре преданий о межродовых и межплеменных столкновениях якутов в конце XVI — начале XVII в., о легендарном «разбойнике», стихийном бунтаре Василии Федорове (Манчаары), выражавшем протест бедноты против патриархально-байского гнета в первой половине XIX в. Подобные циклы преданий были известны у якутов весьма широко и почти повсеместно»⁶.

Каждый такой цикл имеет характерные особенности, которые определяются как реальной канвой исторических событий, так и той социальной средой, уровнем ее развития, которая служила для них фоном. В данном случае имеются в виду два цикла легенд, известных в разных вариантах, которые связаны с Зашиверском. Первый цикл образует легенды об основании города Зашиверска и о герое, который называется Ёрөкө-Чөрөгөр, Ерөк-Чөрөк, Берт-Чөрөгөр.

Б исторически писемных документах мы не находим рассказов, которые бы с такой точностью соответствовали деятельности этого фольклорного героя, как это можно видеть в рассказах о кангаласских выдающихся якутах, записанных Г. В. Ксенофоптовым и другими собирателями. В письменных документах нет его имени, как нет и подтверждения тому, что он активно помогал русским служилым людям.

Но в легендах верно передается факт помощи якутского населения служилым людям. Якуты, которых встретили русские на Яне и Индигирке, и па самом деле находились в сложных отношениях с юагирами и ламутами. И, естественно, они воспользовались силой служилых людей в межплеменных конфликтах, сложившихся задолго до появления основателей Зашиверского острога па «Собачьей реке» — Индигирке.

Черты реального события носит и рассказ о том, что вражда между якутами и «омуками» началась после того, как Ёрё-Чёрёгёр утопил в проруби омуцких детей. Должно быть, действительно имели место столкновения из-за рыболовных мест, перераставшие в межплеменные войны.

В документах XVII в., кстати, говорится о том, что юагиры-янгинцы из рода князца Уянды перегораживали реку, носившую его имя, для ловли рыбы⁷. Они давали шоромбоам рыбу взамен оленьего мяса и шкур⁸.

Якутский богатырь, храбрый воин, который выступает в легендах как союзник русских, очевидно, существовал на самом деле как прототип легендарного деятеля.

Однако в легендах о Ёрё-Чёрёгёре явственно выступают черты «хосунного эпоса». Он с братом ловит на лету стрелы, выпускаемые врагами, а затем стреляет в них теми же стрелами. Убегая, богатырь перепрыгивает через реку, подобно другим сказочным героям. Оттуда он кричит преследователям, что вернется через три года, когда девочки стапуг держать в руках ножницы, а парни лук со стрелами.

В легенде выступает и такой «хосунный мотив», как предупреждение некоей старухи о том, что богатырь-мститель скрывается в шатре, но тунгусы ей не верят и потому погибают.

В том же «хосунном ключе» звучит и рассказ о том, как один из тунгусов перед нападением на богатыря-якута взбирается на дерево и кукует. В первоначальном варианте, должно быть,

речь идет о кукушке-оборотне, мотиве чисто шаманском. И, кроме того, кукуя, шаман-тунгус делает вызов врагу на честный бой. Убить без предупреждения врага считалось в древности делом бесчестным, недостойным настоящего воина-мужа.

Б варианте, опубликованном Г. У. Эргисом, «омуки» — враги богатыря прямо говорят: «Разве можно убить хороших людей, не дав им знать, забравшись на деревья, стали куковать»⁹. Этические нормы людей родового общества выражены и в такой детали преданий зашиверского цикла, как рассказ о поступке одного из участников событий.

Он убивает захваченную победителями одну из женщин разгромленного вражеского рода. Чтобы представить, как выглядел этот поступок по понятиям родового общества вообще, нужно вспомнить, что женщины во время межплеменных войн пользовались неприкосновенностью. Они могли быть захвачены врагами, превращены в рабынь, но уважающий себя, порядочный воин, жестоко расправлявшийся с мужчинами, не поднимал руку на женщину, не мог ее убить. Женщины во многих случаях выступают, как сабинянки древнего Рима, парламентарями, примирителями.

Вдобавок он убивает женщину, привязанную к дереву, беспомощную, неспособную сопротивляться. И, что всего отвратительнее, он проливает кровь женщины после того, как остался в стороне от схватки с врагами и не участвовал в борьбе.

Он трус, бесчестный, кровожадный подлец — таков вывод из предания, такова мораль его авторов.

Словом, все эти детали рассказов о нем составляют общий фольклорный фон, свойственный хосунным рассказам в целом.

Они свидетельствуют об аборигенной, северной, основе местного фольклора, наслонившегося на конкретные исторические факты.

Что же касается реальной исторической основы преданий, то существенно, что речь идет о движении русских сначала морем, а затем и вверх по р. Индигирке. Это может относиться только к походу Ивана Реброва, и, следовательно, так нужно датировать рассказ о конкретном деятеле легенды. Ёрёкё-Чёрёгёре был, очевидно, вожем и спутником Реброва.

Отголоском реальных событий является рассказ о том, что имели место столкновения с

«омуками» на Индигирке. Интересно и то, что «омуков» привлекают яркие бусы и вкусная нища русских. Как справедливо отмечает Г. У. Эргис, этот широко распространенный в преданиях мотив связан с тем, что бисер и бусы — «одекуй» употреблялись в качестве даров туземцам¹⁰. Бисер, голубые и белые бусы найдены были нами и при раскопках в Зашиверске в 1969-1971 гг.

Отражением реальных отношений коренных племен «омуков» с русскими служилыми людьми на первых порах является и такая деталь преданий: князец ламутов Хаба держит шкурку огненно-рыжей лисы (предназначенной в ясачный платеж) на конце копья. Так на самом деле объясаченные охотники тайги и тундры в первые годы передавали в зашиверский острог положенную дань. Не менее характерно и сообщение о крепостях-острожках, которые строились якутами в далекие времена. Предания указывают, что острожки строились из «земли». Это и на самом деле, как свидетельствуют исторические документы XVII в., были деревянно-земляные сооружения. Для большей прочности такие острожки поливались еще и водой в зимнее время.

Это делало стены острожков зимой несокрушимыми.

Второй цикл зашиверских легенд связан уже не с возникновением заполярного города-крепости, а с его гибелью, с концом его исторической жизни.

Драма Зашиверска, его трагедия оставили глубокий след в сознании жителей Севера, И реальное событие, гибель горожан вследствие распространения оспы, окружено было атмосферой шаманского мировоззрения. Так появилось представление об оспе — грозном духе в образе быка. Этот сюжет зафиксирован в шаманских текстах, записанных Г. В. Ксенофонтовым: перед нами «матери-звери» шаманов в образе оленя и быка. По мнению Ксенофонтова, в этих образах нашел отражение быт создателей легенд. В облике оленя предстают матери-звери тунгусских шаманов-оленоводов, в образе же быка — матери-звери якутских шаманов, скотоводов.

В зашиверской легенде, чисто якутской по происхождению, оба духа, вступающих в смертельную борьбу, дух оспы и дух шамана, защитника своего племени, предстают в образе быка.

Это мотив глубочайшей древности, того времени, когда боги и духи имели зооморфный облик.

Столь же архаичен, также первобытен и другой элемент этой легенды: рассказ о луке-самостреле, настороженном шаманом против духа оспы. В этой связи вспоминаются наскальные изображения средней Лены, где мы видим пеших охотников с луками в руках и стрелами, направленными в зверя. Образы противостоящих друг Другу сражающихся зверей, шаманских духов точно так же обнаруживаются в наскальных изображениях средней Лены,

Такова самая большая великолепная по сохранности писаница на правом берегу р. Лены, папротий острова Тойон-Ары, не раз упоминавшаяся в литературе¹¹.

В зооморфном образе, па этот раз в облике трех зловещих воронов, оспа появляется и в легенде, записанной от Е. Ф. Слепцовой в 1944 г. Легко объяснимо и появление оспы в другой легенде в антропоморфном облике. Притом в виде трех девиц: оспа была ранее не известна в Зашиверском Заполярье, она пришла, по преданию, якобы, с русскими; и соответственно она изображается в виде русских девиц.

В той же зашиверской легенде выступает и другой широко распространенный па севере Азии миф, созданный древними охотниками тундры и лесотундры, о наказании жадных охотников за неразумное истребление зверей¹².

Этот миф всем своим содержанием неразрывно связан с образом жизни и мировоззрением охотничьих племен сибирской тайги.

Эти племена наряду с ложными, иррациональными представлениями накопили и огромный практический потенциал, который в мифологическом оформлении передает своего рода экономический опыт, выстраданный тысячелетиями таежной жизни.

Охотники тайги и тундры заботились не только об успешной охоте на зверя, не только об удаче сегодняшнего дня, но и о завтрашнем дне. Они выработали свои представления о взаимоотношении человека и природы, заботились об охране природы, о том, чтобы их экологическая ниша оставалась неизменной и даже расширялась.

Таким образом, под фантастической оболочкой легенды и мифа скрывается определенное рациональное ядро, рожденное потребностями реальной жизни.

Этот сюжет по отношению к жителям Зашиверска и их гибели зафиксирован в кратком изложении Ю. Фроловым. Как он пишет, «в начале XIX в. в Зашиверске вспыхнула эпидемия черной оспы — «бабушки», как ее боязливо-инсказательно называли на севере. Шаманы объявили зашиверскую трагедию проделками «нечистой силы», мстящей горожанам за якобы дурное обращение с промысловым зверем»¹³.

Та же версия существует в заполярных легендах относительно полумифического племени маятов, которые содрали шкуру с живого дикого оленя и в таком виде отпустили его. За это маяты были обречены духами на гибель и вымерли. Определенную историческую ценность в сопоставлении с материалами архивных документов, как дополнение к ним, имеют и такие детали преданий, как рассказ о князе Хаба,

о различных жителях Зашиверска, администраторах, священниках. Заслуживает внимания и сообщение о каком-то происшествии, с которым связана гибель города, о том, как были схвачены и увезены «тойоны» города, после чего он опустел. Здесь отражен, возможно, реальный факт того времени, когда Зашиверск был лишен статуса города.

Не случайно, возможно, упоминается и «карта», вероятно — план, который рассматривают участники события.

Таков в основных чертах зашиверский фольклорный фонд, интересный не только тем, что в нем так или иначе отражены конкретные исторические события, но и тем, что он дает важные и яркие штрихи к пониманию мировоззрения и духовной жизни коренного населения в районе древнего Зашиверска.

¹ Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. М., 1974, с. 402. Оглавление второй части труда: «Жанровая характеристика якутского народного творчества».

³ Эргис Г. У. Очерки..., с. 233.

³ Ксенофонов Г. В. Ураапхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов, т. I. Иркутск, 1937.

⁴ Костров Н. А. Очерки юридического быта якутов.—«Записки Русского географического общества по отделению этнографии», 1878, вып. 8, цит. по «Очеркам...» Г. У. Эргиса, с. 233.

⁶ Эргис Г. У. Очерки..., с. 233.

⁶ Там же, с. 234.

¹ Долгих В. О. Род о-племени ой строй, с. 404.

⁸ Там же, с. 405.

⁸ Эргис Г. У. Исторические предания и рассказы якутов, ч. II. М.—Л., 1940, с. 58—59.

¹⁰ Эргис Г. У. Исторические предания..., с. 310.

¹¹ Ксенофонов Г. В. Изображения на скалах р. Лены в пределах Якутского округа.—«Бурятоведение», 1927, вып. 3-4, Верхнеудинск, с. 64—70.

¹² Окладников А. Д., Запорожская В. Д. Петроглифы средней Лены. Л., 1972, с. 243, табл. 139.

¹³ Фролов Ю. Оставшийся в живых.—«Вокруг света», 1965, № 9, с. 54.

ПРЕДАНИЯ О ЗАШИВЕРСКЕ

О городе Зашиверске

До прихода русских на Индигирке жили якуты и тунгусы, которые часто воевали между собой.

У якутов был знаменитый богатырь Берт-Чёрёгёр. Когда якутам стало не под силу воевать с многочисленными тунгусами, Берт-Чёрёгёр пешком отправился в Якутск. На ночь он останавливался у большого дерева, опирался на свое копьё и спал стоя, закрывая только один глаз.

По просьбе Берт-Чёрёгёра из Якутска вышел отряд русских, который поплыл по Ледовитому океану. Когда доплыли до устья какой-то большой реки, Берт-Чёрёгёр выпил воды и сказал: «Эта вода не нашей родной реки». Между тем провизия выходила и отряд стал роптать и угрожать Берт-Чёрёгёру. Достигнув впадения в океан другой большой реки, Берт-Чёрёгёр также выпил из нее немного воды и воскликнул: «Это наша родная река: вода попала прямо на сердце».

Поплыв по этой реке, отряд достиг стоянки тунгусов. Берт-Чёрёгёр, взяв у русских бисер, рассыпал его на песке, а сам спрятался с отрядом в кустах. Когда тунгусы стали собирать рассыпанные на песке корольки, отряд напал на них.

Победив тунгусов, русские остались на Индигирке и выстроили город Зашиверск. Они начали крестить якутов и тунгусов, причем каждому крещеному давали по кирпичу чая, что многих побуждало принимать крещение по два раза [...]

Город Зашиверск становился все больше и больше, в нем было до ста жилых домов. Управляли им русские чиновники. Однажды в город пришли повые русские, которые в одном доме разложили на столе план какого-то большого города. Посмотреть па этот план пришло много народу, и в том числе местные начальники, которые стояли и смотрели на план, заложив руки за спину. Вдруг на них сзади набросилось несколько человек и потащили к реке. Народ от страха и неожиданности не стал защищать своих администраторов. Захваченных чиновников отряд солдат, спрятавшийся па берегу реки, увез неизвестно куда. С тех пор Зашиверск остался без администрации и счастье навсегда покинуло его.

Самым большим несчастьем была оспа, которая погубила все население города. Людей умирало так много, что их не успевали хоронить, и трупы плыли по Индигирке, как размытые весенней водой деревья. Когда началась эпидемия, один старик вышел на улицу и сказал: «Как ты ни сильна, матушка, едва ли ты прекратишь крики наших городских детей!» Тогда эпидемия усилилась, и на другой день уже не слышно стало крика детей. На третий день эпидемии другой старик сказал: «Я всегда лишался благ, даже эпидемия и та меня обходит». На завтра же он слег в постель и больше уже не вставал.

В то время в Зашиверске жил большой шаман. Он еще до прихода эпидемии увидел, как в одной посылке была получена огненно-красная лисица. Увидав эту лисицу, шаман стал говорить, что с последней почтой пришло большое несчастье и что скорее надо бежать из города. Сорок человек поверили шаману и вместе с ним ушли в горы. Через несколько дней после этого шаман отправил свою жену в город узнать о судьбе его населения. Когда вернулась его жена, шаман увидел, что оспа пришла к ним, притаившись в шапке его жены. На вопрос мужа, что сделалось с населением города, жена сказала: «Дым выходит из трубы только одного дома». После этого шаман сказал своим людям: «Войдите все в дом, закройте двери и не смотрите в окно; к нам пришла оспа. Я буду биться с ней и, если победит она, мы все умрем; если же победа будет моя, она уйдет и мы все останемся живы». Люди вошли в дом и заперли двери; через некоторое время поднялся сильный шум. Несколько человек взглянули в окно и увиде-

ли, что на дворе бодаются два страшных быка, один — смолисто-черный, а другой — пестрый, у обоих глаза огненные. Люди в доме страшно испугались, отошли от окна и стали ждать шамана. Шум во дворе продолжался по-прежнему. Наконец поздно вечером шаман вошел в дом весь мокрый от пота и сказал: «Друзья, мы, оказывается, счастливые люди: я победил оспу, и она ушла обратно».

Все жители города умерли от страшной эпидемии, и с тех пор наш город перестал быть городом. Все жилища разрушились, осталась только церковь, а само место, где были дома, обросло тальником.

Предание записано Д. Поповым. — В кн.: Очерки по изучению Якутского края, вып. 2, 1923. Иркутск, с. 20—22.

Из жизни города Зашиверска

Жиркова Мария Спиридоновна родилась в Момском районе. Она умерла в 80 лет. Еще в детстве она услышала рассказ от своего отца, при жизни она сообщила нам.

В Зашиверске жила зажиточная якутская семья. Они в первые годы жизни были бездетными, а затем, в пожилом возрасте, родили дочку. Они, естественно, очень любили ее, ухаживали за ней, как за зрачком своих глаз. Она была умна, трудолюбива, красива, этими качествами она была известна во всем улусе. Она долго не выходила замуж, не было подходящего человека.

Однажды из Якутска приезжает сып купца. Он был молодым человеком, приехал торговать. Будучи холостым, он встретил эту девушку, которая понравилась ему. Он просил ее руки. Она согласилась выйти за него. Родители сказали молодому человеку: «Нам необходимо приготовить ее одежду и вещи. Приезжай весной, когда прилетят птицы, тогда увезешь свою жену».

Зять несколько месяцев жил у них, и молодые полюбили друг друга. Он уехал обратно в Якутск.

Весной, как договорились, он возвратился в Зашиверск. Родители готовили свадьбу. Они за городом поставили коновязи и строили места торжественных сборищ. Пригласили много гостей. Дядя девушки был искусным кузнецом. Он и сама мать девушки сделали много музыкальных инструментов: кёндён купсюр, лохуору, доахтар кылыхабын, чыычаахты *сан* арары, «куёрэгэй ырыата», «кыталык ырыата». Играли на этих инструментах и организовали народные танцы. Свадьбу начали во время восхода солнца, когда дружно поют птички, кукуют кукушки и когда стоял сильный гомон уток и гусей.

Девушка, молодой человек и присутствующие танцевали вокруг коновязей. Молодые поклялись в верности. Вот так справили свадьбу и проводили молодых. Такую свадьбу организовали, чтобы любимая дочь не забыла родителей и часто гостила.

*Записал 17 июля 1969 г.
З. В. Гоголев от П. Е. Слепцова. Село Дружина.*

Слепцов Прокопий Егорович, 50 лет, родился в Абыйском районе Якутской АССР. Адрес: село Дружина Лытыйского района.

О городе Зашиверске

Наши дедушки и бабушки рассказывали, что жители города Зашиверска погибли от эпидемии (оспы). Однажды, говорят, три ворона сели на крест церкви и продолжали они сидеть в течение трех дней. После этого началась эпидемия (оспы). В то время, когда жители города жили хорошо, то пролетающий над городом лебедь (от дыма города) мог пожелтеть совсем. От эпидемии не стало в городе ни дыма и ни людей. Осталась только одна старуха с ребенком. Этого ребенка воспитала эта старуха.

Когда у старухи умерли сын и дочь, она вышла на улицу и крикнула воронам:

— Вы откуда появились: сверху ли упали или снизу поднялись вверх и наш город оставили без людей. Вот тогда-то вороны исчезли.

Говорят, старуха с ребенком остались жить в Зашиверске. Когда эпидемия оспы утихла, опять появились люди в городе. Жил в нем священник Николай, матушка его была старшей сестрой нашей бабушки. В то время в городе насчитывалось около пятидесяти (50) семей, был там общественный магазин (где хранили соль и муку). Жили священник, псаломщик, приказчик и трапезник.

Купцы бывали проездом. Ездили они с Верхоянска через «Кэлээдин» на Колыму. В «Кэлээдин» на ее берегу была поварня и были там надписи на деревьях.

В городе, говорят, жил Михалёв (?) — исправник в течение трех лет, еще русский — старый тойон. Еще жил русский Таркыан (купец?).

В этом городе устраивали собрания люди, проезжавшие из Момы или Абыя через «Кэлээдин».

Священник (Николай) лрожил в Зашиверске лет 20, а *потом* переехал на Колыму, где и умер. После отъезда священника в городе осталось мало людей: мы были почти последними жителями города. Я вместе с дедушкой, будучи ребенком, приехала жить в Зашиверск. Дедушка мой умер в местности «Тёгюрюёк», а бабушка моя с моим старшим братом умерли в городе. После смерти брата я переехала жить с ребенком сестры в м. Тёгюрюёк. Тогда мне было 20 с лишком лет. С нашим проездом не осталось жителей в г. Зашиверске..

Когда мы жили в Зашиверске, он не был похож на настоящий город. В церкви были тогда престол и его покрывало. Было несколько икон.

Наш дом *СТОЯЛ* немного подальше от церкви, в ее верхней стороне... Когда мы переехали в м. Тёгюрюёк, дом наш проезжие люди сожгли. После этого в Зашиверске сохранились два амбара, церковь и колокольня 1.

Из рассказов стариков о городе Зашиверске

Старики передают, что о городе Зашиверске рассказывал старик казак.

В этом году исполняется 199 лет Зашиверску, прежде всего его церкви. Город простоял 72 года, после этого 127 лет тому назад пришла эпидемия оспы и уничтожила его население. В Зашиверске было 70—100 домов. До постройки города Зашиверска в этих местах в горах жили эвенки, их насчитывалось до тысячи людей. С ними воевали вновь прибывшие казаки. У них оружием была винтовка, а у эвенков — лук и стрелы. Зашиверскую церковь казаки превратили в крепость. Известно, что на той стороне церкви, которая обращена в сторону реки, имеется отверстие, в которое можно просунуть кулак небольшого человека. В нее, говорят, клали винтовку для стрельбы. Между прочим, такие отверстия имеются во всех сторонах церкви. Я был там 5 марта 1944 г. Обследовал церковь с наружной стороны. Заметил, что на стенах ее около ста следов стрел. Имеются и следы свинцовых пуль. Можно предположить, что они остались от стрельбы в цель. На территории имеются памятники умершим. Нашел я доску, в которой паписано, что Алексеев умер 20 июня 1820 г., а остальные слова, написанные на этой доске, не разборчивы... Второй памятник поставлен Николаю Ефимову, умершему 29 марта 1846 г. Он, оказывается, был князем Эльгетского улуса. Происходил из местности Арыылаах Абыйского района. Был женат на женщине из Момы. Когда умерла его жена, тогда он поехал к родным, родственникам своей жены в Мому, но по дороге скончался. И его похоронили в Зашиверске.

В эти годы город опустел. После эпидемии оспы многие жители города разбрелись в разные стороны. Население его состояло из русских казаков, по образу жизни они были мещане. И сейчас живут русские в Аллаиховском районе, в низовьях Индигирки, они называются мещанами.

Вольный перевод Н. А. Алексеева, г. Якутск, сентябрь 1959 г. Записано от Евдокии Федоровны Слепцовой (Омукаап) 87 лет, из 1-го Байбуинского наслега Момского района.

Записал Г. М. Васильев 7 августа 1944 г., м. Майор-Крест

Архив ЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 671, ял. 16, л. 17.

Город Зашиверск отстоит от центра Абыйского района Дружины в 260 км, а от центра Хонуу Момского района — в 160 км на правом берегу р. Индигирки...

Само место, где был построен город, было подходящим для его постройки, к такой мысли приходишь, когда ты стоишь на территории города и обзираешь окружающую местность.

В детстве мне приходилось много слышать сообщений о г. Зашиверске, По крайней мере человек 50—60 рассказывали, что строительство города связано с религией. Говорили, что сам бог наметил это место для строительства города, а также указал па него, как на удобное место для города. Но о них я не пишу. Сейчас в городе Зашиверске имеются одна старая церковь, два памятника умершим и два старых амбара и больше ничего¹.

Вольный перевод Н. Л. Алексеева. Январь 1970 г.

Записал С. Солюмое, пропагандист Абыйского райпаркома. Абый, 1944 г. 7 март.

Архив ЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, д. 6 71, ял. 70—71.

Город Зашиверск

Когда я была маленькая, уже не стало города. В городе, говорят, было около семидесяти домов русского типа. Говорят, в городе жили и якуты. Люди почти поголовно погибли во время эпидемии оспы. Тогда две женщины — сестры, обе высокого роста (духи эпидемии), сели на вершшке деревьев у города Зашиверска. Просидели они в течение семи суток, наблюдая за весельем жителей города: танцами, играми детей и др. Так они сидели, жалея людей города. В это время ехал на пестром олене тунгусский князец по прозвищу Хабы. Он держал на палке шкуру черно-бурой лисицы. Духи эпидемии обратились к нему с просьбой отдать им эту шкуру, чтобы могли они вытереть пот с лица. Тогда ответил им князец Хаба: «Как я отдам русским девушкам, желающим вступить в любовную связь с мужчипами?», — и погнал галопом своего оленя. Вот тогда-то духи эпидемии стерли с лица земли население города. Говорят, сохранилось только три человека: двое мужчин и одна женщина. Они убежали из этого места в горы. Затем послали женщину узнать, что стало с городом. Она выяснила, что жители города поголовно погибли. Возвратилась она обратно, но вместе с ней, спрятавшись в нее, пришел дух оспы. Дух оспы съел всех этих трех людей. После гибели всего населения города все имущество церкви разделили на две части, передали их в Мому и Майор-Крест.

Вольный перевод Я. А. Алексеева. Март 1970 г.

Примечание. В деле имеется снимок (фото) Зашиверской церкви. От Рязанской Ирины Ивановны, но лет, из наслега Майор-Крест, Абыйского района, 24 апреля 1940 в. Записал А. А. Саевин.

Архив ЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 3, в. 478, Л. 2.

Про Орок Чорок (Ёрёк-Чёрёк)

Рассказывается, как и в других записанных Боло преданиях, что, когда якуты были побеждены под Якутском, тогда Орок Чорок с братом удрал в сторону Верхоянска, а потом они по реке Селениях попали на Индигирку. Омуки их нашли спящих. Они закуковали по-кукушечьи. Братья проснулись, побежали по льду. Младшего брата Орок Чорок омуки убили. Убежал Чорок. Но он привел русских через море. Русские па плотях поднялись по Индигирке. У них были пушки. Дошли они до сопки «Кириэстээх» и выстрелили из пушки по омукам. Один 17-летний парень убежал, поднявшись прямо по лицевой стороне сопки. Затем они поднялись еще вверх по реке Индигирке и, дойдя до «Хайдаастаах таас», опять выстрелили из душки... Два шамана нашли ущелье в горах и удрали, поэтому гора названа «Хайдаастаах», т. е. с отверстием, с ущельем. Потом они дошли до местности «Кэбиргинэ тордо», что отстоит немного ниже от Зашиверска, здесь они, выстрелив из пушки, тоже сделали разрушение. Осколки от разрушенной горы упали в небольшие озерки. Сейчас в двух озерах имеется по холму, образовавшемуся от падения осколков горы. Говорят, Орок Чорок поднялся на гору, у которой была срезана

верхушка пушечным выстрелом. Он увидел одну старуху. Она, говорят, по голосу упала Орок Чорок и будто сказала, что я слышу голос Орок Чорок, поэтому вы, омуки, подчинитесь ему. Всех оставшихся в живых омуков, говорят, убил Орок Чорок, никого не оставил в живых.

Потом русские построили город Зашиверск. Он опустел от оспы, осталось немного людей. Якуты поселились недалеко от Зашиверска у устья «Кэбиргинэ тордо», Селянниха, «Буэр урэх» и у озера «Намыы». После, когда не стало жителей в Зашиверске, тогда якуты заселили «Абый».

В Зашиверске, говорят, когда начали строить город, отец Харшаана старика (Ефимова) из земли построил крепость. Эту крепость сын Харшаана отставной Николай Ефимов, богатый человек, тойон, ездил смотреть в город, как на искусство дел своего отца. В последний раз, когда он ездил смотреть эту крепость, тогда, выпив много водки, сгорел от нее. Якуты Абья произошли, говорят, от якутов, живших в Зашиверске и около него, от Ефимовых и других. Наш дедушка после того, как посмотрел крепость отставного Николая (Никтая), говорят, сказал: «Крепость скоро разрушится водой реки и уйдет в нее, если бы построили ее умные люди, тогда она радовала бы всегда глаз своих потомков». Старики говорят, скоро действительно эта крепость была разрушена водой.

Зашиверск сейчас весь почти разрушен водой. Отставной Николай — тойон, баай, голова (улусный), князец, — умер 80 лет от роду. Его отец Харшаан, по-видимому, не был крещен. Его, говорят, учили креститься, но он крестился в меховых рукавицах. Харшаан тоже был богатым: человеком. У баев тогда было много лошадей. Могила отставного находится в Зашиверске. Жили они хорошо (по-видимому, якуты.— Я. А.) в «Абье», «Арыылаахе», «Клэц хонуу» и т. д.

Примечание С. И. Боло. О «Ёрёк-Чсрёк» рассказывают еще в Момском и Средне-Колымском районах. Содержание рассказов совпадает. Поэтому можно сделать заключение, что предания о Ёрёк-Чсрёк являются героическим эпосом населения Индигирки и Колымы с давних времен. Предания о Ёрёк-Чсрёк связаны с историей казаков XVII в., покоривших коренное население Индигирки, Колымы — роды одулов, эвенков, водулов — и построивших остроги Зашиверск, Алазея, явившиеся базами для сбора ясака с населения.

Далее на лл. 27 и 28 дается родословная Ефимовых.

На обороте л. 28 и на половине л. 29 написано:

До постройки города Зашиверска, до прихода русских якуты, говорят, построили «Якутскую крепость» из земли. Потом пришли русские и построили город. Якуты спустились вниз и заселили местность «Кырдыабас Арыылаах» («Старый Арыылаах»). Од лежит от Зашиверска 26 кос (260 км условно. Обычно «кос» равняется 7—8 км.— Я. А.), от Абья один кос ниже по Индигирке. Там старик Харшаан построил церковь. Ее 50 лет назад уничтожил пожар. Там же отставной (Николай) построил часовню. Ее строил «Кытыаус» из Момы.

Заселение Момского района якутами и город Зашиверск

В старину здесь якутов не было. Издревле здесь обитали народности хангаайы, юагиры. Они разводили оленей, занимались охотничьим промыслом, вели кочевой образ жизни. Это был дикий народ. Они ни разу не видели ни якутов, ни русских и ни конный и рогатый скот. Они жили по реке Индигирке и по Верхоянской дороге. Жили они в урасах. Когда они так жили, тогда со стороны Якутска через Верхоянск прибыли беглые якуты в поисках новых земель. В пути они встре-

Перевел (вольно) Н. А. Алексеев. Январь 1970 г.

Фольклорные материалы якутов Ал-шиховского района Якутской АССР. 1941 г.

Записал С. И. Боло от В. И. Ефимова, 72 лет.

Архив ЯФ СО АН СССР, ф. о, оп. 3, д. 452, л.г. 23—29.

тились с омуками и были побеждены ими. Но все же они поймали одну женщину из омуков, привязали ее к дереву и, спрятавшись, легли спать. Вдруг они заметили, что один из них (якутов) не принял участие в войне с омуками, поймали его, допросили: почему он спрятался и не воевал? Тогда он схватил свой небольшой нож и им пронзил привязанную к дереву женщину. С тех пор это место называется местом «кровопролития» и среди местных якутов появилась поговорка: «подобно напавшему к привязанной женщине».

Оставшиеся якуты, испугавшись, ушли в сторону Момы, по реке Селениях вышли на реку Индигирку и там в одном месте встретились со многими омуками. Якуты построили себе бревенчатый дом и засели там. Омуки стреляли из лука, но стрелы не могли пробить бревна. Но все же якуты, проголодавшись, вынуждены были принять бой и опять были побеждены. Осталось от якутов только три человека. Они убежали, прибежали на берег Индигирки и у устья какой-то речки, впадающей в нее, заночевали. Утром, когда солнце показалось на горизонте, закуковала кукушка. Удивились, откуда в это время могла появиться кукушка и стала куковать. Посмотрели кругом и увидели, что около 25 омуков сидели на деревьях, и, оказывается, они куковали по-кукушечьи. Якуты побежали, но омуки тут же двоих сразили и убили. Но один из них, перескакивая через трещины, образовавшиеся во льдах речки, перешел на тот берег и, повернувшись в сторону омуков, крикнул:

— Когда ваши дочери начнут держать в руках ножницы, а ваши сыновья стрелять из лука, тогда я вынырну из-под земли на середину вашего очага, мои старые братья!

Омуки успели крикнуть: «Будь ты отныне, перескакивая убежавший (Ёрёк-Чёрёгёр)». За этим якутом так и сохранилось имя (Ёрёк-Чёрёгёр). Он вернулся обратно на свое старое место, на свою родину.

Прошло несколько лет. Когда-то так жили омуки. Однажды к ним прибыли на закрытых плотках и карабазах с низовьев Индигирки русские люди — войско — и начали палить из пушек и стрелять из винтовок. Около себя разбросали конфеты, пряники, когда туда приходили дети омуков, тогда ловили их русские и кормили. После этого вскоре на берегу реки Индигирки, под горой «Кириэстээх», русские начали строить бревенчатые дома и заложили город. Омуки стреляли в них, но бесполезно. Русские, вылавливая детей и женщин, превращали их в аманатов. Многие омуки в борьбе с русскими погибли, а другие убежали. Один молодец из омуков, говорят, убежал, поднявшись на «Кириэстээх хайа» по его лицевой стороне. Кричал он: «Если вы покажете мою жену, то только тогда я приду к вам». Тогда, говорят, заставляли кричать других женщин, выдавая их за его жену. Но он по голосу замечал, что они другие женщины. Поднявшись на гору, он, ударив камнем свою голову, убил себя.

С этим войском прибыл на Индигирку Ёрёк-Чёрёгёр. Его, говорят, узнали старики и старухи омуков. Они предупредили своих, что не стоит сражаться с ними, что эти люди убивают их, но молодые омуки не послушались их. Потом омуки подчинились русским. Своих аманатов выкупили черно-бурыми, серебристо-черными лисицами, платя им ясак государю. Пушкину привязывали к шесту и передавали русским. Тогда по Индигирке кочевало много омуков.

Итак, Чёрёгёр, побежденный в первый раз, прибыл с русскими, плывя по морю, поднявшись вверх по Индигирке на плотках, во второй раз. На этот раз он победил. Построили здесь город, а затем и церковь. Омуки и якуты подчинились русским.

В городе жило около 70 семей. Дома строили из бревен. Была построена церковь. В ней первым священником был отец Николай, его сменил отец Михаил (Слепцов). Они крестили людей крестным ходом, до них крещеных людей не было. Тогда не-

далеко от города (Зашиверска) на берегу речки «Хаба билирэ», впадающей в речку «Сууруктээх урэх» («Сююрнктээх юрэх»), притоке Индигирки, жили омуки-юкагиры. Когда над их жилищами пролетали стаи чаек, тогда их белая грудь становилась желтой. Эти народности жили в урасах с узорной отделкой. Князцом среди них был назначен русскими по прозвищу Хаба. Он собирал ясак из шкур черпо-бурых лисиц и платил русским. Привозили ясак вместе втроем: он, капрал и старшина, передавали пушнину русским, привязав ее на палку, которой погоняли оленей.

Однажды, когда князец Хаба ехал в город, навстречу ему повстречались трое русских девушек и сказали: — Князец Хаба, отдай нам свою пушнину. Он им отказал... Девушки медленно пошли в сторону урасы омуков... Когда князец Хаба доехал до города, тогда он увидел, что люди начали умирать от оспы. Вернулся домой и увидел то же самое, что его люди начали падать от оспы. От этой оспы погибло все население города и погибло много омуков. Из населения города остались в живых одна старуха с ребенком. Скоро из Якутска приехали люди — тойоны, они разрушили дома и под ними похоронили умерших людей во время оспы. С того времени город Зашиверск опустел.

Вторая оспа совсем, говорят, уничтожила жителей города.

Оспа не дошла, говорят, до Момы. Она поднялась вверх по Индигирке, но, по некоторым рассказам, испугалась духа горы «Кэлээдын», по другим, она отморозила ноги и руки в тарыне (наледи), по прочим, благодаря тому, что прекратились связи и сообщения между людьми,— ввиду этих причин так и не дошла до Момы.

Якуты все больше и больше пачали приходить в эти края при городе Зашиверске, а потом начали размножаться и увеличиваться в своем количестве. Предки байды, урунэйэ (юрюнгэй) не были крещеными, но имели изображения богов из дерева или железа. Занимались они скотоводством, коневодством, охотничьими и рыболовными промыслами. Русские здесь назначали из среды самих якутов князцов, старших и капралов. Ясак платили якуты лисицами. В байде стал князцом Семех, а в урунэйэ (юрюнгэй) Савва. Но о них говорили, что они были людьми периода «комиссии», носили кортики. В их время в Дугдахaxe жил, говорят, Усун Турантай (Высокий Турантай). Про него рассказывали, что он был очень силен, имел богатырский вид. Его ни одна лошадь не смогла выдержать на спине, могла таскать его только одна нежеребая кобылица. Его боялись и русские и омуки. Однажды его пригласили в город (Зашиверск) на празднество. Он боролся с одним русским. Схватил его за бока, приподнял и бросил наземь. Его кобылу однажды взяли и отравили грузом. Когда грузовозчики возвращались и доехали до Оймякона, то эту кобылу присмотрел князец Былахы и оставил у себя. Услыхав об этом, Турантай пошел на Оймякон. В это время у князца Былахы шло празднество: или «ысыах», или свадьба. Он прямо вошел в дом. Признавая в пем постороннего человека, пришедшего издалека, попросили сесть. К нему обратился с вопросом князец Былахы, откуда он и зачем он пришел? На это Турантай сказал: «Я пришел к тебе не разговоры разговаривать, не враждовать и не есть и не пить, а пришел за кобылицей («Кэриэнпээх уэла»)). Сказав так, вышел на улицу. Увидел свою кобылицу в изгороди, взял ее, вывел и, держась за сэрге (коновязь), произнес какие-то слова... уселся верхом на кобылицу и шагом поехал в сторону дома. Сын Былахы весьма сильный человек сказал: «Как это так, он посмотрел на нас и увел лошадь, что это такое?» На это князец Былахы сказал: «Разве ты можешь сравниться с ним, ты даже не выдержишь его шелчка или пинка!» Итак, Турантай привел свою кобылицу домой. Его боялись все. Только он ездил вместе со своим князцом и капралом. С ними он ездил в город. Убивал — по их распоряжению — скотину, освежевал ее, шкуры у быков снимал, вытягивая руками и т. д... Турантай был прекрасным охотником,

лисиц загонял на лошади. Он умер глубоким стариком. Его похоронили на восточной стороне озера «Хампа куёлэ». Он был родом из Байды.

Якуты здесь жили и расселялись в местностях «Ортодойду», «Хонуу», «Соболоох», «Уруйэ тордо» («Юрюйэ тёрдэ»), «Чыбагылаах». В преданиях старики передавали, что якуты приходили сюда за поиском новых земель и людей. Они давали названия отдельным местностям. Например, в Индигирском наслеге увидели кало лошадей, эту местность назвали «Сылгы турар» («Стоянка лошадей»). Со стороны Оймькона сюда пришли Обугэ (Ёбюгэ) и Бордуулаах, они прошли вниз этих мест. Первые пришельцы, найдя местность «Хонуу» (сейчас центр Момского района.— Я. А.), сказали, что это прекрасное место, поэтому назовем ее «Чол Бураан» («Влажный холм, хребет»). Потом наступили голодные годы, настала плохая жизнь, тогда решили переименовать, говоря, что это место плохое, с лишениями и нуждой, и прозвали ее «Муэма». Хорошие места в старину находили там, где кружились птицы (стерхи, белые журавли). Здесь образовались следующие наслеге—племена-роды из якутских мест; Байды, Урунэй (Юрюнгэй), Баатагай, Эльгэс, Энэ. Из них: Эльгэсцы, Эцинор живут в Нижнем Абые. Бойдунцы поселились в «Орто дойду», «Хоиуу» и частью в «Соболохе». Юрюнгэйцы — в «Орто дойду», «Уруйэ тобон» (Юрюйэ тёрдэ), частью в «Соболохе». А багатайцы поселились в «Тойон угалаах». В «Кысыл Балыктахе» живет несколько семей из юрюнгэйцев. В Тебулээх'е («Тёбюлях») поселились позднее из племен юрюнгэйцев.

Об этом предании я слышал от своего деда Кынтыях Сергея. Он умер 80 лет назад в возрасте 100 лет. Такие же предания приходилось слышать и от других лиц. Часть этих сообщений я забыл по старости лет.

О Зашиверске

В давние времена здесь эвенов было очень много, а якутов было мало. Все они жили у устья речки Кэмээринэ. Рыбачили, делая запруд (запор) в р. Индигирке. Однажды якуты, чтобы проверить, знают ли эвены своих детей, поймали одного ребеночка и положили его вместо кола в запруд. Эвены узнали об этом и у них началась война. Эвены уничтожили почти всех якутов. Остались только два человека-якута, два брата: Ёре-Чёрёгёр и Таас Ытыс. Ночью они сбежали по реке Селениях и остановились ночевать в местности Аньчысов. Во сне они услышали кукование кукушки, проснулись, увидели, что эвены копьями угрожают убить их. Окружили якутов тремя рядами. Ёрё-Чёрёгёр вскочил, перепрыгнул через них, оказался на вертящемся льду речки Селениях. А его товарища убили. В Ёрё-Чёрёгёра стреляли из лука стрелами. Их ловил он руками за рукоятку. У эвенов стрелы кончились. Тогда он крикнул:

— Когда девочки ваши вырастут и станут держать в руках ножницы, а мальчики вырастут и станут держать в руках лук и стрелы, тогда вынырну через ваш очаг и появлюсь к вам еще раз.

Ёрё-Чёрёгёр дошел до Якутска. Оттуда он привел русских. Они спустились до Лене, поплыли по морю и поднялись по Индигирке. Доходя до рек, впадающих в море, говорят, спрашивали у Ёрё-Чёрёгёра — это не Индигирка, по вкусу воды она или другая? Попробовав воду Индигирки, он сказал, говорят: «Сердце и печень почувствовали, что это беломолочная вода моей родной Индигирки». Поднявшись по Индигирке, они дошли до устья речки Кэмээринэ, где жили эвены.

Русские разбросанных одиночками эвенов и якутов ловили и обращали в свою веру. Построили г. Зашиверск, а потом церковь. Появились тойоны, священники. Денег не было. Ясак и другие сборы платили пушниной. Город рос и стал большим

Вольный перевод Н. А. Лесеева. Февраль 1970 г.

От Садовникова Дмитрия, 1876 г. рождения, члена колхоза им. И. Е. Ворохилова Мугурдахского наслега Абыйского района.

книги записей № 2 тек- городом. А потом появилась оспа. Она уничтожила почти все население города в Абыйтом районе. Потом организовали управу (улусную) в м. Крест-Майор. В это же самое время появилась и Верхоянская управа. После управу перенесли из Крест-Майора в Абый, потому что для разведения конаого и рогатого скота там подходящих мест не было. Население здесь росло за счет приезжих из Якутска и Верхоянска. Приезжали сюда потому, что здесь, в Абые, много хороших рыболовных мест. В те годы было мало скота у населения Верхоянска.

Дialeктическая экспедиция
Института ЯЛИ.
Март — апрель 1957 г.

Архив ЯФ СО АН СССР,
ф. 5, оп. 6, д. 235, лл. 59—63.

Вольный перевод Я. А. Алексеева. 1970 г.

Записано Я. В. Стручковым
10 марта. 1944 г. от. Гаври-
ла Прокопьевича Соломова,
89 лет, члена колхоза «Путь
Ленина» Абыйского наслега
Абыйского района.

Архив ЯФ СО АН СССР, ф.
5, оп. 3, в. 597, лл. 1 — 7.

О Зашиверске

Говорят, что в давние времена от оспы погибло население города. Тогда имущество церкви разделили на две части. Одну часть передали в Мому юрюнгэйцам, а вторую половину — Майыарской церкви, в Абый (эльгетцам).

От оспы погибло много людей, но некоторые разбрелись по Индигирке вверх и вниз.

В Зашиверске жители имели копный, рогатый скот и оленей.

Мой отец умер 72 лет. Он рассказывал, что доставлял жителям Зашиверска рыбу, тогда он был молодым человеком. Рыбу вяленую, копченую он возил с речки «Сутуруоха». С Верхоянском была связь через речку «Кэлээдаин», а с Момой — придерживаясь берега Индигирки, беря прямое направление при ее извилинах.

В городе, говорят, количество домов, юрт доходило до 270. При эпидемии оспы количество тойонов доходило до 40 человек. По моим подсчетам Зашиверск опустел 164 года назад.

Там был священник, архиерей, псаломщик и др. Людей было много.

О Зашиверске

По прошествии двух-трех поколений людей, после того как был построен г. Якутск, прибыли сюда двое русских из Охотска. Шли они через Оймякон и вниз по Индигирке. Звали их Бордуулаах и обугэ. Бордуулаах умер, говорят, живя в ущелье «Ытаабыт». Хребет этой местности носит название Ёбугэ. Ёбуге прибыл в Мому. С горы увидел широкую долину и назвал ее «Эбир Хонуу» («Пестрая долина»). Она, эта долина, мол, похожа на то место, где стоит город Якутск. «Пестрая долина» сейчас является центром Момского района («Хонуу»). В то время в этой долине проживал баай, звали его Сээмэн.

Прибыв сюда (в Мому), Ёбугэ (Ёбюгэ) вместе с якутом из якутских мест Тихоном ушли в «Кэбиргэнэ», у устья которой встретились с Ёрё-Чёрёгёр и Бэрт Хара, с ними они пошли вниз по Индигирке и вернулись одни сюда обратно спустя продолжительное время. Имя «Тихона» носит речка, впадающая в Индигирку. Она находится недалеко от «Хонуу» в верховьях Индигирки.

Были они в Якутске, придя оттуда во второй раз с большим количеством людей, с пушками и винтовками, побеждают тунгусов. Тогда в этих местах жило много омуков, столько, сколько комаров. Омуки сказывали, что шумит что-то, а потом небольшая ранка появляется на теле человека, оттого и умирали люди.

Эти люди дошли до места, где сейчас находится Зашиверск, сказали, что здесь можно построить город. И построили его. У них, по-видимому, была цель построить на Индигирке город.

В постройке города принял участие Ёрё-Чёрёгёр. Говорят, что он, поднявшись на «Кириэстээх хайа» (Гора с крестом), срубил самое большое дерево, которое послужило основанием креста Зашиверской церкви. Говорят, он сел верхом на срубленное дерево и спустился с крутого камня, называемого «Место Чубуку» (место горного барана). При этом сказал: «Если есть бог, то я не умру». Он не умер, говорят. С тех пор тот камень (с которого спустился Ёрё-Чёрёгёр) называется «Кириэстээх таапа» («Камень креста»). После Ёрё-Чёрёгёр уехал в Якутск и шил там. Его, говорят, наградили, и стал он почитаемым человеком за то, что был проводником (на Индигирку) и нашел хорошее место для постройки города.

Когда население города постигло несчастье, тогда Зашиверск стал управой Эльгетского улуса. Там секретарем (управы) был русский по фамилии Тарков. Жене его звали Евдокия (Огдоочуйа). Она не верила в бога. По распоряжению Таркова была построена церковь в Моме, жена его была против этого. Таркова после смерти похоронили у Момской церкви. Говорят, жена перенесла его останки в «Орто дойду», где проживала она, и похоронила там. Могила Евдокии находится в местности «Орто дойду». Тарков перед смертью завещал из 600 голов скота 300 пожертвовать в Николину церковь, а остальные оставить ей. Старуха не исполнила завещания, а раздала скот бедным — страждущим. Часть скота пропала во время эпидемии. Приезжал к ней ее брат, но с ним она не поехала в Якутск.

В (Зашиверской) управе жил предок эльгесцев отставной Николай.

После смерти этого отставного Николая и Таркова город опустел. В то время когда жили Тарковы в Зашиверске, там насчитывалось около одного десятка домов, в которых жили люди. Жил там и казак Тарабукин. Он является дедушкой старухи Омукчаан и ее старшего брата Ивана Кюлюктэй. Он похоронен в Зашиверске.

В 1926 г. в Абый для примирения (по-видимому, для мирной ликвидации бандитизма,—Я. Л.) через Мому приезжал Дмитрий Попов (надо полагать, это—Дмитрий Николаевич Попов, уроженец Верхоянска, один из руководителей Верхоянского округа, бывший председатель правления «Холбос», ответственный работник Якутского обкома КПСС в 30-х годах.— Н. А.). Был я у него проводником. Он в алтаре церкви (Зашиверской) нашел доску величиной с доски момского столика, исписанную черной и красной еле заметными красками. С нее он снял копию. Там, говорят, было написано о городе, сколько человек там жило и сколько раз он подвергался разрушению. Он (Попов) сказал мне: в последнее время умер у них самый большой тойон и один священник (его труп не мыли в течение трех месяцев, пока не приехал другой священник)...

Зашиверск два раза подвергался эпидемии оспы. Город, став управой, подвергся эпидемии оспы до Тарабукиных. После этого управу перенесли на берег озера «Намы». Я это помню...

Как возникла оспа в Верхоянске

Предок Кидэпэлфипа Тимофея женился на русской из Якутска. Она была дочерью купца. Муж убил ее из ревности.

Это было так. Приехал из Якутска русский купец и остановился возле их дома. Утром, когда муж ушел на охоту, жена пошла к купцу провести о родных. Когда муж вернулся, свекровь говорит ему: «Твоя жена ходила к русскому купцу, а ты, дурак, меня стыдишь — ее не учишь!»— и плетью ударила сына в лицо.

Тогда тот побежал к жене, поволок ее за волосы в лес и повесил. Хамначит сказал о беде домашним, но они ничего не смогли сделать — она была уже мертва.

Родители невесты, услышав, что сделали с их дочерью, решили отомстить. Они отправили родичам зятя посылку в ящике, туда положили оспу. Когда получили этот ящик, все собрались вокруг, чтобы увидеть подарки сватов. Открыли крышку — оттуда распространился синий дым и люди повалились сразу, двое убежали. В доме в живых остался только один слепой старик. Духов оспы (иччи) было много. Они ухаживали за скотом, делали все, что полагается в хозяйстве богатых людей. Между собой духи эти часто совещались: уходить или оставаться. Прислушивались к шуму верхушек деревьев. Но старик умолял их задержаться — они его кормили и за него работали. Так возникла в наших краях оспа. Она обходит (не затрагивает) сосновые леса, так как купеческая дочь была повешена на сосне.

Об оспе

Когда-то различали черную оспу и красную. Был один *случай* на Индигирке. С оспой боролся большой шаман, победил ее, но сам умер. Говорят, что оспа — это красивая девушка. Однажды на востоке от Индигирки один шаман узнал, что пришла оспа, и отправил своего соседа в город Зашиверск. Сосед пошел. Его встретила оспа и сделала ему пометку на лбу. Так шаман узнал, что болезнь еще не вышла из города. Тогда он сделал из гнилого дерева подобие быка (чурумчу). Своим соседям он сказал, чтобы быка привязали веревкой и, как слышат мычание, разрезали эту веревку, а сам вышел и пропал. Друг его, когда услышал мычание, разрезал веревку и убежал. В доме стали прислушиваться. Слышат борьбу быков то на земле, то на юрте. Наконец, стало тихо. Шаман заходит и говорит: «мы подружились. Пойдем вместе с оспой».

Когда оспа однажды проснулась, смотрит — шамана нет. После этого она решила, что кочевое население не найдешь. Пошла в город и съела всех людей.

Оспа погубила хоролоров

У хоролорского тойона был друг верхоянский якут, он каждый год ездил к нему, привозил конский волос, смолу (ыас) и материю. Ему за это давали песцовые шкуры. Однажды он попросил у тойона его доху из горностая. Тот не дал. Уговаривал его приезжий двое суток. Наконец, обиделся, уехал, но решил взять эту доху любыми средствами.

На его родине как раз появилась оспа, но он не заболел. На следующий год едет к хоролорам и берет с собой серебряные украшения с умершей от оспы девушки.

Привез он это в ящике. Говорят, когда открыли, увидели, что украшения покрыты инеем. Якут говорит: «Привез это дочери твоей, за это платы не беру». Девушка надевает. Через несколько суток поднимается оспа и начинает косить хоролоров, остается только тойон с одним мальчиком. Кожа у тойона слезала три раза. Выздоровев, тойон стал выходить и звать духа оспы. Тогда выходит русская женщина и говорит: «Я думала тебя живым оставить, но сильно кричишь, сейчас возьму твою душу». Тойон схватил ее за волосы, пригнул около мальчика и говорит: Юна вся железная. Достань мой кылыс и коли ее между ног». Но мальчик этого не сделал. За ночь он трижды так просил мальчика, а под утро женщина его самого посадила на кэхэ (узорчатую перегородку) между нар (бас). Оспа потом отнесла и бросила мальчика в сугроб около какой-то усть-янской семьи. Он не умер. Хоролоры — якуты.

Татаринцев Христофор Константинович, 87 лет. Барулахский наслег Верхоленского района, 1953 г.

Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974, с. 281. В сборнике опубликованы легенды об оспе в Верхоянске и Зашиверске. Ниже следует текст этих легенд.

Маркова. Пос. Батайей-Алыта, Сакырыспого района, 1953 г.

Социальная организация и культура народов Севера, с. 362.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необычайную судьбу испытал Зашиверск, старинный русский город-острог, построенный русскими пионерами Севера на далекой сибирской реке Индигирке в XVII столетии, когда они вышли из Якутска еще дальше, в глубь северных пространств, к Студеному морю. Подведем итог всему сказанному нами выше. Известно, что зашиверскнй острожек

на первых своих порах пережил время столкновений с «немирными иноземцами», «Чанжей со товарищи», отстаивающих прежнюю свою свободу. О подобных столкновениях напомнили Ф. Матюшкину рассказы якутов о «побоище» на местности «Аллерсюут». «На сем месте отряд русских, — пишет Матюшкнн, — был перерезан тунгусами, и здесь находится чрезвычайно вы-

сокий пирамидальный камень, на который взбирались тунгусы, чтобы смотреть дым огней русских» {Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. М., 1948, с. 372). Но тому же Матюшкину столетний старец-якут при переезде через Яну рассказал, что «племена якутские и тунгусские, бывшие между собою почти в беспрестанной вражде и ссоре, помирились, но не могли вооружиться против русских. Огнестрельное оружие нас пугало — мы думали, что они абасы (черти), посланные богом для наказания нашего» (Врангель Ф. П. Путешествие ..., с. 371). Якуты сразу же встали на сторону русских служилых людей и были их верными союзниками.

Спустя несколько десятков лет после постройки острога опустела аманатская башня. Зашиверск стал местом ярмарок, где мирно встречались кочевавшие в лесотундре и тундре племена, чтобы торговать друг с другом и с русскими купцами. Через этот город шли отряды и

экспедиции ученых для дальнейших открытий на севере Азии. Отсюда распространялась переловая русская культура. Своеобразным свидетельством синтеза аборигенной культуры, созданной теми, кто впервые осваивал тайгу и тундру, с новой, русской культурой служат найденные при археологических раскопках предметы: с одной стороны, шахматная фигурка, голубые стеклянные бусы, заменившие в уборах юкагирских и ламутских женщин прежние украшения из камня, кости и перламутровых бус, с другой — каменные скребки для шкур, костяные наконечники стрел, предметы собачьей упряжи (русские скоро научились не хуже сибиряков быстро гонять по лесотундре на собаках и оленьих санках).

Старый острог на недолгое время был поднят правительственным указом до уровня города. А затем начался его упадок, его агония, длившаяся всю первую половину XIX в. На рисунке Ф. Матюшкина, датированном 20 ноября 1820 г., видны только два прясла острожной стены, примыкающие к проезжей башне-колокольне. Остальная стена уже была в его время разобрана и уничтожена. Видна еще только одинокая башня в левом углу рисунка, должно быть, та самая, где сидели некогда аманаты и рисовали по примеру предков на ее стенах свои «петроглифы», вырезали фигуры милых их сердцу оленей и собак.

Страшная гостья, о которой так образно рассказывают легенды, она окончательно «доконала» Зашиверск, уничтожила жалкие его остатки.

Но чудом уцелела старая деревянная церковь, срубленная к 1700 г. местным плотником, однофамильцы, родичи и потомки которого Хабаровы и до сих пор живут на Индигирке. Благодаря этому историки древнерусского искусства располагают действительно уникальными возможностями для восстановления того, что, казалось бы, навеки ушло в прошлое. Речь идет об архитектурном облике старых, рубленых из дерева сибирских острогов и городов XVII — начала XVIII в., который может быть восстановлен в основном лишь на основе письменных документов, старых гравюр и археологических раскопок. Такие древние города, как Мангазея, папример, полностью исчезли с лица земли.

В Зашиверске же, почти ровеснике Мангазеи, даже до наших дней сохранилась церковь

как один из крупных и наиболее значительных архитектурных памятников того времени. Его оберегали предания об оспе, страх перед зачумленным мертвым городом и, разумеется, святость этого места. Никто не мог поднять руку ни на церковь, ни на колокольню. Ни русский случайный пришелец, ни юкагир или ламут, один из тех, кто приносил русскому грозному Спасу в дар медные монеты, по-шамански засовывая их в щели колокольни, клал на алтарь шкурки соболей.

Сказался на уникальной сохранности деревянного здания Зашиверской церкви, несомненно, и суровый арктический климат, где большую часть года властвует холод, где затруднена уничтожающая деятельность жуков-древоточцев и бактерий. Полностью сохранилась конструкция церкви с ее основным помещением — собственно церковью, алтарем и той частью, где шла мирская жизнь городской общины, — трапезной.

В связи с этим интересны и некоторые специфические особенности устройства церкви, обусловленные суровым климатом. Строитель ее остроумно и мудро учел требования климата: он позаботился не только о тепле, но и о том, чтобы над вечной мерзлотой была «подушка», надежно сохраняющая холод, а вместе с ним и устойчивость всего сооружения от протавивания и соответственной деформации деревянных срубов. Внешнего вида заброшенной церкви вообще не коснулись характерные для XIX в. стремления церковников к перестройке старинных церквей, желавших в соответствии с новыми эстетическими представлениями придать им «благолепие». Уцелела уникальная, хотя и ветхая, но первозданная тесовая крыша с ее стрелами-водотоками. Устоял в прежнем виде, как и 250 лет тому назад, высокий шатер, целы бочка над алтарем и главки, обшитые лемехом.

Археологические раскопки помогли восстановить план укрепления острога, выявить расположение его стен и башен. Тем самым были получены ценные данные для истории крепостного, оборонного зодчества старой Сибири, которые могут пригодиться и при исследовании такого зодчества на ранних этапах его развития вообще в России.

На основе же письменных источников, легенд и преданий, а также археологических материалов удалось бросить взгляд и на внутреннюю жизнь города, на образ жизни, обществен-

ЕЫЙ строи, занятия и даже на мировоззрение обитавших в нем и его округе людей, на первобытное шаманство, так причудливо сочетавшееся с православием. Как показали исследования древнего Зашиверска, его главный архитектурный элемент, центральное здание бывшего острога — Спасская церковь является родной сестрой искони русских шатровых храмов, возводившихся народными мастерами в XVI—XVII вв. и начале XVIII в. по всей территории Русского государства.

Идею этих храмов они принесли с собой в Сибирь, донесли ее до Лены и Индигирки.

В ней, в Зашиверской Спасской церкви воплощены глубокие национальные архитектурно-строительные традиции, уходящие к истокам деревянного зодчества Московской Руси.

И не случайно нам вспоминались на широкой поляне, где пышно цветет летом «иван-чай», узорные шатры Василия Блаженного на Красной площади.

Таковы итоги исследований древнего Зашиверска и его удивительной церкви, подлинной жемчужины древнерусской народной архитектуры рубежа двух веков, двух этапов русской истории — допетровской и петровской Руси.

ЛЕТОПИСЬ ЗАШИВЕРСКА И ЕГО ОКРУГИ

1632

ЗАЛОЖЕН ЯКУТСКИЙ ОСТРОГ

1636

ОТРЯД КАЗАКА ИВАНА РЕБРОВА ОТКРЫЛ р. ИНДИГИРКУ

1639

ОТРЯД ИВАНА ПОСТНИКА ПОСТРОИЛ ЗАШИВЕРСКОЕ ЗИМОВЬЕ.
ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ УПЛАТЕ ЯСАКА
ИНДИГИРСКИМИ ЮКАГИРАМИ И ЭВЕНАМИ (ЛАМУТАМИ)

1666-1668

ВОССТАНИЕ ЮКАГИРОВ И ЭВЕНОВ (ЛАМУТОВ),
НАПАДЕНИЕ ИХ НА ЗАШИВЕРСК

1679

ОСАДА ЮКАГИРАМИ И ЭВЕНАМИ ЗАШИВЕРСКА

1700

ПОСТРОЕНА АНДРЕЕМ ХАБАРОВЫМ СПАСО-ЗАШИВЕРСКАЯ ЦЕРКОВЬ

1735

НАЗНАЧЕН СВЯЩЕННИКОМ СПАСО-ЗАШИВЕРСКОЙ ЦЕРКВИ
АЛЕКСЕЙ СЛЕПЦОВ

1783

ВКЛЮЧЕНИЕ ЗАШИВЕРСКА В СПИСОК ШТАТНЫХ ГОРОДОВ
ИРКУТСКОГО НАМЕСТИЧЕСТВА.
УЧРЕЖДЕНИЕ В ЗАШИВЕРСКЕ УЕЗДНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

1787

ПОСЕЩЕНИЕ ЗАШИВЕРСКА УЧАСТНИКАМИ ЧУКОТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
И. БИЛЛИНГСОН, Г. САРЫЧЕВЫМ, Л. ВОРОНИНЫМ И ДР.

ЛЕТОПИСЬ ЗАШИВЕРСКА И ЕГО ОКРУГИ

1793

ПЕРВЫЕ ВЫБОРЫ В СОСТАВ ГОРОДСКОЙ РАТУШИ ЗАШИВЕРСКА

1803

ИСКЛЮЧЕНИЕ ЗАШИВЕРСКА ИЗ СПИСКА ШТАТНЫХ ГОРОДОВ СИБИРИ

1804

ПОЛУЧЕНИЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ
О ЛИКВИДАЦИИ УЕЗДНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ЗАШИВЕРСКЕ

1820

ПОСЕЩЕНИЕ ЗАШИВЕРСКА ЭКСПЕДИЦИЕЙ
Ф.П.ВРАНГЕЛЯ И Ф.Ф.МАТЮШКИНА
(НА ОБРАТНОМ ПУТИ ПРОЕХАЛИ ЗАШИВЕРСК В 1824 Г.)

1853

ЗАКРЫТИЕ СПАСО-ЗАШИВЕРСКОЙ ЦЕРКВИ
И ПЕРЕВОЗКА ЕЕ ИМУЩЕСТВА В м. КРЕСТ-МАЙОР

1883

ПОСЛЕДНЯЯ ЭПИДЕМИЯ ОСПЫ В ЗАШИВЕРСКЕ

1930

ПОСЕЩЕНИЕ ЗАШИВЕРСКА ЭКСПЕДИЦИЕЙ НАРКОМВОДА,
ВСТРЕЧИ УЧАСТНИКОВ ЭКСПЕДИЦИИ С ПОСЛЕДНИМИ ЕГО ЖИТЕЛЯМИ

1969

В ЗАШИВЕРСКЕ РАБОТАЛА ЭКСПЕДИЦИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АН СССР
ПОД РУКОВОДСТВОМ АКАДЕМИКА А. П. ОКЛАДНИКОВА

1971

РАЗБОРКА ЗАШИВЕРСКОЙ ЦЕРКВИ ЭКСПЕДИЦИЕЙ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ СО АН СССР

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

5

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ГОРОД ЗАШИВЕРСК - ФОРПОСТ ОСВОЕНИЯ ИНДИГИРСКОЙ ЗЕМЛИЦЫ

29

ГЛАВА ВТОРАЯ

СПАССКАЯ ЦЕРКОВЬ ЗАШИВЕРСКА - УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК ДРЕВНЕРУССКОГО ЗОДЧЕСТВА

77

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИСТОРИЯ ГОРОДА ЗАШИВЕРСКА В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ

131

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЗАШИВЕРСК И ЕГО СУДЬБЫ В ЗАПОЛЯРНОМ ФОЛЬКЛОРЕ

189

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

205

ЛЕТОПИСЬ ЗАШИВЕРСКА И ЕГО ОКРУГИ

208